

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

LENINGRAD LEGAL JOURNAL

№ 2 (80)
2025

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ISSN 1813-6230

Свидетельство о регистрации СМИ:
ПИ № ФС77-69774 от 18.05.2017
Журнал издается с 2004 года
Периодичность: ежеквартально

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Учредитель, издатель:
Ленинградский государственный
университет имени А. С. Пушкина

Главный редактор

М. В. Рыбкина, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Заместитель главного редактора

Р. А. Ромашов, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Ответственный секретарь

О. В. Виноградов, кандидат юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)

Члены редакционной коллегии

Н. В. Бугель, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

М. Ю. Павлик, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

В. Г. Павлов, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

К. В. Черкасов, доктор юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)

С. А. Роганов, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Е. В. Силина, доктор юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)

О. Э. Старовойтова, доктор юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)

И. С. Кокорин, кандидат юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)

Редакционный совет

Н. А. Васильчикова, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

С. Б. Глушаченко, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

А. В. Егоров, доктор юридических наук, доцент (Витебск, Республика Беларусь)

А. С. Емельянов, доктор юридических наук, доцент (Москва, Россия)

В. П. Очередыко, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

В. Ф. Попондопуло, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

В. М. Сырых, доктор юридических наук, профессор (Москва, Россия)

Ю. Б. Шубников, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

LENINGRAD LEGAL JOURNAL

ISSN 1813-6230

The certificate of the mass media
registration TM No 0077-69774
of 18.05.2017
The journal is issued since 2004
Quarterly, 4 issues per year

The journal is included into the List of reviewed
academic journals and periodicals recommended
for publishing in corresponding series basic
research thesis results for a PhD Candidate
or Doctorate Degree

Founder, publisher:
Pushkin Leningrad State University

Chief editor

M. V. Rybkina, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

Deputy Chief editor

R. A. Romashov, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

Executive editor

O. V. Vinogradov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor (Saint Petersburg, Russia)

Editorial Board

N. V. Bugel', Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

M. Yu. Pavlik, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

V. G. Pavlov, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

K. V. Cherkasov, Dr. Sci. (Law), Associate Professor (Saint Petersburg, Russia)

S. A. Roganov, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

E. V. Silina, Dr. Sci. (Law), Associate Professor (Saint Petersburg, Russia)

O. E. Starovoitova, Dr. Sci. (Law), Associate Professor (Saint Petersburg, Russia)

I. S. Kokorin, Cand. Sci. (Law), Associate Professor (Saint Petersburg, Russia)

Editorial Council

N. A. Vasil'chikova, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

S. B. Glushachenko, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

A. V. Egorov, Dr. Sci. (Law), Associate Professor (Vitebsk, Republic of Belarus)

A. S. Emelyanov, Dr. Sci. (Law), Associate Professor (Moscow, Russia)

V. P. Ochered'ko, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

V. F. Popondopulo, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

V. M. Syrykh, Dr. Sci. (Law), Professor (Moscow, Russia)

Yu. B. Shubnikov, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

С. В. Архипов Реалистическая феноменология гарантийного государства Н. Н. Алексеева	8
А. Ю. Глушаков Проблемы реализации принципа социальной справедливости в конституционной модели социального государства механизма правового регулирования Российской Федерации	30
Н. Г. Дашкевич Особенности государственно-правовой системы СССР в начальный период Великой Отечественной войны	46
С. Б. Глушаченко, В. В. Демиденко Перспективные научные подходы к изучению мобилизационной подготовки в Российской Федерации	62
К. В. Петров К исследованию правового содержания понятия «реформа»	78
Р. А. Ромашов, Д. А. Ерофеев Нормативное регулирование и структурное построение системы охраны северных рубежей Советского государства в межвоенный период (1918–1941)	91
Л. Ю. Свистунова, Е. П. Алемасцева, Л. С. Сафонова К вопросу о причинах и условиях экономической преступности в современной России	112
С. В. Стрельников О формах систематизации исторических памятников права	128

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

В. В. Мамонов «Суверенитет»: трансформация понятия в условиях поиска национальной идентичности	143
А.-М. М. Маркова Теоретико-методологический потенциал стратегического аудита в реализации национальных приоритетов Российской Федерации	158
М. А. Юркова, Е. А. Иванова Особенности регистрация бизнеса в особых экономических зонах	186

ЧАСТНОПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Е. Н. Абрамова Абсолютно-правовые теории права на цифровые объекты	204
Э. Г. Дадашова Споры о праве на наследство: доказательства и способы доказывания	220
О. С. Лабабуева Место цифрового рубля в системе объектов гражданского права	235
Е. А. Нахова Проблемы реализации норм о судебных актах в гражданском процессе: теоретико-прикладные аспекты	252
Е. А. Нахова, Е. В. Силина К вопросу о направлениях совершенствования системы пересмотра судебных актов и оснований для их отмены, связанных с требованием обоснованности	266
В. Г. Павлов, Д. В. Аксенов, Р. А. Ромашов Проблемы установления объективных признаков незаконного предпринимательства	283
М. В. Рыбкина Договор займа между физическими лицами: проблемы теории и практики	304

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

М. Ю. Павлик, Е. М. Павлик Предупреждение насильственной преступности на современном этапе	330
С. А. Роганов Предъявление для опознания: вопросы совершенствования уголовно-процессуальной регламентации	348
Г. Ю. Сокольский Проблемы совершенствования уголовного законодательства в сфере сильнодействующих веществ, применяемых в спорте	362
Н. А. Шухалов Роль личности виновного в ДТП при назначении наказания. Проблемы объективности и справедливости	377

CONTENTS

THEORETICAL-HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Sergei V. Arkhipov Realistic Phenomenology of the Guaranteeing State by N. N. Alekseev	8
Alexey Yu. Glushakov Problems of Implementation of the Principle of Social Justice in the Constitutional Model of the Social State of the Mechanism of Legal Regulation of the Russian Federation	30
Nikita G. Dashkevich Features of the State Legal System of the USSR in the Initial Period of the Great Patriotic War	46
Sergey B. Glushachenko, Vladimir V. Demidenko Promising Scientific Approaches to the Study of Mobilization Training in the Russian Federation	62
Konstantin V. Petrov Towards the Study of the Legal Content of the Concept of "Reform"	78
Roman A. Romashov, Denis A. Erofeev Organizational and Legal Aspects of the Soviet Border Guard Functioning in the Arctic Region (1918–1941)	91
Lyudmila Yu. Svistunova, Ekaterina P. Alemastseva, Ludmila S. Safonova On the Issue of the Causes and Conditions of Economic Crime in Modern Russia	112
Sergey V. Strelnikov On the Forms of Systematization of Historical Monuments of Law	128

PUBLIC LAW SCIENCES

Vadim V. Mamonov "Sovereignty": the Transformation of the Concept in the Context of the Search for National Identity	143
Anna-Maria M. Markova Theoretical and Methodological Potential of Strategic Audit in the Implementation of National Priorities of the Russian Federation	158
Marina A. Yurkova, Ekaterina A. Ivanova Features of Business Registration in Special Economic Zones	186

PRIVATE (CIVIL) LAW SCIENCES

Elena N. Abramova Absolute Legal Theories of the Right to Digital Objects	204
Estelita G. Dadashova Disputes Over Inheritance Rights: Evidence and Methods of Proof	220
Olga S. Lababueva The Place of the Digital Ruble in the System of Civil Law Objects	235
Elena A. Nakhova Problems of the Implementation of the Norms on Judicial Acts in Civil Proceedings: Theoretical and Applied Aspects	252
Elena A. Nakhova, Elena V. Silina On the Issue of Ways to Improve the System of Reviewing Judicial Acts and the Grounds for Their Cancellation Related to the Requirement of Validity	266
Vladimir G. Pavlov, Dmitry V. Aksenov, Roman A. Romashov The Problems of Stablishing Objective Signs of Illegal Entrepreneurship	283
Marina V. Rybkina Loan Agreement Between Individuals: Problems of Theory and Practice	304

CRIMINAL LAW SCIENCES

Mikhail Yu. Pavlik, Elizaveta M. Pavlik Prevention of Violent Crime at the Present Stage	330
Sergey A. Roganov Presentation for Identification: Issues of Improving Criminal Procedure Regulation	348
George Yu. Sokolsky Problems of Improving Criminal Legislation in the Field of Potent Substances Used in Sports	362
Nikita A. Shukhalov The Significance of Offender Characteristics in Road Traffic Accident Sentencing: Exploring Objectivity and Justice Concerns	377

Реалистическая феноменология гарантийного государства Н. Н. Алексеева

С. В. Архипов

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Актуальность в представленной статье темы обусловлена необходимостью переосмысления феномена государства как правовой формы социального объединения на началах истины – правды, выступающей фактором развития личности. Проводится анализ взглядов Н. Н. Алексеева на государственно-правовую действительность с позиций реалистической феноменологии. Результаты исследования позволяют сделать вывод, что Н. Н. Алексеев выступает в отечественном правоведении как основоположник отдельного научного направления – реалистической феноменологии государства и права.

Ключевые слова: евразийство, феноменология права, гарантийное государство, истина, правообязанность.

Для цитирования: Архипов С. В. Реалистическая феноменология гарантийного государства Н. Н. Алексеева // Ленинградский юридический журнал. – 2025. – № 2 (80). – С. 8–29. DOI: 10.35231/18136230_2025_2_8. EDN: WUOFGX

Original article
UDC 340
EDN: WUOFGX
DOI: 10.35231/18136230_2025_2_8

Realistic Phenomenology of the Guaranteeing State by N. N. Alekseev

Sergei V. Arkhipov

Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

The relevance of the presented article is due to the need to rethink the phenomenon of the state as a legal form of social association based on the principles of truth, which is a factor in the development of personality. The article analyzes N. N. Alekseev's views on state-legal reality from the standpoint of realistic phenomenology. The conducted research allows the author to conclude that N. N. Alekseev acts in Russian jurisprudence as the founder of a separate scientific field – the realistic phenomenology of the state and law.

Key words: Eurasianism, the phenomenology of law, the guaranteeing state, truth, legal obligation.

For citation: Arkhipov, S. V. (2025) Realisticheskaya fenomenologiya garantiinogo gosudarstva N. N. Alekseeva [Realistic Phenomenology of the Guaranteeing State by N. N. Alekseev]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 2 (80). Pp. 8–29. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2025_2_8. EDN: WUOFGX

Введение

Стремление выдающегося русского правоведа Н. Н. Алексеева (1879–1964) создать концепцию, органически соединяющую правовое и государственное начала в единый духовно-социальный феномен, далеко не всеми исследователями научного творчества учёного оценено по достоинству. Гораздо чаще можно встретить описание права и государства Н. Н. Алексеева как две полностью самостоятельные законченные концепции. Такая интерпретация единого учения обусловлена тем, что сам Н. Н. Алексеев представил феноменологию права и теорию гарантийного государства в отдельных работах, зачастую детально не анализируя взаимосвязь истины права и возникающего на основе этой истины гарантийного государства. Как представляется, такая взаимосвязь прослеживается через единство методологического подхода, используемого русским учёным. Однако, если для права Н. Н. Алексеев подробно разбирает свой методологический подход в работе «Основы философии права», в теории государства эта часть отсутствует, хотя и подразумевается. Описание методологии государства в ранней работе учёного «Очерки по общей теории государства» в основном основывается на критике существующих подходов. Вывод учёного сводится к необходимости формирования плюралистического метода, описывающего различные аспекты государственности [2, с. 21]. Но это еще не сам феноменологический метод, который будет разработан Н. Н. Алексеевым уже в эмиграции.

Задачей настоящего исследования является попытка реконструировать методологическую взаимосвязь права и государства в концепции Н. Н. Алексеева, определить основные положения идеи гарантийного государства как альтернативного проекта концепции правового государства.

Евразийские истоки концепции государства Н. Н. Алексеева

В своих работах о государстве Н. Н. Алексеев не делает акцент на методологии исследования, переходя непосредственно к выводам о государственно-правовой действительности. По-видимому, это связано с тем обстоятельством, что в работах о государстве он выступает как парламентарий евразийского движения в целом, основные положения которых разделялись представителями старшего поколения евразийства (П. Н. Савицким, Н. С. Трубецким, Г. В. Флоровским, Л. П. Карсавиным, П. П. Сувчинским и др.) В то же время за скобками своего исследования ученый оставил оригинальную методологию – реалистическую феноменологию, признаваемую не всеми евразийцами.

По мнению политолога А. Дугина, наиболее значимыми фигурами евразийского движения можно назвать «культурно-политико-правовой триумвират: Трубецкой – Савицкий – Алексеев» [10, с. 5]. Однако размытость содержания евразийского проекта, его доктринальная неоформленность привели к тому, что в конце 30-х гг. XX в. в этом движении русских эмигрантских кругов присутствовали представители самых разных идейных направлений, начиная от мыслителей, положительно воспринимающих Советское государство, и заканчивая сторонниками нацистской идеологии. Все это закономерно приводит к окончанию евразийского движения в среде русских эмигрантов. Под евразийством начинает пониматься культурный проект 20–30-х гг. самого широкого содержания.

Создавая теорию государства, Н. Н. Алексеев пытался выразить общий для ранних евразийцев проект государства, идея формирования которого определила бы контуры евразийского движения. Цель не была достигнута в силу названных выше причин: отсутствие идейного

единства между представителями разных поколений евразийских мыслителей.

Однако основные концепции евразийских мыслителей не были забыты, они нашли свое выражение в творчестве Н. Н. Алексеева. Так, идеи Н. С. Трубецкого о самобытности евразийско-русской культуры, а исторические события в России XX в., понимаемые им как стихийный протест национальной культуры против западного построения общества [18, с. 313–315], находят своё продолжение в размышлениях Н. Н. Алексеева. Для Алексеева русская революция и антирелигиозная политика Советского государства есть не что иное, как болезнь русского общества. Учение о классовой борьбе и классовом угнетении разрушительно для общества, его институтов, социальных ценностей [3, с. 283]. Как пишет Н. Н. Алексеев, только новая общественная идеология способна исцелить Россию, «когда те, которые играют в комсомол, отряхнут с ног своих последний коммунистический прах и заживут верою в новую правду... когда русский организм найдёт в себе живые силы для исцеления» [3, с. 290]. В этом случае не старые формы политической организации общества должны прийти на смену советскому строю, но новое государство как производное новой идеологии и общественных идеалов. «Надлежит за точку отправления взять не западную демократию, и не самодержавие, и не прошлые тени дуалистической монархии, – подчёркивает Н. Н. Алексеев, – за точку отправления нужно взять современный русский государственный организм, тщательно изучить, посмотреть, что в нём действительно никуда негодно и в чём чувствуется дыхание жизни» [3, с. 290].

Для Н. Н. Алексеева властвование как наиболее значимое проявление государственности, имеет не только рациональную, но и иррациональную природу. Поэтому «отправной точкой», о которой пишет Н. Н. Алексеев, явля-

ется иррациональное проявление властвования государственного начала. Как отмечает Н. Н. Алексеев, «властные отношения по природе своей всегда иррациональны, в них присутствует элемент гипнотический, им не чужды состояния магической очарованности, особого обаяния, поклонения и восторга» [3, с. 377]. Задолго до русского мыслителя к этому выводу пришёл такой последовательный рационалист, как Томас Гоббс. В теории Т. Гоббса государство предстает, с одной стороны, библейским чудовищем – Левиафаном, мистически довлеющим над человеком, с другой стороны, общественным человеком – единым социальным организмом. Подобно тому, как законы у Гоббса разделяются на естественные (гражданские) и государственные, государство для английского философа имеет две иррациональные составляющие: деспотическую, представленную образом Левиафана, и солидаристскую, объединяющие людей в метафорического общественного человека [9, с. 144–162].

Создавая проект евразийского государства, Н. Н. Алексеев опирался на единую для всех евразийцев идею органистической природы государственного начала. Государство, по Н. Н. Алексееву, имеет дело с личностями как выразителями духовного целого народа, а не с атомарными учредителями общественного договора [10, с. 18]. Через осмысление иррационального духовного единства общества происходит, по мысли Н. Н. Алексеева, формирование в общественном сознании идеи государства, которое правовед называет гарантийным. Однако для Алексеева такое единство основано на переживании (признании) социальных ценностей, внешне выраженное в осознании своих правообязанностей субъектами права. Наличие такой структуры в общественном сознании и социальной действительности Н. Н. Алексеев отождествляет с правом.

Под универсальными общественными ценностями учёный понимает такой «род "идеальных объектов", между которыми наблюдаются особые научно-познаваемые отношения и связи, особый, независимый от опыта априорный порядок» [1, с. 96]. Недостаточность такого определения природы ценностей понимается и самим правоведом. Но для Н. Н. Алексеева ценности и не могут быть полностью определены рационально. «Истинное обоснование ценностей, – пишет Н. Н. Алексеев, – может дать только то метафизическое и религиозное мирозерцание, которое примирит между собой имманентизм и трансцендентализм» [1, с. 107].

Согласно Н. Н. Алексееву, внутреннее признание субъектами права ценностей порождает в сознании индивидов рациональные определения права, основным из которых является определение *правообязанности*. Правовед в большей степени делает акцент на обязанности индивида к социальному целому, чем на праве. Можно сказать, что указание на права индивидов – в определённой мере уступка учёного традиционному восприятию феномена права. Характеризуя западные государства, Алексеев пишет, что идейно эти государства построены на абсолютизации прав индивида, что, с позиций учёного, является тупиковой линией общественного развития. «Люди договариваются о власти, – пишет он, – учреждают государство, как торговую компанию... Условие не соблюдено, компания прекращается... люди осуществляют свое "право на восстание" Так – в государственной жизни» [3, с. 161–162]. В частной жизни абсолютизация прав индивида сводится к принципу: «каждый владеет своим и не трогает чужого». Другой может умереть от голода, но не может посягать на право собственности, на права иных собственников-потребителей благ [3, с. 162]. Социально-правовые обязанности в частной

жизни, за исключением одной, являются *условными* обязанностями, т. е. основаны на свободном добровольном соглашении. Если же соглашения нет, то в правовом отношении никто никому ничем не обязан. Безусловная обязанность, по мысли Н. Н. Алексеева, только одна: «не посягай на чужое». Иными словами, содержание единственной безусловной обязанности носит чисто отрицательный характер, не имеет положительной цели для общества [3, с. 162]. Такая единственная безусловная обязанность не способна в общественном сознании уравновесить индивидуальные права. По этой причине, как справедливо указывает Н. Н. Алексеев, «западная жизнь породила великий собственнический эгоизм среднего обывателя, вытекающее из культа собственности вещепоклонство, формализм в представлениях о своих обязанностях, интересующийся только "внешней правдой" человеческих отношений, а не "правдой внутренней", не их нравственным содержанием» [3, с. 162].

Евразийский подход к обществу и государственно-правовой реальности основывался на восприятии личности, находящейся в органическом единстве с социальным целым. Так, один из лидеров раннего евразийства П. Н. Савицкий противопоставлял старое атомистическое мирозерцание новому понятию личности «как живого и органического единства многообразия...» [15, с. 21]. «Личность, – писал мыслитель, – такое единство множества (ее состояний, проявлений и т. д.), что её единство и множество отдельно друг от друга и вне друг друга не существуют» [15, с. 21]. В основе такого понимания личности можно увидеть идею соборности в размышлениях славянофилов, идею богочеловечества В. С. Соловьева, применительно к построению национального государства. Неслучайно славянофилов часто называют предшественниками евразийского движения. П. Н. Савицкий вводит

понятие «симфоническая личность», отличное от понятия индивидуальной личности. Согласно П. Н. Савицкому, «симфоническая личность не пространство и среда, содержащие в себе, как вода рыб, индивидуальные личности, но сами они в их единстве» [15, с. 21–22]. Для Савицкого учение о личности выступает первейшей предпосылкой понимания евразийской идеологии [15, с. 22].

Разделяя в целом подобный подход, Н. Н. Алексеев указывает на необходимость «отрешиться от славянофильского взгляда на право, как только на внешнюю правду». «Право, – пишет учёный, – есть та область духовно-нравственной жизни человека, которая имеет дело с тем, что человек "свободно может" и к чему он насильственно не принужден... "Внутренней правде" далеко не всегда подобает остаться без внешнего обнаружения – обычной же формой этого последнего является торжественный акт провозглашения государственной воли в виде государственного закона» [3, с. 604–605]. Таким образом, право представляет собой признание универсальных общественных ценностей, выраженное в осознании безусловных обязанностей личности по отношению к целому – государству и обществу. Обязанности (правообязанности) индивидуальной личности направлены на сохранение и развитие социального целого как государственно-объединяющее единство множества личностей, или, в терминологии П. Н. Савицкого, симфонической личности как органического единства государственной формы политического объединения и нравственно-правовых личностей конкретной нации.

Однако такая взаимосвязь права, как «внутренней правды» и гарантийного государства, где под гарантиями понимается возможность внешнего воплощения внутренней правды, должна быть обоснована методологически. Иными словами, должна быть предложена такая

методология исследования государства и права, которая позволяет рассматривать эти два феномена как единую государственно-правовую систему, логически (как понятие) и онтологически (как явление) обосновывающую единство государственного и правового начал. Такая методология была разработана Н. Н. Алексеевым в рамках феноменологической философии.

Феноменологический метод познания государственно-правовой системы

Принято считать, что современная теория государства и права пытается осмыслить государственно-правовые явления с позиций наивысшего уровня научной абстракции. В этом видится одно из основных отличий предмета познания этой науки от иных юридических наук. На деле в большинстве случаев научная теория не достигает заявленного уровня, последовательно исследуя отдельные элементы (или подэлементы) государственно-правовой системы – государство, типологию правопонимания, позитивное право, гражданское общество, правосознание и правовую культуру. Более высокий уровень научной абстракции – государственно-правовая система как социокультурное целое – не является центром предмета указанной науки. Причина этого видится в тех методологических подходах, которых придерживается исследователь. В этом отношении основанная на феноменологической философии методология Н. Н. Алексеева выгодно отличается от иных попыток осмысления государственно-правовой реальности. Феноменологический подход позволяет исследовать как целое – государственно-правовую систему, так и отдельные элементы этого целого – государство и право. Это достигается путём сочетания в описании единой государственно-правовой системы рациональных и иррациональных элементов.

Полностью рациональное описание элементов системы неспособно привести к синтезу комплексного знания о личности, обществе, государстве и праве, поскольку человек по природе своей имманентен как социальный субъект и трансцендентен как духовная личность. «Эпоха науки, – писал Н. С. Трубецкой, – снова сменяется "эпохой веры" – не в смысле уничтожения науки, но в смысле признания бессилия и кощунственности попыток разрешить научными средствами основные, конечные проблемы существования» [18, с. 315].

Очевидно, что новый подход к структурированию научного знания возможен только в рамках неклассической (постнеклассической) науки, признающей невозможность эмпирического обоснования всех положений теории.

Возникшая в XX в. феноменологическая философия первоначально была заявлена её основоположником Эдмундом Гуссерлем как метод объективного познания, направленный на преодоление релятивизма и скептицизма в науке, обусловленных методологическими проблемами позитивизма. Возможность получения объективного знания обосновывалась путём признания, что сознание индивида способно конструировать феномены объективной реальности, в которых выражается наиболее существенная для человека часть реальности. Любой индивид, находящийся в мире феноменов своего сознания, способен постигать сущность вещей через усмотрение «чистого» феномена своего сознания. Для этого предполагалось освободиться от психологических привнесений в феномен индивида путём смены «естественной установки» восприятия мира как мира независимых от сознания объектов (что является только «кажимостью») к трансцендентальной установке восприятия всей действительности как действительности феноменов сознания индивида [7, с. 355–389].

В XX в. феноменологическая философия и методология сформировала три относительно самостоятельных направления. Первое направление – трансцендентальная феноменология – в философии развивалось самим Э. Гуссерлем. Характерная черта этого направления – утверждение, что вся доступная для познания и восприятия действительность это действительность феноменов собственного сознания индивидов. Относительная объективность содержания конструируемого сознанием феноменов позволяет субъектам взаимодействовать друг с другом в рамках «интерсубъективного» пространства, т. е. действительности, конструируемой множеством сознаний. Как пишет философ Я. А. Слинин, интерсубъективный мир существует пока существуют воспринимающие сознания: «для объектов интерсубъективного мира... справедлива максима: нет объекта без субъекта» [16, с. 66–67]. Отличия в восприятии явлений обусловлены не «чистыми» феноменами, а привнесениями индивидуальной психики. В юриспруденции это направление представлено концепцией сына основоположника феноменологии Г. Гуссерлем [17, с. 107–134].

Другое направление феноменологии – социальная феноменология – сформировалось во второй половине XX в. (А. Щютц, П. Бергер, Т. Лукман). Странники этого подхода предлагают характеризовать феноменологическую действительность с позиций «естественной установки». Все психологические привнесения понимаются как проявления внешней стороны сознания, а в рамках общества характеризуют общественное сознание и национальную культуру. Мир «светится» смыслом, который задаёт «естественная установка».

В отечественном правоведении это направление представлено коммуникативной теорией права А. В. Полякова [13, с. 7–170]. Своими работами в области феноменологии права Н. Н. Алексеев внёс существенный вклад в раз-

вите третьего направления феноменологии – реалистической феноменологии (Д. Гильдебранд, Э. Штайн, А. Пфендер, А. Райнах). Отличительная черта этого направления – описание действительности как сочетание реальности феноменов сознания индивида и объективной нефеноменологической реальности, не обусловленной сознанием индивида. Главная методологическая установка этого направления феноменологии: в мире в идеальной форме присутствуют вещи, не являющиеся результатом конструирования сознания. С других методологических позиций об этой реальности утверждали представители евразийского движения. Так, Г. В. Флоровский пишет, что «единственная реальность и права, и национальности в "переживании"; – не то, что они "отражаются" в сознании, а именно только как духовные или идеальные... entitates¹ и "суть"..."» [19, с. 129].

Для Н. Н. Алексеева такой реальностью является ценность. На онтологический характер ценностей указывал феноменолог Д. фон Гильдебранд [8, с. 709]. Именно обеспечение в государстве возможности реализации этих ценностей, представленных «положительными социальными принципами», позволяет Н. Н. Алексееву называть такое государство гарантийным. В отличие от западных государств, ориентированных на построение правового государства (в терминологии Алексеева – «доктринальное государство») на принципах «внешней правды», гарантийное государство устремлено к «правде внутренней», содержание которой определяется иррациональными ценностями, рассчитанное «на всеобщее признание со стороны людей весьма различных философских, научных и религиозных убеждений» [3, с. 373].

Австрийский философ и социолог К. Поппер предложил различать три теории истины: 1) теория соответствия:

¹ Entitates – сущности.

истина в смысле соответствия фактам, или действительности [14, с. 65, 292]; 2) теория внутренней согласованности, или когерентности: истинно то, что согласуется с остальной частью нашего знания; 3) истина определяется прагматической пригодностью или прагматической полезностью [14, с. 292]. Как представляется, рассуждения Н. Н. Алексеева о внутренней и внешней правде близки к восприятию истины в теориях, называемых К. Поппером. «Внутренняя правда» созвучна первой теории – истины, соответствующей действительности. Такая истина-правда выступает как нефеноменологическая реальность идеального объекта, природа которого не зависит от сознания индивидов. Как полностью рационально познаваемая действительность истина-правда воплощается в индивидуальном сознании через акт признания, конкретизирующийся в осознании обязанности индивида перед обществом и государством. При этом, как уже было сказано выше, интерпретация этих обязанностей зависит от «различных философских, научных и религиозных убеждений». Такой подход к построению государства допускает широкое идеологическое многообразие при условии интенции на истину-правду.

Другие два подхода к истине характерны для построения государства доктринального типа (правового государства). Концепции государства предполагают различие континентальной теории правового государства («*Rechtsstaat*») и англо-саксонской концепции господства права («*The Rule of Law*»). Как указывает И. Ю. Козлихин, для обеих концепций характерна идея «рационализации общественной жизни посредством разумного закона», дополненная идеей индивидуальных прав личности и ограниченного государства [12, с. 7]. Это и есть та «внешняя правда», о которой пишет Н. Н. Алексеев. Как представляется, «истина внутренней согласованности» в концепциях

правового государства представляет собой ориентацию на внешние признаки государственного и общественного устройства как условия формирования личности. К таким признакам относятся: признание индивидуальных прав и свобод, наличие конституции, реализация принципа разделения властей, независимость суда, развитое гражданское общество и т. п. Внешние признаки приобретают характер навязываемой идеологии. Как пишет Н. Н. Алексеев, «принуждение к такому исповеданию внешними, государственными средствами ведет всегда к чисто отрицательным результатам... создаёт мёртвую казённую идеологию, которую люди проповедуют из-под палки, в душе своей в неё не веря и её ненавидя» [3, с. 373].

Третья теория истины предполагает ориентацию на пользу, которая возникает при отстаивании государством своих интересов. В основе такого подхода лежит философия прагматизма (Ч. Пирс, У. Джеймс, Д. Дьюи). В этом случае истина как прагматическая польза противостоит истине-правде. Доктринальные государства (под которыми Алексеев понимает западные государства) выбрали истину-пользу. Этот выбор имеет религиозные причины, поскольку, как считает Н. Н. Алексеев, построение западных государств осуществляется по ветхозаветной модели [20, с. 334–335]. В этой связи примечательна точка зрения социолога А. А. Зиновьева, который писал в своей работе «Запад» (1996), что капитализм, понимаемый как открытый рынок и свободная конкуренция, и демократия не выражают сущность западных государств [1, с. 20]. Эти явления, по мнению А. А. Зиновьева, существуют пока у западных государств есть конкурентное преимущество. Как только оно будет утрачено, Запад откажется от свободного рынка и демократии.

Возможен ли при таких подходах «аксиологический компромисс» между западными и восточными идеала-

ми, как об этом пишет М. А. Гусарова, характеризуя концепцию Н. Н. Алексеева? [6, с. 100] Как представляется, сама концепция Н. Н. Алексеева не предполагает промежуточное состояние ценностей – невозможно ограничиться полуправдой при построении гарантийного государства. Стоит согласиться с позицией В. В. Багана: государственный проект Н. Н. Алексеева – последовательное антизападничество [5, с. 40].

Таким образом, методология реалистической феноменологии позволяет увидеть принципиальную разницу между гарантийным государством, ориентированным на внутреннюю правду объективной нефеноменологической реальности, и государством внешней правды, где общественное мнение определяет успешность социальной эволюции. С точки зрения Н. Н. Алексеева, внешняя правда общественного мнения должна быть производной от внутренней правды: «перевод» исповедания из сферы чисто личной, интимной и духовной в область» общественного признания» является «внешней правдой» или установленным, позитивным правом [3, с. 374] Такой внешней правдой видится проект православного государства Н. Н. Алексеева [4, с. 41–42]. Однако православное государство может существовать лишь тогда, когда оно опирается на «внутреннюю правду». И напротив, опора государственного и общественного устройства исключительно на общественное мнение создаёт идеологическое принуждение как условия для разрушения личности: «приучает людей лгать, вызывает массовое лицемерие, превращает людей в носителей каких-то масок и создаёт глубоко подпольную психологию...» [3, с. 373]

Декларация обязанностей государства

Поскольку сущность гарантийного государства определяется его связью с правом, выраженным через структуру

«ценности – субъект – правообязанности», то в государстве как форме объединения людей находят своё выражение ценности через декларируемые обязанности. Таким образом, все три элемента правовой структуры характеризуют гарантийное государство, где гарантии суть обязанности по выражению ценностей. Поскольку ценности относятся к иррациональному элементу структуры права, возможно ошибочное их выражение в политико-правовом устройстве общества. По мысли Н. Н. Алексеева, возможные изломы в общественном развитии будут носить временный характер, не отменяющий основной вектор развития, но лишь затрудняющий переход к гарантийному государству. К таким отклонениям Н. Н. Алексеев относил устройство Советского государства. В своей работе «На путях к будущей России» мыслитель при отрицательном в целом отношении к советскому строю находит и положительные стороны. Революционные изменения в Русском государстве Н. Н. Алексеев понимает как стихийные поиски социальной правды [3, с. 293–298] Ошибкой представителей русского общества, по мнению учёного, являлись поиски совершенного государства, создающего совершенного человека. Однако при любой государственной организации совершенствование личности – результат усилий самого человека, а не государства. «Самая совершенная политическая форма превратится в общественную клоаку, – пишет Н. Н. Алексеев, – когда граждане будут сплошными ворами, казнокрадами и насильниками» [3, с. 300] Сущность государства определяется теми процессами, которые проистекают в обществе. Эти процессы по поиску правды разворачиваются в основном в области идеологии. По мнению Н. Н. Алексеева, происходящий в России кризис (а советское государственное устройство Алексеев понимал как кризис) возможно преодолеть только тогда,

когда общество осознает, что неудачи «русской правды» проистекают из ошибочных принципов, а не из несовершенства их реализации.

Однако возврат к старому государственному устройству будет возвратом к старой неправде. Поэтому, по Н. Н. Алексееву, необходим поиск новых политических теорий, отличных от идей западной политической культуры [3, с. 301]. Государство должно быть союзом мира и правды. Общественный мир предполагает исключение идеологий, основанных на принципах антагонизма социальных групп. По этой причине для Н. Н. Алексеева неприемлемы классовый подход марксистов и идеи солидаризма [3, с. 305–306]. Государство есть выражение мира как состояния общества, основанного на согласии всех социальных сил, а не отдельного класса или социальной группы. Такое общественное согласие достигается через распространение общественных ценностей, идеалов, принципов устройства общества. Их универсализм способствует искоренению социальных противоречий, закономерно приводя к возникновению государства справедливости.

Для достижения этих целей гарантийное государство, по мнению Н. Н. Алексеева, должно осуществлять следующие обязанности:

- 1) создание максимально развитых материальных основ общества и системы распределения благ для удовлетворения основных потребностей граждан;
- 2) способствование развитию духовной культуры общества;
- 3) создание культурных и духовных благ как возможностей выбора форм самосовершенствования личности;
- 4) создание высшей культуры как синтетической формы, объединяющей национальные традиции населения евразийского культурного мира;

5) вовлечение в экономическое, политическое, социальное и культурное строительство возможно большего количества членов общества [3, с. 375].

Заключение

Подводя итог проведенному исследованию, можно констатировать следующее:

1. В рамках реалистической феноменологии феномен гарантийного государства конструируется индивидами intersubъективного мира, что предполагает обусловленность характеристик государственного и общественного устройства уровнем нравственно-духовного развития членов общества.

2. Нравственно-духовной основой гарантийного государства выступает правовая структура «ценности – субъект – правообязанности».

3. Сущностное отличие гарантийного государства от доктринального (правового) государства – ориентация на универсальную социальную ценность истины-правды.

4. Особенность природы ценности истины-правды в её независимости от воспринимающих субъектов, онтологически определяемая как нефеноменологическая реальность, рационально непосредственно непознаваемая.

5. Внешнее выражение (внешняя правда) признания ценности истины-правды на частном уровне выражается в осознании обязанностей (правообязанностей) индивидов перед государством и обществом.

6. Внешнее выражение (внешняя правда) признания ценности истины-правды на государственном уровне выражается в гарантиях развития личности на основе общественного признания внутренней правды (истины-правды), а также фактического идеологического многообразия культуры.

Список литературы

1. Алексеев Н. Н. Основы философии права. – СПб.: Юридический институт, 1998. – 216 с.
2. Алексеев Н. Н. Очерки по общей теории государства. – М.: Московское научное издательство, 1919. – 210 с.
3. Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. – М.: Аграф, 2000. – 640 с.
4. Баган В. В. Николай Николаевич Алексеев и концепция «православного правового государства» // Нацразвитие. Наука и образование. – 2023. – № 1 (13). – С. 38–43. EDN: KWWYQLG
5. Баган В. В. Теория православного государства в философии права Николая Николаевича Алексеева // Богословско-исторический сборник. – 2023. – № 3 (30). – С. 26–44. EDN: UHODEU
6. Гусарова М. А. Проблема интегративного подхода к пониманию права и государства в философско-правовом творчестве Н. Н. Алексеева // Теория и практика общественного развития. – 2020. – № 1 (143). – С. 97–101. EDN: XMDTWW
7. Гуссерль Э. Избранное. – Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. – 752 с.
8. Гильдебранд Д. Способы участия в ценностях // Антология реалистической феноменологии. – М.: Институт философии, теологии и истории, 2006. – С. 708–739.
9. Гоббс Т. Сочинения: в 2 т. Т. 2 / ред. В. В. Соколов. – М.: Мысль, 1991. – 731 с.
10. Дугин А. Г. Теория евразийского государства // Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. – М.: Аграф, 2000. – С. 5–20.
11. Зиновьев А. А. Запад. – М.: Родина, 2023. – 416 с. EDN: QOJAWD
12. Козлихин И. Ю. Право и политика. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1996. – 192 с. EDN: VMDNBVJ
13. Поляков А. В. Коммуникативное правопонимание: избранные труды. – СПб.: Алеф-Пресс, 2014. – 575 с. EDN: UXPFSN
14. Поппер К. Объективное знание. Эволюционный подход / отв. ред. В. Н. Садовский. – М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2024. – 384 с.
15. Савицкий П. Н. Континент Евразия. – М.: Аграф, 1997. – 464 с.
16. Слинин Я. А. Феноменология интерсубъективности. – СПб.: Наука, 2004. – 356 с. EDN: QODEJX
17. Стомба А. В. Темпоральная онтология права. – СПб.: Алеф-Пресс, 2017. – 355 с.
18. Трубецкой Н. С. Исход к Востоку // Пути Евразии. – М.: Русская книга, 1992. – С. 311–415.
19. Флоровский Г. В. Из прошлого русской мысли. – М.: Аграф, 1998. – 432 с.
20. Шенгеля И. Ш. Евразийская концепция государства Н. Н. Алексеева // По-темкинские чтения: сб. материалов III международной научной конференции. – Севастополь: СевГУ, 2018. – С. 332–337. EDN: XWDYYH

References

1. Alekseev, N. N. (1998) *Osnovy filosofii prava* [Fundamentals of the philosophy of law]. St. Petersburg: Law Institute]. (In Russian).
2. Alekseev, N. N. (1919) *Oчерki po obschei teorii gosudarstva* [Essays on the general theory of the State]. Moscow: Scientific Publishing House. (In Russian).
3. Alekseev, N. N. (2000) *Russkij narod i gosudarstvo* [Russian people and state]. Moscow: Agraph. (In Russian).
4. Bagan, V. V. (2023) Nikolai Nikolaevich Alekseev i koncepciya «pravoslavnogo pravovogo gosudarstva» [Nikolai Nikolaevich Alekseev and the concept of the "Ortho-

dox rule of law"]. *Nacrazvitie. Nauka i obrazovanie – National development. Science and education*. No. 1 (13). Pp. 38–43. (In Russian).

5. Bagan, V. V. (2023) *Teoriya pravoslavnogo gosudarstva v filosofii prava Nikolaya Nikolaevicha Alekseeva* [The theory of the Orthodox state in the philosophy of law of Nikolai Nikolaevich Alekseev]. *Theological and historical collection*. No. 3 (30). Pp. 26–44. (In Russian).

6. Gusarova, M. A. (2020) *Problema integrativnogo podhoda k ponimaniyu prava i gosudarstva v filosofsko-pravovom tvorchestve N. N. Alekseeva* [The problem of an integrative approach to understanding law and the State in the philosophical and legal work of N. N. Alekseev]. *Teoriya i praktika obschestvennogo razvitiya. – Theory and practice of social development*. No. 1 (143). Pp. 97–101. (In Russian).

7. Gusserl', E. (2000) *Izbrannoe* [Selected]. Minsk: Harvest; Moscow AST. (In Russian).

8. Gil'debrand, D. (2006) *Sposoby uchastiya v cennostyakh* [Ways of participation in values]. Moscow: Institute of Philosophy, Theology and History. (In Russian). Pp. 708–739.

9. Hobbes, T. (1991) *Sochineniya v 2_h t. T. 2* [Essays in 2 vols. Vol. 2]. Moscow: Thought. (In Russian).

10. Dugin, A. G. (2000) *Teoriya evraziiskogo gosudarstva* [The theory of the Eurasian State]. Moscow: Agraf. (In Russian).

11. Zinoviev, A. A. (2023) *Zapad* [West]. Moscow: Homeland. (In Russian).

12. Kozlikhin, I. Yu. *Pravo i politika* [Law and politics]. St. Petersburg: St. Petersburg University. (In Russian).

13. Polyakov, A. V. (2014) *Kommunikativnoe pravoponimanie. Izbrannye trudy* [Communicative legal understanding. Selected works]. St. Petersburg: Aleph-Press. Pp. 234–246. (In Russian). EDN: UXPFNS

14. Popper, K. (2024) *Obektivnoe znanie. Evolyucionnii podhod* [Objective knowledge. The evolutionary approach]. Moscow: URSS: LENAND. (In Russian).

15. Savitsky, P. N. (1997) *Kontinent Evraziya* [The continent of Eurasia]. Moscow: Agraf. (In Russian).

16. Slinin, Ya. A. (2004) *Fenomenologiya intersubektivnosti* [The phenomenology of intersubjectivity]. St. Petersburg: Science. (In Russian).

17. Stovba, A. V. (2017) *Temporal'naya ontologiya prava* [Temporal ontology of law]. St. Petersburg: Alef-Press. (In Russian).

18. Trubetskoy, N. S. (1992) *Ishod k Vostoku* [The Exodus to the East]. *Puti Evrazii* [The Ways of Eurasia]. Moscow: The Russian Book. (In Russian).

19. Florovsky, G. V. (1998) *Iz proshlogo russkoi misli* [From the past of Russian thought]. Moscow: Agraf. (In Russian).

20. Shengelaya, I. S. (2018) *Evraziiskaya koncepciya gosudarstva N. N. Alekseeva* [N. N. Alekseev's Eurasian Concept of the State]. *Potemkinskie chteniya* [Potemkin readings]. Collection of materials of the III International Scientific conference. Pp. 332–337. (In Russian).

Об авторе

Архипов Сергей Владимирович, кандидат юридических наук, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-3337-0505, e-mail: forest109@mail.ru

About the author

Sergei V. Arkhipov, Cand. Sci. (Law), Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0002-3337-0505, e-mail: forest109@mail.ru

*Поступила в редакцию: 03.04.2025
Принята к публикации: 15.05.2025
Опубликована: 30.06.2025*

*Received: 03 April 2025
Accepted: 15 May 2025
Published: 30 June 2025*

Проблемы реализации принципа социальной справедливости в конституционной модели социального государства механизма правового регулирования Российской Федерации

А. Ю. Глушаков

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Личности в социальном государстве обеспечивается достойное существование через закрепление механизма, влияющего на качество распределения результата труда, иных социальных благ на основе принципа социальной справедливости. Изучение практики решений Конституционного суда РФ указывает на накопившуюся системную проблему в различных отраслях законодательства с реализацией принципа социальной справедливости. Решить эту проблему можно через повышение качества тех процедур в правотворческой деятельности, которые предваряют появление нормативного правового акта в окончательной форме. Одной из таких процедур, требующих повышения качества, являются многочисленные экспертизы проектов нормативных правовых актов, всю совокупность которых можно свести к понятию «юридическая экспертиза».

Ключевые слова: девиация, юридическая конструкция, дефекты юридических конструкций, законотворческая деятельность, правовая экспертиза.

Для цитирования: Глушаков А. Ю. Проблемы реализации принципа социальной справедливости в конституционной модели социального государства механизма правового регулирования Российской Федерации // Ленинградский юридический журнал. – 2025. – № 2 (80). – С. 30–45. DOI: 10.35231/18136230_2025_2_30. EDN: FNFPJJ

Problems of Implementation of the Principle of Social Justice in the Constitutional Model of the Social State of the Mechanism of Legal Regulation of the Russian Federation

Alexey Yu. Glushakov

Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

An individual in a social state is provided with a decent existence through the consolidation of a mechanism that affects the quality of the distribution of the result of labor and other social benefits on the basis of the principle of social justice. The study of the practice of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation indicates the accumulated systemic problem in various branches of legislation with the implementation of the principle of social justice. This problem can be solved by improving the quality of those procedures in law-making activity that precede the appearance of a normative legal act in its final form. One of such procedures that require quality improvement is the numerous expert examinations of draft normative legal acts, the whole set of which can be reduced to the concept of "legal expertise".

Key words: deviation, legal construction, defects of legal constructions, law-making activity, legal expertise.

For citation: Glushakov, A. Yu. (2025) Problemy realizatsii printsipa sotsial'noy spravedlivosti v konstitutsionnoy modeli sotsial'nogo gosudarstva mekhanizma pravovogo regulirovaniya Rossiyskoy Federatsii [Problems of Implementation of the Principle of Social Justice in the Constitutional Model of the Social State of the Mechanism of Legal Regulation of the Russian Federation]. *Leningradskiy yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 2 (80). Pp. 30–45. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2025_2_30. EDN: FNFPJJ

Введение

Принципы, существующие в конституционном праве, можно выделять в зависимости от критериев классификации. В качестве одного из таковых наиболее эффективно использовать понятие уровня нормативности, на основании которого из общего объема принципов можно выделять принципы нормы и принципы законоположения. Суть нормативности принципов норм в закреплении за субъектами конституционных отношений правовых статусов, состоящих из взаимосвязи субъективных прав, обязанностей, льгот, запретов, поощрений, приостановлений, возможных наказаний. Ценность подобных принципов норм в том, что техника их изложения не допускает неконкретности и поэтому содержание понимается однозначно и толкуется совершенно определенно при правореализации. В отличие от принципов норм, содержание принципа законоположения декларативно и может быть реализовано только через механизмы, закрепленные в различных нормативных правовых актах.

В целом содержание конституционного принципа законоположения связано с тем, что, применяя их непосредственно, устраняются существующие пробелы и коллизии конституционного права, в первую очередь через судебный механизм деятельности Конституционного суда, признавая полностью или в части нормативные правовые акты не соответствующими Конституции Российской Федерации.

О модели социального государства

В качестве принципа законоположения можно привести содержание ч. 1. ст. 38 Конституции РФ об объектах государственной защиты, в качестве которых закрепляются семья, материнство и детство. Содержание статьи взаимосвязано с конституционной моделью социального государства – основе юридической конструкции совре-

менного нам Российского государства, описание которой мы видим в ст. 7 Конституции РФ.

В свою очередь дефиниция социального государства [7, с. 32–34] нормативно определяется в совокупности положений и принципов, которые формируют ценностные ориентиры политики государства в социальной сфере [14, с. 146].

К основной цели существования социального государства можно отнести создание условий для обеспечения благополучия граждан государства, формирование стандарта социальной защищенности гражданина. Социальное государство дает гражданам возможность получения достаточного уровня социального блага, формирует оптимальные материальные и экономические уровни совершенствования личности, создает равные начальные условия для реализации всесторонних способностей человека [16, с. 118].

Юридическая наука при исследовании содержания дефиниции социального государства выделяет несколько его определений: 1) конечная цель эффективной деятельности органов государства; 2) как базис конституционной модели государства; 3) как совокупность идеологических установок. В целом все три варианта понимания смысла социального государства имеют целью формирование комфортной социальной среды в процессе общественного развития [15, с. 60–69].

Личности в социальном государстве обеспечивается достойное существование через закрепления механизма, влияющего на качество распределения социального блага, применяя принцип социальной справедливости [8].

Принцип социальной справедливости

Сложилось два базовых подхода к пониманию смысла социальной справедливости. Первый заключается в том, что суть социальной справедливости в равенстве возможностей для граждан государства, независимо

от существующих критериев (пола, расовая принадлежность и т. д.), которые были включены в состав положений российского законодательства из международного права¹. Здесь же и обеспечение социальной защиты, уменьшение социальных рисков, создание условий самореализации личностного потенциала [16, с. 20]. Второй подход к пониманию смысла заключается в более справедливом распределении получаемого социумом совокупного социального блага (например перераспределение средств бюджетов и т. д.).

Если соединить содержание двух подходов к пониманию социальной справедливости, то можно заключить что суть социальной справедливости в справедливом распределении результата труда, социальных благ, в уровне качества жизни, доступа к культурным и образовательным ценностям. Косвенно это подтверждают и гарантии права на труд ст. 37 Конституции РФ.

О практике рассмотрения обращений Конституционным судом РФ

Как показал анализ практики рассмотрения Конституционным судом РФ обращений по фактам нарушения принципа социальной справедливости, в основном субъектами подобных обращений стали определенные категории граждан, социально уязвимые, например пенсионеры с особым правовым статусом², получающие льготную пенсию (судьи³, инвалиды⁴, подвергшиеся радиационному воздействию⁵. Поступали как индиви-

¹ Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. // Рос. газета. 1998. № 235; Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах: принят 16 декабря 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17 (1831); Конвенция о защите прав человека и основных свобод: заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г. (с изм. от 13.05.2004) // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

² Постановление КС РФ от 26 февраля 2018 г. № 10-П // СЗ РФ. 2018. № 10. Ст. 1571.

³ Постановление КС РФ от 19 февраля 2018 г. № 9-П // СЗ РФ. 2018. № 9. Ст. 1436.

⁴ Постановление КС РФ от 29 марта 2019 г. № 16-П // СЗ РФ. 2019. № 14 (ч. 4). Ст. 1649.

⁵ Постановление КС РФ от 16 марта 2018 г. № 11-П // СЗ РФ. 2018. № 13. Ст. 1869.

дуальные¹, так и коллективные², а также единовременные обращения граждан и запросы судов по вопросам конституционности применяемых законодательных положений в конкретном деле³.

Неоднократно нормы Конституции РФ о регламентации социальных прав рассматривались Конституционным судом в их взаимосвязи с отраслями отечественного законодательства – гражданского, жилищного, трудового, гражданского процессуального. Например оценивались на предмет соответствия Конституции РФ существующие механизмы: исчисления социальных взносов по обязательному пенсионному и социальному страхованию, предоставления жилых помещений и компенсационных выплат, начисления пенсий и доплат к ним, предоставления различного рода социальных услуг⁴.

Законодательное регулирование пенсионного обеспечения

Особенный интерес вызывает проблематика законодательного регулирования пенсионного обеспечения как наиболее важного практически для каждого гражданина нашего государства. Хотелось бы обратить внимание на систему правового регулирования пенсионного обеспечения, сложившуюся в Российской Федерации в последнее десятилетие, функционирование норм которой вызывает глубочайшую неудовлетворенность населения. Этот вывод можно сделать исходя из статистики по обращениям в Конституционный суд РФ, о чем указывалось выше.

Во многих государствах настоящего времени сформировалось специфическое содержание политики в данной сфе-

¹ Постановление КС РФ от 1 февраля 2019 г. № 7-П // СЗ РФ. 2019. № 6. Ст. 581.

² Постановление КС РФ от 28 июня 2018 г. № 26-П // СЗ РФ. 2018. № 28. Ст. 4286.

³ Постановление КС РФ от 30 января 2013 г. № 3-П // СЗ РФ. 2013. № 6. Ст. 605.

⁴ Постановление КС РФ от 25 февраля 2019 г. № 12-П // СЗ РФ. 2019. № 9. Ст. 882.

ре. В первую очередь за счет существенного сокращения объема государственных обязательств путем увеличения массива пенсионных платежей, которые обязаны уплачивать предприятия, организации и учреждения, и введения в правовой оборот систем добровольных взносов граждан для накопления будущей пенсии. Подобные процессы происходят и в нашем государстве. С точки зрения правового регулирования в настоящий момент в отечественном законодательстве существует достаточно объемный блок законов и подзаконных актов в этой сфере, нормы которых постоянно корректируются и изменяются в соответствии с изменением вектора государственной политики. Эти изменения касаются как порядка начисления пенсии, так и ее последующих индексаций, а также социальных доплат к пенсии. Вышеуказанное позволяет сделать вывод, что в целом нормативно-правовая база сформирована, но она далека от совершенства и, судя по результатам изучения общественного мнения учеными, пенсионная система, базис которой сформирован в 2013 г., не в полной мере соответствует реализации принципа социальной справедливости [9, с. 5–12] и не была принята положительно населением.

Подобная ситуация произошла по ряду причин. Первая и самая очевидная: субъект законодательной деятельности при проработке реализуемой в настоящем концепции пенсионной системы, по неизвестной причине перенес все ранее выявленные дефекты действовавшего нормативного регулирования в формируемое новое законодательство, например в федеральный закон о страховых пенсиях. Подобная ситуация, по переносу существующих дефектов, коснулась условий пенсии по старости, значительно их ухудшив, а формула расчета пенсии в свою очередь приобрела признаки неопределенности [10, с. 91].

Реализация пенсионного законодательства регулярно сталкивалось и сталкивается с недовольством граждан,

что выражается в систематическом обжаловании решений и действий (бездействия) уполномоченных органов и должностных лиц, связанных с использованием норм юридических механизмов назначений и выплат пенсий, а также надбавок. Сама по себе проведенная в недавнем прошлом пенсионная реформа явилась действительно совершенно неэффективным решением в социальной, политической и экономической сфере. По многим причинам: во-первых, реформа повысила пенсионный возраст мужчин и женщин, во-вторых, ограничила или полностью лишила отдельные категории населения возможностей по досрочному выходу на пенсию.

Все вышеуказанное, а если быть более точным, закрепленные нормы в механизме правового регулирования создали ситуацию повышения уровня протестных настроений в обществе. Например, это отмечалось в недавнем прошлом, в ежегодном докладе о деятельности уполномоченного по правам человека в РФ за 2018 г. Подобная ситуация подтверждалась статистикой обращений в аппарат уполномоченного по правам человека. Причем повторяющимися темами обращений выступили проблемы законодательного регулирования социального страхования и социального обеспечения, проблематика размеров пенсий и ее пересчета¹.

Следует указать особо, что преимущественным содержанием конституционных жалоб от населения в Конституционном суде РФ в тот период были нарушения, допущенные в процедуре назначения видов пенсионного обеспечения и дополнительных выплат, например пенсий по старости², по инвалидности³, по случаю поте-

¹ Ежегодный доклад о деятельности уполномоченного по правам человека в РФ за 2018 г. С. 6, 22, 23 // Официальный сайт уполномоченного по правам человека в РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://ombudsmanrf.org> (дата обращения: 22.01.2025).

² Постановление КС РФ от 19 ноября 2015 г. № 29-П // СЗ РФ. 2015. № 48 (ч. 2). Ст. 6886.

³ Постановление КС РФ от 26 февраля 2018 г. № 10-П // СЗ РФ. 2018. № 10. Ст.1571.

ри кормильца¹. Отмечалось, что ряд норм Федерального закона «О страховых пенсиях», например п. 1. ч. 2. ст. 10 закрепляли основанием для отказа в назначении страховой пенсии в случае потери кормильца его детям самостоятельное их поступление в образовательные учреждения за границей по очной форме обучения по основным образовательным программам на срок от начала обучения до достижения возраста 23 лет, что, по мнению КС РФ, не соотносится с положениями ч. 2 ст. 7 ч. 1 ст. 39 Конституции РФ и положениями международных стандартов в правовом регулировании сферы социального обеспечения и образования.

Конституционный суд РФ также обращал внимание на состояние пенсионных прав в сфере образования, особенно по вопросам исчисления периодов трудовой деятельности, которые предоставляют право на досрочное назначение трудовой пенсии по старости, субъектам, работавшим на различных должностях². Причем, что особенно отмечалось в решении Конституционного суда РФ, что право на досрочное назначение пенсии по старости предоставляется только лицам, которые осуществляют трудовые отношения с повышенными психофизическими нагрузками³. Также КС РФ исследовал проблематику защиты пенсионных прав и в правоохранительной сфере (органов внутренних дел, уголовно-исполнительной системы, национальной гвардии).

Изучение практики решений Конституционного суда РФ свидетельствует о накопившейся системной проблеме с реализацией принципа социальной справедливости в различных отраслях законодательства. Причем особенное огорчение вызывает наличие ошибок не только

¹ Постановление КС РФ от 19 июля 2016 г. № 16-П // СЗ РФ. 2016. № 31. Ст. 5087.

² Определения КС РФ от 28 мая 2013 г. № 715-О, от 17 ноября 2011 г. № 1535-О-О // СПС КонсультантПлюс.

³ Определение КС РФ от 29 мая 2014 г. № 1111-О // СПС КонсультантПлюс.

в правоприменительной практике, но и, особенно, в правотворческой. Правовые позиции Конституционного суда РФ в данном случае выступают в качестве ориентира на совершенствование социальной политики государства настоящего времени, выводят из правового оборота неконституционные нормы, конкретизируя нормы, с выяснением подлинного содержания механизма правового регулирования, гарантирующего гражданам базовые права на социальное обеспечение для реализации основных жизненных потребностей [5, с. 19–25].

Качество экспертизы проектов нормативных правовых актов как фактор реализации принципа социальной справедливости

Приведенные примеры убедительно показывают, что проблематика реализации принципа социальной справедливости оказывает серьезное влияние на деятельность Конституционного суда РФ и институтов гражданского общества [13, с. 176]. Причем мы видим действительные попытки обеспечения реализации вышеуказанного принципа в существующем механизме правового регулирования для подлинной реализации содержания конституционных норм. Но эти попытки происходят постфактум, уже после закрепления дефектной юридической конструкции в законодательстве и последующей реализации её норм в реальной жизни, приводящей к повышению уровня правовой неопределенности в обществе. Возникает извечный вопрос: что делать? Очевидным ответом будет повышение качества тех процедур в правотворческой деятельности, которые предваряют появление собственно самого нормативного правового акта (в первую очередь федерального закона) в своей окончательной форме с соответствующими внешними атрибутами и юридической силой. Одной из таких

процедур, требующих повышения качества, являются многочисленные экспертизы проектов нормативных правовых актов, всю совокупность которых можно свести к понятию «юридическая экспертиза» [2, с. 19].

В целом под экспертизой можно понимать тщательное исследование явлений с использованием профессиональных знаний и накопленного индивидуального опыта эксперта, причем официальность экспертизе придает форма закрепления результатов исследования – документ определенной формы (заключение), на основе содержания которого может быть принято эффективное управленческое решение. В целом выше сформулированную дефиницию можно соотнести практически с любым видом проводимых различными субъектами экспертиз. В процедуре экспертизы отчетливо выделяются несколько этапов. Этап полного и тщательного анализа объекта определим в качестве первого. На следующем этапе составляются сопутствующие документы, оформляющие выводы из проведенного анализа.

В свою очередь, в приказе Министерства юстиции РФ предлагается следующее видение: «при правовой экспертизе проводится правовая оценка формы правового акта, его целей и задач, предмета правового регулирования, компетенции органа, принявшего правовой акт, содержащихся в нем норм, порядка принятия, обнародования (опубликования) на предмет соответствия требованиям Конституции Российской Федерации и федеральных законов, а также оценка соответствия правового акта требованиям юридической техники (в том числе проверка наличия необходимых реквизитов)¹.

В настоящее время выделяются следующие экспертизы нормативных правовых актов [12, с. 99–103] и их проектов: об-

¹ Об утверждении Методических рекомендаций по проведению правовой экспертизы нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации: приказ Министерства юстиции РФ от 31 мая 2012 г. № 87 // СПС КонсультантПлюс.

щественная; юридическая [3, с. 56–59]; научная; лингвистическая [11]; финансовая; экологическая; антикоррупционная [4], в том числе независимая антикоррупционная экспертиза.

В свете нашего исследования качества реализации принципа социальной справедливости в действующем законодательстве, особенный интерес вызывает содержание общественной экспертизы¹. Базовым субъектом ее проведения является Общественная палата Российской Федерации. Целью ее проведения в целом выступает выявление уровня качества учета и согласования интересов социальных групп и социальных слоев общества, общественных объединений иных негосударственных некоммерческих организаций в процессе правового регулирования. Так, в соответствии со ст. 18 Федерального закона от 04.04.2005 № 32-ФЗ «Об общественной палате РФ», она осуществляет экспертизу проектов законов РФ о поправках к Конституции Российской Федерации, проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов, затрагивающих вопросы: 1) государственной социальной политики и конституционных прав граждан РФ в области социального обеспечения; 2) обеспечения общественной безопасности и правопорядка².

Решением совета Общественной палаты РФ от 15.05.2008 утверждено Положение о порядке проведения общественной экспертизы. В нем как раз и было закреплено в качестве цели экспертизы согласование общественно значимых интересов граждан Российской Федерации, общественных объединений, органов государственной власти и органов местного самоуправления³. В тексте положения представлена таблица: струк-

¹ Об основах общественного контроля в Российской Федерации: федер. закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ. Ст. 22 // СПС КонсультантПлюс.

² Об Общественной палате Российской Федерации: федер. закон от 04.04.2005 № 32-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

³ Положение о порядке проведения общественной экспертизы (утв. решением совета Общественной палаты РФ от 15.05.2008, протокол № 4-С) (с изм. от 22.03.2012) // СПС КонсультантПлюс.

тура справки по подготовке общественной экспертизы (экспертизы) проектов нормативных правовых актов с 6-ю разделами. Для совершенствования вышеуказанного порядка проведения общественной экспертизы с позиции нашего исследования, представляется необходимым ввести в раздел 4 таблицы «Социальные последствия принятия нормативного правового акта» в примерное содержание «пункт 4.1. Качество реализации конституционного принципа социальной справедливости», с соответствующим изменением нумерации пунктов примерного содержания раздела 4. Подобное малозначительное изменение позволит создать достаточно эффективный первичный фильтр для выявления дефектных юридических конструкций в проектах нормативных правовых актов, непосредственно влияющих на реализацию конституционной модели социального государства закрепленной ст. 7 Конституции РФ.

Заключение

Необходимо отметить, что экспертиза, или если быть более точным, процесс ее проведения представляет собой достаточно трудоемкий вид деятельности, отягощенный необходимостью выполнения правил и определенных условий. Экспертиза нормативных правовых актов соотносится с понятием «правовой институт», комплексный по своей сути. Комплексность его заключается в том, что он основывается на правовых нормах различных отраслей законодательства.

Но в настоящем времени вообще теоретическое определение экспертизы нормативного правового акта наукой разработано достаточно слабо [1, с. 51]. Также следует указать на недостаточную разработку инструментария выявления качества реализации в «условном» и действующем нормативном материале принципа социальной справедливости в процессе правотворческой деятельности.

Современное нам отечественное законодательство сформировало недостаточный пласт норм, регламентирующих различные виды экспертиз, которые проводятся как проектами нормативных правовых актов, так и в отношении принятых нормативных правовых актов. Подобная ситуация оказывает действительное влияние на механизм правового регулирования и препятствует реализации конституционной модели социального государства в Российской Федерации.

Список литературы

1. Андреев И. С. Системный подход к понятию экспертизы нормативного правового акта // Журнал российского права. – 2001. – № 6. – С. 51.
2. Апт Л. Ф. Теоретические вопросы правовой экспертизы федеральных законов // Журнал российского права. – 2008. – № 2. – С. 19.
3. Артамонов А. Н. Сложные вопросы и пути их решения при проведении юридической экспертизы нормативных правовых актов // Бюллетень Министерства юстиции РФ. – 2007. – № 7. – С. 56–59.
4. Барциц И. Н. Антикоррупционная экспертиза в системе эффективного правотворчества (к разработке методики проведения антикоррупционной экспертизы) // Государство и право. – 2010. – № 9. – 172 с.
5. Богмацера Э. В., Новопавловская Е. Е. Конституционное судопроизводство как форма защиты права на пенсионное обеспечение // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2016. – № 1. – С. 19–25.
6. Вахрушев Ю. П. Основы социального государства. – Иркутск, 2014. – С. 20.
7. Габрелян Э. В. О правовом и социальном государстве // Российская юстиция. – 2011. – № 5. – С. 32–34.
8. Гусев А. Ю. Судебная защита права российских граждан на социальное обеспечение. – М.: Проспект, 2018. – 112 с.
9. Захаров М. Л. Международные правовые стандарты пенсионного обеспечения и российская страховая пенсионная система // Журнал российского права. – 2015. – № 7. – С. 5–12. EDN: SBIANB
10. Зуева Н. Л. Новеллы и ошибки современного пенсионного законодательства // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2018. – № 1 (32). – С. 91. EDN: YVHQXZ
11. Калинина Н. А. Лингвистическая экспертиза законопроектов: опыт, проблемы и перспективы. – М.: Известия, 1997. – 18 с.
12. Корнилов А. Р. Правовая экспертиза: понятие, виды, цифровизация // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. – 2020. – № 1. – С. 99–103.
13. Моисеев В. В. Социальная политика современной России. – М.: Берлин, 2019. – С. 176.
14. Нудненко Л. А. Конституционное право России. – М., 2017. – С. 146.

15. Старшова У. А. Доктрина Социального государства: теоретико-методологический анализ // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. – 2022. – С. 60–69.

16. Фадеев В. И. Конституционное право. – М., 2016. – 208 с.

References

1. Andreev, I. S. (2001) Sistemny`j podxod k ponyatiyu e`kspertizy` normativnogo pravovogo akta [A systematic approach to the concept of expertise of a normative legal act]. *Zhurnal rossijskogo prava – Journal of Russian Law*. No. 6. P. 51. (In Russian).
2. Apt, L. F. (2008) Teoreticheskie voprosy` pravovoj e`kspertizy` federal`ny`x zakonov [Theoretical issues of legal expertise of federal laws]. *Zhurnal rossijskogo prava – Journal of Russian Law*. No. 2. P. 19. (In Russian).
3. Artamonov, A. N. (2007) Slozhny`e voprosy` i puti ix resheniya pri provedenii yuridicheskoy e`kspertizy` normativny`x pravovy`x aktov [Complex issues and ways to solve them during the legal examination of regulatory legal acts]. *Byulleten` Ministerstva yusticii RF – Bulletin of the Ministry of Justice of the Russian Federation*. No. 7. Pp. 56–59. (In Russian).
4. Bartsits, I. N. (2010) Antikorrupcionnaya e`kspertiza v sisteme e`ffektivnogo pravotvorchestva (k razrabotke metodiki provedeniya antikorrupcionnoj e`kspertizy`) [Anti-corruption expertise in the system of effective law-making (towards the development of an anti-corruption expertise methodology)]. *Gosudarstvo i pravo – State and law*. No. 9. (In Russian).
5. Bogmatsera, E. V., Novopavlovskaya, E. E. (2016) Konstitucionnoe sudoproizvodstvo kak forma zashhity` prava na pensionnoe obespechenie [Constitutional legal proceedings as a form of protection of the right to pension provision]. *Vestnik Volgograd. akademii MVD – Bulletin Volgograd. Academies of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. No. 1. Pp. 19–25. (In Russian).
6. Vakhrushev, Yu. P. (2014) *Osnovy` social`nogo gosudarstva* [Fundamentals of the welfare state]. Irkutsk. (In Russian).
7. Gabrelian, E. V. (2011) O pravovom i social`nom gosudarstve [On the rule of law and the social state]. *Rossiyskaya yusticiya – Russian justice*. No. 5. Pp. 32–34. (In Russian).
8. Gusev, A. Y. (2018) *Sudebnaya zashhita prava rossijskix grazhdan na social`noe obespechenie* [Judicial protection of the right of Russian citizens to social security]. Moscow: Prospekt. (In Russian).
9. Zakharov, M. L. (2015) Mezhdunarodny`e pravovy`e standarty` pensionnogo obespecheniya i rossiyskaya straxovaya pensionnaya sistema [International legal standards of pension provision and the Russian insurance pension system]. *Zhurnal ros. Prava – Journal of Russian Law*. No. 7. Pp. 5–12. (In Russian). EDN: SBIANB
10. Zueva, N. L. (2018) Novelly` i oshibki sovremennogo pensionnogo zakonodatel`stva [Novelties and mistakes of modern pension legislation]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo – Bulletin of Voronezh State University. Series: Law*. No. 1 (32). P. 91. (In Russian). EDN: YVHQXZ
11. Kalinina, N. A. (1997) *Lingvisticheskaya e`kspertiza zakonoproektov: opy`t, problemy` i perspektivy`* [Linguistic expertise of draft laws: experience, problems and prospects]. Moscow: Izvestia. (In Russian).
12. Kornilov, A. R. (2020) Pravovaya e`kspertiza: ponyatie, vidy`, cifrovizaciya [Legal expertise: concept, types, digitalization]. *Vestnik Rossijskogo novogo universiteta. Seriya: Chelovek i obshchestvo – Bulletin of the Russian New University. Series: Man and Society*. No. 1. Pp. 99–103. (In Russian).

13. Moiseev, V. V. (2019) *Social`naya politika sovremennoj Rossii* [Social policy of modern Russia]. Moscow: Berlin. P. 176. (In Russian).
14. Nudnenko, L. A. (2017) *Konstitucionnoe pravo Rossii* [Constitutional law of Russia]. Moscow. (In Russian).
15. Starshova, U. A. (2022) Doktrina Social`nogo gosudarstva: teoretiko-metodologicheskij analiz [The doctrine of the Welfare State: a theoretical and methodological analysis]. *Vestnik MGPU. Seriya: Yuridicheskie nauki – Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series: Legal Sciences*. Pp. 60–69. (In Russian).
16. Fadeev, V. I. (2016) *Konstitucionnoe pravo* [Constitutional law]. Moscow. (In Russian).

Об авторе

Глушаков Алексей Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0003-0957-1953, e-mail: complexal@yandex.ru

About the author

Alexey Yu. Glushakov, Cand. Sci. (Law), Assistant Professor, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0003-0957-1953, e-mail: complexal@yandex.ru

Поступила в редакцию: 30.04.2025
Принята к публикации: 19.05.2025
Опубликована: 30.06.2025

Received: 30 April 2025
Accepted: 19 May 2025
Published: 30 June 2025

Особенности государственно-правовой системы СССР в начальный период Великой Отечественной войны

Н. Г. Дашкевич

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В ходе исследования рассматривается специфика государственно-правовой системы Советского Союза в начальный период Великой Отечественной войны. Изучение феномена государственно-правовой системы обуславливается необходимостью соответствующего теоретико-правового осмысления. В этой связи целесообразно сопоставить искомый феномен с понятиями «правовая система» и «правовая семья». Анализируются вопросы организации власти в условиях военного положения (в частности, создание Государственного Комитета Обороны), а также особенности правопорядка и законности. Делается вывод о гибкости государственно-правовой системы СССР в период Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, социалистическое право, советское право, государственно-правовая система.

Для цитирования: Дашкевич Н. Г. Особенности государственно-правовой системы СССР в начальный период Великой Отечественной войны // Ленинградский юридический журнал. – 2025. – № 2 (80). – С. 46–61. DOI: 10.35231/18136230_2025_2_46. EDN: SYAESY

Features of the State Legal System of the USSR in the Initial Period of the Great Patriotic War

Nikita G. Dashkevich

Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

In the course of the research, the author examines the specifics of the state-legal system of the Soviet Union in the initial period of the Great Patriotic War. The study of the phenomenon of the state legal system is conditioned by the need for an appropriate theoretical and legal understanding. In this regard, it is advisable to compare the phenomenon in question with the concepts of "legal system" and "legal family". Further, the article examines the issues of the organization of power under martial law (in particular, the creation of the State Defense Committee), as well as the features of law and order and legality. Based on the results of the work, a conclusion is drawn about the flexibility of the USSR state legal system during the Great Patriotic War.

Key words: Great Patriotic War, socialist law, Soviet law, state legal system.

For citation: Dashkevich, N. G. (2025) Osobennosti gosudarstvenno-pravovoi sistemy SSSR v nachal'nyi period Velikoi Otechestvennoi voyny [Features of the State Legal System of the USSR in the Initial Period of the Great Patriotic War]. *Leningradskiy yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 2 (80). Pp. 46–61. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2025_2_46. EDN: SYAESY

Введение

22 июня 1941 г. началась Великая Отечественная война. В соответствии со ст. 49 Конституции СССР Указом Президиума Верховного Совета СССР было объявлено военное положение в интересах обороны СССР и для обеспечения общественного порядка и государственной безопасности¹. Военное положение, как особый административно-правовой режим, подразумевает мобилизацию человеческих и материальных ресурсов, ограничение прав граждан, а также существенное усиление роли государства. Исследователи считают, что правовой режим выражает степень определенной жесткости юридического регулирования и, как следствие, допустимый уровень активности субъектов права².

Прежде чем рассматривать особенности государственно-правовой системы СССР в годы войны, стоит определиться с понятием «государственно-правовая система». В теории государства и права исследователями традиционно выделяются такие понятия, как «правовая система» и «правовая семья», которые, как известно, не тождественны друг другу по смысловому значению [17, с. 119]. По словам В. Н. Синюкова, категория правовой системы служит основой для специфического как юридического, так и культурно-исторического анализа правовых явлений [15, с. 209]. М. Н. Марченко справедливо высказал мнение, что «нет и не может быть законченной правовой или любой иной классификации. И что любая выделяющаяся при этом правовая семья с неизбежностью будет иметь относительный характер» [9, с. 25].

Говоря о взаимоотношении права и государства, еще К. Маркс и Ф. Энгельс в Манифесте коммунистической

¹ Конституция (Основной закон) СССР 1936 г. (в ред. 01.03.1941) // СПС ГАРАНТ.

² Лиманская А. П. Специальные правовые режимы: общетеоретический анализ: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-н/Д, 2014. 22 с. EDN: A1KLWL

партии указывали: «Ваши идеи сами являются продуктом буржуазных производственных отношений и буржуазных отношений собственности, точно так же как ваше право есть лишь возведенная в закон воля вашего класса, воля, содержание которой определяется материальными условиями жизни вашего класса» [8, с. 303–304]. Рассмотрение с классовых позиций права и государства обуславливают многие особенности правовой действительности советского периода. Правовая система тем самым «подстраивается» под интересы господствующего класса, чья сила подкрепляется государственной репрессией.

В социалистической правовой системе достаточно сильна роль государства и партии. По мнению Р. Давида, социалистическое право – это такое правило поведения, которое в отличие от всех других содержит принудительный момент, возможность вмешательства государства [4, с. 162]. Еще В. И. Ленин говорил: «Мы ничего "частного" не признаем, для нас все в области хозяйства есть публично-правовое, а не частное» [7, с. 398], тем самым в общественных отношениях решающую роль играет триумвират «государство – общество – человек» с верховенством первого.

Говоря о государственно-правовой системе, Р. А. Ромашов определяет ее как комплексную категорию, включающую в качестве составных взаимосвязанных и взаимно обусловленных элементов государственно-правовые институты, субъектов государственно-правовых отношений, а также содержание (субстанциональное наполнение) самих государственно-правовых отношений [12, с. 36]. Примечательно, что рассмотрение в тесной связи вопросов организации и функционирования государственной власти и правового регулирования способствует целостному восприятию государственно-правовой системы [2, с. 161].

Таким образом, исследуя особенности права в СССР, считаем целесообразным применять дефиницию «государственно-правовая система».

Органы власти в условиях военного положения

Ключевым новшеством в первые дни войны стало создание Государственного Комитета Обороны¹. Как известно, после падения столицы советской Белоруссии г. Минска 28 июня 1941 г. и последующего за этим напряженного разговора И. В. Сталина с начальником Генерального штаба Г. К. Жуковым, 30 июня Президиумом Верховного Совета СССР, ЦК ВКП (б) и СНК СССР принимается решение о создании ГКО². Сам факт возникновения и существования ГКО свидетельствует о стремлении ускоренной политической и правовой мобилизации сил в стране, когда должен существовать единый центр принятия значимых решений.

Несмотря на внеконституционный статус органа, принимаемые им правовые акты органично, насколько это было возможно, влились в правовую систему государства. При этом специалисты замечают, что реальными законотворческими функциями обладал ГКО и лично И. В. Сталин [3, с. 320–321]. По данным исследователей, одним из проявлений рассматриваемого пункта является тот факт, что постановления ГКО приравнивались к законам, когда ни один из государственных или партийных органов не мог делать ему каких-либо предписаний [11, с. 8]. К слову сказать, Государственный Комитет Обороны просуществует вплоть до разгрома милитаристской Японии в сентябре 1945 г., когда военная опасность будет окончательно подавлена.

С момента возникновения ГКО его постановления можно рассматривать как новый источник советского права.

¹ Законодательные и административно-правовые акты военного времени с 22 июня 1941 г. по 22 марта 1942 г. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1942. 36 с.

² Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. № 31.

Данный орган сосредоточил всю полноту власти в государстве в своих руках [14, с. 105], это наглядным образом свидетельствует о том, что государственный механизм не всегда бывает «гибким» и не всегда в силу этого может отвечать новым запросам общества. Внесение изменений в действующее законодательство, создание новых органов власти «по закону» априори подразумевает наличие бюрократических процедур для придания легальности вносимым новшествам – однако времени на это в условиях широкомасштабного наступления врага попросту не было.

Поскольку все государственные, военные и общественные организации были обязаны беспрекословно подчиняться решениям ГКО, то принятые им постановления немедленно трансформировались в приказы или указания наркоматов. Приказы и директивы в считанные часы доводились до исполнителей [1, с. 222]. Всего за годы войны ГКО принял около 10 тыс. постановлений, которые имели силу законов военного времени [5, с. 8].

Режим довоенной советской демократии обусловливался деятельностью Верховного Совета, который в соответствии с Конституцией 1936 г. являлся высшим органом государственной власти СССР и сессии которого созывались два раза год¹. Стоит добавить, что выборы в Верховный Совет СССР состоялись в 1937 г., и в соответствии со ст. 36 Основного закона, должны были состояться спустя четыре года – во второй половине 1941 г.

Однако, как разъяснялось в Указе Президиума Верховного Совета СССР, ввиду обстоятельств военного времени отложить на год выборы в Верховный Совет СССР, а также продлить полномочия Верховного Совета СССР первого созыва². По аналогии Указом Президиума откладывались выборы в краевые, областные, окружные,

¹ Конституция (Основной закон) СССР 1936 г. (в ред. 01.03.1941) // СПС ГАРАНТ.

² Ведомости Верховного Совета СССР 1941. № 42.

районные, городские, сельские и поселковые Советы депутатов трудящихся РСФСР и продлевались на тот же срок полномочия этих Советов¹. Данное продление полномочий, действовавших на тот период времени представительных органов государственной власти, обуславливалось элементарной целесообразностью, когда первоочередной задачей стал разгром противника.

Необходимо подчеркнуть, что образование ГКО не привело к упразднению конституционных органов государственной власти – Советов депутатов трудящихся, которые продолжали действовать (в некоторых случаях даже на территории, временно оккупированной врагом) [5, с. 10]. Создание ГКО и деятельность уже существующих органов государственной власти представляет собой определенную юридическую коллизию, однако фактически никаких противоречий не было, поскольку члены ГКО были одновременно и членами Верховного Совета СССР. Г. К. Жуков в этой связи вспоминал, что после принятия решения по тому или иному вопросу И. В. Сталин обычно лично указывал, документом какого органа его следует оформить².

Правопорядок и законность в начальный период Великой Отечественной войны

Начавшаяся Великая Отечественная война оказала огромное влияние на советское общество. Проявившаяся воля к Победе, патриотизм, готовность отдать жизнь во спасение семьи, близких, Отчизны демонстрировались в ожесточенном сопротивлении врагу, когда бойцы и командиры Красной армии самоотверженно защищали право советского народа на существование. В ходе своего выступления 6 ноября 1941 г. на заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и обществен-

¹ Известия Советов депутатов трудящихся СССР, 1941. № 304.

² Жуков Г. К. Воспоминания и размышления: в 2 т. М., 1969. С. 279–280.

ными организациями И. В. Сталин сказал: «Что ж, если немцы хотят иметь истребительную войну, они её получат»¹.

В соответствии со ст. 133 Конституции СССР защита Отечества – это священный долг каждого гражданина СССР, а измена Родине, в частности нарушение присяги, переход на сторону врага, нанесение ущерба военной мощи государства, шпионаж карались по всей строгости закона, как самое тяжкое злодеяние². Нарушение присяги рассматривалось, наряду с переходом на сторону врага, «нанесением ущерба военной мощи государства» и «шпионажем», как одна из форм измены Родине, т. е. приравнивалось к совершению государственного контрреволюционного преступления, предусмотренного ст. 58–16 УК РСФСР³.

Стоит сказать, что в СССР общесоюзного Уголовного кодекса не существовало, республики самостоятельно осуществляли полномочия по принятию уголовных и уголовно-процессуальных законов, действовавших на их территории. Вместе с тем на основании Конституции СССР постановлением Президиума ЦИК СССР от 31 октября 1924 г. были приняты «Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик», задача которых состояла в судебной-правовой защите государства трудящихся от общественно опасных деяний, подрывающих власть трудящихся или нарушающих установленный ею правопорядок⁴. По мнению А. В. Мицкевича, в Основах закрепляются важнейшие принципы и институты данной отрасли права, из которых должно исходить все последующее законодательство Союза ССР и республик, все подзаконные акты, развивающие данную область законодательства [10, с. 68].

¹ Правда. 1941. 7 ноября.

² Конституция (Основной закон) СССР 1936 г. (в ред. 01.03.1941) // СПС ГАРАНТ.

³ Уголовный кодекс РСФСР от 22.1.1926 г. (в ред. 25.11.1935) // СПС КонсультантПлюс.

⁴ Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и Союзных Республик (утв. Постановлением ЦИК СССР от 31.10.1924) // СПС КонсультантПлюс.

С. В. Бутов отмечает, что Великая Отечественная война явилась юридическим фактом, вследствие которого советские граждане стали субъектами новых специфических правоотношений, возникших с началом войны и сохранившихся до ее завершения¹. На наш взгляд, специфика рассматриваемых правоотношений состоит в том, что они носили военно-административный (дисциплинарный) характер, основанный на императивных началах. В условиях военного времени субъектами дисциплинарных правоотношений зачастую выступали не только военнослужащие или военнообязанные, но и гражданские лица, профессиональная деятельность которых была связана с функционированием военной организации государства².

Как уже говорилось ранее, объективно сложившиеся факторы увеличения роли государства в жизни общества проявились прежде всего в правовом регулировании общественных отношений. 22 июня 1941 г. в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР об объявлении военного положения принимается Положение о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий³. При этом возможность создания военных трибуналов как специальных судов предусматривалась ст. 102 Конституции СССР. Закон СССР от 16.08.1938 г. о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик предусматривал порядок организации и деятельности военных трибуналов как органов правосудия в СССР⁴. С началом ВОВ

¹ Бутов С. В. Правовое положение военнослужащих войск НКВД СССР на фронтах Великой Отечественной войны: историко-правовой аспект. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2024. 43 с. EDN: ZZIMPY

² Полуни С. В. Дисциплинарная практика в Красной Армии и войсках Вермахта в период Второй мировой войны: историко-правовой анализ. дис... канд. юрид. наук. СПб., 2023. 25 с. EDN: FKUFBN

³ Об утверждении Положения о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий: указ Президиума ВС СССР от 22.06.1941 // СПС КонсультантПлюс.

⁴ О судостроительстве СССР, союзных и автономных республик: закон СССР от 16.08.1938 // СПС КонсультантПлюс.

в прифронтовой полосе часть районных и областных прокуратур была военизирована, оставаясь в штате и подчинении прокуратур союзных республик, но под надзором органов военной прокуратуры [16, с. 157].

По словам Н. Д. Козлова, трагические реалии войны, резкое ухудшение условий труда и быта, гибель и разрушение не могли пройти бесследно для общественного сознания [6, с. 95]. Несмотря на общий идейно-психологический фон борьбы с оккупантом, политическая обстановка среди населения оставалась сложной. Из известного приказа наркома обороны № 227 «О мерах по укреплению дисциплины и порядка в Красной Армии и запрещении самовольного отхода с боевых позиций» следовало: «Население нашей страны, с любовью и уважением относящееся к Красной Армии, начинает разочаровываться в ней, теряет веру в Красную Армию, а многие из них проклинают Красную Армию»¹.

Были и люди, которые не просто разочаровывались в РККА, а по различным соображениям шли на сотрудничество с противником. По нашему мнению, коллаборационизм – это крайняя форма деформации правосознания (индивидуального, группового, массового) в период войны, при которой происходит намеренное «отмежевание» личности, группы или масс от общества и государства, сознательный разрыв политико-правовых связей со своей «бывшей» Родиной в угоду интересам противника. Печально известны действия власовцев, бандеровцев, «лесных братьев» и иных вооруженных формирований, которые в будущем поплатились за свои преступления.

Попраение прав и свобод гражданского населения и военнослужащих сопровождалось прежде всего зверской захватнической политикой вермахта и последую-

¹ О мерах по укреплению дисциплины и порядка в Красной Армии и запрещении самовольного отхода с боевых позиций: приказ Народного комиссара обороны СССР № 227 от 28.07.1942.

щими действиями немецких властей, и их сторонниками на оккупированных территориях. Говоря о человеконенавистнической политике Третьего рейха, стоит вспомнить печально известный «приказ о комиссарах» (Директива главной ставки Гитлера об обращении с захваченными в плен советскими политическими и военными работниками от 12 мая 1941 г.), согласно которому политработники РККА подлежали расстрелу, так как «комиссары в качестве солдат не признаются; никакая международно-правовая защита к ним не применяется»¹. Тем самым немецкое правительство предвидело общественную опасность и последствия своих злодеяний, поскольку пыталось замаскировать, узаконить национальными правовыми актами зверства в отношении, в частности, военных комиссаров.

Несмотря на пренебрежительное отношение к советскому законодательству или полный отказ от него на оккупированных территориях, в тылу социалистическое право продолжало действовать, с учетом «законов военного времени». Советская юстиция, судебные органы и адвокатура продолжали свое функционирование, осуществляя защиту основ общественного и государственного устройства. «Законы военного времени» изменили право, сделав его более жестким.

В последующем, когда войска Красной армии вступят на территорию рейха, был риск совершения преступлений и массовых самосудов над мирным населением как месть за страдания, понесенные советским народом. Была угроза того, что попытки самосудов и расправ (грабежи, поджоги, мародерство, изнасилования, убийства и т. д.) со стороны советских военнослужащих охватят всю Германию и могут встречать положительные отклики среди мирного населения СССР. Решив предупредить эти не-

¹ Директива главной ставки Гитлера об обращении с захваченными в плен советскими политическими и военными работниками от 12 мая 1941 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://nurnberg1945.ru/posts/prikaz-o-komissarakh> (дата обращения: 29.04.2025).

гативные факторы, руководство Советского Союза ввело запрет бойцам и командирам на совершение каких бы то ни было правонарушений на занятой территории¹.

Одним из важных направлений деятельности органов внутренних дел была борьба с преступными элементами, которые, пользуясь перебоями в снабжении населения продовольствием, старались нажиться на этих трудностях [3, с. 412]. Широко известен случай с авантюристом-миллионером Н. М. Павленко, который жил по принципу «кому война, а кому мать родна». Советские органы безопасности, обороны и юстиции «упустили из виду» создание и последующее существование нелегальной организации «Управление военного строительства», действовавшей вплоть до 1952 г. Стремление не потерять собственной выгоды в период военных действий, одиозность поступков – все это также характеризует правосознание того времени.

Несмотря на ужасающие события войны (зверства на оккупированных территориях, блокада Ленинграда, разрушение городов и посёлков, истребление людей в концентрационных лагерях и т. д.), в сознании советского народа сохранилась человечность по отношению к немецкому народу. Еще в 1942 г. И. В. Сталин в приказе наркома обороны СССР № 55 заявил, что советская армия воюет прежде всего с фашистским режимом, а не с немцами как таковыми: «гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское остается»². Подавляющее большинство среди мирного населения, бойцов и командиров Красной армии были добропорядочными людьми, которые соблюдали законы, исполняли свой личный и гражданский долг перед семьей, обществом и государством. А. Т. Твардовский писал: «Не эта

¹ Директива Ставки Верховного Главнокомандования командующим войсками и членам Военных советов 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов об изменении отношения к немецким военнопленным и гражданскому населению, 20 апреля 1945 г.

² Правда. 1942. 23 февраля.

война, какая бы она ни была, породила этих людей, а то большее, что было до войны... А война обнаруживала, выдавала в ярком виде на свет эти качества людей...»¹. Представляется, что в качестве одной из основных «скреп» выступает в современной России именно Великая Отечественная война [13, с. 31], а также память о героических поступках наших предков.

Заключение

Подводя итоги исследования, можно сказать, что Великая Отечественная война оказала определённое воздействие на государственно-правовую систему СССР.

Как известно, советская социалистическая государственно-правовая система представляла собой диархическую конструкцию, в структуре которой были представлены две ветви публичной власти: советская и партийная [2, с. 68]. В конечном итоге в начальный период войны взаимодействие советской и партийной власти вышло на новый уровень, объективно снизивший масштабы политико-правовой бюрократии. Введение военного положения, создание Государственного Комитета Оборона, трансформация права и правосознания стали одними из примечательных изменений в государственно-правовой системе Советского Союза.

Государственно-правовая система СССР в период войны показала свою «гибкость», способность меняться под влиянием внешних и объективных факторов, когда на кону стояла жизнь всего советского общества.

Список литературы

1. Великая Отечественная война. 1941 год: Исследования, документы, комментарии / под ред. В. С. Христофорова. – М.: Издательство Главного архивного управления города Москвы, 2011. – 756 с.

¹ Известия. 1985. 8 мая.

2. Государственно-правовые системы современности: монография / под ред. Р.А. Ромашова. – СПб.: Алетейя, 2023. – 298 с. EDN: HHAWJ
3. Государство. Право. Война: 60-летие Великой Победы: монография / под общ. ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова, Н.С. Нижник. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2005. – 654 с.
4. Давид Р. Основные правовые системы современности / пер. с фр. и вступ. ст. В.А. Туманова. – М.: Прогресс, 1988. – 496 с.
5. Емелин А. С., Забелин А. Г., Стороженко О. М. Государственно-правовые средства Великой Победы: монография. – М.: Московский финансово-юридический университет МФЮА, 2015. – 236 с. EDN: VRWLAX
6. Козлов Н. Д., Довжинец М. М. Официальное и обыденное сознание в годы Великой Отечественной войны. – СПб.: Свое издательство, 2015. – 384 с.
7. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 44. – М.: Издательство политической литературы, 1970. – 725 с.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. Т. 2. – М.: Издательство политической литературы, 1948. – 543 с.
9. Марченко М. Н. Правовые системы современного мира. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2015. – 394 с.
10. Мицкевич А. В. Избранное / сост. и авт. предисловия Е. А. Юртаева. – М: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2010. – 303 с.
11. Мулукаев Р. С. Государственный Комитет Обороны и органы внутренних дел в годы Великой Отечественной войны. – М.: Академия управления МВД России, 2023. – 180 с. EDN: OIQSJC
12. Ромашов Р. А. Государственно-правовые системы современности // Ленинградский юридический журнал. – 2020. – № 3 (61). – С. 34–46. EDN: ZXVKQV
13. Ромашов Р. А. Государство: понятие, общая характеристика и сущность // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 2. – С. 16–34. EDN: ZAYTOG
14. Ромашов Р. А., Тищенко А. Г. Политико-правовая природа и структурно-функциональные особенности государственной власти в СССР в условиях Великой Отечественной войны // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2005. – № 2. – С. 105–112. EDN: KXGCSZ
15. Синюков В. Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. – М.: НОРМА, 2010. – 670 с.
16. Советское право в период Великой Отечественной войны. Ч. 2. Уголовное право – уголовный процесс / под общ. ред. И. Т. Голякова. – М.: Изд-во министерства юстиции СССР, 1948. – 216 с.
17. Чиркин В. Е. Правовые системы современности: взаимовлияние, сближение и антагонизмы // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2014. – № 2. – С. 118–131. EDN: SFKHUT

References

1. Khrstoforov, V. S. (2011) *Velikaia Otechestvennaia voina. 1941 god: Issledovaniia, dokumenty, kommentarii* [The Great Patriotic War. 1941: Research, documents, comments]. Moscow: Izdatel'stvo Glavnogo arkhivnogo upravleniia goroda Moskvy. (In Russian).
2. Romashov, R. A. (2023) *Gosudarstvenno-pravovye sistemy sovremennosti* [Modern state-legal systems]. Sankt-Peterburg: Aleteiia. (In Russian). EDN: HHAWJ

3. Sal'nikov, V. P., Romashov, R. A., Nizhnik N. S. (2005) *Gosudarstvo. Pravo. Voina: 60-letie Velikoi Pobedy* [The State. Right. War: The 60th anniversary of the Great Victory]. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskii universitet MVD Rossii. (In Russian).
4. David, R. (1988) *Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti* [Basic legal systems of modernity]. Moscow: Progress. (In Russian).
5. Emelin, A. S., Zabelin, A. G., Storozhenko, O. M. (2015) *Gosudarstvenno-pravovye sredstva Velikoi Pobedy* [State-legal means of the Great Victory]. Moscow: Moskovskii finansovo-iuridicheskii universitet MFIUA. (In Russian). EDN: VRWLAX
6. Kozlov, N. D., Dovzhinec, M. M. (2015) *Oficial'noe i obydennoe soznanie v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Official and everyday consciousness during the Great Patriotic War]. St. Petersburg: Svoe izdatel'stvo. (In Russian).
7. Lenin, V. I. (1970) *Polnoe sobranie sochinenii* [The Complete Works]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury. (In Russian).
8. Marks, K., Engel's, F. (1948) *Izbrannye proizvedeniia* [Selected works]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury. (In Russian).
9. Marchenko, M. N. (2015) *Pravovye sistemy sovremennogo mira* [Legal systems of the modern world] Moscow: IKD "Zertsalo-M". (In Russian).
10. Mitskevich, A. V. (2010) *Izbrannoe* [Favourites] Moscow: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniia pri Pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii. (In Russian).
11. Mulukaev, R. S. (2023) *Gosudarstvennyi Komitet Oborony i organy vnutrennikh del v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [The State Defense Committee and the internal affairs bodies during the Great Patriotic War]. Moscow: Akademiia upravleniia MVD Rossii/ (In Russian). EDN: OIQSJC
12. Romashov, R. A. (2020) Gosudarstvenno-pravovye sistemy sovremennosti [Modern state and legal systems]. *Leningradskii iuridicheskii zhurnal – Leningrad Law Journal*. No. 3 (61). Pp. 34–46. (In Russian). EDN: ZXVKQV
13. Romashov, R. A. (2019) Gosudarstvo: poniatie, obshchaia kharakteristika i su-shchnost' [The State: concept, general characteristics and essence]. *Iuridicheskaiia nauka: istoriia i sovremennost' – Legal science: history and modernity*. No. 2. Pp. 16–34. (In Russian). EDN: ZAYTOG
14. Romashov, R. A., Tishchenko, A. G. (2005) Politiko-pravovaia priroda i strukturno-funktsional'nye osobennosti gosudarstvennoi vlasti v SSSR v uslovi-akh Velikoi Otechestvennoi voiny [The political and legal nature and structural and functional features of state power in the USSR during the Great Patriotic War]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii – Bulletin of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. No. 2. Pp. 105–112. (In Russian). EDN: KXGCSZ
15. Siniukov, V. N. (2010) *Rossiiskaiia pravovaia sistema. Vvedenie v obshchuiu teoriiu* [The Russian legal system. Introduction to general theory]. Moscow: NORMA. (In Russian).
16. Goliakov, I. T. (1948) *Sovetskoe pravo v period Velikoi Otechestvennoi voiny. CH.2. Ugolovnoe pravo – ugolovnyi protsess* [Soviet law during the Great Patriotic War. Part 2. Criminal law – criminal procedure]. Moscow: Izd-vo ministerstva iustitsii SSSR. (In Russian).
17. CHirkin, V. E. (2014) Pravovye sistemy sovremennosti: vzaimovliianie, sblizhenie i antagonizmy [Modern legal systems: mutual influence, convergence and antago-nisms]. *Vestnik RUDN. Seria: Iuridicheskii nauki – Bulletin of the RUDN University. Series: Legal Sciences*. No. 2. Pp. 118–131. (In Russian). EDN: SFKHUT

Об авторе

Дашкевич Никита Германович, аспирант, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0005-6642-9728, e-mail: dashkevich0801@gmail.com

About the author

Nikita G. Dashkevich, Postgraduate student, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0009-0005-6642-9728, e-mail: dashkevich0801@gmail.com

*Поступила в редакцию: 27.04.2025
Принята к публикации: 20.05.2025
Опубликована: 30.06.2025*

*Received: 27 April 2025
Accepted: 20 May 2025
Published: 30 June 2025*

Перспективные научные подходы к изучению мобилизационной подготовки в Российской Федерации

С. Б. Глушаченко, В. В. Демиденко

Мурманский арктический университет,
г. Мурманск, Российская Федерация

В данной статье исследуются наиболее перспективные методы научного исследования мобилизационной подготовки в Российской Федерации. Проведен сравнительный анализ практического значения и эффективности использования научных теорий при изучении процессов мобилизации в различные исторические эпохи. Рассмотрена история зарождения и развития синергетической теории и ее использование в современной научной деятельности. Подробно описаны преимущества и недостатки различных методов исследования правовых и социальных аспектов мобилизационной подготовки. Предложена принципиально новая концепция изучения мобилизации и мобилизационной подготовки, способная выявить их наиболее уязвимые стороны, а также содействовать созданию принципиально новой, более устойчивой модели мобилизации.

Ключевые слова: синергетика, детерминизм, теория хауса, мобилизация, мобилизационная подготовка, диалектика, вооруженные силы, общественное значение, исследование, научные методы.

Для цитирования: Глушаченко С. Б., Демиденко В. В. Перспективные научные подходы к изучению мобилизационной подготовки в Российской Федерации // Ленинградский юридический журнал. – 2025. – № 2 (80). – С. 62–77. DOI: 10.35231/18136230_2025_2_62. EDN: TGTBST

Promising Scientific Approaches to the Study of Mobilization Training in the Russian Federation

Sergey B. Glushachenko, Vladimir V. Demidenko

Murmansk Arctic University,
Murmansk, Russian Federation

This article is devoted to the search for the most promising methods of scientific research of mobilization training in the Russian Federation. A comparative analysis of the practical significance and effectiveness of the use of scientific theories in the study of mobilization processes in various historical epochs is carried out. The history of the origin and development of synergetic theory and its use in modern scientific activity is considered. The advantages and disadvantages of various research methods of legal and social aspects of mobilization training are described in detail. A fundamentally new concept of studying mobilization and mobilization training is proposed that can identify their most vulnerable sides, as well as contribute to the creation of a fundamentally new more sustainable model of mobilization.

Key words: synergetics, determinism, House theory, mobilization, mobilization training, dialectics, armed forces, social significance, research, scientific methods.

For citation: Glushachenko, S. B., Demidenko, V. V. (2025) Perspektivnye nauchnye podkhody k izucheniyu mobilizatsionnoy podgotovki v Rossiyskoy Federatsii [Promising Scientific Approaches to the Study of Mobilization Training in the Russian Federation]. *Leningradskiy yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 2 (80). Pp. 62–77. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2025_2_62. EDN: TGTBST

Введение

Понимание сущностной картины мира, а также событий и процессов, происходящих с нами и вокруг нас, зачастую ограничено способностями нашего восприятия и развития.

Древнегреческий философ Платон, живший в 427–347 гг. до нашей эры, в своих трудах уделял особое внимание изучению «подлинной сущности бытия». Он утверждал, что объективное и независимое состояние природы вещей существует отдельно и обособлено от сознания людей. Согласно его учениям, восприятие окружающего нас мира бытия нужно противопоставлять вечному и неизменному миру идей. Мир вещественного восприятия представляется как видимое и естественное состояние, в отличие от мира идей, существующего в иной параллельной плоскости. В своей работе «Государство» ученый провел четкое разграничение между знанием, мнением и незнанием [15, с. 142–153]. На основе общепризнанных принципов и постулатов теорий Платона любое явление и процесс следует рассматривать с точки зрения науки с учетом его значения для общества на различных этапах существования.

Актуальность применения синергетической теории в исследовании мобилизации и мобилизационной подготовки

Мобилизация и мобилизационная подготовка представляют собой множество отдельных и сложных элементов. Составные части этой огромной системы, как правило, принято изучать лишь в области их практического применения и правового регулирования, но если глубже вникнуть в их особенности и общественное значение, то становится необходимым рассмотреть все многообразие и специфику функционирования отдельных элементов данных процессов.

Основываясь на общенаучной картине мира и логике основоположников современной концепции философии права, следует первоначально определиться, что именно понимается под мобилизацией и мобилизационной подготовкой и каково их значение в жизни людей. Именно языковые обороты и научные термины отражают и описывают окружающую действительность и формируют наше отношение к ней.

Под дефиницией «наука» понимается деятельность, направленная на достоверное и объективное изучение явлений и процессов, включающая в себя исследование причинно-следственных связей, объединяющих структуру системных знаний и сопоставлений, а также представляющая собой систему унифицированных понятий и образов [8, с. 22]. На основании убеждений одного из самых известных американских социологов современности Роберта Мёртона в понятийный состав науки следует отнести и набор методов по сертификации знаний, их накоплению и сам процесс регулирования данной деятельности [2, с. 224]. Основным отличием научного знания от всех остальных видов знаний является его последовательность и систематизированность.

Для того чтобы детально разобраться в научном значении исследуемого явления, необходимо первоначально определиться с его ролью в структуре общества и государства. Так, процесс мобилизации в сознании простого обывателя олицетворяет собой привлечение дополнительных сил и ресурсов в ходе выполнения наиболее важных и ответственных задач. Но уже на законодательном уровне данное понятие трактуется, как социально-политическое явление, заключающееся в трансформации органов государственной власти, экономики, вооруженных сил и воин-

ских формирований к осуществлению своих функций в условиях ведения боевых действий¹.

Разработка теоретических и методологических принципов осмысления актуальных вопросов изучения теоретико-исторических наук является одной из наиболее значимых и актуальных задач научного познания. В этом направлении наиболее важно своевременно и верно определить приоритетные методологические векторы проведения научного исследования. Именно в данном направлении существует ряд определенных трудностей, заключающихся в формировании многочисленных рассуждений в отношении самого предмета исследования, что зачастую и не позволяет правильно понять суть применения используемых научных теорий.

С развитием науки и изменением общественной среды ее применения важно не просто правильно определить актуальность исследования, но и строго соблюсти стандарты его проведения, а также предвидеть саму научную парадигму. Американский философ Томас Кун, посвятивший всю свою жизнь изучению научных знаний, сформулировал понятие парадигмы как существование определенного образца или конкретной модели поиска разрешения научной проблематики при наиболее рациональном выборе пути ее достижения, а также признания и поддержки достигнутых результатов научным сообществом в определенный исторический период [4, с. 11]. В современной методологии научных исследований все активнее стирается грань между изучением гуманитарных и естественных наук, идеи и принципы которых все шире и шире внедряются в смежные саморазвивающиеся области знаний.

Справедливо отметить, что объектом историографических исследований является историческая наука, ее

¹ О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации: федер. закон от 26.02.1997 № 31-ФЗ (ред. от 23.03.2024).

состояние, развитие и закономерности в определенные временные этапы, а также иные факторы, способствующие ее изучению [11, с. 23]. В процессе научного познания историческая наука рассматривается не только в объеме человеческого мышления и общественно-социального восприятия, но и в более широком смысле общественного самосознания и форм общественного сознания, разделяющего ее на две подсистемы: общественно-идеологическую и общественно-психологическую, каждая из которых имеет свою структуру [14, с. 86–91]. Следует выделить место исторической мысли и исторической науки в сложной системе общественных отношений, начиная с самого широкого его понимания и заканчивая ее отдельными компонентами. В ходе исследования мобилизационной подготовки закономерно прибегнуть к использованию наиболее перспективных научных подходов при изучении материалов интересующего нас исторического периода. В данной связи, в преддверии применения законов синергетики, в проводимом исследовании, рационально начать с рассмотрения истории их зарождения и последующего развития.

Среди ученых принято считать, что основополагающей теорией, положившей начало развитию синергетики, является теория детерминированного хаоса. Сама суть детерминизма заключается в научном принципе, основанном на наличии причинно-следственных связей в физическом мире. Детерминизм основан на философской концепции, заключающейся во взаимодействии всех явлений и процессов между собой. Согласно законам детерминизма, все происходящее в мире предопределено внешними силами, существующими вне единой системы детерминистского хаоса [9, с. 20–25]. Многие философские теории детерминизма сводятся к мысли о том, что реальность следует неким предопределённым путём. Наиболее ярким примером исследования научного детерминизма

являются работы Пьера-Симона Лапласа, выдвинувшего теорию, о том, что если какое-нибудь разумное существо смогло бы узнать положение и скорость всех частиц в мире, то оно совершенно точно предсказало бы все события Вселенной. Впоследствии такое гипотетическое существо получило название Демона Лапласа [5, с. 34–39].

Положения данной теории хорошо проецируются на систему мобилизационной подготовки, которая при тщательном планировании и надежно отлаженном руководстве способна добиться успешного функционирования в интересах вооруженных сил и проводимой политики государства. Концепция детерминизма построена на том, что все события возможно просчитать, а случайности возникают лишь из-за отсутствия наших знаний или допущенных просчетов. При учете всех изначальных данных и правильных расчетах конечный результат полностью предсказуем. Некоторые принципы теории детерминизма сохранились в науке и в настоящее время. Например, эмпирический эксперимент, заключающийся в повторяемости процессов при одних и тех же заданных условиях, свидетельствует о получении абсолютно одинакового итогового результата.

Подходя к рассмотрению теории синергетики, важно уделить внимание и диалектическим вопросам в становлении современной науки. Диалектика сама по себе представляет отдельную отрасль исследования о наиболее общих законах развития природы, общества и мышления. Это учение прошло долгий исторический путь. Как и многие другие философские идеи диалектика зародилась в античной философии и представляла собой науку о подборе аргументов в споре. К осознанию диалектических основ мироздания подходили многие мыслители Древней Греции, но особо значимый вклад в ее развитие внес Платон. Впоследствии видный немецкий философ Г. В. Ф. Гегель в своем знаменитом труде

«Наука логики» подвел итоги и обобщил размышления предыдущих мыслителей [9, с. 83–91]. Основные понятия и принципы диалектики разработаны именно им. Диалектика Гегеля сформулировала основополагающие понятия, часть из которых нашла широкое применение в изучении философии права, такие как, например, процессуальность и отрицательности мышления. Большое внимание в своих работах ученый уделял историчности, которая в современной науке послужила одним из критериев для выделения в самостоятельную научную дисциплину историографии. Гегель утверждал, что все в мире развивается, все имеет свою историю и не может быть вечным, все находится в движении, а само движение (движение мысли, истории, общественных отношений и пр.) осуществляется в форме столкновения, отрицания и примирения противоположностей. Фактически после Гегеля развитие диалектики приостановилось. Хотя в официальной литературе советского периода обращение к диалектике Гегеля со стороны Маркса и Энгельса оценивалось не просто как ее продолжение и развитие, но и как созидание более высокого уровня, получившего название «диалектический материализм».

У каждой науки есть своя линейка присущих ей исследовательских методов, но существуют и общенаучные методы, без знания и навыков применения которых просто невозможно достичь поставленных целей научного исследования [6, с. 3]. Например, анализ и синтез преимущественно лежат в основе всех видов познавательной деятельности. Применение сравнительного анализа в ходе изучения мобилизационной подготовки заключается в аналитико-синтетической переработке информации, содержащейся во множестве изучаемых источников, с целью последующего извлечения новых фактов и сведений, явно в них не выраженных, но выводимых логическим

путём с привлечением экстралингвистической информации [16, с. 121]. По мнению А. А. Кокорина, смысл научного анализа в первую очередь заключается в мыслительной процедуре разложения познаваемого явления на его составные элементы для их изучения, вне зависимости от целого [3, с. 244]. В свою очередь Н. М. Амосов утверждал, что все научные системы построены из неких простых элементов, и исследование всех этих многочисленных элементов больших и сложных систем в отдельности представляют собой значительную сложность.

На основании проведенного анализа эффективности применения научных методов исследования, получивших общемировое признание, а также опираясь на исторический опыт проведения мобилизации, становится необходимым рассмотреть процесс мобилизационной подготовки с использованием теории синергии. Применение законов синергетики предоставит дополнительную возможность наиболее отчетливо понять специфику работы самоорганизации и нелинейности как последовательных, организованных и целенаправленных алгоритмов. Подобный подход обусловлен еще и тем, что мобилизация как кульминационная часть подготовки к ее проведению не является пассивной, а обладает функциями самоорганизации. В данной связи следует учитывать индивидуальные особенности и отдельные тенденции развития мобилизационной подготовки во всех сферах ее правового регулирования. Для построения эффективной мобилизационной модели необходимо применить принцип нелинейности, который по своей специфике как раз характерен для развивающихся социальных систем. Данному явлению присущи многочисленные варианты исхода событий при изначально одинаковых условиях развития самого процесса, в котором дополнительно предусматривается

возможность самоорганизации системы под воздействием случайных внешних факторов [10, с. 73–84].

Опыт минувших столетий, с произошедшими в них революциями, кризисами, войнами, экономическими и политическими событиями, зародил и укрепил в системе государственного управления мобилизационную подготовку как основу для деятельности армии и отраслей промышленно-экономического сектора в особых условиях. Но, несмотря на это, ни одна из передовых военных держав так и не смогла в конечном итоге построить надежную и хорошо отлаженную систему, способную в полном объеме обеспечить все потребности и нужды страны в условиях чрезвычайных ситуаций и ведения боевых действий.

Заключение

Следует отметить, что, несмотря на все современные передовые инновации, так же, как и сотни лет тому назад, самым важным и основополагающим критерием боевой готовности войск остается человеческий потенциал. Ни одно сражение не считается завершенным, пока нога солдата не станет на завоеванную территорию. Именно люди водружают победное знамя над головами и строениями поверженного противника, и люди отступают и сдают занимаемые ими территории.

Параллельно с происходившими войнами и кризисами всех предыдущих столетий большинством самых прогрессивных ученых в различных областях знаний предпринималось множество целенаправленных усилий на обобщение информации узкоспециализированных областей знаний в единые общенаучные термины и концепции. В настоящее время ученые все чаще обращают внимание на идентичные принципы самоорганизации научных систем знаний. Немецкий физик-теоретик Г. Хакен в 1973 г.

на международной научной конференции о проблемах самоорганизующихся систем сформулировал и применил ранее не используемое понятие «синергетика». Этот термин объединил в себе смысл двух греческих слова «syn» – «вместе», «ergeia» – «труд», что выражает процесс научного сотрудничества и одновременного совместного использования. Как свидетельствует сложившаяся практика, все первоначальные попытки перспективных научных идей сразу не приводят к намеченной консолидации ученого сообщества. На почве разногласий в среде ученых существует постоянно растущее количество противоречий, как раз и приводящее их к конкуренции между собой, и именно эти хаотичные и несвязанные мнения является неисчерпаемым источником энергии для движения науки к прогрессу [13, с. 272–275].

Согласно законам синергетики, ничего не появляется из ниоткуда и не уходит в никуда, также и мобилизационная подготовка начинает свое существование с противостояния вероятному противнику, что в свою очередь и служит фундаментом для построения алгоритмов ведения боевых действий и привлечения дополнительных резервов. Синергетика основана на совместном действии различных элементов, входящих в состав одной большой самоорганизующейся системы, а процесс мобилизации и подготовки к ее проведению аналогичным образом представляет собой целенаправленную деятельность по повышению уровня обороноспособности государства и эффективности применения вооруженных сил.

В современной картине мироздания всему сущему свойственна хаотическая динамика, в составе которой существуют силы, приводящие ее в состояние порядка и постоянного противоборства друг с другом, что неизменно ведет к новым виткам развития цивилизации и общества. Объединяет в себе все эти доводы и идеи срав-

нительно молодое научное направление под названием синергетика. Положительный эффект синергии в системе мобилизационной подготовки достигается путем централизации деятельности всех ее элементов. Использование синергетической теории позволяет применить новые принципы закономерностей в ходе проводимого исследования, в отличие от используемых ранее, суть которых заключалась лишь в изучении отдельных областей правового регулирования и функционировании процессов мобилизационной подготовки.

Для полноценного освоения законов синергетических систем, как правило, применяются стратегии научного поиска и системного анализа, предполагающие учет принципиальной неоднозначности поведения подсистем и составляющих их элементов, возможность перескока с одной траектории на другую и утрату системной памяти, когда система забывает свои прошлые состояния или действует спонтанно и непредсказуемо. Применительно к изучению многообразия форм исторического развития общественных отношений подобный подход применил А. Д. Тойнби, выразивший его в многовариантности развития цивилизаций, при котором важно учитывать воздействие на общественное сознание авторитета и особых талантов выдающихся людей [12, с. 653–661]. В истории российской государственности сохранилось немало примеров великих военных побед и бывшего величия, заложенного в нас на генетическом уровне, что также важно предусмотреть при подготовке и ведении масштабных боевых действий.

В современном мире, как и сотни лет назад, наиболее ярким индикатором мирового влияния и международного авторитета государства на остальное международное сообщество, по-прежнему остаются его обороноспособность и военный потенциал. Оценивать уровень обороноспо-

способности и военной мощи стоит не только в соответствии с правилами военных наук, основанных на математических подсчетах количественных и статистических показателей наличия вооружения, военной техники и солдат. Также следует учесть и финансово-экономические резервы, которые позволят усилить военную мощь в случае возникновения подобной необходимости. В архитектуре мобилизационной подготовки важно предусмотреть, что любой элитный отряд самого боееспособного спецподразделения окажется попросту беспомощным в противостоянии с общевойсковым подразделением, имеющим численное превосходство и состоящим из граждан, призванных по мобилизации, пусть даже большая часть из которых имеет лишь уровень начальной военной подготовки. Квалификация отдельно взятого солдата однозначно имеет значение, но когда речь идет о крупномасштабной войне, а не об отдельно взятом локальном военном конфликте, численное превосходство становится решающим фактором на пути к достижению поставленной цели. Применение сравнительного метода в ходе исследования мобилизации наряду с основными методологическими подходами послужит отдельным инструментом для проверки практической ценности и значимости явлений и концепций синергии [7, с. 405–406].

Синергетический подход в силу своей неоднозначности и непропорциональности хорошо применим к общественным и социально-бытовым отношениям среди различных групп населения. Особую роль в построении синергетической модели мобилизационной подготовки следует уделить социальным вопросам, патриотическому воспитанию подрастающего поколения и построению институтов гражданского общества. Кроме того, следует отметить, что использование синергетической модели при исследовании мобилизационной подго-

товки позволит выявить уровень обучаемости военных руководителей и их способности к постоянному обновлению знаний и саморазвитию.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что изучение мобилизационной подготовки с применением положений синергетических принципов приобретает принципиально новое инновационное направление в современной науке. Обособленные элементы системы способны объединить в себе синергетические парадигмы, построенные на законах самоорганизации и нелинейности наряду с идеями о конструктивной функции хаоса. Развитие и последующее применение знаний синергетики на практике поможет построить прогрессивную модель быстроразвивающейся и устойчивой системы мобилизационной подготовки, что в свою очередь существенно повысит качество ее функционирования в современных реалиях.

Список литературы

1. Анисин А. Л. Дialeктика и синергетика как философские мифы // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2015. – Т. 16. – Вып. 3. – С. 83–91.
2. Квейд Э. Методы и процедуры. Анализ сложных систем. – М.: Советское радио, 1969. – С. 224.
3. Кокорин А. А. Анализ: теория, методология, методика (аксиоматическое эссе). – М.: МГОУ, 2009. – С. 244.
4. Кун Т. С. Структура научных революций. – М.: АСТ, 2020. – С. 11.
5. Лаплас П. С. Опыт философии теории вероятностей. – М.: ООО Издательство ЛКИ, 2021. – С. 34–39.
6. Майданов А. С. Искусство открытия: Методология и логика научного творчества. – М.: Репро, 1993. – С. 3.
7. Мальцев Г. В. Социальные основания права. – М.: ИНФРА-М, 2023. – С. 405–406.
8. Понкин И. В., Лаптева А. И. Аналитика. Право. Цифра. – М.: Буки Веди, 2021. – С. 22.
9. Порезанова Е. В. Законы возникновения синергетических эффектов в экономике России // Известия Саратовского университета. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2022. – Т. 22. – Вып. 1. – С. 20–25. DOI: 10.18500/1994-2540-2022-22-1-20-25
10. Пригожин И. Р., Стенгерс И. Д. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. – М.: КомКнига, 2005. – С. 73–84.
11. Сахаров А. М. О некоторых вопросах историографических исследований // Вестник МГУ. – № 6. – 1963. – С. 23.

12. Тойнби А. Дж. Постижение истории. – М.: Академический проект, 2023. – С. 653–661.
13. Хакен Г. М. Тайны восприятия. – М.: Институт компьютерных исследований, 2002. – С. 272–275.
14. Шалаев В. П. Синергетика в пространстве современных общественных теорий: истоки (Н. Н. Моисеев и С. П. Курдюмов) // Труды БГТУ. Серия № 6. – 2020. – № 1. – С. 86–91. EDN: XWEKSH
15. Шафоростов А. И. История фундаментальных идей: диалектика // Известия Лаборатории древних технологий. – 2022. – Т. 18. – № 3. – С. 142–153. DOI: 10.21285/2415-8739-2022-3-142-153
16. Юдин Э. Г. Методология науки. Системность. Деятельность. – М.: Эдиториал, 1997. – С. 121.

References

1. Anisin, A. L. (2015) *Dialektika i sinergetika kak filosofskie mify* [Dialectics and synergetics as philosophical myths]. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii – Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy*. Vol. 16. Issue 3. Pp. 83–91. (In Russian).
2. Kvejd, E. (1969) *Metody i procedury. Analiz slozhnyh sistem* [Methods and procedures. Analysis of complex systems]. Moscow: Sovetskoe radio. (In Russian).
3. Kokorin, A. A. (2009) *Analiz: teoriya, metodologiya, metodika (aksiomaticheskoe esse)* [Analysis: theory, methodology, methodology (axiomatic essay)]. Moscow: MGOU. (In Russian).
4. Kun, T. S. (2020) *Struktura nauchnyh revolyucij* [The structure of scientific revolutions]. Moscow: AST. (In Russian).
5. Laplas, P. S. (2022) *Opyt filosofii teorii veroyatnostej* [The experience of the philosophy of probability theory]. Moscow: ООО Izdatel'stvo LKI. (In Russian).
6. Majdanov, A. S. (1993) *Iskusstvo otkrytiya: Metodologiya i logika nauchnogo tvorchestva* [The art of discovery: Methodology and logic of scientific creativity]. Moscow: Repro. (In Russian).
7. Mal'cev, G. V. (2023) *Social'nye osnovaniya prava* [Social foundations of law]. Moscow: INFRA-M. (In Russian).
8. Ponkin, I. V., Lapteva, A. I. (2021) *Analitika. Pravo. Cifra* [Analytics. Right. Figure]. Moscow: Cifra. (In Russian).
9. Porezanova, E. V. (2022) *Zakony vzniknoveniya sinergeticheskikh effektov v ekonomike Rossii* [Laws of the emergence of synergetic effects in the Russian economy]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta – Proceedings of the Saratov University*. Vol. 22. No. 1. Pp. 20–25. (In Russian).
10. Prigozhin, I. R., Stengers, I. D. (2005) *Poryadok iz haosa. Novyj dialog cheloveka s prirodoy* [Order from chaos. A new dialogue between man and nature]. Moscow: KomKniga. (In Russian).
11. Saharov, A. M. (1963) *O nekotorykh voprosakh istoriograficheskikh issledovanij* [On some issues of historiographical research]. *Vestnik MGU – Bulletin of the Moscow State University*. No. 1. P. 23. (In Russian).
12. Tojnbi, A. Dzh. (2023) *Postizhenie istorii* [Comprehension of history]. Moscow: Akademicheskij projekt. (In Russian).
13. Haken, G. M. (2002) *Tajny vospriyatiya* [Secrets of perception]. Moscow: Institut komp'yuternykh issledovanij. (In Russian).
14. Shalaev, V. P. (2020) *Sinergetika v prostranstve sovremennykh obshchestvennykh teorii: istoki* (N. N. Moiseev i S. P. Kurdyumov) [Synergetics in the space of modern

social theories: origins (N. N. Moiseev and S. P. Kurdyumov)]. *Trudy BGTU – Proceedings of BGTU*. Vol. 6. No.1. Pp. 86–91. (In Russian). EDN: XWEKSH

15. Shaforostov, A. I. (2022) Istoriya fundamental'nyh idej: dialektika [The history of fundamental ideas: dialectics.]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy – Proceedings of the Laboratory of Ancient Technology*. Vol. 18. No. 3. Pp. 142–153. (In Russian). DOI: 10.21285/2415-8739-2022-3-142-153

16. Yudin, E. G. (1997) *Metodologiya nauki. Sistemnost'. Deyatel'nost'* [Methodology of Science. Consistency. Activity]. Moscow: Editorial. (In Russian).

Личный вклад соавторов

Personal co-authors contribution
50/50 %

Об авторах

Глушаченко Сергей Борисович, доктор юридических наук, профессор, Мурманский арктический университет, г. Мурманск, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0001-9499-0081, e-mail: professor_p@list.ru

Демиденко Владимир Владимирович, аспирант, Мурманский арктический университет, г. Мурманск, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0005-3712-2209, e-mail: demidenkva@mail.ru

About the authors

Sergey B. Glushachenko, Dr. Sci. (Law), Full Professor, Murmansk Arctic University, Murmansk, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0001-9499-0081, e-mail: professor_p@list.ru

Vladimir V. Demidenko, Postgraduate student, Murmansk Arctic University, Murmansk, Russian Federation, ORCID ID: 0009-0005-3712-2209, e-mail: demidenkva@mail.ru

Поступила в редакцию: 30.03.2025
Принята к публикации: 05.04.2025
Опубликована: 30.06.2025

Received: 30 March 2025
Accepted: 05 April 2025
Published: 30 June 2025

К исследованию правового содержания понятия «реформа»

К. В. Петров

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В настоящее время в современных социальных науках активно используется дефиниция «реформа», между тем практически нигде ее содержание не раскрывается. Предполагается, что среди специалистов существует определенный консенсус в отношении данного термина. В 2020 г. нами было предложено понимание данного понятия в соответствии с иными категориями теории государства и права. В работе предпринимается попытка дополнить данную конструкцию с учетом замечаний, высказанных коллегами. В первую очередь речь идет о содержании «правореализации» как признаке реформы.

Ключевые слова: теория права, реформа, реализация права, применение права, признаки реформы.

Для цитирования: Петров К. В. К исследованию правового содержания понятия «реформа» // Ленинградский юридический журнал. – 2025. – № 2 (80). – С. 78–90. DOI: 10.35231/18136230_2025_2_78. EDN: TJOQJN

Towards the Study of the Legal Content of the Concept of "Reform"

Konstantin V. Petrov

Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

Currently, the concept of "reform" is actively used in modern social sciences. Meanwhile, practically nowhere is the content of this concept disclosed. It is assumed that there is a certain consensus among experts regarding this term. In 2020, the author proposed an understanding of this concept in accordance with other concepts of the theory of state and law. The paper attempts to supplement this construction, taking into account the comments made by colleagues. First of all, we are talking about the content of "legal realization" as a sign of reform.

Key words: theory of law, reform, implementation of law, application of law, signs of reform.

For citation: Petrov, K. V. (2025) K issledovaniju pravovogo sodержaniya ponjatija "reforma" [Towards the Study of the Legal Content of the Concept of "Reform"]. *Leningradskij juridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*, No. 2 (80). Pp. 78–90. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2025_2_78. EDN: TJOQJN

Введение

В современном мире право как система научных знаний существует в том числе как способ конструирования социальной реальности. С этой точки зрения определение может отражать номинальную, сконструированную реальность. В любом случае формулирование правовых дефиниций важная составляющая часть юридической техники.

Термин «реформа» широко используется в социальных (общественных) науках: философии, социологии, экономике, политологии, культурологии, истории, правоведении. Сайт elibrary.ru по запросу «реформа» выдает 7816 единиц публикаций (на 18.05.2025). При просмотре исследований за 2023 и неполный 2024 г. в системе указано 559 наименований научных исследований, имеющих в ключевых словах термин «реформа». Причем выборочный просмотр общедоступных работ из указанной выборки позволяет заключить: среди них нет ни одного исследования, содержащего определения термина «реформа». Примечательно, что все исследования юристов, при том что в них также отсутствует определение реформы, касаются анализа недостатков существующих нормативных актов и предложениям по их изменениям.

Формирование понятий (терминов) и раскрытие их признаков, объема и содержания в дефинициях (определениях) является одним из важнейших общенаучных методов, в том числе юриспруденции. При этом важно, чтобы определение адекватно отражало фрагмент реальной действительности (предмет) [1].

Понятие «реформа» в социальных и гуманитарных науках

Национальная социологическая энциклопедия приводит четыре определения термина: «1) частичное усовершенствование в какой-либо сфере жизни, ряд по-

степенных преобразований, не затрагивающих основ существующего социального строя; 2) преобразование, переустройство какой-либо стороны общественной жизни (порядков, институтов, учреждений), не нарушающее основ существующего социального порядка. 3) преобразование, изменение, переустройство к.-л. стороны общественной жизни (порядков, институтов, учреждений), не уничтожающее основ существующей социальной структуры. 4) любое нововведение»¹. Впрочем, встречается иное понимание – «радикальное, фронтальное, всеохватывающее переустройство социальной структуры».

Более общее определение содержится в философской энциклопедии: «реформа (от лат. *reformo* – преобразываю) – преобразование, изменение, переустройство какой-либо стороны общественной жизни (порядков, институтов, учреждений), не уничтожающее основ существующей социальной структуры. С формальной точки зрения под реформой подразумевается нововведение любого содержания. Однако в политической практике и политической теории реформой обычно называют более или менее прогрессивное преобразование»².

В общей исторической науке было предложено считать реформой «преобразования, изменения, переустройство какой-либо стороны общественной жизни (порядков, институтов, учреждений), не уничтожающее основ существующей социальной структуры» [9, с. 36–37]. Это определение частично совпадает с теми, что содержатся в Советском энциклопедическом словаре (1979) и Философском энциклопедическом словаре (1983).

Итак, будучи широко применяемым в разговорной и научной лексике, реформа понимается как обозначе-

¹ Национальная социологическая энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <https://voluntary.ru/search?q=реформа&type=words> (дата обращения: 27.05.2024).

² Бовин А. Реформа // Философская энциклопедия: в 5 т. [Электронный ресурс]. URL: <http://philosophy.niv.ru/doc/encyclopedia/philosophy/articles/1061/reforma.htm> (дата обращения: 27.05.2024).

ние изменений, происходящих в общественной жизни. По существу, следует полагать, что понимание термина «реформа» основано на общественном консенсусе (как принято, по формуле «это всем известно»).

В 2013–2014 гг. среди историков состоялось обстоятельное обсуждение феномена реформ в европейской истории [см. 19]. Среди всех участников дискуссии лишь однажды вполне определенно было обозначено, что «реформа» – «сознательное изменение в определенной области государственной или общественной жизни» [19, с. 179]. Историками было также предложено понимание реформы как «осознанного эволюционного изменения во вполне определенной сфере жизни» людей [5, с. 8]. Несмотря на проведенную дискуссию, в исторической науке до сих пор не выработано единое понимание данного термина. Нередко без указаний на содержание термина «реформа», историки пишут о «государственной реформе», «законодательной реформе», и даже «полуреформе» [см.: 11].

Большой юридический словарь дает следующее определение понятию «реформа»: «преобразование, изменение, переустройство какой-либо стороны общественной жизни (порядков, институтов, учреждений); формально – любое нововведение, однако обычно реформой называют более или менее прогрессивное преобразование»¹. Таким образом, в юридическом словаре по существу повторяется определение философской энциклопедии со всеми его недостатками – оценочным понятием «прогрессивное преобразование».

В историко-правовых исследованиях содержится попытка сформулировать содержание видовых характеристик реформы. В частности, это относится к понятию «судебная реформа». Д. О. Серов предложил считать

¹ Большой юридический словарь М., 2003. [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/lower/17981> (дата обращения: 21.10.2024).

такowymi «совокупность взаимосвязанных, системных, нормативно закреплённых на общегосударственном уровне (в том числе и кодификационно) изменений в области судоустройства и судопроизводства, принятых с целью достижения максимальной эффективности функционирования судебной системы и осуществлённых в исторически ограниченный период [16, с. 15]. Иную формулировку понятию «судебная реформа» предложила Н. Н. Ефремова: «совокупность мероприятий, проводимых компетентными органами государства, по преобразованию, полному или частичному, основ и институтов судоустройства и судопроизводства» [6, с. 25].

В последнее время понимание того, что «элементы исторической методологии следует использовать с особой осторожностью» стало отчетливо осознаваться учеными-юристами [10, с. 118]. Следует полагать, что изучение содержания понятия «реформа» в разные исторические периоды не позволит ученым установить его современное содержание. Исследование понятия «реформа» возможно в рамках общего теоретического анализа в системе иных терминов юридических наук. При этом требуется соблюдать определенные логические правила образования определений, при которых нельзя подменять определение с похожими операциями: «сравнением (образное пояснение), описанием (перечисление признаков предмета), характеристикой (выделение лишь некоторых признаков предмета), объяснением (раскрытием сущности объекта путём выявления законов его функционирования и развития)» [2].

Понятие «реформа» в юридической науке в последние годы

Сравнительно недавно нами было предложено следующее определение понятия «реформа» – «изменения

в жизни общества, которые ведут к появлению, и/или трансформации, и/или исчезновению конкретных общественных отношений, осуществляемые в форме издания нормативных актов и их реализации» [12]. Под «правовой реформой» понимается «целенаправленное изменение системы права, направленное на упорядочение объективного права, на приведение его в должное системное, внутренне согласованное состояние» [12, с. 161]. Как следует из предложенного определения, способом проведения реформы является издание одного и нескольких нормативных правовых актов разного иерархического уровня, и деятельность компетентных органов власти, и граждан по их реализации. Признаками реформа являются: 1) нормативный правовой акт; 2) его реализация. Существуют и другие не менее интересные подходы [3, 4, 7].

Например, формой проведения реформы контрольно-надзорной деятельности стали три федеральных закона: 1) «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в РФ» от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ; 2) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в РФ"» от 11.06.2021 г. № 170-ФЗ; 3) «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» от 31.07.2020 № 247-ФЗ. Полагаем, что принятие указанных законов (с 31.07.2020) является первым этапом реформы; второй этап реформы – реализация норм законов в практической деятельности уполномоченных органов власти – начался с момента вступления в основного федерального закона в силу 01.07.2021. Безусловно, нормы указанных законов были конкретизированы в постановлениях Правительства РФ, семь из которых вступили в силу в тот же день (01.07.2021): от 25.06.2021 № 995; от 25.06.2021 № 997;

от 25.06.2021 № 1004; от 25.06.2021 № 1005; от 25.06.2021 № 1007; от 25.06.2021 № 1010; от 29.06.2021 № 1046, остальные были приняты и вступили в действие позже.

Поскольку в указанные законы и подзаконные акты внесены изменения, их можно рассматривать в качестве следующих этапов реформы. Например, в Федеральный закон «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» от 31.07.2020 № 247-ФЗ, вступивший в силу с 01.11.2020 г. трижды вносились изменения – федеральными законами от 11.06.2021 № 170-ФЗ; от 16.04.2022 № 104-ФЗ; от 24.09.2022 № 371-ФЗ.

Реформа контрольно-надзорной деятельности, проводимая путем издания указанных нормативных актов и их реализации в практической деятельности компетентных органов власти, с неизбежностью должна была привести к реформам в рамках организаций в форме принятия новых или изменения существующих локальных актов и корректировке работы соответствующих структурных подразделений [17].

Приведенный пример является иллюстрацией возможного подхода к реализации предложенного определения понятия «реформа». Но стоит отметить, что юридическая наука является практико-ориентированной системой объективных знаний. С этой точки зрения ценность использования понятия «реформа» в юридической науке не является очевидной. Подобного мнения придерживается С. Б. Поляков. Основой его критического отношения к теоретическому осмыслению понятия «реформа» является технико-юридические ошибки и откровенное невежество законодателя и/или его определенные маскируемые политические просчеты [14, с. 452].

В 2024 г. на базе Нижегородской академии МВД России состоялся обмен мнений юристов по поводу содержания понятий «реформа», используемых в научных исследо-

ваниях. Подход автора настоящей работы, изложенный выше, был в целом поддержан В. А. Толстиком. Однако ученый отметил, что в случае если закон не может быть реализован («мертвый закон»), то следует говорить о неудавшейся реформе [18, с. 82]. Представляется, исходя из предложенного нами определения, закон, который не может быть реализован, не обладает признаками «юридической и социальной адекватности» [см. об этом: 13, с. 19], нельзя называть реформой.

Федеральным законом от 08.03.2015 № 42-ФЗ¹, в ГК РФ была введена ст. 431.2, содержащая конструкцию «гарантии и заверения» [20]. В соответствии с п. 1 ст. 431.2 ГК РФ, сторона, которая при заключении договора либо до его заключения дала другой стороне недостоверные заверения об обстоятельствах, имеющих значение для заключения договора, его исполнения или прекращения (в том числе относящихся к полномочиям на его заключение), обязана возместить другой стороне по ее требованию убытки, причиненные недостоверностью таких заверений. В 2019 г. в Куйбышевском суде Санкт-Петербурга слушалось дело М-2312/19, в котором юридическое лицо (истец) осуществляло права, предоставленное нормой указанной статьи и с учетом разъяснения, содержащегося в п. 35 постановления Пленума Верховного суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 49. При рассмотрении дела в удовлетворении иска было отказано. Означает ли это, что реформа, осуществленная в форме издания Федерального закона от 08.03.2015 № 42-ФЗ, оказалась неудачная. Думается, нет. В данном случае реформа заключалась в наделении лиц определенными субъективными правами и юридическими обязанностями.

¹ О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации: федер. закон 08.03.2015 № 42-ФЗ // СЗ РФ от 9 марта 2015 г. № 10. Ст. 1412.

Заключение

В развитии замечания В. А. Толстика, в рамках предложенной нами парадигмы содержания понятия «реформа» стоит указать следующее. Правореализация, будучи признаком реформы, далеко не всегда связана с необходимостью совершения действий (правоприменительных или правотворческих) органов власти. Зачастую принятие закона создает возможность его реализации субъектами права (например, физическими лицами) в разных формах. Иначе говоря, если закон может быть фактически реализован субъектами права, следует полагать, что реформа окончилась его вступлением в силу.

Список литературы

1. Балахонский В. В. Философские проблемы методологии права // Философия права. – 2011. – № 5 (48). – С. 5–19. EDN: UFDGYK DOI: 10.35750/2071-8284-2021-4-10-17
2. Балахонский В. В., Марков С. М. Денотация и коннотация как логический приём в юридической технике // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2021. – № 4 (92). – С. 10–17. EDN: PUYTRJ
3. Глухарева Л. И. Права человека как основание классификации реформ в России // Вестник РГГУ. Серия Экономика. Управление. Право. – 2014. – № 9 (131). – С. 11–28. EDN: SMUFFJ
4. Глушко Е. К. Административная реформа в России: концепция, реализация, итоги. – М.: ТЕИС, 2011. – 152 с. EDN: QSCYBN
5. Данилевский И. Н. Предисловие // Реформы в России с древнейших времен до конца XX в. – Т. 1. IX–XVII вв. – М., 2016. – С. 13–18. EDN: CMJBEV
6. Ефремова Н. Н. Историография российского государства и права: краткий очерк // Государство и право. – 2016. – № 3. – С. 23–27. EDN: VXDRPF
7. Жуйков В. М. Судебная реформа: проблемы доступа к правосудию. – М.: Статут, 2006. – 283 с. EDN: QWXVYD
8. Ильин В. В., Панарин А. С., Ахиезер А. С. Реформы и контрреформы в России. – М.: МГУ, 1996. – 400 с. EDN: WOCUAB
9. Каменский А. Б. От Петра I до Павла I: Реформы в России XVIII в. (Опыт целостного анализа). – М., 1999. – 575 с.
10. Мамонтов А. Г. Историческая методология как инструмент правовой науки и правовой идеологии // Международный журнал конституционного и государственного права. – 2018. – № 1. EDN: XQCFID
11. Петров К. В. Понятие «реформа» в историко-правовой науке (история и методология) // Проблема защиты прав: история и современность. XIII междунар. научн.-практ. конф. – СПб., 2019. – С. 113–116. EDN: RCAOLK
12. Петров К. В. Понятия «правовая реформа» и «реформа» в юридической науке // Государство и право. – 2020. – № 4. – С. 156–161. DOI: 10.31857/S013207690009319-2. EDN: JSSHYX

13. Поляков С. Б. Дефекты законодательства и правоприменительной практики как предмет юридической науки // Российский юридический журнал. – 2017. – № 1 (112). – С. 16–22. EDN: YIAFSJ

14. Поляков С. Б. Правовая реформа – понятие без собственного содержания // Пятнадцатые Бабаевские чтения. Правовая реформа: история, теория, практика, техника: сб. статей по материалам междунар. научн.-практ. конф. Нижний Новгород, 31 мая 2024 г. – Нижний Новгород: Нижегородской академии МВД России, 2024. – С. 448–456.

15. Сергеев А. П., Терещенко Т. А. Реформа Гражданского кодекса Российской Федерации: общий комментарий новелл обязательственного права // Арбитражные споры. – 2015. – № 3. – С. 145–166. EDN: ARTPRK

16. Серов Д. О. Судебная реформа Петра I. Историко-правовое исследование. – М., 2009. – 488 с. EDN: RAXVVV

17. Стенькин Д. С. Реформа контрольной (надзорной) деятельности в Российской Федерации: опыт цифровизации // Legal Bulletin. – 2024. – Т. 9. – № 1. – С. 52–65. EDN: NQFBIG

18. Толстик В. А. Причины неэффективных (неудачных) правовых реформ // Пятнадцатые Бабаевские чтения. Правовая реформа: история, теория, практика, техника: сб. статей по материалам междунар. научн.-практ. конф. Нижний Новгород, 31 мая 2024 г. – Нижний Новгород: Нижегородской академии МВД России, 2024. – С. 76–85. EDN: FMRHOP

19. Феномен реформ на Западе и Востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.): сб. статей. – СПб., 2013. – 364 с. EDN: SIASUZ

20. Чумаков А. А. Ведение переговоров по новым правилам: новеллы Закона № 42-ФЗ // Закон. – 2015. – № 6. – С. 77–82. EDN: TZBRDJ

References

1. Balahonskij, V. V. (2011) *Filosofskie problemy metodologii prava* [Philosophical problems of legal methodology]. *Filosofija prava – Philosophy of law*. No. 5 (48). Pp. 5–19. (In Russian). EDN: UFDGYK DOI: 10.35750/2071-8284-2021-4-10-17

2. Balahonskij, V. V., Markov, S. M. (2021) *Denotacija i konnotacija kak logicheskiy prijem v juridicheskoj tehnike* [Denotation and connotation as a logical device in legal technique]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*. No. 4 (92). Pp. 10–17. (In Russian). EDN: PUYTRJ

3. Gluhareva, L. I. (2014) *Prava cheloveka kak osnovanie klassifikacii reform v Rossii* [Human rights as a basis for classifying reforms in Russia]. *Vestnik RGGU. Serija Ekonomika. Upravlenie. Pravo*. No. 9 (131). Pp. 11–28. (In Russian). EDN: SMUFFJ

4. Glushko, E. K. (2011) *Administrativnaja reforma v Rossii: koncepcija, realizacija, itogi* [Administrative reform in Russia: concept, implementation, results]. Moscow: TEIS (In Russian). EDN: QSCYBN

5. Danilevskij, I. N. (2016) *Predislovie* [The preface]. *Reformy v Rossii s drevnejshih vremen do konca XX v.* [Reforms in Russia from ancient times to the end of the 20th century]. Vol. 1. IX–XVII Century. Moscow. (In Russian). EDN: CMJBVE

6. Efremova, N. N. (2016) *Istoriografija rossijskogo gosudarstva i prava: kratkij ocherk* [Historiography of the Russian State and Law: a brief outline]. *Gosudarstvo i pravo – State and law*. No. 3. (In Russian). EDN: VXDRPF

7. Zhujkov, V. M. (2006) *Sudebnaja reforma: problemy dostupa k pravosudiju* [Judicial reform: problems of access to justice]. Moscow. Statut. (In Russian). EDN: QWXYVD

8. Il'in, V. V., Panarin, A. S., Ahiezer, A. S. (1996) *Reformy i kontrreformy v Rossii* [Reforms and counter-reforms in Russia]. Moscow. MGU. (In Russian). EDN: WOCUAB

9. Kamenskij, A. B. (1999) *Ot Petra I do Pavla I: Reformy v Rossii XVIII v. (Opyt celostnogo analiza)* [From Peter I to Paul I: Reforms in Russia of the XVIII century (The experience of a holistic analysis)]. Moscow. (In Russian).
10. Mamontov, A. G. (2018) Istoricheskaja metodologija kak instrument pravovoj nauki i pravovoj ideologii [Historical methodology as a tool of legal science and legal ideology]. *Mezhdunarodnyj zhurnal konstitucionnogo i gosudarstvennogo prava – International Journal of Constitutional and State Law*. No. 1. Pp. 113–118. (In Russian). EDN: XQCFID
11. Petrov, K. V. (2019) Ponjatie "reforma" v istoriko-pravovoj nauke (istorija i metodologija) [The concept of "reform" in historical and legal science (history and methodology)]. *Problema zaschity prav: istorija i sovremennost'* [The problem of rights protection: history and modernity]. XIII International Scientific and Practical Conference. St. Petersburg. Pp. 113–116. (In Russian). EDN: RCAOLK
12. Petrov, K. V. (2020) Ponjatija "pravovaja reforma" i "reforma" v juridicheskoy nauke [The concepts of "legal reform" and "reform" in legal science]. *Gosudarstvo i pravo – State and law*. No. 4. Pp. 156–161. (In Russian). DOI: 10.31857/S013207690009319-2. EDN: JSSHYX
13. Poljakov, S. B. (2017) Defekty zakonodatel'stva i pravoprimenitel'noj praktiki kak predmet juridicheskoy nauki [Defects in legislation and law enforcement practice as a subject of legal science]. *Rossijskij juridicheskij zhurnal – Russian Law Journal*. Vol. 1 (112). Pp. 16–22. (In Russian). EDN: YIAFSJ
14. Poljakov, S. B. (2024) Pravovaja reforma – ponjatie bez sobstvennogo soderzhanija [Legal reform is a concept without its own content]. *Pjtnadcatye Babaevskie chtenija. Pravovaja reforma: istorija, teorija, praktika, tehnika* [The fifteenth Babayev readings. Legal reform: history, theory, practice, technique]. Collection of articles on the materials of the international scientific and practical conference Nizhny Novgorod, May 31, 2024. Nizhnij Novgorod: Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. Pp. 448–456. (In Russian).
15. Sergeev, A. P., Tereschenko, T. A. (2015) Reforma Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii: obschij kommentarij novell objazatel'stvennogo prava [The reform of the Civil Code of the Russian Federation: a general commentary on the novels of the law of obligations]. *Arbitrazhnye spory – Arbitration disputes*. No. 3. Pp. 145–166. (In Russian). EDN: ARTPRK
16. Serov, D. O. (2009) *Sudebnaja reforma Petra I. Istoriko-pravovoe issledovanie* [Judicial reform of Peter I. Historical and legal research]. Moscow. (In Russian). EDN: RAXVWV
17. Sten'kin, D. S. (2024) Reforma kontrol'noj (nadzornoj) dejatel'nosti v Rossijskoj Federacii: opyt cifrovizacii [The reform of control (supervisory) activities in the Russian Federation: the experience of digitalization]. *Legal Bulletin*. Vol. 9. No 1. Pp. 52–65. (In Russian). EDN: NQFBIG
18. Tolstik, V. A. (2024) Prichiny neeffektivnyh (neudachnyh) pravovyh reform [The reasons for ineffective (unsuccessful) legal reforms]. *Pjtnadcatye Babaevskie chtenija. Pravovaja reforma: istorija, teorija, praktika, tehnika* [The fifteenth Babayev readings. Legal reform: history, theory, practice, technique]. Collection of articles on the materials of the international scientific and practical conference Nizhny Novgorod, May 31, 2024. Nizhnij Novgorod: Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. Pp. 76–85. (In Russian). EDN: FMRHOP
19. *Fenomen reform na Zapade i Vostoke Evropy v nachale Novogo vremeni (XVI–XVIII vv.)* (2013) [The phenomenon of reforms in Western and Eastern Europe at the beginning of Modern Times]. Collection of articles. St. Petersburg. (In Russian). EDN: SIASUZ
20. Chumakov, A. A. (2015) Vedenie peregovorov po novym pravilam: novelly Zakona № 42-FZ [Negotiating new rules: Novelties of Law No. 42-FZ]. *Zakon – Law*. No. 6. Pp. 77–82. (In Russian). EDN: TZBRDJ

Об авторе

Петров Константин Васильевич, кандидат юридических наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0001-9524-1402, e-mail: 1petrov_kv@mail.ru

About the author

Konstantin V. Petrov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0001-9524-1402, e-mail: 1petrov_kv@mail.ru

*Поступила в редакцию: 27.04.2025
Принята к публикации: 20.05.2025
Опубликована: 30.06.2025*

*Received: 27 April 2025
Accepted: 20 May 2025
Published: 30 June 2025*

Нормативное регулирование и структурное построение системы охраны северных рубежей Советского государства в межвоенный период (1918–1941)

Р. А. Ромашов, Д. А. Ерофеев

Мурманский арктический университет,
г. Мурманск, Российская Федерация

Исследование правовых основ пограничной охраны в Арктике 1918–1941 гг. актуализируется современными вызовами безопасности северных границ России. Рассмотрена эволюция нормативной базы пограничных формирований на Крайнем Севере и особенности институционального становления системы охраны в Арктическом регионе. Проанализированы правовые акты, определявшие функции пограничных органов при утверждении суверенитета СССР в Арктике, и специфика их взаимодействия с другими структурами госбезопасности. Выделены ключевые периоды развития системы: от единичных постов в начале советской власти до многоуровневой организационной структуры накануне войны с Германией, что отражает возрастание стратегической роли заполярных территорий в обеспечении безопасности Советского государства.

Ключевые слова: пограничные войска, Арктический регион, охрана государственной границы СССР, правовое регулирование, секторальный принцип, северные рубежи, организационная структура, национальная безопасность.

Для цитирования: Ромашов Р. А., Ерофеев Д. А. Нормативное регулирование и структурное построение системы охраны северных рубежей Советского государства в межвоенный период (1918–1941) // Ленинградский юридический журнал. – 2025. – № 2 (80). – С. 91–111. DOI: 10.35231/18136230_2025_2_91. EDN: UBDGMC

Organizational and Legal Aspects of the Soviet Border Guard Functioning in the Arctic Region (1918–1941)

Roman A. Romashov, Denis A. Erofeev

Murmansk Arctic University,
Murmansk, Russian Federation

The study of legal foundations of border protection in the Arctic during 1918–1941 gains relevance in light of contemporary security challenges facing Russia's northern borders. The article examines the evolution of the regulatory framework for border formations in the Far North and the institutional development features of the protection system in the Arctic region. Legal acts defining the functions of border authorities in asserting USSR sovereignty in the Arctic and the specifics of their interaction with other state security structures are analyzed. Key developmental periods of the system are identified: from isolated posts in the early Soviet era to a multi-level organizational structure on the eve of war with Germany, reflecting the increasing strategic importance of polar territories in ensuring the Soviet state's security.

Key words: border troops, Arctic region, USSR state border protection, legal regulation, sectoral principle, northern borders, organizational structure, national security.

For citation: Romashov, R. A., Erofeev, D. A. (2025) Normativnoe regulirovaniye i strukturnoye postroyeniye sistemy okhrany severnykh rubezhey Sovetskogo gosudarstva v mezhoennoy period (1918–1941) [Organizational and Legal Aspects of the Soviet Border Guard Functioning in the Arctic Region (1918–1941)]. *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 2 (80). Pp. 91–111. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2025_2_91. EDN: UBDGMC

Введение

Укрепление суверенитета и защита территориальной неприкосновенности государства в Арктическом регионе является приоритетной задачей современной России. Исторический опыт организации охраны государственной границы в северных широтах представляет собой ценный материал для совершенствования современной правовой базы и организационной структуры пограничных органов. Особый интерес в контексте изучения истории развития пограничной охраны в Арктике представляет советский период, когда была сформирована базовая система институционального и правового регулирования охраны северных рубежей.

В научной литературе данному периоду уделено недостаточно внимания, даже несмотря на то что не было четко сформулированной и юридически оформленной советской концепции охраны государственной границы в современном понимании [3], в этот промежуток времени были заложены основы системы охраны границ в регионе, внедрены ключевые нормативно-правовые принципы, определившие в значительной степени и современную архитектуру пограничной службы в Арктике. Сложности возникают в связи с тем, что части отдельного корпуса пограничной стражи были переданы военному ведомству и являлись частью регулярной армии¹.

Целью исследования является комплексный анализ организационно-правовых основ функционирования пограничных войск в Арктическом регионе в период с 1918 по 1941 гг.

Нормативно-правовая база создания и функционирования пограничной охраны СССР

Система правового регулирования деятельности пограничных войск в советский период формировалась

¹ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 413. Оп. 14. Ед. хр. 394. Л. 1–2.

параллельно с общегосударственной правовой системой. основополагающим документом в рассматриваемой области стал декрет Совнаркома РСФСР «Об учреждении пограничной охраны» от 28 мая 1918 г. Методологически декрет базировался на дореволюционных нормативных актах – Правилах об отдельном корпусе пограничной стражи (1910 г.) и Инструкции службы чинов ОКПС (1912 г.),

Так, например, после формирования Отдельного корпуса пограничной стражи (ОКПС) 15 (27) октября 1893 г. его подразделения были выстроены по следующей иерархии: руководство корпуса – окружное управление – бригадное звено – отдельский сегмент – отрядный элемент – постовая единица. Помимо центрального аппарата, структура включала семь пограничных округов, 31 бригадное формирование, два специализированных отдела и флотилию крейсеров. Учитывая Заамурский пограничный округ, присоединенный в 1901 г., численность личного состава ОКПС превышала 60 тыс. чел., включая офицерский корпус, административных служащих и рядовой состав. Протяженность охраняемых рубежей достигала 13680 верст [13].

В дальнейшее развитие указа о создании ОКПС, в 1910 г. были утверждены соответствующие правила, а спустя два года, в 1912 г. вышла подробная инструкция. Данные документы детально определяли порядок несения службы сотрудниками корпуса на государственной границе и прилегающих территориях. На пограничников возлагались обязанности по предотвращению контрабандных перевозок товаров как на сухопутных, так и на морских участках границы европейской части России, территории Закавказья, на финляндском направлении, в Закаспийской области, а также по правобережью рек Пяндж и Амударья. Дополнительно в функции пограничной стражи входило обеспечение карантинного контроля по всему периметру государственных рубежей империи [14].

Декрет же содержательно отражал новые приоритеты молодого Советского государства., пограничная охрана изначально входила в структуру Наркомата финансов и наделялась следующими функциями:

- противодействие контрабанде и нарушениям государственной границы;
- защита водных богатств в пограничных и территориальных водах от несанкционированного использования;
- надзор за соблюдением на пограничных реках международных норм судоходства;
- обеспечение безопасности лиц, осуществляющих хозяйственную деятельность в пограничных водах;
- защита приграничного населения от незаконных вооруженных формирований [14].

Декрет также определял организационную структуру пограничных формирований и алгоритмы их взаимодействия с прочими государственными органами. Важным шагом в развитии нормативно-правовой базы стало принятие 29 июня 1918 г. положения, согласно которому пограничные службы передавались в подчинение Наркомату торговли и промышленности. Данным актом также разграничивались компетенции пограничной охраны и таможенных органов.

После издания декрета начал создаваться уже второй округ¹, а затем и третий, состоявший из пяти районов: Брянского, Львовского, Курского, Новооскольского и Острогожского. Структура управления располагалась (июль 1918 г.) в Москве, с переездом (сентябрь 1918 г.) в Орёл, и в конце – в Киев².

Приверженцы марксистской концепции об упразднении регулярных вооруженных сил в пользу «всенародной

¹ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 18285. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 1.

² Центральный пограничный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦПА ФСБ РФ). Ф. 585. Оп. 7658. Д. 20. Л. 97, 98.

милиции» выдвигали идею формирования особых подразделений из представителей рабочего класса промышленных центров – так называемой «социалистической гвардии». По их убеждению, именно такие формирования должны были взять на себя функции обороны республиканского государства и контроля его пограничных территорий. Практическое воплощение подобных инициатив неизбежно привело бы к критическому сужению демографической основы как военных формирований, так и пограничных структур, что нанесло бы непоправимый вред системе национальной безопасности государственного образования в целом¹.

На протяжении последующего периода правовые и организационные основы пограничной службы претерпели множественные изменения.

Так, с 1 февраля 1919 г. произошла трансформация пограничной охраны в войска пограничного назначения: Совет погранохраны был преобразован в Военный совет пограничных войск, ГУПО преобразовалось в Главное управление пограничных войск, а пограничные округа стали именоваться дивизиями и пр.

Усложнение обстановки на границе вызвало необходимость реорганизации погранохраны [7]. К концу 1920 г., а именно 24 ноября, функции охраны государственных рубежей передали особому отделу ВЧК, при этом войсковое обеспечение пограничной охраны было возложено на внутренние войска, находившиеся в подчинении ВЧК.

Февраль 1921 г. (15 число) ознаменовался утверждением Инструкции для подразделений пограничных войск. В середине лета того же года (10 июля) было принято Положение об охране границ РСФСР.

Осенью, 11 ноября 1921 г., утвердили Положение о взаимоотношениях военно-морского командования, особо-

¹ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 1. Оп. 1. Д. 93. Л. 8; Д. 118. Л. 2.

го отдела по охране границ РСФСР и Морской инспекции управления войск ВЧК.

Важным этапом совершенствования юридической базы пограничной службы явилось принятие в 1927 г. обновленного положения об охране государственных границ СССР и Временного устава службы пограничной охраны. В новом положении существенно расширили задачи пограничников: были включены дополнительные полномочия по контролю за перемещением печатной продукции, предметов искусства, валютных ценностей и драгоценных металлов, уточнялись процедуры задержания нарушителей, детализировались вопросы защиты природных ресурсов территориальных и внутренних вод. В августе 1937 г. произошла очередная структурная трансформация: Главное управление пограничной и внутренней охраны было реорганизовано в Главное управление пограничных и внутренних войск (ГУПВВ), а пограничная служба получила статус войск.

В представленный период нормативно-правовые акты вырабатывались не только органами высшей государственной власти, но и профильными ведомствами в форме приказов, инструкций, распоряжений. Данная практика обеспечивала оперативное регулирование динамично меняющихся аспектов пограничной службы в условиях становления Советского государства.

Секторальный принцип и правовое закрепление суверенитета СССР над арктическими территориями

Вопросы международно-правового режима арктических территорий начали активно обсуждаться в начале XX в. в связи с расширением хозяйственной и военной деятельности северных государств в регионе. До этого времени четких, законодательно закрепленных границ между странами в Арктике фактически не существовало, что порождает

ло многочисленные конфликты интересов. Иностранные предприниматели регулярно нарушали российскую территориальную юрисдикцию, занимаясь несанкционированной вырубкой лесов, добычей морского зверя и рыбы, ведя торговую деятельность с местным населением. На российских арктических территориях промысловую и торговую деятельность осуществляли представители Швеции, Великобритании, Норвегии, США и Японии.

Формирование правовой основы закрепления суверенитета над арктическими территориями базировалось на секторальном принципе, согласно которому пространства распределялись по секторам в соответствии с их географической близостью к побережьям приполярных стран. Под сектором в международной правовой практике понималась территория, локализованная в пределах юрисдикции приарктического государства и включающая воды, льды, острова и континентальный шельф Северного Ледовитого океана [14, с. 86].

Важнейшим нормативным актом, закрепившим права СССР на арктические территории, стало постановление Президиума ЦИК СССР «Об объявлении территорией Союза ССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане» от 15 апреля 1926 г. Данный документ впервые четко фиксировал территориальные притязания государства в Арктике и создавал правовую основу для организации пограничной охраны соответствующих территорий.

Однако руководство страны отчетливо осознавало, что юридическое закрепление прав на арктические территории должно подкрепляться фактическим контролем над ними, что невозможно без соответствующей инфраструктуры, вооружений и специально подготовленных кадров пограничной охраны. В связи с этим в последующие годы развернулась масштабная работа по созданию

пограничной инфраструктуры в Арктике, включавшая расширение военно-морского флота, авиации, строительство пограничных постов, научно-исследовательских станций, населенных пунктов [19, с. 74].

В сложной международной обстановке межвоенного периода руководством СССР принимались меры по защите национальных интересов в Арктике и противодействию попыткам зарубежных стран закрепиться в регионе. Так, в 1920 г. государства – победители в Первой мировой войне осуществили раздел арктических территорий, игнорируя интересы России: архипелаг Шпицберген был передан под протекторат Норвегии, другим странам предоставлялись права свободного нахождения в акватории Северного Ледовитого океана. Данные действия потребовали от советского руководства активизации дипломатических и политических усилий по защите своих прав на арктические территории, а также укрепления пограничной охраны в регионе.

Специфика организации пограничной охраны в Арктическом регионе

Охрана государственной границы в Арктике имела существенные особенности, обусловленные географическими, климатическими и стратегическими факторами. До 1917 г. северные рубежи России фактически остались без системной охраны, мероприятия по защите границ носили спорадический характер. Лишь в январе 1917 г. был усилен пограничный и жандармский контроль на Мурманском побережье в связи с возросшими рисками германского шпионажа.

В первые годы советской власти ситуация с охраной арктических границ оставалась сложной. Военно-морские силы, дислоцированные на Севере в 1918–1920 гг., были ограничены в возможностях эффективного выполне-

ния функций по охране пограничных территорий [17]. В соответствии с распоряжением народного комиссара финансового ведомства, Главное управление пограничной охраны, сформированное в марте 1918 г., незамедлительно приступило к выстраиванию системы защиты северных рубежей государства. Первоочередное внимание было обращено на прибрежную зону Белого моря до конечной станции Мурманской железнодорожной магистрали, а также на участки, прилегающие к территориям Финляндии и Эстляндии, включая береговую линию Чудского озера вплоть до Гдова [4, с. 309]. На всём протяжении указанной границы создавалось пять районов пограничной охраны с тремя подрайонами в каждом, с соответствующим количеством дистанций и застав [9 с. 225].

Основными проблемами являлись критическая нехватка коммуникаций, отсутствие надежной связи северных регионов с центром страны, а также неоднократные попытки иностранных государств незаконно использовать или оккупировать арктические территории. Это обусловило необходимость создания специализированной системы охраны государственной границы в этом стратегически важном регионе.

Наибольшее внимание в контексте организации пограничной охраны уделялось Мурманскому направлению, имеющему особую геополитическую значимость. Именно здесь в течение 1920–1930-х гг. была сформирована наиболее развитая структура пограничной охраны, включающая морские подразделения, авиацию, подразделения погранконтроля и три сухопутных пограничных отряда, а также начинает развиваться оперативная составляющая службы [16].

С середины 1930-х вплоть до лета 1939 г. силы РККА от Северной Карелии до Баренцева моря ограничивались 54-й стрелковой дивизией, Северной военной флотилией и некоторыми другими формированиями [10 с. 107].

Характерной особенностью организации пограничной охраны в Арктическом регионе являлся точечный принцип размещения подразделений – преимущественно в местах проживания населения и расположения промышленных объектов. Такой подход был обусловлен огромной протяженностью арктической границы, экстремальными климатическими условиями и ограниченностью ресурсов. Пограничные войска концентрировались главным образом в Мурманской, Архангельской и Магаданской областях. Западная часть северной границы находилась в зоне ответственности Северо-Западного пограничного округа, восточная – Тихоокеанского округа. В центральной части советского арктического сектора существовал участок протяженностью около 7 тыс. км, который фактически оставался без системной охраны.

Эпизодический характер мероприятий по охране арктических территорий объяснялся объективными причинами: недостаточностью инфраструктуры, крайне низкой плотностью населения, ограниченным количеством ресурсов и необходимостью концентрации сил на более напряженных участках границы. Тем не менее с ростом стратегического значения арктического региона постепенно расширялась и система пограничной охраны.

Эволюция пограничной охраны в Арктике в 1930-е – начале 1940-х гг.

К началу 1930-х гг. произошло существенное переосмысление роли арктических территорий в системе национальной безопасности Советского Союза. Арктика стала рассматриваться как регион, обладающий значительным военно-стратегическим и экономическим потенциалом [15, с. 175–176]. Это обусловило необходимость укрепления пограничной охраны северных рубежей и развития соответствующей инфраструктуры.

В результате целенаправленных усилий к концу 1930 – началу 1940-х гг. советский Север превратился в один из наиболее милитаризованных регионов страны. Пограничные войска, дислоцированные в Арктике и приарктических регионах, располагали разветвленной сетью радиолокационных станций, оборонительных рубежей, морских баз, аэродромов и пограничных постов. Это позволило существенно повысить эффективность контроля над государственной границей и обеспечить защиту национальных интересов в регионе.

Возрастание значимости охраны арктических границ в 1930–1940-е гг. определялось комплексом взаимосвязанных факторов:

1. Геополитические факторы: Арктика в межвоенный период стала рассматриваться ведущими мировыми державами как стратегически значимый регион, контроль над которым обеспечивал военные и экономические преимущества.

2. Экономические факторы: включение Арктики в систему хозяйственного развития страны, освоение Северного морского пути как важнейшей транспортной артерии, разработка природных ресурсов, проведение научных экспедиций и создание полярных станций.

3. Идеологические факторы и национальная безопасность: советское руководство придавало исключительное значение закреплению государственного суверенитета на всей территории СССР, включая арктические районы. Присутствие пограничных войск служило символом фактического контроля над этими территориями.

Противодействие иностранному присутствию: в 1930-е гг. фиксировались случаи несанкционированного пребывания иностранных экспедиций в районах, на которые СССР распространял свой суверенитет. Пограничные органы выполняли задачи по отслеживанию и пресечению подобной деятельности.

С конца 1930-х гг., в условиях обострения международной обстановки и нарастающей угрозы войны, арктические рубежи приобрели особую важность для обеспечения безопасности Советского Союза. Заслуживает особого внимания тот факт, что разведывательные структуры Финляндии в тридцатые годы XX столетия сконцентрировали свои усилия на изучении северо-западных территорий Советского Союза. Основным интерес представляли инфраструктурные, хозяйственные и стратегические характеристики карельских земель и заполярных областей. Документально подтверждено существование детализированных военно-стратегических разработок финского командования, которые предусматривали проведение операций на советских территориях. Эти планы охватывали не только направления на Ленинград и Петрозаводск, но также распространялись на арктические районы государства [14, с. 117–122; 6, с. 171].

Это обусловило расширение функций пограничных подразделений в регионе, выходящих за рамки стандартных задач охраны границы. Они осуществляли наблюдение за перемещениями иностранных судов, проводили разведку местности, обеспечивали безопасность советских научных станций, включая дрейфующие полярные станции.

Заключительный период перед началом военных действий (1939–1941) отличался нарастанием сложностей в сфере обеспечения пограничной безопасности государства. Ситуация требовала оперативного внедрения комплекса мероприятий, направленных на существенную корректировку практических аспектов оперативной и тактической работы подразделений, осуществлявших охрану государственных рубежей [20, с. 319].

Есть, конечно, и негативные факторы, повлиявшие на обеспечение безопасности государства. Так, согласно материалам кадрового подразделения Главного

управления пограничных войск НКВД Советского Союза, в течение 1939 г. репрессивным мерам подверглись значительные слои руководящего состава пограничных структур [18, с. 62]. Из занимаемых должностей были смещены либо подвергнуты аресту 11 руководителей пограничных округов и лиц, занимавших посты их заместителей. Аналогичной участи подверглись 54 руководящих работника отделов и отделений окружного звена, а также четыре командира пограничных отрядов и 12 начальников штабных подразделений отрядного уровня. Нанесенный кадровый урон фактически не поддавался восстановлению в короткие сроки [8, с. 27].

В предвоенный период (1939–1941 гг.) наблюдалось интенсивное развитие взаимодействия между пограничными войсками и военно-морским флотом СССР, особенно Северной военной флотилией (с 1933 г.) и впоследствии Северным флотом (с 1937 г.). Такое взаимодействие было направлено на создание комплексной системы охраны арктических рубежей и обеспечение оперативного реагирования на потенциальные угрозы.

Организационная структура пограничной охраны в Арктическом регионе

Организационная структура пограничной охраны в Арктике формировалась с учетом специфики региона и эволюционировала в соответствии с изменениями геополитической обстановки и военно-стратегических приоритетов государства. Изначально пограничные подразделения на Севере входили в состав более крупных административных единиц – Северо-Западного (западная часть арктического побережья) и Тихоокеанского (восточная часть) пограничных округов.

В структуре пограничной охраны Арктического региона можно выделить следующие основные компоненты:

■ морские силы пограничной охраны, осуществлявшие патрулирование прибрежных вод и контроль за соблюдением режима территориального моря. Наиболее активно морская пограничная охрана развивалась в районе Кольского полуострова, где базировалась значительная часть кораблей и катеров пограничного флота. Параллельно с реорганизацией морских частей происходило ужесточение квалификационных критериев как для технического персонала судов, так и для начальствующего состава. Образовательные учреждения военно-морского профиля, испытывавшие значительную нагрузку, первоначально сократили количество мест для будущих сотрудников морских пограничных подразделений, а начиная с 1937 г. полностью прекратили их профессиональную подготовку. Дополнительную сложность создавал тот факт, что служба в морской пограничной охране предполагала решение узкоспециализированных задач, требовавших особых навыков, которые не формировались в рамках обучения в стандартных флотских образовательных структурах. В этой ситуации сформировались необходимые условия для создания автономной системы профессиональной подготовки кадров морской пограничной охраны, способной обеспечить комплектование подразделений специалистами, соответствующими специфическим служебным требованиям.

Накануне Великой Отечественной войны, в период 1939–1940 гг., была осуществлена завершающая структурная трансформация морских подразделений пограничной службы [1]. В ходе данной реформы были сформированы специализированные формирования из пограничных кораблей, получившие статус отрядов. Административное руководство этими морскими группировками было закреплено непосредственно за командным составом соответствующих пограничных территориальных округов [2, с. 32];

■ сухопутные пограничные отряды, дислоцированные в ключевых населенных пунктах арктического побережья. Они выполняли задачи по охране сухопутных участков границы, контролю прибрежной полосы и обеспечению пограничного режима;

■ авиационные подразделения, которые начали создаваться во второй половине 1930-х гг. и существенно расширили возможности по контролю труднодоступных арктических территорий. Авиация использовалась для воздушного патрулирования, ледовой разведки, обеспечения связи между удаленными пограничными постами [21];

■ радиотехнические подразделения, обеспечивавшие связь между пограничными постами и центрами управления, а также ведение радиотехнической разведки;

■ подразделения погранконтроля в портах Арктического бассейна, осуществлявшие проверку судов и экипажей, контроль за перемещением грузов и пассажиров.

Особенностью организационной структуры пограничной охраны в Арктике являлась ее тесная интеграция с другими государственными институтами, действовавшими в регионе – органами НКВД, военно-морским флотом, Главным управлением Северного морского пути, научно-исследовательскими экспедициями. Такое взаимодействие позволяло компенсировать недостаточную плотность пограничного прикрытия и обеспечивать комплексный контроль над обширными арктическими пространствами [12, с. 142].

К началу Великой Отечественной войны организационная структура пограничной охраны в Арктике приобрела более системный характер, однако по-прежнему сохранялась неравномерность в распределении сил и средств – наиболее плотно прикрытыми оставались западный (Кольский полуостров, Белое море) и восточный (Чукотка, Берингов пролив) участки, в то время как

центральная часть арктического побережья контролировалась преимущественно эпизодически.

Заключение

Анализ организационно-правовых основ деятельности пограничных войск в Арктике в период с 1918 по 1941 гг. позволяет сделать вывод о поэтапном формировании системы охраны государственной границы в этом стратегически важном регионе. За рассматриваемый период пограничные структуры в Арктике прошли путь от эпизодического присутствия до создания комплексной системы пограничной охраны, включающей морские, сухопутные, авиационные и радиотехнические компоненты.

Нормативно-правовая база, регламентировавшая деятельность пограничных войск в Арктике, формировалась параллельно с общегосударственной системой охраны границ и учитывала специфику региона. Ключевым правовым актом, закрепившим суверенитет СССР над арктическими территориями и создавшим основу для организации их охраны, стало постановление Президиума ЦИК СССР от 15 апреля 1926 г.

В предвоенный период, с усилением международной напряженности, арктическое направление приобрело особую значимость в системе обеспечения национальной безопасности СССР [11]. Это обусловило расширение присутствия пограничных войск в регионе и совершенствование форм и методов охраны государственной границы. Особое внимание уделялось взаимодействию пограничных органов с другими государственными структурами, действовавшими в Арктике, что повышало эффективность контроля над обширными северными пространствами.

Исторический опыт организации пограничной охраны в Арктике в 1918–1941 гг. представляет не только теоретический, но и практический интерес для совершенство-

вания современной системы обеспечения пограничной безопасности Российской Федерации в северных широтах. Многие организационные решения и правовые механизмы, разработанные в рассматриваемый период, сохраняют свою актуальность и в современных условиях, что подтверждает ценность изучения исторического опыта для решения текущих задач по обеспечению национальной безопасности в Арктическом регионе.

Список литературы

1. Боярский В. И., Борискин В. И., Плеханов А. М. [и др.] На страже границ Отечества: история пограничной службы: краткий очерк. – М.: Граница, 1998. – 607 с.
2. Боярский В. И., Дмитриев В. А., Кудинов Н. Н. Пограничный надзор на море: историко-документальный очерк. – М.: [б. и.], 2006. – 352 с.
3. Зубков К. И., Карпов В. П. Российские проекты в Арктике: приемственность задач и решений // Вестник ТюмГУ. Гуманитарные исследования. Humanitates. – 2019. – Т. 5. – № 1. – С. 173–183.
4. Из истории войск ВЧК и пограничной охраны. Документы и материалы. – М.: Военное издательство, 1958. – С. 309.
5. Килин Ю. М. Карелия в политике советского государства. 1920–1941. – Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет, 1999. – 277 с.
6. Лайдинен Э. П., Веригин С. Г. Финская разведка против Советской России. Специальные службы Финляндии и их разведывательная деятельность на Северо-Западе России (1918–1939). – Выборг: Военный музей Карельского перешейка, 2019. – 304 с.
7. Лепешкин С. Н. Об истории становления и развития советской пограничной охраны на территории Псковского края // Псковский военно-исторический вестник. – 2017. – Вып. 3. – С. 224–237.
8. Минаев А. В. Правовая основа охраны Государственной границы после Великой октябрьской социалистической революции // Аспирант и соискатель. – 2008. – № 4 (47). – С. 39–41.
9. Минаев А. В. Становление организации и системы управления пограничной охраны советского государства (1917–1923 гг.) // Социология власти. – 2010. – № 2. – С. 191–198.
10. Мироничев Е. П. Значение кандалакшского направления в оперативно-тактическом военном планировании накануне Советско-финляндской войны // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2024. – Т. 46. – № 2. – С. 105–111.
11. На страже границ Отечества: пограничные войска России в войнах и вооруженных конфликтах XX в. – М.: Граница, 2000. – Т. 3. – 504 с.
12. Пилипенко Ю. В. Особенности комплектования морской пограничной охраны ОГПУ-НКВД личным составом (20-е 30-е гг. XX в.) // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 6. – С. 141–144.
13. Плеханов А. М. Отдельный корпус пограничной стражи России: краткий исторический очерк. – М.: Граница, 1993. – 283 с.

14. Пограничная служба России: энциклопедия. Формирование границ. Нормативная база. Структура. Символы / под ред. В. Е. Проничева. – М.: Ассоциация «Военная книга»: Кучково поле, 2009. – 624 с.
15. Полянский М. В. Охрана и оборона границ советской республики в 1917–1918 гг.: трудности становления // Власть и управление на востоке России. – 2015. – № 3. – С. 54–61.
16. Сечкин Г. П. Граница и война. – М.: [б. и.], 1993. – С. 26–27.
17. Терещенко В. В. Пограничные округа накануне Великой Отечественной войны (1939 – июнь 1941 г.) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2013. – № 6. – С. 181–186.
18. Терещенко В. В. С целью изъятия из рядов "классово чуждых и социально опасных элементов". Репрессии в погранвойсках в предвоенные годы // Военно-исторический журнал. – 2013. – № 8. – С. 62–63.
19. Тимошенко А. И. Советский опыт освоения Арктики и Северного морского пути: формирование мобилизационной экономики // Историко-экономические исследования. – 2013. – Т. 14. – № 1–2. – С. 74–95.
20. Тихонов Д. Н. Мурманский пограничный округ и его морская составляющая накануне Великой Отечественной войны // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2013. – № 3 (47). – С. 319–324.
21. Чупров И. М. Авиация в охране границ. – М.: Воениздат, 1992. – 125 с.

References

1. Boyarskij, V. I., Boriskin, V. I., Plekhanov, A. M. [i dr.] (1998) (eds.) *Na strazhe granits Otechestva: istoriya pograničnoj sluzhby: kratkij ocherk* [Guarding the Borders of the Fatherland: History of the Border Service: A Brief Essay]. Moscow: Granitsa. (In Russian).
2. Boyarskij, V. I., Dmitriev, V. A., Kudinov, N. N. (2006) *Pograničnyj nadzor na more: istoriko-dokumental'nyj ocherk* [Border Supervision at Sea: Historical and Documentary Essay]. Moscow: [b. i.]. (In Russian).
3. Zubkov, K. I., Karpov, V. P. (2019) Rossijskie proekty v Arktike: priemstvennost' zadach i reshenij [Russian Projects in the Arctic: Continuity of Tasks and Solutions]. *Vestnik TyumC U. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates – Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*. Vol. 5, No. 1. Pp. 173–183. (In Russian).
4. (1958) *Iz istorii vojsk VCHK i pograničnoj okhrany. Dokumenty i materialy* [From the History of the Cheka Troops and Border Guards. Documents and Materials]. Moscow: Voennoe izdatel'stvo. (In Russian).
5. Kilin, Yu. M. (1999) *Kareliya v politike sovetskogo gosudarstva. 1920–1941* [Karelia in the Policy of the Soviet State. 1920–1941]. Petrozavodsk: Petrozavodskij gosudarstvennyj universitet. (In Russian).
6. Lajdinen, E. P., Verigin, S. G. (2019) *Finskaya razvedka protiv Sovetskoy Rossii. Spetsial'nye sluzhby Finlyandii i ikh razvedyvatel'naya deyatel'nost' na Severo-Zapade Rossii (1918–1939)* [Finnish Intelligence Against Soviet Russia. Special Services of Finland and Their Intelligence Activities in the North-West of Russia (1918–1939)]. Vyborg: Voennyj muzej Karel'skogo pereshejka. (In Russian).
7. Lepeshkin, S. N. (2017) Ob istorii stanovleniya i razvitiya sovetskoy pograničnoj okhrany na territorii Pskovskogo kraja [On the History of the Formation and Development of Soviet Border Guards in the Pskov Region]. *Pskovskij voenno-istoricheskij vestnik – Pskov Military Historical Bulletin*. Vol. 3. Pp. 224–237. (In Russian).
8. Minaev, A. V. (2008) Pravovaya osnova okhrany Gosudarstvennoj granitsy posle Velikoj oktyabr'skoj sotsialisticheskoy revolyutsii [The Legal Basis for the Protection of

the State Border After the Great October Socialist Revolution]. *Aspirant i soiskatel'* – *Postgraduate and Applicant*. No. 4 (47). Pp. 39–41. (In Russian).

9. Minaev, A. V. (2010) Stanovlenie organizatsii i sistemy upravleniya pogranichnoj okhrany sovetskogo gosudarstva (1917–1923 gg.) [Formation of the Organization and Management System of the Border Guard of the Soviet State (1917–1923)]. *Sotsiologiya vlasti – Sociology of Power*. No. 2. Pp. 191–198. (In Russian).

10. Mironichev, E. P. (2024) Znachenie kandalakshskogo napravleniya v operativno-takticheskom voennom planirovanii nakanune Sovetsko-finlyandskoj vojny [The Significance of the Kandalaksha Direction in Operational-Tactical Military Planning on the Eve of the Soviet-Finnish War]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta – Proceedings of Petrozavodsk State University*. Vol. 46. No. 2. Pp. 105–111. (In Russian).

11. (2000) *Na strazhe granits Otechestva: pogranichnye vojska Rossii v voynakh i vooruzhennykh konfliktakh XX v.* [Guarding the Borders of the Fatherland: Russia's Border Troops in Wars and Armed Conflicts of the 20th Century]. Moscow: Granitsa. Vol. 3. (In Russian).

12. Pilipenko, Yu. V. (2012) Osobennosti komplektovaniya morskoy pogranichnoj okhrany OGPU-NKVD lichnym sostavom (20-e 30-e gg. XX v.) [Features of Staffing the Maritime Border Guard of the OGPU-NKVD with Personnel (20s-30s of the 20th Century)]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and Practice of Social Development*. No. 6. Pp. 141–144. (In Russian).

13. Plekhanov, A. M. (1993) *Otdel'nyj korpus pogranichnoj strazhi Rossii: kratkij istoricheskij ocherk* [Separate Corps of Border Guards of Russia: A Brief Historical Essay]. Moscow: Granitsa. (In Russian).

14. Pronichev, V. E. (2009) (ed.) *Pogranichnaya sluzhba Rossii: entsiklopediya. Formirovanie granits. Normativnaya baza. Struktura. Simvoly* [Border Service of Russia: Encyclopedia. Formation of Borders. Regulatory Framework. Structure. Symbols]. Moscow: Assotsiatsiya "Voennaya kniga": Kuchkovo pole. (In Russian).

15. Polyanskij, M. V. (2015) Okhrana i oborona granits sovetskoj respubliki v 1917–1918 gg.: trudnosti stanovleniya [Protection and Defense of the Borders of the Soviet Republic in 1917–1918: Difficulties of Formation]. *Vlast' i upravlenie na vostoke Rossii – Power and Administration in the East of Russia*. No. 3. Pp. 54–61. (In Russian).

16. Sechkin, G. P. (1993) *Granitsa i vojna* [Border and War]. Moscow: [b. i.]. (In Russian).

17. Tereshchenko, V. V. (2013) Pogranichnye okruga nakanune Velikoj Otechestvennoj vojny (1939 – iyun' 1941 g.) [Border Districts on the Eve of the Great Patriotic War (1939 – June 1941)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*. No. 6. Pp. 181–186. (In Russian).

18. Tereshchenko, V. V. (2013) S tsel'yu iz'yati iz ryadov "klassovo chuzhdykh i sotsial'no opasnykh elementov". Repressii v pogranvojskakh v predvoennye gody [In Order to Remove "Class-Alien and Socially Dangerous Elements" from the Ranks. Repressions in the Border Troops in the Pre-War Years]. *Voенно-istoricheskij zhurnal – Military Historical Journal*. No. 8. Pp. 62–63. (In Russian).

19. Timoshenko, A. I. (2013) Sovetskij opyt osvoeniya Arktiki i Severnogo morskogo puti: formirovanie mobilizatsionnoj ekonomiki [Soviet Experience in the Development of the Arctic and the Northern Sea Route: Formation of a Mobilization Economy]. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya – Journal of Economic History & History of Economics*. Vol. 14. No. 1–2. Pp. 74–95. (In Russian).

20. Tikhonov, D. N. (2013) Murmanskij pogranichnyj okrug i ego morskaya sostavlyayushchaya nakanune Velikoj Otechestvennoj vojny [Murmansk Border District and Its Maritime Component on the Eve of the Great Patriotic War]. *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo imeni V. B. Bobkova filiala Rossijskoj tamozhennoj akademii – Scientific Letters of Russian Customs Academy St. Petersburg Branch named after Vladimir Bobkov*. No. 3 (47). Pp. 319–324. (In Russian).

21. Chuprov, I. M. (1992) *Aviatsiya v okhrane granits* [Aviation in Border Protection]. Moscow: Voenizdat. (In Russian).

Личный вклад соавторов

Personal co-authors contribution
50/50 %

Об авторах

Ромашов Роман Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, Мурманский арктический университет, г. Мурманск, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0001-9777-8625, e-mail: romashov_tgp@mail.ru

Ерофеев Денис Андреевич, аспирант, Мурманский арктический университет, г. Мурманск, Российская Федерация, e-mail: zakon.51erofeev@yandex.ru, ORCID ID: 0009-0008-9469-001X, e-mail: zakon.51erofeev@yandex.ru

About the authors

Roman A. Romashov, Dr. Sci. (Law), Full Professor, Murmansk Arctic University, Murmansk, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0001-9777-8625, e-mail: romashov_tgp@mail.ru

Denis A. Erofeev, Postgraduate Student, Murmansk Arctic University, Murmansk, Russian Federation, ORCID ID: 0009-0008-9469-001X, e-mail: zakon.51erofeev@yandex.ru

Поступила в редакцию: 14.04.2025
Принята к публикации: 01.05.2025
Опубликована: 30.06.2025

Received: 14 April 2025
Accepted: 01 May 2025
Published: 30 June 2025

К вопросу о причинах и условиях экономической преступности в современной России

Л. Ю. Свистунова,^{1,2} Е. П. Алемасцева,¹ Л. С. Сафонова²

¹ Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

² Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье анализируются причины и условия преступной деятельности в экономической сфере. Рассмотрены объем (состояние) и структура преступности, а также их влияние на состояние преступности в масштабах государства. Проанализированы понятия «преступления» и «латентные преступления» в сфере экономической деятельности. Исследованы некоторые факторы, оказывающие влияние на рост правонарушений экономической направленности, в частности спад валового внутреннего продукта, низкая производительность и снижение производства; низкий уровень жизни населения и рост уровня бедности в регионах; распространение коррупции и «теневой» экономики; значительная разница между уровнем прибыли от преступного производства и законной экономической деятельности.

Ключевые слова: преступность, экономические преступления, социальное явление, экономическая деятельность, общественные отношения в сфере экономики, правонарушения, причины и условия.

Для цитирования: Свистунова Л. Ю., Алемасцева Е. П., Сафонова Л. С. К вопросу о причинах и условиях экономической преступности в современной России // Ленинградский юридический журнал. – 2025 – № 2 (80). – С. 112–127. DOI: 10.35231/18136230_2025_2_112. EDN: QEBSWM

On the Issue of the Causes and Conditions of Economic Crime in Modern Russia

Lyudmila Yu. Svistunova,^{1,2} Ekaterina P. Alemastseva,² Ludmila S. Safonova²

¹ Saint Petersburg State University of Economics,

Saint Petersburg, Russian Federation

² Pushkin Leningrad State University,

Saint Petersburg, Russian Federation

This article is devoted to the analysis of the causes and conditions of criminal activity in the economic sphere. The volume (state) and structure of crime are considered, as well as the influence of these elements on the state of crime as a whole on a national scale. The concepts of "crimes" and "latent crimes" in the sphere of economic activity are analyzed. Some factors influencing the growth of economic offenses have been investigated, in particular, the decline in gross domestic product, low productivity and declining production; low living standards and rising poverty in the regions; the spread of corruption and the "shadow" economy; a significant difference between the level of profit from criminal activity and legitimate economic activity.

Key words: crime, economic crimes, social phenomenon, economic activity, public relations in the field of economics, offenses, causes and conditions.

For citation: Svistunova, L. Yu., Alemastseva, E. P., Safonova, L. S. (2025) K voprosu o prichinah i usloviyah ekonomicheskoy prestupnosti v sovremennoj Rossii [On the Issue of the Causes and Conditions of Economic Crime in Modern Russia]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 2 (80). Pp. 112–127. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2025_2_112. EDN: QEBSWM

Введение

Политические, экономические и социальные преобразования в современной России, которые коснулись всех сторон жизни общества, неминуемо привели к новым вызовам в сфере защиты, предотвращения, расследования и пресечения правонарушений, в том числе в экономической. Среди них рост инфляции, расслоение общества по социальным и экономическим показателям, общее снижение уровня правовой культуры и правосознания и др. На преступность также оказывает влияние снижение уровня профилактики правонарушений и преступлений, а также объективное перерастание нетяжких преступлений в тяжкие и особо тяжкие. Воздействие всех этих факторов приводит к формированию системного характера преступности, росту ее темпов и уровня, а также утяжелению последствий совершенных преступлений и преступности в целом.

Экономическая безопасность государства является одним из условий сохранения основ конституционного строя, соблюдения и защиты прав и законных интересов человека и гражданина, сбалансированности экономических, социальных и культурных основ. Именно экономическая безопасность может создать условия для обеспечения «состояния незащищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются экономический суверенитет страны, единство ее экономического пространства, условия для реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации»¹. Представляется, что развитие экономических отношений связано не только с деятельностью государственных органов экономического блока, но и с активной работой в сфере защиты и охраны эко-

¹ О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 // СПС ГАРАНТ.

номических отношений, осуществляемой различными органами публичной власти, выполняющими надзорные и контрольные функции в первую очередь.

Общественные отношения в сфере экономики, складывающиеся в государстве, объективно требуют нормативной регламентации, в том числе в части обеспечения экономической безопасности. Президентом России, В. В. Путиным, в 2017 г. была принята Стратегия экономической безопасности на период до 2030 г.¹ Данный документ является важнейшим актом стратегической направленности по определению и предотвращению вызовов и угроз в сфере национальной экономической безопасности с учетом современных реалий на международной арене. В настоящей работе нас волнуют внутренние угрозы, которым в Стратегии уделяется особое внимание. Среди них: криминализация высокого уровня и ее рост в экономической сфере по сравнению уровнем преступности в других сферах; рост коррупции и коррупционных преступлений; рост теневой экономики и др. Эти факторы рассматриваются как одни из основных, поскольку они создают угрозу национальным интересам Российской Федерации во всех сферах, но больше всего в экономической, а это, в свою очередь, создает опасность для граждан РФ и государства в целом.

Теоретико-правовые основы преступности в экономической сфере

Преступность является сложным социальным и правовым явлением, она изучается различными научными школами, которые исследуют разные стороны ее проявления, поэтому «преступность» является собирательным понятием [1, с. 14]. Преступность выступает социальным явлением,

¹ О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 // СЗ РФ от 15 мая 2017 г. № 20 ст. 2902.

включающее в себя многие аспекты противоправного поведения. Вместе с тем говорить о преступности без анализа поведения индивидов – значит не увидеть целостной картины преступного поведения. Следовательно, преступность невозможно охарактеризовать без учета социально-экономической обстановки в государстве, а также свойств и черт индивидуального преступного поведения.

Каждая наука по-своему определяет понятие «преступность». Так, например, ученые-криминологи утверждают, что это «массовое, изменяющееся и системное явление общества на определенном историческом этапе, которое характеризуется наличием уголовно наказуемых деяний (действий и бездействий), совершаемых лицами» [5, с. 1576]. Заметим, что нельзя говорить о совокупности преступлений как о математическом сложении всех совершенных преступлений за определенный период времени. Под преступностью понимается специфическое и системное явление, включающее взаимосвязанные проявления преступлений, и лиц, совершивших данные противоправные деяния.

Сущность преступности можно раскрыть через совокупность ее признаков. Традиционно к ним относят массовость, социальный и уголовно-правовой характер, системность и историческую изменчивость [5, с. 1576]. Анализ этих признаков свидетельствует о том, что социальная предопределенность преступности зависит от совокупности конкретных деяний, которые совершают субъекты в целях нарушения общественного порядка и безопасности, ущемления прав и законных интересов граждан. Кроме этого, преступность имеет социальную обусловленность. История любого государства, в том числе нашего, наглядно показывает, что нарушение связи между экономической политикой и благосостоянием граждан приводит к увеличе-

нию уровня экономической преступности. Системные и последовательные преобразования всех сфер жизни в Российской Федерации, кроме положительных результатов, зачастую приводят к дестабилизирующим результатам, в том числе к повышению уровня преступности. Многие факторы приводят к увеличению количества совершаемых правонарушений и преступлений различных видов и составов, что неминуемо ведет к росту преступности в масштабах государства [6].

Одним из важнейших показателей преступности выступает ее динамика – это определение таких ее характеристик, как абсолютные показатели роста или снижения. На динамику преступности влияют некоторые факторы: с одной стороны, это социальные факторы, которые определяют сущность преступности, причины и условия совершения преступлений, состав и количество населения. С другой стороны, это юридические факторы или показатели, т. е. изменение уголовно-правового законодательства, деятельность правоохранительных органов по предотвращению и раскрываемости преступлений, неотвратимость уголовной ответственности и т. д.

Экономическая деятельность имеет много специфических особенностей, которые неминуемо влияют на состояние и структуру экономической преступности. В современном российском обществе «правила игры» в экономических отношениях сформировались совсем недавно, они не закрепились в структуре экономики как социального института, что привело к возникновению «параллельных», не совпадающих с правовыми, структурными элементами экономических правоотношений. Это, в свою очередь, приводит к возникновению определенной особенности: к преимущественному участию в противоправных деяниях экономической направленности целых групп субъектов, зачастую

криминальных формирований, имеющих стойкую организованность и систематичность совершения правонарушений и преступлений¹. Цель у таких групп и организаций одна – обогащение вопреки интересам общества и государства.

Немецкий криминолог Г. Й. Шнайдер четко разграничивает понятия «экономические преступления» и «экономическая преступность»: «преступление – это не единичное явление, в котором участвуют преступник и жертва, преступность же – это не только массовый феномен внутри одного общества. И отдельное преступление, и преступность в целом в настоящее время во всех больших масштабах реализуются с помощью, внутри или против организаций (например, хозяйственных предприятий) и контролируются также организациями (полицией, судами, исправительными учреждениями). Преступность предприятий, действующих в сфере экономики, исследовать чрезвычайно сложно» [8].

В криминологической характеристике структуры преступности большое значение имеет личность преступника и его мотивация. Именно определение мотивационной активности преступлений позволяет определить отклонения в уровне правового сознания, потребностей и интересов лиц, совершающих те или иные виды преступлений, что будет являться важным фактором для профилактики совершения преступлений и снижения преступности в целом [7].

Сравнение характеристики мотиваций преступности в разные периоды и на разных территориях имеет важное криминологическое значение, поскольку позволяет определить возможные нарушения общественного и правового сознания в социальных кругах разного типа;

¹ Словарь юридических понятий (из актов Российского законодательства). 22 (67) Декабрь 1997 [Электронный ресурс]. URL: http://council.gov.ru/activity/analytics/analytical_bulletins/25681/ (дата обращения: 20.01.2025).

выявить, какие мотивы и потребности заложены в то или иное распространение различных видов преступного поведения. По мнению ряда экспертов, увеличение количества зафиксированных экономических преступлений в последнее время связано с рядом факторов, включая особенности развития преступной активности в цифровом пространстве. К ним относится: активное использование информационно-коммуникационных технологий, перевод значительной части финансовых транзакций в онлайн-среду, виктивное поведение жертв, появление новых методов совершения правонарушений, возможности для сохранения анонимности злоумышленников, а также необходимость модернизации стратегий борьбы с ними¹. Следовательно, исследование структуры преступности – это важнейший показатель для ее определения, и главное, предупреждения и профилактики, но с учетом группы и вида преступления.

Характеристика причин и условий, влияющих на преступность в экономической сфере

Значительная часть преступлений по разным причинам может не попасть в данные статистики, что мешает корреляции совершенных преступлений и общему состоянию преступности. Такую преступность называют латентной. Под этим понимают противоправные действия лиц, которые по каким-либо причинам не были отражены в официальной статистике. В последние годы в России отмечается поэтапное сокращение доли регистрируемых преступлений. Это может указывать на то, что официально незарегистрированная преступность начинает составлять значительную долю от общего объема преступной активности в стране. Например, по дан-

¹ Современные реалии требуют... // МВД-медиа, 02 июня 2021 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://mvdmedia.ru/publications/police-of-russia/Competently/sovremennye-realii-trebuyut/> (дата обращения: 20.01.2025).

ным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в 2021 г. количество преступлений экономической направленности составляло 117 707, в 2023 г. – 105 257, а по состоянию на 2024 г. – 105 437¹.

По оценкам независимых аналитиков, в России фиксируется менее пятой части всех совершенных правонарушений и преступлений, при этом доля зарегистрированных экономических преступлений приближается к математической погрешности. Существует несколько причин проблемы латентности, однако нас в рамках настоящего исследования волнуют ее последствия. Ведь именно последствия латентной преступности значительно вредят установлению и устранению преступности как таковой, препятствуют многим профилактическим мероприятиям, осуществляемым различными государственными органами и институтами гражданского общества, а также сознательными и активными гражданами. Отсутствие фиксации совершаемых преступлений неминуемо приводит к безнаказанности и ухудшению криминогенной обстановки, увеличению количества преступлений, способствует воспроизводству преступности. Латентный характер различных видов преступности зачастую достигает 90 % и более, что приводит к масштабным искажениям состояния преступности [3, с. 97].

Отметим, что многие ученые разделяют сущность причин и условий, способствующих совершению преступлений. Под причинами преступности понимаются негативные социальные процессы и явления, которые существуют в обществе и влияют на формирование негативного с точки зрения права и закона поведения. А условиями, способствующим развитию как преступности в целом, так и преступления, в частности, выступают различные факты и процессы общественных отношений, которые способны

¹ Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 20.01.2025).

содействовать возникновению и развитию преступности, но не порождающие ее. Ими могут выступать природные, социальные и технические факторы, которые не приводят к совершению преступлений, но способствуют последним. Следовательно, можно утверждать, что при разных обстоятельствах определенные явления могут выступать как причинами, так и условиями, способствующими совершению экономических преступлений.

Таким образом, совокупность нескольких факторов, взаимодействующих между собой и влияющих друг на друга, а также имеющих причинную связь с преступностью, могут представлять собой причину или условие, способствующее совершению определенного преступления и влияющее на состояние преступности в целом. Общественная жизнь не может создать идеальную картину факторов, имеющих только позитивную или негативную направленность по отношению к охраняемым государствам ценностям. Следовательно, криминогенные факторы будут способствовать возникновению и развитию причин преступности, либо создавать предпосылки для их возникновения. Выявление всей совокупности факторов способствует определению большинства причин и условий, способствующих совершению преступлений.

Механизм воздействия факторов является достаточно противоречивым, поэтому можно говорить о достаточной условности оценки их воздействия на общественную жизнь в зависимости от их взаимовлияния. Исследование криминогенных и антикриминогенных факторов в системном единстве, в зависимости от их влияния на преступность в целом и отдельных преступлений, в частности в сфере экономики, способствует предупреждению и пресечению последних. Отдельно отметим, что установление и классификация причин и условий, способствующих совершению экономических преступлений,

носит оценочный характер, несмотря на то что ими выступают реальные факты, события или явления.

Важнейшими среди причин и условий мы считаем экономические. Сущность экономической мотивации есть первооснова данного вида преступных посягательств [2]. Ведь именно ради материальной выгоды субъект совершает преступное посягательство. Отметим, что в некоторых случаях прямая экономическая (материальная) выгода не является явной, но характеризуется сферой преступного посягательства – на охраняемые законом экономические интересы хозяйствующих субъектов, граждан, общества и государства. Экономические преступления – это всегда преступные деяния, сопровождаемые корыстными мотивами и намерениями, которые органически связаны с экономической политикой государства и его намерениями и стремлениями в мировых экономических отношениях. Именно поэтому само понятие «экономические преступления» является максимально неопределенным в сравнении с определением «экономическая преступность». Кроме этого, в юридической литературе часто встречается понятие «корыстные преступления», что является не совсем корректным, поскольку мотив корысти не всегда связан с экономической деятельностью. Мотивы корысти могут встречаться в насильственных преступлениях против личности, здоровья и законных интересов человека и гражданина, в экологических и иных преступлениях. Однако, несмотря на корыстные причины совершения данных деяний, их нельзя назвать экономическими.

Влияние на развитие преступности оказывают и различные проявления кризисных явлений в экономической сфере, такие как спад валового внутреннего продукта, низкая производительность и спад производства; низкий уровень жизни населения и рост

уровня бедности в регионах; распространение коррупции и «теневой» экономики; значительная разница между уровнем прибыли от преступной деятельности и законной экономической деятельности. Например, повышение уровня официальной безработицы неотвратимо ведет к росту преступности. Как справедливо отмечали В. Н. Кудрявцев и В. Е. Эминов: «Всей историей развития человечества доказано, безработица – резерв преступности» [4, с. 56].

Правовые причины, влияющие на формирование преступности, могут быть разделены на две основные категории: 1) пробелы и противоречия в законодательных актах; 2) недостаток единообразного толкования уголовно-правовых и иных норм. Первая категория содержит, с одной стороны, неполный охват всех видов экономических правонарушений, что затрудняет квалификацию преступлений судами, а с другой – чрезмерно мягкие санкции за определенные виды преступлений.

Организационные факторы включают в себя ключевые аспекты, такие как ошибки в экономической политике, отсутствие адекватной системы контроля, отставание законодательства от требований хозяйственно-экономической практики и проч. Обстоятельства, непосредственно относящиеся к конкретным деяниям, часто связаны с такими аспектами, как недостатки систем учета и отчетности, слабый текущий контроль со стороны руководства, халатное отношение к требованиям подбора кадров на ответственные должности, несовершенство нормативов расходования ресурсов, создающих возможность для хищений, и другие подобные проблемы.

Социально-психологические факторы коренятся в недостатках правовой воспитательной и профилактической работы, отсутствии готовности общества, особенно среди руководителей среднего звена, решать сложные эконо-

мические задачи в условиях новой экономической парадигмы. Эти факторы усугубляются отсутствием развитых демократических традиций саморегуляции общественных процессов в сфере экономики.

Отдельно стоит отметить негативные последствия недостатков в механизме ценообразования и налоговой политики, которые вопреки моральному представлению о честном труде как источнике благополучия, создают условия, способствующие обогащению недобросовестных предпринимателей, спекулирующих на ценовых различиях и использующих трудности переходного периода в своих интересах.

Заключение

Исследование обстоятельств и условий, способствующих совершению преступлений в сфере экономической деятельности, позволило нам говорить о наличии большого количества причин, имеющих неэкономический характер (политические, демографические, культурные, религиозные и др.). Это позволило предположить, что факторы, способствующие совершению преступлений в экономической сфере, намного шире и разнообразнее, чем общие экономические причины преступности. Это утверждение имеет общеправовой, криминологический и уголовный аспекты, что дает возможность использовать эти знания в практической деятельности правоохранительного и правозащитного характера, а также пресечения и предупреждения преступности в сфере экономической деятельности.

Исходя из причин появления экономических преступлений можно сделать вывод, что для снижения порога криминогенной активности, бесхозяйственности потребуются сравнительно долгий период разгосударствления, т. е. изменения фактического влияния на положение дел

в экономике государственной собственности, ослабления объединения на общем древе двух секторов, превращения государственного и предпринимательского секторов в самостоятельных товаропроизводителей, независимых и конкурирующих.

Уголовная политика современного Российского государства направлена на разработку и принятие комплекса мер, которые в состоянии противодействовать тем деяниям, которые наносят ощутимый вред сложившимся в обществе экономическим отношениям, а также создать эффективные рычаги для дальнейшего развития и укрепления экономической сферы общества и государства. При этом необходима взаимная работа государства, общества и отдельных личностей для снижения уровня преступности и повышения авторитета правоохранительных органов [8].

Список литературы

1. Антонян Ю. М. Понятие преступности, ее вечность // Преступность и общество: сб. науч. трудов. – М.: ВНИИ МВД России, 2005. – С. 3–16.
2. Колесниченко Е. А., Гильфанов М. Т. Методические аспекты оценки и обеспечения экономической безопасности предприятия // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2017. – Вып. 11. – С. 56–62.
3. Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. – М., 2007. – 301 с.
4. Кудрявцев В. Н. Причины правонарушений. – М.: Наука, 1976. – 286 с.
5. Мильков И. Г. Криминализация и декриминализация преступлений в сфере экономической деятельности // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 15. – С. 1576–1580.
6. Мордовин П. С. Определение и классификация преступности для целей вычисления ее социальных последствий (цены) // Юридические исследования. – 2020. – № 12. – С. 44–59. DOI: 10.25136/2409-7136.2020.12.34836
7. Нуждин А. А. Характеристика коррупционных преступлений в уголовно-исполнительной системе: криминологический аспект // Преступление, наказание, исправление: сб. тезисов выступлений и докладов участников IV Международного пенитенциарного форума (к 140-летию уголовно-исполнительной системы России и 85-летию Академии ФСИН России): в 10 т. – Рязань, 2019. – С. 234–238.
8. Шнайдер Г. Й. Криминология: пер. с немецкого / под общ. ред. и с предисл. Л. О. Иванова – М.: Издательская группа «Прогресс»-«Универс», 1994. – С. 43–48.

References

1. Antonyan, Yu. M. (2005) Ponyatie prestupnosti, yeyo vechnost' [The concept of crime, its eternity]. *Prestupnost' i obshchestvo: sb. nauch. trudov*. Moscow: VNII MVD Rossii [Crime and society: collection of scientific papers. Moscow: VNII MVD of Russia]. Moscow. Pp. 3–16. (In Russian).
2. Kolesnichenko, E. A., Gilfanov, M. T. (2017) Metodicheskie aspect ocenki i obespecheniya ekonomicheskoi bezopasnosti predpriyatiya [Methodological aspects of assessing and ensuring economic security of an enterprise]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seria Gumanitarnye nauki – Bulletin of Tambov University. The Humanities series*. Issue 11. Pp. 56–62. (In Russian).
3. Kudryavtsev, V. N. (2007) *Obshchaya teoriya kvalifikatsii prestupleniy* [General theory of crime qualification]. Moscow. (In Russian).
4. Kudryavtsev, V. N. (1976) *Prichiny pravonarusheni* [Causes of offenses]. Moscow. (In Russian).
5. Milkov, I. G. (2016) Kriminalizatsiya i dekriminalizatsiya prestupleniy v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti [Criminalization and decriminalization of crimes in the sphere of economic activity]. *Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal «Kontsept» – Scientific and methodological electronic journal "Concept"*. Vol. 15. Pp. 1576–1580.. (In Russian).
6. Mordovin, P. S. (2020) Opredeleniye i klassifikatsiya prestupnosti dlya tseli vychisleniya yeye social'nykh posledstviy (ceny) [Definition and classification of crime for the purpose of calculating its social consequences (prices)]. *Yuridicheskie issledovaniya – Legal research*. No. 12. Pp. 44–59. DOI: 10.25136/2409-7136.2020.12.34836 (In Russian).
7. Nuzhdin, A. A. (2019) Harakteristika korruptsionnykh prestupleniy v ugovolno-ispolnitel'noi sisteme: kriminologicheskiy aspekt [Characteristics of corruption crimes in the penal enforcement system: a criminological aspect]. *Prestupleniya, nakazaniya, ispravleniya* [Crime, punishment, correction]. Collection of abstracts of speeches and reports by participants of the IV International Penitentiary Forum (on the 140th anniversary of the penal enforcement system of Russia and the 85th anniversary of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia): in 10 volumes. Ryazan. Pp. 234–238. (In Russian).
8. Schneider, G. J. (1994) *Kriminologiya: per. s. nemeckogo. / pod. obshch. red. i s predisl. L. O. Ivanova* [Criminology: translated from German Under the general editorship and with a preface by L. O. Ivanov]. Moscow: Izdatel'skaya gruppa «Progress»-«Univers. (In Russian).

Личный вклад соавторов

Personal co-authors contribution
80/10/10 %

Об авторах

Свистунова Людмила Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет; Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0001-7864-7566, e-mail: svistunova-l-77@mail.ru

Алемасцева Екатерина Петровна, бакалавр, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0005-0066-2498, e-mail: katya.alemasceva@mail.ru

Сафонова Людмила Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0003-5592-3523, e-mail: safonlud123@yandex.ru

About the authors

Lyudmila Yu. Svistunova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, St. Petersburg State University of Economics; Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0001-7864-7566, e-mail: svistunova-l-77@mail.ru

Ekaterina P. Alemastseva, Bachelor, Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0009-0005-0066-2498, e-mail: katya.alemasceva@mail.ru

Ludmila S. Safonova, Cand. Sci. (Law), Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0009-0003-5592-3523, e-mail: safonlud123@yandex.ru

*Поступила в редакцию: 23.04.2025
Принята к публикации: 25.05.2025
Опубликована: 30.06.2025*

*Received: 23 April 2025
Accepted: 25 May 2025
Published: 30 June 2025*

О формах систематизации исторических памятников права

С. В. Стрельников

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В юридической и исторической науках сложились разные оценки относительно форм систематизации русского законодательства XI–XIX вв., что отразилось и на учебной литературе. Одни и те же исторические памятники права (Русская Правда, Судебники, Соборное уложение, Полное собрание законов Российской империи, Свод законов Российской империи) исследователи относят то к инкорпорации, то к кодификации законодательства. Зачастую срабатывают устоявшиеся стереотипы восприятия. С одной стороны, в юридической литературе отсутствует единое мнение о количестве форм систематизации, с другой стороны, существуют опасения исследователей о допустимости переноса современных юридических дефиниций на исторические памятники права. Данная проблема актуальна и при характеристике зарубежных памятников права.

Ключевые слова: систематизация, инкорпорация, кодификация, законодательство, Русская Правда, Судебник 1497 г., Судебник 1550 г., Соборное уложение 1649 г.

Для цитирования: Стрельников С. В. О формах систематизации исторических памятников права // Ленинградский юридический журнал. – 2025. – № 2 (80). – С. 128–142. DOI: 10.35231/18136230_2025_2_128. EDN: QVTUMA

On the Forms of Systematization of Historical Monuments of Law

Sergey V. Strelnikov

Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

Legal and historical sciences have developed different approaches regarding the forms of systematization of Russian legislation for the period of XI–XIXth centuries, and this situation is reflected in educational literature. The same historical monuments of law (Russkaya Pravda, Sudebniki, Sobornoye Ulozhenie, the Complete Collection of Laws of the Russian Empire, the Code of Laws of the Russian Empire) are classified either as incorporation or as codification of legislation. The established stereotypes often come into play. On the one hand, legal literature lacks consensus on the number of forms of systematization, while on the other hand, researchers tend to have doubts about the validity of applying modern legal definitions to historical monuments of law. This problem is also relevant when characterizing foreign monuments of law.

Key words: systematization, incorporation, codification, legislation, Russkaya Pravda, Sudebnik of 1497, Sydebnik of 1550, Sobornoye Ulozhenie of 1649.

For citation: Strelnikov, S. V. (2025) O formah sistematizatsii istoricheskikh pamyatnikov prava [On the Forms of Systematization of Historical Monuments of Law]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 2 (80). Pp. 128–142. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2025_2_128. EDN: QVTUMA

Введение

В современной теории права существуют разные оценки о количестве форм систематизации нормативно-правовых актов. Так, С. В. Липень выделяет три формы – инкорпорация, кодификация и консолидация [8, с. 133]. При этом С. С. Алексеев под формами систематизации понимал «способы достижения целей систематизации», к которым относил лишь две формы – инкорпорацию и кодификацию. Наряду с этим ученый рассматривал кодификацию и как «вид правотворчества, в ходе которого достигаются цели систематизации». Отмечалось, что «предметом упорядочения при кодификации являются не нормативные акты, а непосредственно юридические нормы»¹. В. А. Сивицкий согласился с тем, что формами систематизации являются кодификация и инкорпорация, тогда как выделение консолидации выглядит спорным [12, с. 12–16]. Однако С. С. Алексеев считал консолидацию «своеобразным видом систематической инкорпорации», который «близок к кодификации», поскольку является, по существу, новым актом². Иногда исследователи добавляют четвертую форму систематизации – учет, связанный со справочно-информационной работой³. Как отмечает С. В. Липень, «эту деятельность, безусловно, важную в практическом отношении, можно анализировать вне процессов систематизации законодательства; все-таки ее сложно ставить в один ряд с инкорпорацией и кодификацией» [8, с. 135]. Следовательно, в научной литературе отсутствует единое мнение о количестве форм систематизации.

А можно ли определить форму систематизации у исторических памятников права? Как отмечают исследователи, этот вопрос вызывает явные затруднения [6, с. 107]. Та-

¹ Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. М.: Юридическая литература, 1982. Т. 2. С. 254.

² Там же. С. 262–263.

³ Там же. С. 266–267.

кие исторические памятники законодательства, как свод законов Юстиниана, Русская Правда, Судебник 1497 г., Соборное уложение 1649 г., Свод законов Российской империи и др., в одном из учебников по теории государства и права приводят в качестве примеров инкорпорации¹. Там же дается определение инкорпорации законодательства как объединения «нормативных актов по хронологическому, предметному или иному основанию в единый свод, собрание или сборник, где каждый из актов сохраняет своё самостоятельное юридическое значение»².

Русская Правда

Попробуем определить, к какому виду систематизации относится Русская Правда. В литературе часто можно встретить мнение о том, что это свод законов Древней Руси. Сама формулировка «свод законов» как бы подталкивает к мысли, что это не один закон, а несколько. Итак, Русская Правда – это один нормативно-правовой акт или собрание нескольких актов?

Известно, что Русская Правда – это памятник права, который изменялся на протяжении XI–XVII вв. Эти редакционные изменения текста в результате частых переработок отразились в большом количестве списков, дошедших в составе рукописных сборников.

В Русской Правде исследователи при изучении рукописных сборников выделяют три редакции (Краткую, Пространную и Сокращенную). Самой ранней принято считать Краткую редакцию. Однако и в ней структурно выделяют группы статей, которые можно отнести к разному времени: Правда Ярослава, Правда Ярославичей, Покон вирный и Урок мостникам. Можно ли их считать отдельными нормативными актами, т. е. законами, или

¹ Теория государства и права: учеб. / под ред. Г. Г. Бернацкого. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2020. С. 532–533.

² Там же. С. 532.

перед нами уже результат переработки Правды Ярослава путем добавления новых статей? В качестве отдельных юридических актов данные тексты до нас не дошли. Использовались ли они самостоятельно (вне Русской Правды) в судебной практике, нам тоже неизвестно. А значит, оснований считать Русскую Правду инкорпорацией нет.

Является ли Русская Правда консолидированным актом? Консолидация – это объединение нормативных актов в укрупненный акт в рамках одного предмета правового регулирования, без изменения содержания правовых норм, но с отменой исходных актов. Отсутствие исходных актов и последующие редактирования Русской Правды, включение в нее новых пластов статей и исключение устаревших норм привело к созданию новых редакций, к которым можно отнести Пространную и Сокращенную редакции. Такие изменения характерны для работы кодификатора [13, с. 21].

Источником создания норм для Русской Правды могла быть судебная практика. Это следует из ст. 23 Краткой редакции Русской Правды, которая устанавливала штраф за убийство княжеского конюха: «А конюх старый у стада – 80 гривен, яко устави Изяслав в своем конюсе, его же убили Дорогобудьци». Судебное решение князя Изяслава по делу об убийстве жителями города Дорогобужа повлекло за собой установление правовой нормы, которая и нашла отражение в Правде Ярославичей. Как видим, Краткая редакция Русской Правды содержит в себе правовые нормы, возникшие в результате переработки судебных решений. Примечательно, что Пространная редакция Русской Правды имеет заголовок «Суд Ярослава Владимировича».

Итак, Русская Правда – это исторический памятник права, возникший вследствие кодификации правовых позиций и княжеских установлений.

Отметим, что исторически нормативно-правовые акты возникали на основе правоприменительных актов. Сохранилась уставная грамота митрополита Киприана Царе-Константиновскому монастырю 1391 г. Основанием появления грамоты стал суд между монастырскими крестьянами и монастырем о взимаемых игуменом в нарушение старины (т. е. обычая) новых пошлинах. Установление в результате сбора сведений состава и размеров старых повинностей послужило основанием для вынесения судебного решения, в котором были сформулированы правовые нормы. Эти нормы были закреплены выдачей нормативного акта – уставной грамоты, которой должны были руководствоваться игумен и крестьяне. Следовательно, здесь можно говорить о судебном правотворчестве [2, с. 90–91; 10, с. 174; 11, с. 18].

Зарубежные памятники права

Аналогию Русской Правде можно найти и в зарубежном законодательстве Древнего мира. Например, в Законнике вавилонского царя Хаммурапи, который также возник в результате переработки судебных решений. Распространенное в отечественных работах название «законы Хаммурапи» применительно к данному памятнику права создает неверное представление о множественности законов, хотя это всего лишь единый нормативно-правовой акт, текст которого высечен на базальтовой стелле. Более удачным видится название «законник». Законник Хаммурапи состоит из множества норм, разделенных учеными-юристами начала XX в. на 282 статьи, содержит также преамбулу и заключение–санкцию. Многие статьи в Законнике Хаммурапи сгруппированы по тематическому признаку, позволяющему выделить соответствующие рубрики, что указывает на работу кодификатора. Как отмечал М. Вебер: «На осно-

вании более ранних документов можно с уверенностью полагать, что Кодекс Хаммурапи не вводил собственно нового права, а кодифицировал существующее, и это была не первая попытка такого рода» [3, с. 190].

Исторически название «кодекс» не всегда может соответствовать его современному пониманию. Так, Г. Ф. Шершеневич относит к инкорпорации *Corpus Juris Civilis*. Так называемый «кодекс» представлял собой систематизированное изложение императорских конституций: «Типичную инкорпорацию представляет Кодекс Юстиниана, соединивший в одно все законы от Адриана до Юстиниана с соблюдением систематического и хронологического порядка» [16, с. 421].

Если говорить о так называемых «Законах Ману», то они так же, как и Кодекс Хаммурапи, являются единым нормативно-правовым актом, состоящим из 12 глав, разделенных на статьи, которые, в свою очередь, также сгруппированы по тематическому признаку. Наличие схожих и дублируемых норм в «Законах Ману», скорее, указывают на неоднократность переработки и дополнения текста. То же можно сказать и о Гортинских законах и Законах XII таблиц.

Законодательство XV–XVII вв.

К результатам кодификации следует отнести Псковскую судную грамоту [1, с. 277–309; 9, с. 103–109], Судебники 1497 и 1550 гг., Соборное уложение 1649 г.

В преамбуле к тексту Псковской судной грамоты говорится о том, что она «выписана» из грамот великого князя Александра и князя Константина и «всех приписков псковских пошлин». Под великим князем Александром исследователи понимают либо князя Александра Невского, освободившего Псков в 1242 г. от ливонских рыцарей, либо тверского князя Александра Михайловича, лишившегося великого княжения и правившего в Пскове в 1327–1337 гг. (с перерывом в полтора года). Решение

вопроса об атрибуции «великого князя Александра» позволило бы определить время возникновения самого раннего письменного источника псковского права. Как отмечает Ю. Г. Алексеев, к 1395 г. в Пскове действовала грамота князя Александра, которую, по мнению митрополита Киприана, нужно было очистить от позднейших «приписок». Сами «приписки» к грамоте Александра возникли в период между 1382 и 1395 гг., что связывалось с присутствием в Пскове суздальского епископа Дионисия [1, с. 294, 300, 301]. Датировка Псковской судной грамоты 1397 г. (первая редакция), вероятно, указывает на время основательной переработки грамоты князя Александра и «приписок», что привело к созданию нового памятника – Псковской судной грамоты [1, с. 303]. Другой основой Псковской судной грамоты стала грамота князя Константина Дмитриевича (сына Дмитрия Донского), которую митрополит Фотий в 1416 г. называл «пакостной» и «душевредной». Возможно, именно с выписками из грамоты князя Константина связана вторая редакция Псковской судной грамоты. Дошедший до нас текст является третьей редакцией памятника, возникший после 1462 г., когда в Пскове был построен 5-й собор, упоминаемый в преамбуле [1, с. 291, 307, 308]. Заслуживает внимания ст. 108 Псковской судной грамоты, устанавливающая основные принципы кодификационной деятельности псковского веча: «А которой строке пошлинной грамоты нет, и посадником доложить господина Пскова на вечи, да тая строка написать. А которая строка в сеи грамоте нелюба будет господину Пскову, ино та строка волно выписать вонь из грамот» [1, с. 323]. Первая часть статьи («строки») указывает на порядок устранения пробелов в праве; вторая часть – на порядок отмены права. Если посадник обладает правом законодательной инициативы, то вече наделено верховной распорядительной

властью. Отметим также, что Псковская судная грамота была принята «всем Псковом на вечи». В целом изучение Псковской Судной грамоты особенно важно для понимания кодификационной техники средневековой Руси.

В вышедшем в 2020 г. сборнике статей, посвященном 370-летию Соборного уложения, Т. В. Шатковская видит в Русской Правде кодификацию правовых обычаев, а Е. О. Чинарян кодификацию начинает лишь с Судебника 1497 г. [15, с. 54; 14, с. 63–64]. В монографии английского историка Д. Х. Кайзера Судебники также отнесены к кодексам [7, с. 76].

Тот факт, что Судебник 1497 г. не включает в себя отдельные нормативные акты, говорит о том, что его нельзя назвать инкорпоративным сборником. Тем не менее в Судебнике прослеживаются элементы как консолидации законодательства (что подтверждается наличием заголовков указов, таких как «О наместничьем указе», «Указ о езде», «О недельщиках указ», «Указ наместникам о суде городском», «О татях указ»), так и кодификации. Последнее проявляется в стремлении составителей систематизировать статьи по тематическим разделам и включением новых статей (например, ст. 57 о норме Юрьева дня, предусматривающая срок крестьянского перехода и размер уплаты «пожилого»; ст. 27 «О безсудных», которые следовало выдавать с 8-го дня).

Судебник 1550 г. содержит более 30 новых статей по сравнению с Судебником 1497 г.¹ Подверглась переработке и часть прежних статей. Показательным стало добавление к текстам Судебника 1550 г. новоуказных статей, что позволяет определить особенности кодификации законодательства.

Кодификационная мысль законодателей Московской Руси достигла более высокого уровня в Соборном уложении 1649 г. (состоящее из 25 глав и 967 статей, оно стало результатом серьезной переработки всего предыдущего

¹ Российское законодательство X–XX веков. М.: Юридическая литература, 1984. Т. 2. С. 50.

законодательства). Как отмечает Т. В. Шатковская, Уложение привело к перелому в осуществлении юридической деятельности, а именно: «установлением централизованного порядка правового регулирования и усилением юридической ответственности»; «закреплением начал формальной определенности и общеобязательности юридических норм и предписаний Уложения»; «использованием юридико-технических приемов структурирования текста закона, обобщения и систематизации правового материала, а также формулировки юридических норм»; «введением практики обнародования нормативно-правовых актов в форме их публикации» и пр. [14, с. 55].

Р. Кабриак в своей работе о кодификациях приводит мнение историка права Ж. Вандерлиндена, исследовавшего понятие кодекса в Западной Европе в XIII–XIX вв. и считавшего, что «содержанием кодекса является либо право в целом, либо важная часть его источников или его отраслей» [6, с. 108], а по форме кодекс представляет собой «некую совокупность, целостность, т. е. результат объединения ряда частей, которые, как надо предполагать, ранее были совершенно разобщены» [6, с. 108]. Сам Р. Кабриак определяет основу понятия кодекса как «совокупность разрозненных правовых норм, приведенных в форму единого целого. В такой ситуации кодификация предстает в качестве деятельности по приданию правовым нормам такой формы, в которой они становятся единым целым» [6, с. 108–109].

Систематизация законодательства в Российской империи XIX в.

Достаточно распространено в науке (особенно, в исторической) мнение о том, что М. М. Сперанским была проведена кодификация российского законодательства, примерами которой называют Полное собрание законов Российской империи и Свод законов Российской импе-

рии. Но еще в начале XX в. Г. Ф. Шершеневич определил, что в Российской империи в XIX в. была проведена инкорпорация [16, с. 423–424]. Он дал очень точную характеристику развития русского права в XVIII – первой четверти XIX в.: «После кодификации всего русского права, происшедшего в половине XVII столетия в виде Соборного Уложения Алексея Михайловича 1649 г., возникали неоднократно попытки выйти из этого хаотического состояния, в каком оказалось русское право вследствие резкой ломки московской старины петербургскими новшествами. От Петра I до Николая I мы наблюдаем это искание выхода из создавшегося положения. Но при этом обнаруживаются резкие колебания то в сторону инкорпорации, то в сторону кодификации» [16, с. 424]. Однако, как отмечал ученый, эти попытки не имели успеха «потому, что не хватало знаний и людей. Утрачены были традиции дьяков московских приказов, но не создалась еще юридическая научная школа. Отсутствие подготовленных юристов русского происхождения – главная причина всех неудач на почве инкорпорации и кодификации» [16, с. 424]. Николай I отклонил предложение М. М. Сперанского о проведении кодификации, предпочтя инкорпоративную форму систематизации законодательства [16, с. 425–426]. Данный подход при характеристике Собрания и Свода характерен для советской и современной российской юридической науки. Однако подход к упомянутым собраниям в последние два десятилетия, прошедшие после выхода на русском языке монографии французского цивилиста Р. Кабриака, стал не таким однозначным [4, с. 18–22]. Вопрос здесь заключается в том, нужно ли отказываться от отечественной концепции кодификации и переходить на французскую. Юридическая наука в России имеет свои устоявшиеся традиции, и заимствование зарубежных концепций (даже самых новых) не всегда бывает продуктивным.

Известный французский компаративист Р. Давид полагал, что российское законодательство от Русской Правды до Свода Законов 1832 г (включительно) – «всё это консолидация, изложение, а не реформа в целом и не модернизация права» [5, с. 156].

Заключение

Итак, понятийный аппарат российской юридической науки отражает современный уровень развития законодательства, в том числе и существующие формы систематизации нормативно-правовых актов. Дошедшие до нас исторические памятники права допустимо рассматривать в рамках общей теории права с поправкой на исторические особенности законодательства прошлого. Упоминавшиеся памятники права средневековой Руси (Русская Правда, Псковская судная грамота, Судебники, Соборное уложение), а также зарубежного законодательства (Законы Хаммурапи, Законы Ману, Гортинские законы и Законы XII таблиц) не являются инкорпоративными сборниками. Их можно отнести к кодифицированным актам или консолидированно-кодифицированным. Тогда как Полное собрание законов Российской империи и Свод законов Российской империи¹ являются примерами инкорпорации законодательства, так как состоят из самостоятельных юридических актов.

Список литературы

1. Алексеев Ю. Г. Псков и Новгород накануне присоединения к Российскому государству (XIV–XV вв.) – СПб.: «Изд-во Олега Абышко», 2020. – 608 с. EDN: UIVQAN
2. Алексеев Ю. Г. Судебник Ивана III. Традиция и реформа. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. – 449 с. EDN: RVSFHL
3. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. / [пер. с нем.]; сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. – Т. 3. Право. – 336 с. EDN: YXWORF

¹ Последний с некоторыми оговорками.

4. Головкин Л. В. Вступительная статья // Кабриак Р. Кодификации / пер. с фр. Л. В. Головкин. – М.: Статут, 2007. – С. 8–23.
5. Давид Р. Основные правовые системы современности / пер. с фр. и вступ. ст. В. А. Туманова. – М.: Прогресс, 1988. – 496 с.
6. Кабриак Р. Кодификации / пер. с фр. Л. В. Головкин. – М.: Статут, 2007. – 476 с. EDN: QXFXNT
7. Кайзер Даниэль Х. Рост права в средневековой России / пер. с англ. А. Ю. Дворниченко. – М.: Весь Мир, 2024. – 360 с.
8. Липень С. В. Трансформация теории систематизации законодательства в эпоху цифровизации права // Lex Russica (Русский закон). – 2022. – Т. 75. – № 2 (183). – С. 132–147. EDN: FQCVZO
9. Мрочек-Дроздовский П. Н. Главнейшие памятники русского права эпохи местных законов // Юридический вестник. – 1884. – № 5–6. – С. 103–109.
10. Петров К. В. Уставные грамоты (акты) наместничьего управления XIV – начале XVI вв.: генезис правовой формы нормативного акта // Ленинградский юридический журнал. – 2006. – № 2 (6). – С. 169–175. EDN: MWBCWP
11. Петров К. В., Стрельников С. В., Штыков Н. В. Эволюция государственного управления и судостроительства в XIV–XV вв. в работах Ю. Г. Алексеева // Алексеев Ю. Г. Государство и право в эпоху формирования Российского государства (XIV–XV вв.). – СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2019. – С. 5–20. EDN: MMDINV
12. Систематизация законодательства как способ его развития / отв. ред. В. А. Сивицкий. – М.: Изд. Дом Гос. ун-та – Высшая школа экономики, 2010. – 535 с. EDN: QRWNPV
13. Стрельников С. В. О видах систематизации законодательства: от Русской Правды до Соборного Уложения // Комплексный подход в изучении Древней Руси: сб. материалов XII Международной конференции (11–15 сентября 2023 г., Москва, Россия). Приложение к журналу «Древняя Русь. Вопросы медиевистики». – М.: Индрик, 2023. – С. 21–22. EDN: AUESWJ
14. Чинарян Е. О. Первые кодифицированные правовые памятники Русского государства эпохи Средневековья с точки зрения законодательной техники // Систематизация законодательства и динамика источников права в исторической ретроспективе (к 370-летию Соборного уложения): сб. науч. трудов / под общ. ред. Д. А. Пашенцева, М. В. Залоило. – М.: ИНФРА-М, 2020. – С. 63–68. EDN: GJGNVF
15. Шатковская Т. В. Исторические вехи российской кодификации и ее влияние на развитие отечественного права // Систематизация законодательства и динамика источников права в исторической ретроспективе (к 370-летию Соборного уложения): сб. науч. трудов / под общ. ред. Д. А. Пашенцева, М. В. Залоило. – М.: ИНФРА-М, 2020. – С. 53–62.
16. Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. – М.: Издание Бр. Башмаковых, 1911. – Вып. 2. – 806 с.

References

1. Alekseev, YU. G. (2020) *Pskov i Novgorod nakanune prisoedineniya k Rossijskomu gosudarstvu (XIV–XV vv.)* [Pskov and Novgorod on the eve of joining the Russian state (XIV–XV centuries)]. St. Petersburg: Izd-vo Olega Abyshko. (In Russian). EDN: UIVQAN
2. Alekseev, YU. G. (2001) *Sudebnik Ivana III. Tradiciya i reforma* [The Judgment of Ivan III. Tradition and reform]. St. Petersburg: Dmitrij Bulanin. (In Russian). EDN: RVSFHL
3. Veber, M. (2018) *Hozyajstvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchej sociologii: v 4 t.* [Economy and Society: Essays on Understanding Sociology: in 4 vols.]. Moscow: Izd. dom Vysshej shkoly ekonomiki. Vol. 3. Law. (In Russian). EDN: YXWORF

4. Golovko, L. V. (2007) *Vstupitel'naya stat'ya* [Introductory article]. Kabriyak R. Kodifikacii [Codifications]. Moscow: Statut. (In Russian).
5. David, R. (1988) *Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti* [The main legal systems of our time]. Moscow: Progress. (In Russian).
6. Kabriyak, R. (2007) *Kodifikacii* [Codifications]. Moscow: Statut. (In Russian). EDN: QXFXNT
7. Kajzer, Daniel' H. (2024) *Rost prava v srednevekovoj Rossii* [The Growth of the Law in Medieval Russia]. Moscow: Ves' Mir. (In Russian).
8. Lipen', S. V. (2022) Transformaciya teorii sistematizacii zakonodatel'stva v epohu cifrovizacii prava [Transformation of the theory of systematization of legislation in the era of digitalization of law]. *Lex Russica (Russkij zakon)*. Vol. 75. No. 2 (183). Pp. 132–147. (In Russian). EDN: FQCVZO
9. Mrochek-Drozdovskij, P. N. (1884) Glavnejšie pamjatniki russkogo prava epohi mestnyh zakonov [The main monuments of Russian law of the era of local laws]. *YU-ridicheskij vestnik – Legal Bulletin*. No. 5–6. Pp. 103–109. (In Russian).
10. Petrov, K. V. (2006) *Ustavnye gramoty (akty) namestnich'ego upravleniya XIV–nachale XVI vv.: genezis pravovoj formy normativnogo akta* [Statutory charters (acts) of viceroyalty administration of the XIV–early XVI centuries: genesis of the legal form of a normative act]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Law Journal*. No. 2 (6). Pp. 169–175. (In Russian). EDN: MWBCWP
11. Petrov, K. V., Strel'nikov, S. V., Shtykov, N. V. (2019) Evolyuciya gosudarstvennogo upravleniya i sudoustrojstva v XIV–XV vv. v rabotah YU. G. Alekseeva [Evolution of state administration and judicial system in the XIV–XV centuries in the works of Yu. G. Alekseev]. Alekseev, YU. G. *Gosudarstvo i pravo v epohu formirovaniya Rossijskogo gosudarstva (XIV–XV vv.)* [State and law in the era of the formation of the Russian state (XIV–XV centuries)]. St. Petersburg: Izd-vo Olega Abyshko. (In Russian). Pp. 5–20. (In Russian). EDN: MMDINV
12. Sivickij, V. A. (2010) (ed.) *Sistematizaciya zakonodatel'stva kak sposob ego razvitiya* [Systematization of legislation as a way of its development]. Moscow: Izd. Dom Gos. un-ta – Vysshaya shkola ekonomiki. (In Russian). EDN: QRWNPV
13. Strel'nikov, S. V. (2023) O vidah sistematizacii zakonodatel'stva: ot Russkoj Pravdy do Sobornogo Ulozheniya [On the aspects of the systematisation of legislation: from the Russian Pravda to the Sobornoe ulozhenie]. *Kompleksnyj podhod v izuchenii Drevnej Rusi* [Complex Approach in the Study of Ancient Russia]. Proceedings of the XII International Conference (September 11–15, 2023, Moscow, Russia). Supplement to the journal "Ancient Russia. Issues in Medieval Studies". Moscow: Indrik. Pp. 21–22. (In Russian). EDN: AUESWJ
14. Chinaryan, E. O. (2020) Pervye kodificirovannye pravovye pamjatniki Russkogo gosudarstva epohi Srednevekov'ya s tochki zreniya zakonodatel'noj tekhniki [The first codified legal monuments of the Russian state of the Middle Ages from the point of view of legislative technique]. *Sistematizaciya zakonodatel'stva i dinamika istochnikov prava v istoricheskoy retrospektive (k 370-letiyu Sobornogo ulozheniya)* [Systematization of Legislation and Dynamics of Sources of Law in Historical Retrospect (to the 370th Anniversary of the Sobornoe ulozhenie)]. Collection of Scientific Works. Eds. D. A. Pashenceva, M. V. Zaloilo. Moscow: INFRA-M. Pp. 63–68. (In Russian). EDN: GJGNVF
15. SHatkovskaya, T. V. (2020) Istoricheskie vekhi rossijskoj kodifikacii i ee vliyanie na razvitiye otechestvennogo prava [Historical milestones of Russian codification and its impact on the development of domestic law]. *Sistematizaciya zakonodatel'stva i dinamika istochnikov prava v istoricheskoy retrospektive (k 370-letiyu Sobornogo ulozheniya)* [Systematization of Legislation and Dynamics of Sources of Law in Historical Retrospect (to the 370th Anniversary of the Sobornoe ulozhenie)]. Collection of Scientific Works. Eds. D. A. Pashenceva, M. V. Zaloilo. Moscow: INFRA-M. Pp. 63–68. (In Russian).

16. SHershenevich, G. F. (1911) *Obshchaya teoriya prava* [General theory of law]. Moscow: Izdanie Br. Bashmakovyyh. Issue. 2. (In Russian).

Об авторе

Стрельников Сергей Витальевич, кандидат исторических наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0006-5497-6326, e-mail: sstrelnikov@mail.ru

About the author

Sergey V. Strelnikov, Cand. Sci. (History), Associate Professor, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0009-0006-5497-6326, e-mail: sstrelnikov@mail.ru

Поступила в редакцию: 25.04.2025
Принята к публикации: 24.05.2025
Опубликована: 30.06.2025

Received: 25 April 2025
Accepted: 24 May 2025
Published: 30 June 2025

«Суверенитет»: трансформация понятия в условиях поиска национальной идентичности

В. В. Мамонов

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье проанализирована обоснованность введения в правовую систему понятий «технологический суверенитет» и «культурный суверенитет», их взаимосвязь с государственным суверенитетом. Обосновывается идея нецелесообразности деления государственного суверенитета на виды. Доказывается, что в современном мире обеспечение развития науки и техники возможно только через сотрудничество с цивилизованными странами. Суверенитет и культура – слова, не согласующиеся вместе, поскольку предполагают различные миссии и способы реализации. По нашему мнению, наибольшего эффекта в защите интересов в сфере развития отечественных технологий и культуры можно достичь через обеспечение государственного суверенитета, который предполагает применение дипломатии. Традиции отечественной дипломатии следует использовать для защиты интересов страны, в том числе в сферах культуры, науки и технологий.

Ключевые слова: государственный суверенитет, технологический суверенитет, культурный суверенитет.

Для цитирования: Мамонов В. В. «Суверенитет»: трансформация понятия в условиях поиска национальной идентичности // Ленинградский юридический журнал. – 2025. – № 2 (80). – С. 143–157. DOI: 10.35231/18136230_2025_2_143. EDN: RGVVWK

Original article
UDC 342.4
EDN: RGVVWK
DOI: 10.35231/18136230_2025_2_143

"Sovereignty": The Transformation of the Concept in the Context of the Search for National Identity

Vadim V. Mamonov

Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

The article analyzes the validity of the introduction of the concepts of "technological sovereignty" and "cultural sovereignty" into the legal system, their relationship with state sovereignty. The idea of the inexpediency of dividing state sovereignty into types is substantiated. It is proved that in the modern world, the development of science and technology is possible only through cooperation with civilized countries. Sovereignty and culture are words that do not fit together, as they imply different missions and ways of implementation. According to the author, the greatest effect in protecting interests in the development of domestic technologies and culture can be achieved through ensuring state sovereignty, which involves the use of diplomacy. The traditions of Russian diplomacy should be used to protect the interests of the country, including in the fields of culture, science and technology.

Key words: state sovereignty, technological sovereignty, cultural sovereignty.

For citation: Mamonov, V. V. (2025) «Суверенитет»: трансформация понятии в условиях поиска национальной идентичности ["Sovereignty": The Transformation of the Concept in the Context of the Search for National Identity]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 2 (80). Pp. 143–157. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2025_2_143. EDN: RGVVWK

Введение

«Суверенитет» – ключевое понятие публичного права. В преамбуле Конституции РФ сказано, что многонациональный народ Российской Федерации принял Конституцию РФ, исходя из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов, возрождая суверенную государственность России. Общепринято, что суверенитет рассматривается во взаимосвязи с субъектами конституционно-правовых отношений – народом, государством, национальностями. Обратим внимание на мнение Б. С. Эбзеева: «Суверенитет един, он не может быть разделен между народом, нацией и государством, – это различные стороны одного и того же социально-политического и конституционно-правового явления» [15, с. 340].

Народный суверенитет предполагает, что граждане России, являясь единой общностью, обладают учредительной властью и могут принимать конституцию страны. Народный суверенитет первичен к иным видам суверенитета. Статья 3 Конституции РФ гласит, что носителем суверенитета в Российской Федерации является ее многонациональный народ.

Государственный суверенитет означает осуществление государством всей полноты власти на своей территории. В ст. 4 Конституции РФ сказано: «Суверенитет Российской Федерации распространяется на всю ее территорию», ч. 2.1. ст. 67 Конституции РФ устанавливает: «Российская Федерация обеспечивает защиту своего суверенитета».

В науке выделяют национальный суверенитет, под ним Ю. Г. Судницын понимал «верховенство и независимость национальностей в решении вопросов своей внутренней жизни и взаимоотношений с другими нациями на основе права каждого народа на самоопределение» [11, с. 4]. Национальный суверенитет обосновывается принципом самоопределения народов, закрепленным в ст. 1 Устава ООН. Практическая реализация национального суверенитета

часто бывает непростой, поскольку вступает в противодействие с принципом территориальной целостности государства. В вопросе о национальном суверенитете первичны политические решения, которые в случае их удачного воплощения в жизнь, могут быть оформлены правом. Рассматривать национальный суверенитет следует прежде всего вне права, через политическую ситуацию, имеющую место в каждом конкретном случае. Если складываются предпосылки образования нацией, проживающей на определенной территории независимого государства, то можно говорить о реализации принципа национального суверенитета. Так было, например, после распада СССР и имевшим место за этим событием созданием на его территории новых субъектов международного права.

В Российской Федерации попытки реализации национального суверенитета республиками имели место в начале 90-х гг. XX в. Например, Верховным Советом Республики Татарстан была принята Декларация от 30 августа 1990 г. № 334-XII «О государственном суверенитете Татарской Советской Социалистической Республики», в которой провозглашался государственный суверенитет Татарстана. Конституционный суд РФ в постановлении от 7 июня 2000 г. № 10 – П установил: «В Российской Федерации не допускается суверенитета ни республик, ни иных субъектов».

Хотя понятие государственного суверенитета является устоявшимся в праве, его признаки с течением времени подвергались корректировке. Например, сейчас в Европейском союзе в обращении находится единая валюта – евро, а для пересечения государственных границ не требуется прохождение пограничного контроля. Отказ государства от суверенных прав в пользу надгосударственных образований – объективная потребность цивилизованного развития, усиливающаяся по мере интеграции с другими странами. Глобализация – неотвратимое явление для

жизни высокоразвитых народов. И. И. Лукашук верно писал: «Люди должны осознать, что то общее, что их объединяет, значительно весомей того, что их разъединяет. Необходимо осознание единства судеб человечества» [8, с. 33].

В преамбуле Конституции РФ сказано, что многонациональный народ Российской Федерации сознает себя частью мирового сообщества, в ст. 79 Конституции РФ предусматривается возможность передачи Российской Федерацией части своих полномочий межгосударственным объединениям. Конституция РФ создает правовую основу для того, чтобы преимущества глобализации были восприняты Россией.

Понятие технологического и культурного суверенитетов

Суверенитет может быть трансформирован как через интернационализацию конституционного развития, так и путем создания правовых основ для изоляции от внешнего воздействия. Постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2023 г. № 603 в правовую систему страны введено новое понятие – «технологический суверенитет». В Распоряжении Правительства РФ от 20 мая 2023 г. № 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года» дано его определение – наличие в стране (под национальным контролем) критических и сквозных технологий собственных линий разработки и условий производства продукции на их основе, обеспечивающих устойчивую возможность государства и общества достигать собственные национальные цели развития и реализовывать национальные интересы. Указом Президента РФ от 25 января 2023 г. № 35 в качестве одной из целей государственной культурной политики названо обеспечение культурного суверенитета РФ, под которым понимается совокупность социально-

культурных факторов, позволяющих народу и государству формировать свою идентичность, избегать социально-психологической и культурной зависимости от внешнего влияния, быть защищенными от деструктивного идеологического и информационного воздействия, сохранять историческую память, придерживаться традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Конституционное развитие в условиях разделения государственного суверенитета на виды

Новое содержание суверенитета имеет исключительное воздействие прежде всего на конституционное развитие России и заслуживает подробного юридического анализа.

1. Конституция РФ называет субъектов, которые обладают суверенитетом – народ и государство. Обеспечивает суверенитет Президент РФ (ст. 80 ч. 2, ст. 82 ч. 1). Содействует ему в этом Совет Безопасности РФ (ст. 83 п. «ж»). По смыслу полномочий, закрепленных в ст. 125 Конституции РФ, очевидно, что правовая охрана суверенитета Российской Федерации – задача Конституционного суда РФ. Е. В. Тарибо пишет, что «необходимость применения категории "суверенитет" в практике конституционного правосудия чаще всего обусловлена какой-то повышенной угрозой» [12, с. 2]. Суверенитет – категория, имеющая конституционное значение, поэтому любое официальное толкование его правильно было бы осуществлять лишь Конституционному суду РФ.

Разделение суверенитета на виды, в том числе технологический, культурный, ведет к неопределенности о том, какие органы публичной власти их должны обеспечивать, каковы полномочия и ответственность каждого из них в этом вопросе, можно ли регулировать различные аспекты суверенитета подзаконными нормативными актами. Например, в утвержденном постановлением Правительства РФ от 20 июля 2011 г. № 590

(ред. от 27.02.2025) вовсе не упоминается о культурном суверенитете, хотя очевидно, что данный федеральный орган исполнительной власти является одним из основных в проведении государственной политики в сфере культуры. В Федеральном законе от 28.12.2024 № 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» не сказано о технологическом суверенитете, хотя предмет регулирования данного нормативного акта затрагивает ранее принятые решения в сфере создания отечественных технологий.

Официальное признание в правовой системе в качестве объектов защиты технологического и культурного суверенитетов открывает возможность дальнейшего дробления суверенитета, что не способствует обеспечению государственного суверенитета. Так, в научной литературе можно встретить ссылки на суверенитеты: образовательный, экономический, финансовый, правовой, цифровой, интеллектуальный. Например, Конституционный суд РФ использует в Постановлении от 17 декабря 1996 г. № 20 – П понятие «фискальный суверенитет». Дифференциация суверенитета по горизонтали, т. е. по видам, так же не обоснована, как и разъединение его по вертикали, т. е. между Российской Федерацией и ее субъектами. Суверенитет оправданно делить лишь на народный и государственный.

2. Из истории известно, что промышленное развитие России становилось возможным и получало мощный импульс только посредством использования зарубежного опыта производства, привлечения иностранных капиталов и специалистов. Петр I в 1697 г. во главе Великого посольства отправился в Европу под именем Петра Михайлова и лично обучался кораблестроению. Впоследствии он направлял за границу дворянских детей для получения образования. Пользу от перенимания иностранного опыта

в технике и производстве убедительно показал Н. С. Лесков в произведении «Левша»: «...и пошли они левшу водить и все ему показывать. Он смотрел все их производство: и металлические фабрики и мыльно-пильные заводы, и все хозяйственные порядки их ему очень нравились, особенно насчет рабочего содержания» [5, с. 52].

В Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа, ставшей частью Конституции РСФСР 1918 г., выражалась уверенность в победе международного рабочего восстания против ига капитала. Однако в конце 20-х гг. XX в. советская власть начала индустриализацию, потребовавшую налаживания технологического сотрудничества с капиталистическими государствами. С 1923 по 1933 г. для совместной работы в тяжелой промышленности было заключено 170 договоров технической помощи, из которых 73 приходилось на немецкие компании, 59 – американские, 11 – французские, 9 – шведские. В 1932 г. в СССР находилось 37,5 тыс. иностранных специалистов и членов их семей [2, с. 244–245]. На зарубежные предприятия для обучения направлялись делегации советских специалистов. История Челябинского тракторного завода начиналась в проектной конторе Челябтракторостроя «Челябинск трактор плэнт», расположенной в Детройте [6, с. 26]. Начальник строительства Сталинградского тракторного завода В. Иванов вспоминал, что мы брали лучшее у капиталистических фирм, но не слепо копировали, а пытались синтезировать достижения американской техники [13, с. 93]. Нельзя не вспомнить, что началу выпуска автомобиля ВАЗ положило подписанное 15 августа 1966 г. Министерством внешней торговли СССР и FIAT Генеральное соглашение «О сотрудничестве в разработке конструкции автомобиля, проекта автомобильного завода и его строительстве в СССР».

В преамбуле Конституции СССР 1977 г. провозглашалось, что «социалистическое общество – это общество,

в котором создана передовая наука». В Конституции РФ не отражена столь четко роль науки и технического прогресса для конституционного развития страны. В п. в.1 ст. 114 Конституции РФ сказано, что Правительство РФ «обеспечивает государственную поддержку научно-технологического развития Российской Федерации, сохранение и развитие ее научного потенциала». Статья 7 Конституции РФ провозглашает Россию государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь человека. Достижение заявленной цели возможно в стране, имеющей доступ к благам цивилизации своего времени.

Современные научные исследования, успехи в техническом прогрессе требуют привлечения специалистов с высочайшим уровнем знаний, а также существенных финансовых вложений. Обеспечить эти условия можно только на основе сотрудничества государств. С. Капица писал: «Новый подход к глобальным проблемам должен опираться на сотрудничество ученых, обладающих необходимым интеллектуальным потенциалом, принадлежащих разным традициям, обладающих разным социальным опытом» [3, с. 164]. Партнерство в науке и технике не отменяет интересов каждого государства в сфере безопасности. Поэтому оно может принимать меры по охране своих государственных тайн.

Технологический суверенитет не только, вероятно, недостижим, но и уязвим как правовое понятие. Государственный суверенитет предполагает независимость страны. Но в сфере технологий этого состояния можно достигнуть только через взаимодействие с передовыми странами, создание выгодных условий сотрудничества с зарубежными компаниями, обладающими современными научными разработками. Во второй четверти XXI в. государство может сохранить независимость через интеграцию,

а не противостояние с капиталом, имеющим заграничное происхождение. Таким образом, попытки обеспечить технологический суверенитет, предполагающий обособленность науки и техники от мировых лидеров, могут вести к их регрессу и утрате уже имеющегося уровня гарантий государственного суверенитета. Стремление к технологическому суверенитету может снизить возможности для сохранения государственного суверенитета.

3. Переориентация современной государственной культурной политики на обеспечение культурного суверенитета – пожалуй, самое существенное преобразование в отечественной гуманитарной сфере за последние столетия. События 1917 г. открыли начало эпохи создания пролетарской культуры, которую В. В. Маяковский в стихотворении «Приказ по армии искусства» [9, с. 14–15] решительно характеризовал:

Довольно грошовых истин.

Из сердца старое вытри.

Улицы – наши кисти.

Площади – наши палитры.

При этом В. И. Ленин не был столь категоричен в отношении преемственности к культуре прошлого. Он говорил, «что только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру» [4, с. 304].

Суверенитет и культура – не просто слова, которые сложно согласуются вместе. Они выступают как антагонистические по отношению друг к другу. Суверенитет предполагает наличие национальных границ, независимость, выделение из-под влияния других субъектов. По своей природе культура интернациональна и призвана устранять препятствия, мешающие общению между людьми, народами, государствами. Главнейшее предназначение культуры – соединять, формировать общие ценности для разных индивидов.

Д. С. Лихачев писал: «Культура создается сообща. ... Подобно тому, как культура семьи не уничтожает, а совершенствует культуру личностную, так и культура всего человечества совершенствует, возвышает, обогащает культуру каждого отдельного народа» [7, с. 118, 201].

Так, ч. 4 ст. 68 Конституции РФ гласит: «Культура в Российской Федерации является уникальным наследием ее многонационального народа. Культура поддерживается и охраняется государством». Наследие – это не наследство, которое можно обратить в собственность. Культура России – часть мирового культурного наследия. Исторически культура России развивалась не только через передачу своего культурного достояния другим народам, но и воспринимала, впитывала их культуру. Соприкасаясь, мировая и российская культуры взаимно обогащали друг друга. Реализация идеи культурного суверенитета, вероятно, не только ограничит возможности для доступа культур других народов в Россию, но и сократит перспективы изучения отечественной культуры за рубежом. Попытка культурного уединения не будет способствовать выполнению конституционных обязанностей государства в сфере культуры.

Россия – многонациональная страна. Каждый народ обладает своей культурой. Введение понятия «культурный суверенитет» ставит вопрос о том, может ли народонациональность, проживающий на ее территории, устанавливать суверенитет родной культуры? Не стоит забывать, что республики признаются государствами (ч. 2 ст. 5 Конституции РФ) и вправе устанавливать свои государственные языки (ч. 2 ст. 68 Конституции РФ). Понятие «культурный суверенитет» – повод для возникновения конфликта между федеральным и региональным уровнем власти.

Культура любого народа уникальна, но всегда она существует для человека, стремится дать ему ориентиры для движения к счастью и достойной жизни, помогает

открыть красоту окружающего мира. Все, что в своей основе несет разрушительное воздействие на людей, культурой вовсе не является. Для изоляции влияния антикультуры вовсе не следует вводить культурный суверенитет страны. Государство может устанавливать юридическую ответственность за действия, нарушающие конституционные культурные права граждан или посягающие на общественный порядок. Например, ст. 20.3. КоАП РФ предусматривает административную ответственность за пропаганду или публичное демонстрацию нацистской атрибутики или символики.

4. Достижение культурного и технологического суверенитетов станет задачей преимущественно органов исполнительной власти, обеспечивающих проведение внутренней политики России. Обеспечение государственного суверенитета предполагает осуществление мер, в том числе и в сфере внешней политики. Важнейшим ее направлением является дипломатия. В Указе Президента РФ от 11.07.2004 № 865 (ред. от 29.10.2024) «Вопросы Министерства иностранных дел Российской Федерации» установлено, что одной из основных задач МИД РФ является обеспечение дипломатическими и международно-правовыми средствами защиты суверенитета.

Реальность нашего времени – санкции, установленные в отношении России рядом иностранных государств. Из истории известно, что СССР в первое десятилетие после образования развивался в условиях еще более сложных международных отношений – изоляции от капиталистических стран. Дипломатические отношения между СССР и США были установлены 16 ноября 1933 г., однако экономическое сотрудничество с предприятиями США в рамках индустриализации, предполагавшее получение промышленных технологий, началось раньше. Советская власть умело использовала преимущества, предоставляемые

сотрудничеством с известными деятелями культуры капиталистических государств, для формирования положительного образа страны за рубежом. Так, летом 1935 г. СССР посетил Р. Ролан, который в письме А. М. Горькому 30 июля 1935 г. писал: «Чудесно принадлежать, как вы, к великому народу, который идет во главе человечества. Я счастлив, что могу увидеть его и соприкоснуться с ним» [10, с. 331].

Дипломатия – одна из гарантий обеспечения государственного суверенитета. Традиции отечественной дипломатии следует использовать для защиты интересов страны, в том числе в сфере культуры, науки и технологий. Например, Г. В. Чичерин писал о министре иностранных дел Российской империи А. М. Горчакове: «Главнейшие политические приемы Горчакова – тонкая игра сближений, основанная на том, чтобы никому не отдаваться всецело, стараться ни с кем ни порывать, всем оставлять "открытую дверь" для улучшений отношений» [14, с. 387]. А. А. Бессмертных вспоминал о министре иностранных дел СССР А. А. Громыко: «Он даже в безнадежных ситуациях искал выход на договоренность, на совмещение хотя бы отдельных элементов расходящихся позиций» [1, с. 48].

Заключение

В заключении отметим, что суверенитет – правовая категория, имеющая исключительное значение для конституционного развития страны. Поэтому всякая трансформация этого понятия будет оказывать существенное воздействие на общественные отношения. Любое официальное толкование его правильно было бы осуществлять лишь Конституционному суду РФ. Следует исходить из признания народного суверенитета и государственного суверенитета, как это определено в Конституции РФ. Выделение иных видов суверенитета будет деформиро-

вать устоявшееся классическое понимание в науке и правоприменительной практике понятия «суверенитет».

Список литературы

1. Бессмертных А. А. Тень Мастера // «Лучше десять дней переговоров, чем один день войны»: воспоминания об Андрее Андреевиче Громыко: к 100-летию со дня рождения. – М.: Весь Мир, 2009. – 317 с.
2. Верхотуров Д. Сталинская индустриализация. – М.: Вече, 2022. – 479 с.
3. Капица С. Парадоксы роста: законы развития человечества. – М.: АНФ Династия, 2010. – 191 с.
4. Ленин В. И. Задачи союзов молодежи. Речь на III Всероссийском съезде Российского коммунистического союза молодежи // Полное собрание сочинений. – М.: Политиздат, 1974. – Т. 41. – 696 с.
5. Лесков Н. С. Левша // Собр. соч. в 11 т. Т. 7. – М.: ГИХЛ, 1958. – 570 с.
6. Летопись Челябинского тракторного (1929–1945 гг.). – М.: Профиздат, 1972. – 375 с.
7. Лихачев Д. С. Раздумья. – М.: Детская литература, 1991. – 316 с.
8. Лукашук И. И. Глобализация, государство, право, XXI век. – М.: Спарк, 2000. – 261 с.
9. Маяковский В. В. Приказ по армии искусства // Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 2. – М.: ГИХЛ, 1956. – 520 с.
10. Роллан Р. Статьи. Письма. – М.: Радуга, 1985. – 408 с.
11. Судницын Ю. Г. Национальный суверенитет в СССР. – М.: Гос. изд. юр. лит-ры, 1958. – 104 с.
12. Тарибо Е. В. Категория «суверенитет» в практике российского конституционного правосудия // Конституционное и муниципальное право. – 2024. – № 3. – С. 2–6. EDN: CRTXQV
13. Тепляков Ю. Операцию начинаем на рассвете... – М.: Политиздат, 1975. – 127 с.
14. Чичерин Г. В. Исторический очерк дипломатической деятельности А. М. Горчакова. – М.: Любимая Россия, 2009. – 550 с.
15. Эбзеев Б. С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. – М.: Юридическая литература, 2005. – 575 с.

References

1. Bessmertnyh, A. A. (2009) *Ten' Mastera* [Shadow of the Master]. «*Luchshe desyat' dnei perego-vorov, chem odin den' vojny*»: vospominaniya ob Andree Andreeviche Gro-myko: k 100-letiyu so dnya rozhdeniya ["Ten days of negotiations are better than one day of war"]: memoirs of Andrei Andreevich Gromyko: on the 100th anniversary of his birth]. Moscow Ves' Mir. (In Russian).
2. Verhoturov, D. (2022) *Stalinskaya industrializatsiya* [Stalin's industrialization]. Moscow: Veche. (In Russian).
3. Kapica, S. (2010) *Paradoksy rosta: zakony razvitiya chelovechestva* [Paradoxes of growth: laws of human development]. Moscow: ANF Dinastiya. (In Russian).
4. Lenin, V. I. (1974) *Zadachi soyuzov molodezhi. Rech' na III Vserossijskom s"ezde Rossijskogo kommunisticheskogo soyuza molodezhi* [The tasks of youth unions. Speech at the III All-Russian Congress of the Russian Communist Youth Union]. *Pol-noe sobranie sochinenij* [Complete Works]. Moscow: Politizdat. Vol. 41. (In Russian).
5. Leskov, N. S. (1958) *Levsha. Sobr. soch. v 11 t. T. 7* [Levsha]. Moscow: GIKHL. (In Russian).

6. *Letopis' CHelyabinskogo traktornogo* (1929–1945 g. g.). (1972) [Chronicle of the Chelyabinsk Tractor Plant (1929–1945)]. Moscow: Pro-fizdat. (In Russian).
7. Lihachev, D. S. (1991) *Razdum'ya* [Thoughts]. Moscow: Detskaya literature. (In Russian).
8. Lukashuk, I. I. (2000) *Globalizaciya, gosudarstvo, pravo, XXI vek* [Globalization, the state, law, the 21st century]. Moscow: Spark. (In Russian).
9. Mayakovskij, V. V. (1956) *Prikaz po armii iskusstva. Poln. sobr. soch. v 13 t. T. 2* [The order of the army of art]. Moscow: GHL. (In Russian).
10. Rollan, R. (1985) *Stat'i. Pis'ma* [Articles. Letters]. Moscow: Raduga. (In Russian).
11. Sudnitsyn, YU. G. (1958) *Nacional'nyj suverenitet v SSSR. Gos. izd. yur. lit-ry* [National sovereignty in the USSR]. Moscow. (In Russian).
12. Taribo, E. V. (2024) *Kategoriya «suverenitet» v praktike rossijskogo konstitucionnogo pravosudiya* [The category of "sovereignty" in the practice of Russian constitutional justice]. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo – Constitutional and municipal law*. No. 3. Pp. 2–6. (In Russian). EDN: CRTXQV
13. Teplyakov, YU. (1975) *Operaciyu nachinaem na rassvete...* [We start the operation at dawn...]. Moscow: Politizdat. (In Russian).
14. CHicherin, G. V. (2009) *Istoricheskij ocherk diplomaticheskoy deyatel'no-sti A. M. Gorchakova* [A historical sketch of diplomatic activity by A. M. Gorchakov]. Moscow: Lyubimaya Rossiya. (In Russian).
15. Ebzeev, B. S. (2005) *CHelovek, narod, gosudarstvo v konstitucionnom stroe Rossijskoj Federacii*. [Man, people, and the state in the constitutional order of the Russian Federation]. Moscow: YUridicheskaya literatura. (In Russian).

Об авторе

Мамонов Вадим Васильевич, доктор юридических наук, профессор, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0001-8274-5991, e-mail: vadimmamonov2020@yandex.ru

About the author

Vadim V. Mamonov, Dr. Sci. (Law), Full Professor, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0009-0001-8274-5991, e-mail: vadimmamonov2020@yandex.ru

Поступила в редакцию: 18.04.2025
Принята к публикации: 05.05.2025
Опубликована: 30.06.2025

Received: 18 April 2025
Accepted: 05 May 2025
Published: 30 June 2025

Теоретико-методологический потенциал стратегического аудита в реализации национальных приоритетов Российской Федерации

А.-М. М. Маркова

Московский государственный институт международных отношений МИД России,
Москва, Российская Федерация

Активизация законотворческой деятельности в бюджетно-финансовой сфере делает очевидным важность эффективного контроля как фактора государственной стабильности. Проблемы актуализации правовых инструментов государственного финансового контроля порождают закономерный интерес среди ученых и практиков. Анализ стратегического аудита и стратегического планирования позволил сформулировать выводы в сфере методологических подходов стратегического планирования. Итогом исследования стали рекомендации о применении и совершенствовании методов стратегического аудита в процессе реализации стратегического планирования.

Ключевые слова: стратегический аудит, стратегическое планирование, внешний государственный контроль, Счетная палата.

Для цитирования: Маркова А.-М. М. Теоретико-методологический потенциал стратегического аудита в реализации национальных приоритетов Российской Федерации // Ленинградский юридический журнал. – 2025. – № 2 (80). – С. 158–185. DOI: 10.35231/18136230_2025_2_158. EDN: PKOUBR

Theoretical and Methodological Potential of Strategic Audit in the Implementation of National Priorities of the Russian Federation

Anna-Maria M. Markova

Moscow State Institute of International Relations
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation

The intensification of legislative activity in the fiscal sphere makes clear the importance of effective control as a factor of state stability. The problems of mainstreaming legal instruments of state financial control generate a natural interest among scientists and practitioners. Analysis of strategic audit and strategic planning has led to conclusions in the area of methodological approaches to strategic planning. The study resulted in a recommendation on the application and improvement of strategic audit methods in the implementation of strategic planning.

Key words: strategic audit, strategic planning, external state control, Accounts Chamber.

For citation: Markova, A.-M. M. (2025) Teoretiko-metodologicheskii potentsial strategicheskogo audita v realizatsii natsional'nykh prioritetov Rossiyskoy Federatsii [Theoretical and Methodological Potential of Strategic Audit in the Implementation of National Priorities of the Russian Federation]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 2 (80). Pp. 158–185. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2025_2_158. EDN: PKOUBR

Введение

До недавнего времени востребованным видом финансового контроля выступал стратегический аудит, позволяющий разумно и эффективно управлять государственными финансами. Однако с 2023 г. российский законодатель устранил из полномочий Счетной палаты РФ стратегический аудит¹. На это изменение в принципе можно было бы и не обратить внимания в череде многочисленных поправок и изменений законодательства, если бы вопросам стратегического аудита не уделялось столь пристального доктринального внимания как среди российских, так и зарубежных исследователей. Еще в большей степени удивило это изменение поскольку в 2019 г. принципиально новым вектором совершенствования стратегического аудита стала Московская декларация INTOSAI.

Прошло два года с того момента, как стратегический аудит плавно перетек в аудит эффективности, полномочия СП РФ не досчитались стратегического аудита, но зато функции дополнились экспертизой правовых актов в сфере стратегического планирования, и мы можем оценить эффективность такого шага законодателя на основе отечественного и иностранного опыта, применяя как базовые методы, так и метод компаративного анализа и научного прогнозирования.

Устранение данного института из российского законодательства не означает его исчезновения из смыслового, методологического и понятийно-категориального аппарата высших органов аудита во многих зарубежных государствах.

Понятие и значение стратегического аудита

Институт аудита известен более шести тысяч лет, термин «стратегия» активно используется в различ-

¹ О внесении изменений в Федеральный закон «О Счетной палате Российской Федерации»: федер. закон от 18.12.2022 № 514-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

ных смысловых контекстах, применяется в сфере управления и государственно-экономического развития. А вот понятие «стратегический аудит» пребывает в состоянии перманентного развития, и как следствие, не обладает устоявшимся определением.

В процессе исследования природы и значения изучаемого вида аудита в российской и зарубежной доктрине используются различные понятия, такие как комплекс экспертно-аналитических и контрольных мероприятий; оценивание достижимости целей и результатов ресурсной политики; тип финансового государственного контроля; часть аудита, которая отвечает за анализ и проверку стратегии развития и основных стратегических решений государства и т. п. Приведенные определения говорят об отсутствии единства в понимании стратегического аудита и необходимости отыскания действительного смысла и значения данной формы государственного финансового контроля. Для этого посмотрим на истоки его появления.

История стратегического аудита начинается в недрах бизнес-менеджмента и корпоративного управления. Так, Г. Дональдсон [22, с. 99–107] развил и конкретизировал идею корпоративного управления Д. Паунда, и в 1995 г. увидела свет статья, которая до сих пор считается классической в области стратегического аудита.

В 1997 г. другая статья П. Гордона «10 вопросов стратегического аудита» [23] дополнила представления о стратегическом аудите. После ее изучения исследователи в данной сфере цитировали и придерживались мнения одного из профессоров. Однако из всех исследователей в данной сфере Т. Грюнди – единственный, кто дал определение стратегического аудита. По его мнению, это систематический, структурированный и полный (всесторонний) обзор стратегии и стратегических процессов

с целью выявления слабых мест, «мертвых зон», причин, по которым не был достигнут заданный уровень прибыльности, а также потенциально более перспективных новых областей [24, с. 44].

Российские ученые определяют стратегический аудит, например, как одно из направлений государственного аудита, имеющее в своей основе контрольно-оценочную функцию. При этом объектом его анализа называют эффективность достижения национальных приоритетов, которая выявляется путем сопоставления достигнутых результатов изначально установленным стратегическим целям и задачам [9, с. 234–240]. Или как особый вид контроля, направленный на выявление соответствия затраченных финансовых ресурсов степени достижения стратегических целей, принятых программными документами, а также – инструмента управления, позволяющий оценивать и корректировать принятые стратегические решения [2, с. 197–198].

Ряд ученых понимают стратегический аудит как экономическую категорию для обозначения такого типа контроля, с помощью которого можно получить объективную оценку располагаемых материальных, финансовых, интеллектуальных и иных ресурсов, необходимую для принятия оптимальных стратегических решений, а также определить эффективность управления общественными ресурсами в интересах реализации стратегии социально-экономического развития страны и ее территорий [6, с. 134–145].

Таким образом, зародившись в недрах корпоративного управления, институт стратегического аудита стал развиваться и в других сферах, получив законодательное закрепление. Так, например, в ч. 7 ст. 14 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 41-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации» стратегический аудит до изменения закона

определялся через описание его цели, в качестве которой была заявлена «оценка реализуемости, рисков и результатов достижения целей социально-экономического развития Российской Федерации, предусмотренных документами стратегического планирования».

В Стандарте внешнего государственного аудита (контроля) СГА 105 стратегический аудит определялся как вид внешнего государственного аудита (контроля), применяемый в целях оценки реализуемости, рисков и результатов достижения стратегических целей, а также оценки влияния внутренних и внешних условий на уровень достижения стратегических целей¹.

Проанализировав и сравнив представленные подходы к определению содержания и значения стратегического аудита в доктрине и законодательстве РФ, можно сформулировать следующее определение.

Стратегический аудит – это особый вид внешнего государственного финансового контроля, направленный на выявление соответствия затраченных (запланированных) финансовых ресурсов степени реализуемости, рисков и результатов достижения стратегических целей, принятых программными документами стратегического планирования, с одной стороны, и с другой, это инструмент (комплекс экспертно-аналитических и контрольных мероприятий) государственного финансового контроля, позволяющий оценивать и корректировать принятые стратегические решения с учетом оценки влияния внешних и внутренних факторов на уровень достижения стратегических целей. При этом стратегический аудит следует понимать в качестве главного связующего звена между процессом контроля и стратегическим управлением, где основной функцией стратегического

¹ Стратегический аудит: Стандарт внешнего государственного аудита (контроля) СГА 105. Утвержден постановлением Коллегии Счетной палаты Российской Федерации от 10 ноября 2020 г. № 17 ПК // СПС КонсультантПлюс.

аудита выступает критический анализ существующего объема исходной информации, с целью проверки, выработки рекомендаций, их обоснования и формулировки новых управленческих решений.

Объектом стратегического аудита выступают стратегические цели и векторы развития государственной политики, утверждаемые программными документами. При этом в процессе проведения аудита дается оценка общего контекста функционирования, экономической реализуемости, различных вариантов достижения, финансово-го обеспечения стратегических целей.

Конкретным предметом оценки при проведении стратегического аудита могут быть, например, средства бюджета и федеральная собственность, необходимые для достижения стратегических задач; материалы и результаты проведенных контрольных мероприятий финансового аудита и аудита эффективности; международные договоры и декларации международных организаций, нормативные правовые акты по вопросам проверки.

Основной целью стратегического аудита является, на наш взгляд, оценка качества и реализуемости сформулированной стратегии и стратегических решений государства, которая может быть достигнута в процессе решения таких задач, как обеспечение контроля за экономической обоснованностью, правомерным, целевым и эффективным использованием финансовых ресурсов государственных средств, выделенных на реализацию стратегических целей развития государства на средний и долгосрочный период времени; проведение анализа взаимной увязки систем стратегического и оперативного управления.

При этом методы стратегического аудита позволят достичь высокой степени согласованности действий между различными государственными органами по реализа-

ции стратегических приоритетов и целей, а также способствовать всесторонней оценке эффективности стратегических программ при посредстве современных цифровых достижений. Для независимого и обоснованного суждения о достижимости и об эффективности стратегических решений государства необходим потенциал стратегического аудита в деятельности высших органов финансового контроля.

Особенности стратегического аудита

Именно содержание стратегического аудита в большей степени влияет на его характерные особенности, так как складывается из аудита основных финансово-экономических показателей; комплексного анализа внутреннего и внешнего потенциала конкурентоспособности системы с его дифференциацией на блоки: экономический, социальный, экологический; выводов, заключений, обоснований и рекомендаций относительно стратегии развития и т. п.

Стратегический аудит применяется наравне с финансовым аудитом и аудитом эффективности. Поэтому практически необходимо понимать их различие и соотношение.

Так, особенностью стратегического аудита является использование разнообразных контрольных и экспертно-аналитических методов для оценки реализуемости стратегических целей. Более того, два других вида аудита могут служить инструментами стратегического аудита.

Комплексность стратегического аудита проявляется также в том, что его задача состоит в оценке реализуемости целей, их рисков, в выявлении соответствия затраченных государственных ресурсов достижению поставленных стратегических задач, в оценке эффективности принимаемых стратегических решений, их корректировке в случае необходимости, а также в оценке как финан-

совых, так и нефинансовых факторов при осуществлении стратегических программ.

В процессе проведения аудита дается оценка среде функционирования, экономической реализуемости, вариантам достижения, финансовому и нормативному обеспечению стратегических целей.

Важно также обратить внимание на содержательную особенность стратегического аудита, которая позволяет осуществлять непрерывный цикл наблюдения, контроля и корректировки достижения утвержденных стратегических целей и приоритетов государства. Соответственно стратегический аудит может быть предварительным, текущим и последующим.

Как отмечают, основываясь на своем практическом опыте, государственные аудиторы, отличительной особенностью стратегического аудита является не столько выявление нарушений, как развитие возможностей государственных органов и организаций в оценке эффективности, корректировке принятых стратегических решений и преодолении возникающих проблем в достижении национальных целей [8, с. 10].

От аудита эффективности и финансового аудита стратегический аудит отличается прежде всего предметом аудита, которым в рамках последнего могут выступать, например, стратегические цели и решения на уровне государства. Помимо этого, различие видно и при сравнении целей.

Подводя итог, следует отметить, что стратегический аудит, являясь видом внешнего государственного финансового контроля, представляет собой преимущественно не столько выявление целесообразности принятых управленческих решений или утвержденных стратегий развития, сколько комплексную методику, посредством которой представляется возможным дать оценку степени реализу-

емости сформулированной стратегии и наличия обеспеченности ресурсами, требуемыми для её выполнения.

Международный опыт применения стратегического аудита

Несмотря на отсутствие доктринального и правового определения стратегического аудита, он широко используется в практике высших органов финансового контроля различных государств. Наиболее активно данный вид аудита развивается в Китайской Народной Республике, где он основывается на пяти компонентах: культурном, политическом, экономическом, социальном и экологическом прогрессе.

Перед государственными органами Поднебесной в процессе разработки стратегий, планировании и реализации национальных программ учитываются приоритеты страны и практическая возможность достигать результаты [4, с. 293–303]. Примечательно, что при проведении стратегического аудита в Китае, как и в ряде других стран, используют метод форсайта. Исследование перспектив развития с использованием этого метода во многих странах является важным инструментом формирования национальных стратегий и приоритетов, позволяет выявлять возможности и угрозы, проводить мобилизацию ресурсов для осуществления скоординированных мер.

Суть метода форсайта заключается в том, что он аккумулирует вовлечение интеллектуальных возможностей профессионалов широкого круга, а также обеспечивает возможность согласования разнонаправленных интересов и позволяет нивелировать трудности взаимоотношений сторон.

По мнению китайских исследователей, будущее развитие аудита в Китае будет возможно именно с использо-

ванием данного метода, который дает возможность как достигать основную цель аудита, так и применять достоинства метода форсайта, заключающиеся в обозначении векторов развития, помогающих с максимальной точностью спрогнозировать и выделить сферы неопределенности, и сформулировать сценарии будущего [14, с. 19–25].

Одним из центральных направлений расширения области применения метода форсайта в Китае выступает использование мировых базовых трендов совершенствования аудиторской деятельности, например:

1. Развитие непрерывного аудита (аудит в реальном режиме времени) с учетом компьютерных достижений.

2. Формирование в качестве проверяемого объекта нефинансовых форм отчетности, соединяемых с финансовой отчетностью.

3. Расширение числа новых видов аудиторских заключений¹.

Китайские аудиторы полагают, что фундаментальными направлениями работы с ближайшим и отдаленным будущим являются развитие и совершенствование стратегического мышления, постановка стратегических целей и их воплощение в жизнь. Методом стратегического мышления неслучайно называют именно форсайт. Его методология состоит из четырех уровней:

- работа с настоящим: формирование карт возможных рисков;
- работа с будущим: определение векторов развития и методов их реализации;
- работа с планами: обозначение приоритетов, стратегический анализ;
- работа по налаживанию профессиональных связей: создание диалога среди участников форсайта.

¹ China 2030. Building a Modern, Harmonious, and Creative Society / eds: Development Research Center of the State Council and World Bank. March 2013. Available at: <https://elibrary.worldbank.org/> (accessed 01 March 2025).

При этом основными принципами форсайта являются следующие смысловые категории:

- будущее возможно создать, приложив определенные усилия;

- в будущем возможны варианты развития;

- будущее не является продолжением прошлого, а формируется волевыми решениями участников и стейкхолдеров;

- в будущем есть труднопрогнозируемые области, будущее в них невозможно предсказать точно, можно лишь подготовиться самим или совершить ряд подготовительных мер, чтобы с определенной долей условности создать будущее по меркам своего видения [12, с. 134].

Специфика метода форсайта заключается в том, что он нацелен на отдаленное будущее и разрабатывает вариативные сценарии его развития, обозначает желательные и вероятные события, а также «дикие карты» – события, которые маловероятны, но потенциально могут существенно влиять на исследуемую сферу в будущем. Пример такой работы – Emerging Issues Analysis методология, посредством которой ищут «семена» в настоящем, способные в будущем «прорасти» и оказать влияние на развитие событий.

В общей сложности было сформировано более 1,3 млн предложений по минимизации рисков, улучшению систем и углублению реформ. Важно отметить, что почти 1 млн предложений был реально выполнен.

Широко и с успехом применяется стратегический аудит и в США. Стратегический аудит госпрограмм в США проводится Главным контрольным управлением США (United States Government Accountability Office (далее – GAO)). Современная работа GAO охватывает все федеральные программы и расходы – от сельского хозяйства и здравоохранения до космических разработок, банковского ре-

гулирования и международной помощи. ГАО проводит также финансовый аудит правительства США и оценивает его финансовые перспективы.

ГАО в контексте стратегического аудита формулирует стандарты для внутреннего контроля, методику оценки рисков и другие документы. В частности, управление разработало пятилетний стратегический план, обозначающий глобальные условия, оказывающие влияние на США и международную безопасность, такие как ответы на спровоцированные дивергентным экономическим ростом глобальные вызовы, влияние технологического развития на подготовку и использование рабочей силы, последствия демографических изменений и т. д.

Их беспристрастная, основанная на фактах работа по итогам каждого года сводится к приблизительно 1 тыс. проверок и дает сотни рекомендаций, которые ежегодно экономят миллиарды долларов: с 2005 г. выводы и рекомендации ГАО принесли правительству США финансовые выгоды в размере 1 трилл. долл. и более 21 тыс. операционных выгод. За последние пять лет средняя рентабельность инвестиций ГАО составляет 165 долл. на каждый доллар, вложенный в ГАО¹.

Применяется рассматриваемый вид финансового контроля и в Канаде. Наиболее актуальным примером использования стратегического подхода к аудиту в этой стране являются Комментарии к проекту федеральной стратегии устойчивого развития на 2022–2026 гг. Согласно федеральному закону об устойчивом развитии², начиная с 2010 г. министр окружающей среды и изменения климата обязан готовить федеральную стратегию

¹ GAO A Century of Strategic Evolution to Meet Congressional Needs. Statement of Gene L. Dodaro, Comptroller General of the United States. October 21, 2021. GAO-22-900369 // United States Government Accountability Office. Available at: <https://www.gao.gov/assets/gao-22-900369.pdf> (accessed 01 March 2025).

² Federal Sustainable Development Act (S.C. 2008. P. 33). Available at: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/f-8.6/> (accessed 01 March 2025).

устойчивого развития не реже одного раза в три года. В этом году отмечается пятая федеральная стратегия устойчивого развития, формируемая на основе новой редакции ФЗ об устойчивом развитии с участием около ста федеральных организаций.

Практика применения стратегического аудита в деятельности Счетной палаты РФ

Итак, стратегический подход к аудиту – это актуальная мировая тенденция в работе высших органов аудита [7, с. 31]. В контексте данной тенденции рассмотрим его развитие в правовой действительности современной России.

Стратегический аудит в работе Счетной палаты РФ фактически применялся задолго до его законодательного закрепления в 2014 г., когда он был включен в перечень ее полномочий. Реализованные стратегии развития Сибири, Дальнего Востока и ряда других выступают примерами таких мероприятий. С 2019 г. Счетная палата приступила к ежемесячному мониторингу достижения национальных проектов и целей, как итог, стратегический аудит стал новым вектором развития в деятельности ВOA России.

Счетная палата в целом достигла впечатляющих масштабов деятельности в сфере стратегического аудита – фактически именно она информировала общество о реализации целей правительства. Причем информация была объективной и не всегда оптимистичной. Во многих итоговых отчетах по аудиту госпрограмм и нацпроектов обнаруживалось несоответствие между целями программ и национальными целями. Кроме того, ряд поставленных целей оценивался как недостижимый. В отчете Счетной палаты за 2019 г., выражались сомнения в достижении значений выше, чем по 280-ти показате-

лям эффективности госпрограмм в 2020 г., т. е. практически 20 % от общего числа госпрограмм¹.

В 2020 г. впервые на основе сформированных стандартов СП РФ был проведен стратегический аудит документов стратегического планирования, в процессе которого проявились существенные недочеты. В частности, было указано на отсутствие четкой структуры у документов и на содержание в них разнонаправленных приоритетов. Кроме того, в некоторых из них вообще едва можно было заметить связь с национальными, стратегическими целями и задачами государства².

Стратегический аудит выявил не только кардинальные расхождения в показателях разных программ, но и дисбаланс в показателях программ разного уровня одного направления. Обнаруженные отклонения имели отношение к срокам реализации мероприятий, их планируемого результата и запрашиваемого объема финансирования³, которое было выявлено лишь на стадии согласования бюджета государства, т. е. на последней стадии. Данные итоги привели к выводу о том, что «реализация нацпроектов не приводит ни к достижению национальных целей, ни к экономическому росту»⁴.

Стратегический аудит востребован и при осуществлении контрольной функции Счетной палаты РФ в отношении институтов развития, целью деятельности которых является содействие проведению государ-

¹ Отчет о работе Счетной палаты Российской Федерации в 2019 г. С. 39. [Электронный ресурс]. URL: <https://ach.gov.ru/reports/10114> (дата обращения: 15.03.2025).

² Стратегический аудит формирования и достижения показателей деятельности федеральных органов исполнительной власти, руководство деятельностью которых осуществляет Правительство Российской Федерации, в 2017–2018 гг. и истекшем периоде 2019 г. // Счетная палата Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/62d/62dcc8a84cd3e28c5a-08551477e24bfd.pdf> (дата обращения: 15.03.2025).

³ Заключение на проект бюджета – 2021 // Счетная палата Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <https://ach.gov.ru/audit/proekt-2021> (дата обращения: 15.03.2025).

⁴ Кудрин исключил достижение национальных целей посредством нацпроектов // РБК. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/07/06/2019/5cfa13189a7947a381017303> (дата обращения: 15.03.2025).

ственной политики и (или) развитию отдельных отраслей экономики РФ [16].

Основываясь на приведенных итогах, можно сделать еще один вывод о том, что стратегический аудит – необходимый инструмент, который позволяет выявлять весь спектр недостатков организации функционирования органов исполнительной власти и институтов развития; неэффективность выполнения функций в комплексе государственного стратегического управления на всех его стадиях; а также предлагать меры не только по устранению негативных последствий на стадии завершения проекта, но и меры по их предупреждению, о чем неоднократно указывалось в научной литературе [19, с. 216–233].

Стратегический аудит при этом будет обеспечивать единообразие системы стратегических документов по планированию, проверяя документы на согласованность по срокам, целям, задачам, возможности реализации, ресурсам, контрольным показателям, учитывая современный внешний контекст программ.

Нельзя также забывать и еще об одном существенном значении стратегического аудита, который выступает важной составляющей повышения открытости и доступности информации о достижении стратегических целей развития экономики, функционировании органов государственного управления, деятельность которых должна быть направлена на удовлетворение потребностей общества, человека, гражданина [13, с. 9–20]. Это, в свою очередь, обеспечит обратную связь и контроль.

Исследователи стратегического аудита отмечали, что важными аспектами методологического обеспечения и практического совершенствования государственного стратегического аудита должны стать научные исследования и опытно-конструкторские работы по выработке методик и адаптации опыта корпоративного стратеги-

ческого аудита, а также подготовка квалифицированных специалистов, способных на должном уровне проводить данный вид аудита.

Законодательные изменения в сфере стратегического аудита в России

В ФЗ «О Счетной палате» внесены дополнения и изменения 28.12.2022 г., вступившие в силу 01.01.2023 г., которые, на наш взгляд, порождают новые проблемы в отношении видов и методов осуществления экспертно-аналитической и контрольной деятельности. Так, в функции СП РФ добавили оценку стратегических целей развития Российской Федерации и дополнили функции экспертизой нормативных правовых актов в сфере именно стратегического планирования, но при этом в п. 4 ст. 14 из полномочий Счетной палаты убрали стратегический аудит, исключили и п. 7 ст. 14 о стратегическом аудите, в то время как именно он был определен в качестве методологического обеспечения полномочий СП РФ: «стратегический аудит – вид внешнего государственного аудита (контроля), применяемый в целях оценки реализуемости, рисков и результатов достижения стратегических целей, а также оценки влияния внутренних и внешних условий на уровень достижения стратегических целей»¹.

Именно используя методологический потенциал стратегического аудита в полной мере, представляется возможным и эффективным осуществить обозначенные функции Счетной палаты.

Стратегический аудит – неотъемлемая часть государственного управления. В современных реалиях представляется затруднительным эффективное решение задач обеспечения национальной безопасности

¹ СГА 105. Стратегический аудит. Раздел 1, п. 1.2 // СПС КонсультантПлюс.

и социально-экономического развития государства без понимания особой роли стратегического аудита и использования системного управления. И в ситуации признания актуальности и практической целесообразности применения стратегического аудита практически во всем мире, российский законодатель исключает его из полномочий СП РФ! Такая ситуация выглядит нелогичной и необоснованной. Но, к сожалению, она повторяется. Это уже было в 2016, в 2017 гг., до прихода в качестве председателя Счетной палаты А. Л. Кудрина, когда значительно увеличивалась доля проведения стратегического аудита. Как справедливо отмечали исследователи, «казалось, аудит и управление будут отныне неотделимы друг от друга. Это же так очевидно: там, где нет аудита, там нет и стратегической управляемости!» Увы, с горечью признавали они, «российское чиновничество не проявляло должного внимания стратегическим исследованиям, а в самой Счетной палате интеллектуальный потенциал специалистов в области стратегического аудита оказался невостребованным – и разбрелись они по белому свету, подобно строителям рухнувшей Вавилонской башни» [21, с. 25].

Новая Стратегия развития СП РФ на 2018–2024 гг. была утверждена 5 августа 2018 г. В ней ставилась цель направления государственных ресурсов на развитие общества. Стратегический аудит был назван в числе главных методов ее достижения. В 2018 г. авторы писали: «Будем надеяться, что стратегический аудит послужит для нас тем архимедовым рычагом, посредством которого станет возможным сдвинуть с места груз накопившихся социальных проблем» [21, с. 25]. По принимаемым стандартам, декларациям, практическому применению стратегического аудита, казалось бы, все налажилось. Однако, как только А. Л. Кудрин покинул пост

председателя Счетной палаты в 2022 г., все, что было наработано, исчезло, в Счетной палате не осталось даже научной и практической литературы по стратегическому аудиту, а в декабре 2022 г. в результате внесения изменений в известный ФЗ стратегический аудит законодательно исчез из полномочий СП РФ.

Тем не менее хочется верить, что данный вид государственного внешнего контроля не исчезнет из фактической деятельности Счетной палаты РФ, как это уже было в 2014, в 2015 гг., когда он использовался без закрепления его в законе в качестве ее полномочий. Тем более, что законы не могут отменить сущность методологии или правового института. Во всем мире признан методологический потенциал стратегического аудита, не перестали действовать стандарты INTOSAI и принятые в ее рамках декларации, включая московскую, которая вывела применение стратегического аудита на новый уровень.

Вне всякого сомнения, опыт применения стратегического аудита СП РФ показал существующие недостатки и сложности в его проведении, однако они устранимы и несравнимы с той практической пользой, которую дает стратегический аудит. В частности, исследователями отмечалось, что выявляются смешивания контрольной и экспертно-аналитической деятельности между собой и с видами государственного аудита, наблюдается тождество методологии проведения стратегического аудита с аудитом эффективности и даже предлагалось исключить первый из видов государственного аудита [18, с. 22–40].

Другие авторы, наоборот, обосновывали необходимость проведения стратегического аудита и предлагали методологические принципы, которыми можно и нужно руководствоваться для эффективной реализации стратегического аудита в процессе создания доку-

ментов стратегического планирования. Но отмечались и недостатки, в частности обращалось внимание на общесистемные проблемы разработки документов стратегического планирования, и предлагалась формулировка первостепенных задач стратегического аудита при разработке и согласовании документов стратегического планирования [15, с. 152–160].

Председатель контрольно-счетной палаты Калининградской области Л. И. Сергеев отмечал необходимость обновления применения стратегического аудита в связи с развитием цифровой экономики [20, с. 68–69].

При этом он обращал внимание, что каждый элемент системы цифровой экономики обладает автономным значением, а их итоговое совокупное применение проявляется в процессе использования государственного стратегического аудита результативности социально – экономического развития регионов.

Н. В. Кузнецов и Н. Е. Котова также связывали перспективы развития системы стратегического аудита с цифровизацией. Прогнозируя совершенствование системы стратегического аудита, исследователи видели его в развитии электронных форм отчетности, а также активном использовании возможностей дистанционной проверки организаций с применением цифровых технологий [10, с. 23–28]. Отмечалось также, что потребность в качественном развитии системы государственного стратегического аудита очень велика как со стороны государственного управления, так и общества.

Думается, что необходимо критически оценивать обозначаемые авторами недостатки и предложения и использовать предлагаемые разумные и обоснованные способы их устранения для приведения работы Счетной палаты к соответствию со стандартами и принципами ИНТОСАИ. Кроме того, для совершенствования деятель-

ности в сфере стратегического аудита приемлем и зарубежный опыт. Все то, что проверено на практике и показало свою эффективность, целесообразно использовать.

В современный период реализации приоритетных проектов как инструментов достижения национальных целей развития, который отличается разработкой и принятием значительного количества нормативных правовых актов, особенно важно совершенствовать стратегический аудит. При этом не решены многие системные проблемы правового регулирования, в частности не приняты важнейшие документы стратегического планирования, не создана взаимоувязанная система документов стратегического бюджетного планирования, не закреплён законодательно правовой статус национальных проектов [17, с. 11–16]. По сути, представляя собой управленческие решения, национальные проекты получают свойства документа стратегического бюджетного планирования, занимая особое место в ряду форм (источников) права из-за своих неординарных характеристик [11]. Первостепенное место в перечне документов стратегического планирования занимает Единый план по достижению национальных целей. Изучение этого документа показывает, что государство в управлении бюджетной сферой переходит «на новый вид жесткого государственного управления – стратегического, которое, во-первых, устанавливает точное исполнение поручений, а во-вторых, закрепляет конкретные сроки исполнения, в-третьих, подчинено достижению целевого состояния» [5, с. 7–13].

Специалистами в данной сфере для успешной реализации проектов предлагается проводить своевременное принятие новых и обновление действующих документов стратегического планирования, комплексную корректировку значений их целевых показателей; вводить эффективную систему управления, мониторинга и контроля

степени достижения целей; планировать полноценное финансирование; обеспечивать информационную координацию стратегического и бюджетного планирования; разработать действенный механизм ответственности органов власти и должностных лиц.

Спустя год после отказа законодателя от стратегического аудита ученые и практики, анализируя проблемы контрольно-счетных органов в сфере стратегического планирования, не обходятся без упоминания стратегического аудита и его методологической эффективности в данной сфере, указывая, что не требуется никакой разработки специальных методов по осуществлению полномочий в сфере стратегического планирования, просто необходимо развитие и унификация существующих методологических подходов стратегического аудита, чтобы он мог эффективно соответствовать вызовам и потребностям современного мира [3, с. 70–76; 1, с. 12–17].

Заключение

Анализ подходов к пониманию термина «стратегический аудит», его содержанию и функциональной роли позволяет сделать ряд выводов:

1. Стратегический аудит представляет собой востребованный вид государственного финансового контроля, вызывающий интерес теоретиков и практиков.
2. Единое понимание термина «стратегический аудит» отсутствует на законодательном и доктринальном уровне.
3. В отечественной доктрине можно выделить несколько групп исследователей, имеющих общие взгляды на стратегический аудит, при том, что все они едины в необходимости его применения и эффективности.

Одна группа содержательно расценивает его как методологический инструмент государственного финансово-

го контроля, другая – подчеркивает его характеристику как именно управленческого аудита.

Однако наиболее верной представляется позиция тех авторов, которые понимают, что стратегический аудит представляет собой синтез нескольких форм аудита.

4. Зарубежные исследования также не содержат понятия «стратегический аудит», теоретические размышления, как правило, касаются деятельности частных корпораций и сводятся к анализу его содержания и методам анализа стратегии корпорации. Однако отсутствие определения и разработанной теории не является препятствием для активного использования стратегического аудита в госсекторе, даже более активно, чем в бизнесе.

Любой опыт, показавший свою эффективность и значимость, может стать полезным для России. В частности, представляется возможным использование метода форсайта, который хорошо показал себя в Китае. Опыт США и Канады может быть полезен для России в вопросах мониторинга и оценки госпрограмм стратегического планирования, а также в некоторых аспектах программного бюджетирования.

Анализ научных публикаций российских и зарубежных исследователей по теме стратегического аудита показал, что данный вид государственного контроля активно обсуждается на страницах научных журналов. Однако до сих пор не существует фундаментальных теоретико-методологических трудов по данной проблематике.

Вместе с тем практически все авторы сходятся во мнении о необходимости таких исследований и эффективности стратегического аудита. Следовательно, перспективы развития данного направления значимы как в теоретической, так и в практической сфере внешнего государственного финансового контроля.

Стратегический аудит, применяемый в единстве с хорошо известным финансовым аудитом и аудитом эффективности, обеспечивает системный подход к применению независимого внешнего государственного аудита, так как вместе они обеспечивают оценку разных аспектов, что в условиях выявляемых недостатков, имеющих разный характер, дает возможность разрешения одновременно нескольких существенных проблем и как итог – высокую эффективность деятельности органов финконтроля. Правильное понимание сути стратегического аудита и совершенствование построения его методологического дизайна будет способствовать обоснованности, эффективности и согласованности действий государственных органов при реализации стратегического планирования и воплощении национальных приоритетов.

Список литературы

1. Абелян Н. Г. Стратегический аудит как инструмент достижения стратегических целей: в России и за рубежом // Научный вектор: сб. науч. трудов / под науч. ред. Е. Н. Макаренко. – Вып. 10. – Ростов н/Д: Издательско-полиграфический комплекс Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), 2024. – С. 12–17. EDN: NRDIWG
2. Ангелина И. А. Стратегический аудит в системе государственного финансового контроля // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 3. – С. 194–198. EDN: PWVWNL
3. Андреев Л. В., Вовченко Н. Г. О проблемах внешнего государственного финансового контроля и аудита в сфере стратегического планирования // Национальные финансовые системы в новых геополитических условиях: вызовы и возможности для России: материалы международной науч.-практ. конф. – Ростов н/Д: Ростовский государственный экономический университет «РИНХ», 2024. – С. 70–76. EDN: JVOHVL
4. Ван Юйшань, Новикова И. В. Стратегическое планирование экономического развития Китая // Стратегирование: теория и практика. Т. 2. – 2022. – № 3. – С. 293–303. EDN: TEVUZC
5. Вершило Т. А. Особенности государственного управления бюджетной сферой в условиях развития цифровой экономики // Финансовое право. – 2022. – № 4. – С. 7–13. EDN: BHDNYT
6. Гусева Ю. В., Столяров Н. С. Стратегический аудит: зарубежный опыт // Вестник АКСОР. – 2010 (12). – № 1. – С. 134–145. EDN: MSPXBF
7. Золотарева А. Б., Соколов И. А. Актуальные вопросы стратегического планирования и аудита в современной России // Проблемы прогнозирования. – 2021. – № 5. – С. 29–41. EDN: QNAKXA

8. Идрисов А. А. Стратегический аудит в достижении национальных целей и приоритетов в области развития // Мемлекеттік аудит = Государственный аудит = State audit. – 2024. – № 62 (1). – С. 6–20. DOI: 10.55871/2072-9847-2024-62-1-6-20 EDN: HZCLMX
9. Кузнецов Н. В., Еремин В. В. Стратегический аудит при разработке и согласовании документов государственного планирования // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2022. – № 9 (часть 2). – С. 234–240. EDN: MXBSNY
10. Кузнецов Н. В., Котова Н. Е. Государственный стратегический аудит в сфере социально-экономического развития: ключевые компоненты // Теория и практика общественного развития. – 2020. – № 6 (148). – С. 23–28.
11. Кутузова Н. С. Сущность и правовые аспекты национального проекта // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. – Т. 21. – 2021. – № 1. – С. 96–102. EDN: ENIBKL
12. Малявин В. В. Тайный канон Китая: монография. – М.: РИПОЛ классик, 2017. – 134 с.
13. Мхитарян Ю. И. Стратегический аудит государственного регулирования как необходимое условие развития российской экономики // Электронный научный журнал «Век качества». – 2019. – № 4. – С. 9–20. EDN: MNRQYF
14. Перская В. В., Ревенко Н. С. «Сделано в Китае 2025»: китайский опыт обеспечения задач национального развития // Азия и Африка сегодня. – 2020. – № 7. – С. 19–25. EDN: WKMMEO
15. Решетников С. Б., Котова Н. Е. Проведение стратегического аудита при разработке и утверждении документов государственного стратегического планирования // Менеджмент и бизнес-администрирование. – 2022. – № 4. – С. 152–160. EDN: PMWQQL
16. Савин Д. А. Контроль Счетной палаты Российской Федерации за деятельностью институтов развития // Финансовое право. – 2022. – № 5. – С. 34–38. EDN: TYAIYG
17. Садовская Т. Д. Национальные проекты: от управленческих решений до документа стратегического развития // Финансовое право. – 2022. – № 8. – С. 11–16. EDN: ECHLLQ
18. Саунин А. Н., Чеснова В. В. Стратегический аудит в Счетной палате Российской Федерации в свете концепции ИНТОСАИ о стратегическом подходе к государственному аудиту // Вестник Московского университета. Серия 26. Государственный аудит. – 2021. – № 2. – С. 22–40. EDN: AHLZTU
19. Селиванов А. И., Старовойтов В. Г., Трошин Д. В. Стратегический аудит в системе государственного стратегического управления национальной экономикой // Философия хозяйства. – 2021. – № 1. – С. 216–233. EDN: UJTQYC
20. Сергеев Л. И. Государственный стратегический аудит в цифровой экономике // Тренды и управление. – 2019. – № 2. – С. 61–75. EDN: HAMDPX
21. Столяров Н. С., Семенова А. А. Роль и место стратегического аудита в корпоративном и государственном управлении // Актуальные проблемы социально-экономического развития России. – 2018. – № 4. – С. 11–27. EDN: YTACOT
22. Donaldson G. A New Tool for Boards: The Strategic Audit // Harvard Business Review. – № 73 (4) (July-August). – 1995. – Pp. 99–107.
23. Gordon P. J. Ten strategic audit questions // Business Horizons. – Vol. 40. – 1997. – № 5. – Pp. 7–14.
24. Grundy T. Strategic audit // Financial Management (UK). – 2007 (September). – Pp. 44–46.

References

1. Abelyan, N. G., Makarenko, E. N. (2024) (eds.) Strategicheskij audit kak instrument dostizheniya strategicheskix celej: v Rossii i za rubezhom [Strategic Audit as a Tool for Achieving Strategic Goals: In Russia and Abroad]. *Nauchnyj vektor: sbornik nauchnyx trudov*. v.10. [Scientific Vector: Collection of Scientific Works, Vol. 10]. Rostov-on-Don: Publishing and Printing Complex of Rostov State University of Economics (RINH). Pp. 12–17. (In Russian). EDN: NRDIWG
2. Angelina, I. A. (2013) Strategicheskij audit v sisteme gosudarstvennogo finansovogo kontrolya [Strategic Audit in the System of State Financial Control]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and Practice of Social Development*. No. 3. Pp. 194–198. (In Russian). EDN: PWVWNL
3. Andreev, L. V., Vovchenko, N. G. (2024) O problemakh vneshnego gosudarstvennogo finansovogo kontrolya i audita v sfere strategicheskogo planirovaniya [On the Problems of External State Financial Control and Audit in the Sphere of Strategic Planning]. *Natsional'nye finansovye sistemy v novykh geopoliticheskikh usloviyakh: vyzovy i vozmozhnosti dlya Rossii: materialy mezhdunarodnoy nauch.-prakt. konf.* [National Financial Systems in New Geopolitical Conditions: Challenges and Opportunities for Russia: Materials of the International Scientific and Practical Conference]. Rostov-on-Don: Publishing and Printing Complex of Rostov State University of Economics (RINH). Pp. 70–76. (In Russian). EDN: JVOHLV
4. Van Yuysan, Novikova, I. V. (2022) Strategicheskoe planirovaniye ekonomicheskogo razvitiya Kitaya [Strategic Planning of China's Economic Development]. *Strategirovaniye: teoriya i praktika*. T. 2. [Strategizing: Theory and Practice, Vol. 10]. No. 3. Pp. 293–303. (In Russian). EDN: TEVUZC
5. Vershilo, T. A. (2022) Osobennosti gosudarstvennogo upravleniya byudzhethnoy sfery v usloviyakh razvitiya tsifrovoy ekonomiki [Features of State Management of the Budget Sphere in the Context of Digital Economy Development]. *Finansovoe pravo – Financial Law*. No. 4. Pp. 7–13. (In Russian). EDN: BHDNYT
6. Guseva, Yu. V., Stolyarov, N. S. (2010) Strategicheskij audit: zarubezhnyy opyt [Strategic Audit: Foreign Experience]. *Vestnik AKSOR – Bulletin of AKSOR*. No. 1. Pp. 134–145. (In Russian). EDN: MSPXBF
7. Zolotareva, A. B., Sokolov, I. A. (2021) Aktual'nyye voprosy strategicheskogo planirovaniya i audita v sovremennoy Rossii [Current Issues of Strategic Planning and Audit in Modern Russia]. *Problemy prognozirovaniya – Problems of Forecasting*. No. 5. Pp. 29–41. (In Russian). EDN: QNAKXA
8. Idrisov, A. A. (2024) Strategicheskij audit v dostizhenii natsional'nykh tseley i prioriteto v oblasti razvitiya [Strategic Audit in Achieving National Goals and Priorities in Development]. *Memlekettik audit = Gosudarstvennyy audit = State audit*. No. 62 (1). Pp. 6–20. DOI: 10.55871/2072-9847-2024-62-1-6-20. (In Russian). EDN: HZCLMX
9. Kuznetsov, N. V., Eremin, V. V. (2022) Strategicheskij audit pri razrabotke i soglasovanii dokumentov gosudarstvennogo planirovaniya [Strategic Audit in the Development and Coordination of State Planning Documents]. *Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava – Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. No. 9 (Part 2). Pp. 234–240. (In Russian). EDN: MXBSNY
10. Kuznetsov, N. V., Kotova, N. E. (2020) Gosudarstvennyy strategicheskij audit v sfere sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya: klyuchevye komponenty [State Strategic Audit in the Field of Socio-Economic Development: Key Components]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and Practice of Public Development*. No. 6 (148). Pp. 23–28. (In Russian).
11. Kutuzova, N. S. (2021) Sushchnost' i pravovye aspekty natsional'nogo proekta [Essence and Legal Aspects of the National Project]. *Vestnik YUUrGU. Seriya: Pravo – Bulletin of South Ural State University. Series: Law*. Vol. 21. No. 1. Pp. 96–102. (In Russian). EDN: ENIBKL

12. Malyavin, V. V. (2017) *Taynyy kanon Kitaya: monografiya* [The Secret Canon of China: Monograph]. Moscow: RIPOL klassik. P. 134. (In Russian).
13. Mkhitarian, Y. I. (2019) Strategicheskii audit gosudarstvennogo regulirovaniya kak neobkhodimoe uslovie razvitiya rossiyskoy ekonomiki [Strategic Audit of State Regulation as a Necessary Condition for the Development of the Russian Economy]. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal 'Vek kachestva' – Electronic Scientific Journal 'Century of Quality'*. No. 4. Pp. 9–20. (In Russian). EDN: MNRQYF
14. Perskaya, V. V., Revenko, N. S. (2020) 'Sdelano v Kitaye 2025': kitayskiy opyt obespecheniya zadach natsional'nogo razvitiya ['Made in China 2025': The Chinese Experience in Ensuring National Development Goals]. *Aziya i Afrika segodnya – Asia and Africa Today*. No. 7. Pp. 19–25. (In Russian). EDN: WKMMEO
15. Reshetnikov, S. B., Kotova, N. E. (2022) Provedenie strategicheskogo audita pri razrabotke i utverzhdenii dokumentov gosudarstvennogo strategicheskogo planirovaniya [Conducting Strategic Audit in the Development and Approval of State Strategic Planning Documents]. *Menedzhment i biznes-administrirovanie – Management and Business Administration*. No. 4. Pp. 152–160. (In Russian). EDN: PMWQQL
16. Savin, D. A. (2022) Kontrol Schetnoy palaty Rossiyskoy Federatsii za deyatel'nost' institutov razvitiya [Control of the Accounts Chamber of the Russian Federation over the Activities of Development Institutions]. *Finansovoe pravo – Financial Law*. No. 5. Pp. 34–38. (In Russian). EDN: TYAIYG
17. Sadovskaya, T. D. (2022) Natsional'nye proekty: ot upravlencheskikh resheniy do dokumenta strategicheskogo razvitiya [National Projects: From Managerial Decisions to Strategic Development Documents]. *Finansovoe pravo – Financial Law*. No. 8. Pp. 11–16. (In Russian). EDN: ECHLLQ
18. Saunin, A. N., Chesnova, V. V. (2021) Strategicheskii audit v Schetnoy palate Rossiyskoy Federatsii v svete kontseptsii INTOSAI o strategicheskoy podkhode k gosudarstvennomu auditu [Strategic Audit in the Accounts Chamber of the Russian Federation in Light of the INTOSAI Concept on a Strategic Approach to State Audit]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 26. Gosudarstvennyy audit – Bulletin of Moscow University. Series 26. State Audit*. No. 2. Pp. 22–40. (In Russian). EDN: AHLZTU
19. Selivanov, A. I., Starovoirov, V. G., Troshin, D. V. (2021) Strategicheskii audit v sisteme gosudarstvennogo strategicheskogo upravleniya natsional'noy ekonomikoy [Strategic Audit in the System of State Strategic Management of the National Economy]. *Filosofiya khozyaystva – Philosophy of Economy*. No. 1. Pp. 216–233. (In Russian). EDN: UJTCYC
20. Sergeev, L. I. (2019) Gosudarstvennyy strategicheskii audit v tsifrovoy ekonomike [State Strategic Audit in the Digital Economy]. *Trendy i upravlenie – Trends and Management*. No. 2. Pp. 61–75. (In Russian). EDN: HAMDPX
21. Stolyarov, N. S., Semenova, A. A. (2018) Rol' i mesto strategicheskogo audita v korporativnom i gosudarstvennom upravlenii [The Role and Place of Strategic Audit in Corporate and State Management]. *Aktual'nye problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossii – Current Problems of Socio-Economic Development of Russia*. No. 4. Pp. 11–27. (In Russian). EDN: YTACOT
22. Donaldson, G. (1995) A New Tool for Boards: The Strategic Audit. *Harvard Business Review*. No. 73 (4) (July-August). Pp. 99–107.
23. Gordon, P. J. (1997) Ten strategic audit questions. *Business Horizons*. Vol. 40. No. 5. Pp. 7–14.
24. Grundy, T. (2007) Strategic audit. *Financial Management (UK)*. (September). P. 44–46.

Об авторе

Маркова Анна-Мария Михайловна, магистрант, Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0001-2721-9665, e-mail: annemariemour04@gmail.com

About the author

Anna-Maria M. Markova, Master's student, Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, ORCID ID: 0009-0001-2721-9665, e-mail: annemariemour04@gmail.com

Поступила в редакцию: 04.04.2025

Принята к публикации: 20.05.2025

Опубликована: 30.06.2025

Received: 04 April 2025

Accepted: 20 May 2025

Published: 30 June 2025

Особенности регистрация бизнеса в особых экономических зонах

М. А. Юркова, Е. А. Иванова

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье рассматриваются особенности приобретения статуса резидента организаций в особых экономических зонах. С целью повышения роста экономики государство формирует определённые условия для бизнеса. Один из важных этапов приобретения статуса резидента особой экономической зоны – это принятие решения о включении организации в реестр. В исследовании авторы рассматриваются особенности применения Федерального закона «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» от 22.07.2005 № 116-ФЗ и иных нормативно-правовых актов в данном контексте. Выносятся предложения о дальнейшем развитии законодательства в части функционирования организаций – резидентов в особых экономических зонах.

Ключевые слова: особые экономические зоны, резиденты особых экономических зон, инвестиции, деловая репутация.

Для цитирования: Юркова М. А., Иванова Е. А. Особенности регистрации бизнеса в особых экономических зонах // Ленинградский юридический журнал. – 2025. – № 2 (80). – С. 186–203. DOI: 10.35231/18136230_2025_2_186. EDN: PTNTAE

Features of Business Registration in Special Economic Zones

Marina A. Yurkova, Ekaterina A. Ivanova

Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

The article is devoted to the peculiarities of acquiring the status of a "resident" of organizations in special economic zones. In order to increase economic growth, the government creates certain conditions for business. One of the important stages of acquiring the status of a resident of a special economic zone is the decision to include an organization in the register. In the study, the authors consider the specifics of the application of the Federal Law "On Special Economic Zones in the Russian Federation" dated 07/22/2005 No. 116-FZ and other regulatory legal acts in this context and make proposals for further development of legislation regarding the functioning of resident organizations in special economic zones.

Key words: special economic zones, residents of special economic zones, investments, business reputation.

For citation: Yurkova, M. A., Ivanova, E. A. (2025) Osobennosti registratsiya biznesa v osobykh ekonomicheskikh zonakh [Peculiarities of Business Registration in Special Economic Zones]. *Leningradskiy yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 2 (80). Pp. 186–203. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2025_2_186. EDN: PTNTAE

Введение

В последнее время государство постоянно совершенствует различные направления для поддержки предпринимателей, в том числе и создание особых экономических зон (далее ОЭЗ). Особые экономические зоны – территории, которые государство наделяет особым юридическим статусом и экономическими льготами для привлечения российских и зарубежных инвесторов в приоритетные для России отрасли. Зарегистрированные на данной территории организации пользуются различными льготами.

Преференциальные режимы – это не российская новация. Появившись в середине XX в. в Европе, а затем и на других континентах, их количество стало расти в геометрической прогрессии [14, с. 7].

В целом на законодательной основе действуют следующие формы преференциальных зон, в том числе с налоговыми льготами: особые экономические зоны (ОЭЗ), территории опережающего развития (ТОР), зоны территориального развития (ЗТР), свободные экономические зоны (СЭЗ) на территориях Республики Крым и города Севастополя, свободный порт (СП) Владивосток, инновационный центр «Сколково» [5, с. 162].

Анализ функционирования данных зон показывает эффективность такого рода поддержки для бизнеса, что приводит к их увеличению. Так, к примеру, в феврале 2025 г. рабочая группа поддержала планы создания ОЭЗ промышленно-производственного типа «Волоовская», «Большой Серпухов» и «Новосибирск». «Президентом Российской Федерации в майском указе поставлена амбициозная задача по увеличению инвестиций к 2030 г. до 60 % от уровня 2020 г. Инвесторы, которые в текущих условиях приходят в особые экономические зоны, создают рабочие места – это очень ценно. Мы видим, что особые экономические зоны – эффективный инструмент,

который позволяет привлекать инвестиции в инфраструктуру регионов», – отметил вице-премьер Александр Новак¹. На данный момент на территории России действует 52 свободные экономические зоны, резидентами которых являются 1322 компании. Стратегией социально-экономического развития Санкт-Петербурга до 2035 г. особая экономическая зона технико-внедренческого типа «Санкт-Петербург» (ОЭЗ ТВТ «Санкт-Петербург») названа одним из важнейших инструментов развития промышленного комплекса наряду с индустриальными парками (технопарками), кластерной политикой и предоставлением субсидий и налоговых льгот².

В последние годы внимание к развитию малых городов Российской Федерации значительно возросло. Особую роль в этом играют особые экономические зоны (ОЭЗ), которые предоставляют благоприятные условия для привлечения инвестиций и стимулирования экономической активности [10, с. 75]. Вместе с тем нельзя не отметить, что важное значение приобретает вопрос о деловой репутации фирмы, которая планирует свою деятельность в особых экономических зонах. В рамках правового регулирования не отводится должного значения данному вопросу, однако на практике деловая репутация такого лица оказывает весомое значение.

Особенности, цели и задачи ОЭЗ

Важной проблемой в условиях санкций остается создание собственной технологической базы, достижение технологического суверенитета [13, с. 242].

Создание экономической зоны способствует ускорению запуска предприятия, сокращению затрат на аренду помещений, налоги и таможенные сборы, а также умень-

¹ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г.: указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 // СПС КонсультантПлюс.

² О Стратегии социально-экономического развития Санкт-Петербурга на период до 2035 г.: закон Санкт-Петербурга от 19.12.2018 г. № 771–164 // СПС КонсультантПлюс.

шению издержек по приобретению ресурсов и обслуживанию займов для расширения бизнеса.

Специальные экономические районы способствуют расширению территорий, улучшению инфраструктуры и формированию новых вакансий. Только российское правительство имеет право одобрить создание данной зоны. При этом задачи её формирования обязаны полностью соответствовать задачам, указанным в законодательстве. Благодаря своей способности создавать конкурентные преимущества и стимулировать экономический рост, ОЭЗ выступают не только как фактор улучшения бизнес-климата, но и как ключевой элемент стратегии модернизации региональных экономик в целом. Внедрение ОЭЗ в России стимулирует инновационное мышление, укрепляет привлекательность регионов для инвесторов и поддерживает страну в достижении устойчивого и равномерного развития [4, с. 38].

В разных экономических зонах существуют уникальные условия, включая индивидуальные плюсы и минусы. Например, предприятия могут воспользоваться сниженными ставками по аренде или приобретению земельных участков. Система льгот в достаточной степени индивидуальна и тесно связана с уникальным местоположением свободной экономической зоны и реализуемыми на ее территории программами [7, с. 133].

Фирмы сталкиваются с меньшим количеством бюрократических препятствий. Им доступно прохождение всех этапов через единый сервис. Администрация ОЭЗ обрабатывает заявки на статус резидента, координирует решения по землепользованию. Земельный участок в границах ОЭЗ или на прилегающей к ней территории предоставляется для строительства объектов инфраструктуры этой зоны без проведения торгов (конкурсов, аукционов) и предварительного согласования мест размещения таких объектов лицу, с которым уполномо-

ченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти заключено соглашение о взаимодействии в сфере развития инфраструктуры ОЭЗ, в аренду на основании заявления о предоставлении земельного участка [11, с. 36].

В течение первых пяти-десяти лет работы компании, получившие статус резидента, освобождаются от уплаты налогов: на имущество, земельного и транспортного. Также для них предусмотрены льготы по налогу на прибыль.

В ряде ОЭЗ действуют специальные таможенные режимы. Предприятия имеют право ввозить оборудование, сырье и материалы на территорию ОЭЗ без таможенных пошлин и налога на добавленную стоимость. Каждой ОЭЗ необходимо наличие поддерживающей инфраструктуры: финансовой, социальной и транспортной. В свою очередь это требует перенаправления финансирования в регион, в котором создается такая ОЭЗ. Помимо этого, создание каждой ОЭЗ, как правило, вызывает технологический прорыв, сопровождающийся внедрением технологических инноваций, которые требуются для ее функционирования [3, с. 209].

В России особое внимание уделяется сотрудничеству ОЭЗ с образовательными учреждениями для подготовки кадров и проведения исследований, но сами университеты и академии не обладают статусом ОЭЗ и СЭЗ [1, с. 17].

Как стать резидентом ОЭЗ

Не все организации могут претендовать на статус резидента. Существуют конкретные требования, которым необходимо соответствовать. Это может быть, например, ведение деятельности в приоритетной отрасли или готовность инвестировать значительные средства.

Для получения статуса резидента ОЭЗ необходимо зарегистрировать юридическое лицо либо получить статус ин-

дивидуального предпринимателя в установленной локации, подготовить необходимый пакет документов, включая бизнес-план, и направить заявление в уполномоченные органы, ответственные за ОЭЗ. В случае положительного решения, с заявителем будет заключено соглашение о ведении деятельности в ОЭЗ. Предъявляемые к проекту условия закреплены на законодательном уровне¹.

После утверждения договоренностей оформляется арендное соглашение и можно приступить к воплощению бизнес-стратегии. Важно, чтобы вся деятельность осуществлялась непосредственно в пределах границ этой экономической зоны.

Договор может быть прекращен по взаимному согласию участников или через суд, если одна из сторон нарушила условия, к примеру не осуществила запланированные инвестиции. В таком случае предусмотрены штрафные санкции, достигающие 5 млн р.

В ситуации, когда компания лишается статуса резидента ОЭЗ, она сохраняет право на продолжение деятельности на ее территории, но при этом теряет возможность пользоваться предоставляемыми льготами и преференциями.

В зависимости от типа ОЭЗ к юридическому статусу резидента предъявляются определенные требования:

1. Для обретения статуса резидента заинтересованное лицо подает в уполномоченный орган исполнительной власти субъекта РФ заявление о заключении соглашения, регламентирующего ведение деятельности.

2. Не позднее чем через 15 рабочих дней после получения заявления и прилагаемой документации региональный орган исполнительной власти выносит решение и уведомляет о нем заявителя.

¹ Об особых экономических зонах в Российской Федерации: федер. закон от 22.07.2005 № 116-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

Для получения информации о дальнейших действиях, заинтересованным лицам предлагается заполнить форму заявки на веб-сайте ОЭЗ. Представители ОЭЗ свяжутся с заявителями для предоставления подробных инструкций и консультаций. Для заключения соглашения о ведении предпринимательской деятельности, необходимо оформить заявку и подготовить пакет документов.

Для получения ответа необходимо обратиться в экспертный совет. Квалифицированные специалисты проведут анализ представленных документов и вынесут вердикт о предоставлении статуса резидента или об отказе.

Далее следует зарегистрироваться в качестве резидента ОЭЗ и получить свидетельство. В течение трех рабочих дней после подписания соглашения, Минэкономразвития вносит запись о регистрации юридического лица или ИП в специализированный реестр резидентов, после чего выдается свидетельство.

С 1 сентября 2023 г., за исключением некоторых пунктов, вступил в действие федеральный закон, направленный на облегчение процесса приобретения статуса резидента. Данная мера призвана стимулировать приток новых участников и упростить ведение бизнеса на этих территориях, что, в свою очередь, должно положительно сказаться на экономическом развитии регионов.

Вместо бизнес-плана теперь требуется предоставить паспорт инвестиционного проекта в электронном формате, дополненный финансовой моделью (согласно пп. 2 п. 1 ст. 13 Федерального закона № 116-ФЗ)¹.

Привлечение инвестиций в ОЭЗ

Экономическое развитие в особых экономических зонах (ОЭЗ) представляет взаимную выгоду для бизнеса и прави-

¹ Об особых экономических зонах в Российской Федерации: федер. закон от 22.07.2005 № 116-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

тельства. Государство, стремясь к прогрессу конкретного региона, учреждает ОЭЗ для привлечения предпринимателей и капиталовложений. Это обеспечивает необходимое развитие приоритетной для страны территории, а компании, функционирующие в ОЭЗ, получают обширные перспективы для расширения существующего или запуска нового бизнеса.

Такой подход стимулирует экономический рост, создавая благоприятную среду для инноваций и инвестиций. Предприниматели получают доступ к льготным условиям, упрощенным процедурам и развитой инфраструктуре, что способствует их успеху и вносит вклад в общее благосостояние региона и страны.

При прочих равных условиях проекты с прогнозируемой рентабельностью, приемлемой для частного сектора, это программы, для которых прогнозируемая норма доходности не ниже доходности на рынке государственных ценных бумаг, увеличенной на маржу, которая может покрыть инвестиционные риски [2, с. 103].

Между тем внедрение новых правовых форм взаимодействия государства с инвесторами, а также обновленного формата их налоговой поддержки явилось предпосылкой для того, чтобы ограничить количество ОЭЗ, на место которых пришли бы соответственно альтернативные режимы, более адаптированные к потребностям регионального развития [6, с. 65].

В соответствии с постановлением Правительства РФ № 156 от 14 февраля 2024 г., определены следующие аспекты функционирования ОЭЗ: процедура организации ОЭЗ и внесения изменений в её территориальные границы; требования, предъявляемые к инвестиционным проектам¹.

¹ Об утверждении критериев создания особой экономической зоны, Правил создания особой экономической зоны и изменения площади особой экономической зоны и требований к инвестиционным проектам, реализуемым резидентами особых экономических зон: постановление Правительства РФ от 14.02.2024 № 156 // СПС КонсультантПлюс.

Деловая репутация фирмы в ОЭЗ

Деловая репутация субъекта предпринимательской деятельности играет решающее значение для оценки его конкурентоспособности и надежности, в том числе свидетельствует о качестве его продукции и оказываемых услуг. Актуально говорить о важности деловой репутации и для осуществления фирмой деятельности в ОЭЗ.

Право на деловую репутацию является неотъемлемым субъективным правом любого юридического лица. Его нарушение причиняет существенный моральный вред, ущерб в свободе действий и общественном положении, производя на окружающих невыгодное для указанных субъектов впечатление, и предопределяет ответственность обязанных лиц [12, с. 184].

Если обратиться к определению деловой репутации, следует согласиться с суждением Ю. В. Ячменева и М. В. Кибенко, которые считают, что «деловая репутация – это приобретаемые в процессе профессиональной, предпринимательской или иной социально значимой деятельности общественная оценка и свойственные данной деятельности качества, общее или широко распространенное мнение о деловых качествах, достоинствах человека или юридического лица» [15, с. 96].

Как уже было отмечено ранее, особая экономическая зона – территория с особым правовым режимом. Именно поэтому в нормативных правовых актах установлены специальные требования и порядок для получения статуса резидента. Вместе с тем из нормативных положений мы не выявим требований к деловой репутации потенциального резидента, что представляется законодательным упущением.

Так, сами по себе свободные экономические зоны предлагают более комфортные и достаточно льготные условия для ведения бизнеса, поэтому для получения статуса резидента, на наш взгляд, важно обладать положительной

деловой репутацией, которая бы характеризовала фирму как зарекомендовавшего себя на практике надежного и конкурентоспособного субъекта гражданского оборота.

С учетом вышеизложенного, представляется правильным говорить о необходимости внесения изменений в порядок и условия получения статуса резидента в ОЭЗ, указав в качестве одного из требований «положительную деловую репутацию» претендента. В свою очередь, это позволит повысить и качество деятельности субъектов предпринимательской деятельности в ОЭЗ, поскольку на этапе рассмотрения заявки фирмы, имеющие плохую деловую репутацию, будут отсеиваться. Соответственно, одной из мотиваций отказа в резидентстве может стать наличие плохой деловой репутации, которая должна насторожить уполномоченных органов в компетентности, порядочности и конкурентоспособности субъекта предпринимательской деятельности. Для того чтобы не было необоснованных отказов по причине плохой деловой репутации заявителя, необходимо установить и критерии оценки.

Так, оценка деловой репутации должна осуществляться следующим образом. Фирме при подаче заявки на статус резидента необходимо представить документы, подтверждающие ее положительную деловую репутацию. Например, это могут быть отзывы клиентов, партнеров. В критерии оценки резидентов ОЭЗ предлагаем включить показатели, связанные с деловой репутацией, такие как соблюдение обязательств, качество продукции и услуг, а также уровень конкурентоспособности.

Для систематического соблюдения требований к положительной деловой репутации необходимо контролировать и уже действующих резидентов. Иными словами, установить регулярный мониторинг деловой репутации фирм, что позволит выявлять те компании, репутация которых может негативно отразиться и в целом на имидже

ОЭЗ, а также свидетельствовать о потенциальном неисполнении ими своих обязательств. Осуществление такого мониторинга возможно и с помощью установления требований к предоставлению отчетов со стороны фирм-резидентов о своей деятельности (результатах).

Учитывая, что ОЭЗ – это территория с особым правовым режимом, которая наделяет резидента определенными льготными условиями, то и статус резидентов должен быть соответствующим. В данной связи, помимо установления требований к деловой репутации, необходимо создавать стимулирующие условия для ее поддержания на достойном уровне, а также повышении. Как следствие, небезосновательным видится решение такого предложения в виде рассмотрения на законодательном уровне дополнительных льгот и преференций для компаний с высокой деловой репутацией, что положительно скажется и на создании конкурентной среды в ОЭЗ.

Таким образом, на наш взгляд, деловая репутация должна учитываться для получения статуса резидента и осуществления им в последующем деятельности в ОЭЗ. Для этого предложены меры, которые должны найти свое правовое выражение в действующем законодательстве.

Заключение

Таким образом, рассмотрев обязательства и преференции предпринимателей в ОЭЗ, можно сделать следующие выводы:

1) резидент ОЭЗ принимает на себя ряд обязательств, закрепленных в соглашении об осуществлении деятельности. Ключевым аспектом является сотрудничество с органами управления ОЭЗ в части контроля за соблюдением всех условий этого соглашения, в том числе оказание активного содействия в проведении проверок;

2) резидент должен давать подробные пояснения к любой деятельности, вызывающей вопросы у органов управления ОЭЗ, это может потребовать предоставления дополнительных документов (бухгалтерские справки, техническая документация, договоры с контрагентами и другие подтверждающие материалы);

3) резидент обязан самостоятельно информировать органы управления об изменениях, которые могут повлиять на реализацию проекта, например, об изменении объемов инвестиций или планов производства;

4) строго соблюдать условия соглашения, ограничивающие деятельность исключительно рамками, указанными в нём. Любая деятельность за пределами оговорённых условий может рассматриваться как нарушение соглашения и повлечь за собой негативные последствия;

5) резиденты ОЭЗ пользуются широким спектром преференций, стимулирующих инвестиции и развитие бизнеса, которые можно разделить на несколько ключевых групп:

- налоговые льготы (наиболее привлекательная часть);
- минимальные административные барьеры (режим «одного окна», все необходимые решения, согласования и взаимодействия с государственными органами осуществляются через единый центр);
- развитая инфраструктура (как правило, ОЭЗ располагают готовой инфраструктурой, необходимой для ведения бизнеса);
- льготная аренда и выкуп земельных участков (снижение ставки арендной платы, упрощенная процедура оформления земельно-имущественных отношений, возможность долгосрочной аренды или покупка земли без проведения торгов);
- режим свободной таможенной зоны (беспошлинный ввоз оборудования, сырья и материалов, упрощенное таможенное оформление, отсутствие НДС на импортируемые товары).

В целом преференции для резидентов ОЭЗ представляют собой комплексный пакет мер, направленных на стимулирование инвестиционной активности и создание благоприятных условий для развития бизнеса. Однако конкретный набор льгот и преференций может значительно различаться в зависимости от типа ОЭЗ, региона его расположения и действующего законодательства.

Наиболее существенным препятствием, на наш взгляд, являются ощутимые финансовые вложения и подбор проверенных контрагентов. Все остальные условия выполняются путем привлечения высокопрофессиональных трудовых ресурсов.

Особые экономические зоны за период своего существования внесли существенный вклад в развитие экономики как регионов присутствия, так и экономики страны в целом. Однако если не проводить их модернизацию по современным требованиям рынка, экономический эффект от их использования будет постоянно сокращаться, а синергетический эффект будет иметь краткосрочный период [9, с. 72].

Особые экономические зоны являются ярким примером успешного государственно-частного партнёрства, в результате которого создаются необходимые условия для осуществления предпринимательской, научно-исследовательской, туристской деятельности [8, с. 221].

Деловая репутация компании играет ключевое значение для оценки её надежности, порядочности и конкурентоспособности. Вместе с тем на законодательном уровне уделяется недостаточное внимание деловой репутации фирмы-резидента ОЭЗ. Учитывая, что ОЭЗ обладает особым правовым статусом, наделяет субъектов предпринимательской деятельности определенными льготами и преимуществами, представляется, что требования к резидентам должны быть скорректированы с учетом важности такого пункта, как «положительная

деловая репутация». В данной связи предлагаем дополнить ч. 6 п. 9 следующего содержания: «негативная деловая репутация фирмы, имеющая подтвержденный характер». Подтвержденный характер должен выражаться в наличии достаточных сведений, которые свидетельствуют о плохой деловой репутации заявителя. Например, большой процент судебных дел, в которых фирма выступает в качестве ответчика (например, на основании ненадлежащего исполнения обязательств), массовые негативные отзывы от клиентов и (или) партнеров, опубликованные в сети Интернет. Представляется, что внесение таких изменений положительно скажется на создании здоровой конкуренции в ОЭЗ, а также повысят имидж ОЭЗ (характеризуя ее как территорию, на которой осуществляют свою деятельность зарекомендовавшие себя фирмы с положительной стороны).

Список литературы

1. Ахметов Т. Р., Гаймалова С. М. Институт социально-экономических исследований Уфимского федерального исследовательского центра РАН (ИСЭИ УФИЦ РАН), Уфа, Сравнительный анализ особых экономических зон в регионах России и за рубежом в аспекте научно-технологического развития экономики // Управленческий учет. – 2024. – № 9. – С. 14–20.
2. Болдин В. О. Партнёрство частного бизнеса с государством при развитии особых экономических зон туристско-рекреационного типа // Горизонты экономики. – 2024. – № 5 (85). – С. 02–107.
3. Борматов В. Ю., Круглова И. А. Особые экономические зоны фактор экономической безопасности // «Смирновские чтения – 2023»: сб. материалов XXII международной научно-практической конференции, 2023. – С. 207–214. EDN: IKXTQV
4. Водолагин Д. А. Создание особой экономической зоны для экономического развития в России // Развитие финансового рынка и предпринимательских структур в современных условиях: материалы Всероссийской научно-практической конференции, 01 декабря 2023 г. – Волгоград: Университетская книга, 2024. – С. 38–40. EDN: BBND0A
5. Гончаренко Л. И. Конструктив преференциальных налоговых режимов как детерминанта привлечения инвестиций в инновационное развитие России // Экономика. Налоги. Право. Финансовый университет при Правительстве РФ (Москва). – Т. 17. – № 3. – 2024. – С. 156–166.
6. Громов В. В. Создание особых экономических зон после моратория: причины, тенденции, закономерности // Финансовый журнал. – 2024. – Т. 16. – № 5. – С. 60–77. DOI: 10.31107/2075-1990-2024-5-60-77

7. Золотухина М. М. Особая экономическая зона – перспективный социально-экономический проект // Среднерусский вестник общественных наук. – 2007. – № 3 (4). – С. 132–135.

8. Куприянова Т. А., Зыкова Т. Б. Особенности развития особой экономической зоны на современном этапе (кейс «Красноярской технологической долины») // Вестник Челябинского государственного университета. – 2024. – № 6 (488). – С. 219–225. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-488-6-219-225. EDN: DFRMSV

9. Куприянова Т. А. Особые экономические зоны как инструмент развития международного сотрудничества: материалы Всероссийской научно-практической конференции Актуальные проблемы развития ЕАЭС в условиях современных глобальных изменений. – Иркутск, 2024. – С. 68–73.

10. Курникова И. В., Носов А. Н. Особые экономические зоны как катализатор развития малых городов // Малые города большой страны: сб. научных статей и материалов Второй Всероссийской научно-практической конференции. – Ивано-Ново, 2024. – С. 74–80. EDN: VZIDKP

11. Кучинская А. В., Липски С. А. Условия создания особых экономических зон и определения прилегающей к особым экономическим зонам территории в Российской Федерации // Журнал Имущественные отношения в РФ. – № 3 (150). – 2014. – С. 34–38. EDN: RXFGRV

12. Лапшин А. А. Способы защиты деловой репутации юридических лиц и их особенности // Социально-экономические явления и процессы. – 2017. – № 5. – Т. 12. – С. 229.

13. Силова Е. С., Аюпова С. Г., Мутовкина Т. А. Особые территории как драйвер регионального экономического развития // Вестник Челябинского государственного университета. – 2023. – № 11 (481). – С. 237–245. EDN: WMLWQH

14. Шестакова М. Н. Преференциальные режимы в Дальневосточном регионе как стратегический инструмент государства при «повороте на восток» // Южно-Российский журнал социальных наук. – 2024. – Т. 25. – № 3. – С. 6–24.

15. Ячменев Ю. В., Кибенко М. В. Уточнение определения деловой репутации в правовой науке // Теоретическая и прикладная юриспруденция. – 2023. – № 3 (17). – С. 96. EDN: EIDSPG

References

1. Ahmetov, T. R., Gajmalova, S. M. (2024) *Sravnitel'nyj analiz osobyh ekonomicheskikh zon v regionah Rossii i za rubezhom v aspekte nauchno-tehnologicheskogo razvitiya ekonomiki* [Comparative analysis of special economic zones in the regions of Russia and abroad in the aspect of scientific and technological development of the economy]. *Upravlencheskij uchet – Management accounting*. No. 9. Pp. 14–20. (In Russian).

2. Boldin, V. O. (2024) *Partnyorstvo chastnogo biznesa s gosudarstvom pri razviti osobyh ekonomicheskikh zon turistko-rekrecionnogo tipa* [Partnership of private business with the state in the development of special economic zones of tourist and recreational type]. *Gorizonty ekonomiki – Economic horizons*. No. 5 (85). Pp. 102–107. (In Russian).

3. Bormatov, V. YU., Kruglova, I. A. (2023) *Osoby ekonomicheskije zony faktor ekonomicheskoi bezopasnosti*. [Special economic zones are a factor of economic security]. «*Smirnovskie chteniya – 2023*» [Smirnov Readings – 2023]. Collection of materials of the XXII International scientific and practical conference. Pp. 207–214. (In Russian). EDN: IKXTQV

4. Vodolagin, D. A. (2024) *Sozdanie osoby ekonomicheskoi zony dlya ekonomicheskogo razvitiya v Rossii*. [Creation of a special economic zone for economic development in Russia]. *Razvitie finansovogo rynka i predprinimat'skikh*

struktur v sovremennykh usloviyakh [The development of the financial market and entrepreneurial structures in modern conditions]. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, December 01, 2023. Volgograd: University Book. Pp. 38–40. (In Russian). EDN: BBND0A

5. Goncharenko, L. I. (2024) Konstruktiv preferencial'nyh nalogovyh rezhimov kak determinanta privilezheniya investitsij v innovacionnoe razvitie Rossii. [Constructive preferential tax regimes as a determinant of attracting investment in Russia's innovative development]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo – Economy. Taxes. Right. Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)*. Vol. 17. No. 3. Pp. 156–166. (In Russian).

6. Gromov, V. V. (2024) Sozдание osobyh ekonomicheskikh zon posle moratoriya: prichiny, tendentsii, zakonomernosti [Creation of special economic zones after the moratorium: causes, trends, patterns]. *Finansovyy zhurnal – Financial Journal*. Vol. 16. No. 5. Pp. 60–77. (In Russian).

7. Zolotuhina, M. M. (2007) Osobaya ekonomicheskaya zona – perspektivnyj social'no- ekonomicheskij proekt [The Special Economic zone is a promising socio-economic project]. *Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk – Central Russian Bulletin of Social Sciences*. No. 3 (4). Pp. 132–135. (In Russian).

8. Kupriyanova, T. A., Zyкова, T. B. (2024) Osobennosti razvitiya osobo ekonomicheskoy zony na sovremennom etape (kejs «Krasnoyarskoj tekhnologicheskoy doliny») [Features of the development of the special economic zone at the present stage (the case of the Krasnoyarsk Technological Valley)]. *Vestnik CHelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of the Chelyabinsk State University*. No. 6 (488). Pp. 219–225. (In Russian). EDN: DFRMSV

9. Kupriyanova, T. A. (2024) Osoby ekonomicheskie zony kak instrument razvitiya mezhdunarodnogo sotrudnichestva [Special economic zones as a tool for the development of international cooperation]. *Aktual'nye problemy razvitiya EAES v usloviyah sovremennyh global'nyh izmenenij* [Actual problems of the EAEU development in the context of modern global changes]. Materials of the All-Russian Scientific and practical Conference. Baikal State University Irkutsk. Pp. 68–73. (In Russian).

10. Kurnikova, I. V., Nosov, A. N. (2024) Osoby ekonomicheskie zony kak katalizator razvitiya malyh gorodov [Special economic zones as a catalyst for the development of small towns]. *Malye goroda bol'shoy strany* [Small towns in a big country]. Collection of scientific articles and materials of the Second All-Russian Scientific and Practical Conference. Ivanovo. Pp. 74–80. (In Russian). END: VZIDKP

11. Kuchinskaya, A. V., Lipski, S. A. (2014) Usloviya sozdaniya osobyh ekonomicheskikh zon i opredeleniya privilezuyushchej k osobym ekonomicheskim zonam territorii v Rossijskoj Federacii [Conditions for the creation of special economic zones and the definition of territories adjacent to special economic zones in the Russian Federation]. *Zhurnal Imushchestvennye otnosheniya v RF – Journal of Property Relations in the Russian Federation*. No. 3 (150). Pp. 34–38. (In Russian). EDN: RXFGRV

12. Lapshin, A. A. (2017) Sposoby zashchity delovoj reputacii yuridicheskikh lic i ih osobennosti [Ways to protect the business reputation of legal entities and their features]. *Social'no – ekonomicheskie yavleniya i process – Socio-economic phenomena and processes*. No. 5. Vol. 12. P. 229. (In Russian).

13. Silova, E. S., Ayupova, S. G., Mutovkina, T. A. (2023) Osoby territorii kak drajver regional'nogo ekonomicheskogo razvitiya [Special territories as a driver of regional economic development]. *Vestnik CHelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of the Chelyabinsk State University*. No. 11 (481). Pp. 237–245. (In Russian). EDN: WMLWQH

14. Shestakova, M. N. (2024) Preferencial'nye rezhimy v Dal'nevostochnom regione kak strategicheskij instrument gosudarstva pri «povorote na vostok» [Preferential treatment in the Far Eastern region as a strategic tool of the state during the "turn to

the East"]. *YUzhno-Rossiiskij zhurnal social'nyh nauk – South Russian Journal of Social Sciences*. Vol. 25. No. 3. Pp. 6–24. (In Russian).

15. YAchmenev, YU. V., Kibenko, M. V. (2023) Utochnenie opredeleniya delovoj reputacii v pravovoj nauke [Clarifying the definition of business reputation in legal science]. *Teoreticheskaya i prikladnaya yurisprudenciya – Theoretical and applied jurisprudence*. No. 3 (17). P. 96. (In Russian). EDN: EIDSPG

Личный вклад соавторов

Personal co-authors contribution
80/20 %

Об авторах

Юркова Марина Аркадьевна, кандидат экономических наук, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: M8uma@yandex.ru

Иванова Екатерина Антоновна, магистрант, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: sergekant2017@mail.ru

About the authors

Marina A. Yurkova, Cand. Sci. (Economy), Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, e-mail: M8uma@yandex.ru

Ekaterina A. Ivanova, Master's student, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, e-mail: sergekant2017@mail.ru

Поступила в редакцию: 02.04.2025
Принята к публикации: 18.05.2025
Опубликована: 30.06.2025

Received: 02 April 2025
Accepted: 18 May 2025
Published: 30 June 2025

Абсолютно-правовые теории права на цифровые объекты

Е. Н. Абрамова

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация
Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье обобщаются выдвинутые в российской доктрине теории о правовой природе права на цифровой объект и анализе теорий, относящихся к абсолютно-правовой концепции. Используя метод «от обратного», анализируются аргументы, выдвинутые против указанной концепции, основанные на понятии абсолютного права, которое само по себе является дискуссионным. Делается вывод, что функции оператора цифровой платформы имеют инфраструктурный, технический характер, поэтому не должны препятствовать самостоятельному рассмотрению правоотношения по поводу цифрового объекта, отдельного от относительного правоотношения по поводу предоставления доступа и обеспечения инфраструктуры. В заключение делается вывод о необходимости пересмотра подходов к определению места денег и ценных бумаг в системе объектов гражданских прав, которые в совокупности с цифровыми объектами составляют самостоятельную группу благ и должны получить самостоятельный правовой режим.

Ключевые слова: абсолютное право, относительное право, вещно-правовой режим, цифровой объект, оператор информационной системы.

Для цитирования: Абрамова Е. Н. Абсолютно-правовые теории права на цифровые объекты // Ленинградский юридический журнал. – 2025. – № 2 (80). – С. 204–219. DOI: 10.35231/18136230_2025_2_204. EDN: MQLRKZ

Original article

UDC 347

EDN: MQLRKZ

DOI: 10.35231/18136230_2025_2_204

Absolute Legal Theories of the Right to Digital Objects

Elena N. Abramova

Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russian Federation
Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

Russian scientists have put forward many theories about the legal nature of the right to a digital object. The author systematizes all available theories and analyzes them. The author proved:

1) right of the owner of a digital asset to the platform operator is not part of his right as the owner of digital property; 2) issue of the concept of absolute law is debatable and requires revision in the context of modern conditions of digitalization; 3) money, commercial papers, securities and digital objects have a common legal nature and constitute a separate independent object of civil rights; 4) modern economic turnover requires recognition of the absolute right to digital objects.

Key words: absolute law, relative law, real-legal regime, digital object, information system operator.

For citation: Abramova, E. N. (2025) Absolyutno-pravovye teorii prava na tsifrovye ob'ekty [Absolute Legal Theories of the Right to Digital Objects]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 2 (80). Pp. 204–219. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2025_2_204. EDN: MQLRKZ

Введение

Актуальным вопросом современной цивилистики является выявление правовой природы права на новые объекты гражданских прав, которые не существуют в реальном мире, а возникают в цифровом пространстве. Так, В. Б. Четвергов обобщил все предлагаемые в доктрине подходы и выделил две основные концепции: абсолютно-правовую и относительно-правовую [15, с. 33–39]. Следует также выделить легальную концепцию, которая предлагает два подхода к правовой квалификации прав на цифровые объекты: права на те из них, которые предусмотрены действующим законодательством, не получили никакой квалификации, а права на те цифровые объекты, которые выходят за рамки действующего регулирования, законом не защищаются и на них распространяется правовой режим игр и пари, хотя признаков последних такие права не имеют, поскольку не основаны на риске и неопределенности. В рамках абсолютно-правовой и относительно-правовой концепций исследователями предлагаются различные теории права на цифровые объекты. Среди относительно-правовых концепций можно выделить теорию обязательственного права, модель лицензионного договора и модель договора оказания услуг.

Система абсолютно-правовых теорий права на цифровой объект

В число абсолютно-правовых концепций входят:

- вещно-правовая теория, согласно которой даже если цифровой объект не является вещью в строгом смысле слова и на него не может возникнуть право собственности в его классическом понимании, нет препятствий для применения вещно-правовых способов защиты права и правил о добросовестном приобретателе [11, с. 127–150];
- теория исключительного (чаще всего авторского) права [5, с. 34–46], согласно которой имущественное право ис-

пользования тех или иных виртуальных объектов «по своей природе больше подходит под определение исключительного права использования результата интеллектуальной деятельности, носящего абсолютный характер» [1];

■ теория нового самостоятельного права [9, с. 20–24; 10, с. 29–39], исходящая из необходимости расширения существующей системы абсолютных прав¹, которая в нынешнем виде неспособна предложить эффективное решение для надлежащей квалификации права на цифровые объекты, поскольку сегодня к абсолютным правам относятся только вещное право, если речь о вещах, т. е. материальных объектах, и интеллектуальные права, если речь о нематериальных объектах;

■ модель NFT как цифрового сертификата на любой объект, как цифровой, так и реальный, позволяющая вырвать цифровое имущество из монополистического контроля разработчика/правообладателя [15; 8, с. 26–31].

Несмотря на то что все указанные теории имеют как достоинства, так и существенные недостатки, они нашли применение в зарубежном законодательстве², что говорит о востребованности и эффективности абсолютно-правовой концепции. Так, Е. А. Суханов отмечает необходимость установления «наиболее "сильного" права, сходного с абсолютными правами на вещь»³, поскольку только абсолютное право способно предоставить обладателю возможность свободного распоряжения объектом, стабильность

¹ Рожкова М. А. Об имущественных правах на нематериальные объекты в системе абсолютных прав (часть первая, вводная – вещные права, интеллектуальная собственность) // Закон.ру. 2018. 17 декабря. [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/blog/2018/12/17/ob_imuschestvennyh_pravah_na_nematerialnye_obekty_v_sisteme_absolyutnyh_prav_chast_pervaya_vvodnaya_... (дата обращения: 20.02.2025).

² В частности, вещно-правовой подход закреплен в южнокорейском и тайваньском законодательстве, которые признают право собственности пользователей на объекты виртуальных миров и предоставляют им такую же правовую охрану, как традиционной вещи (см.: Chao John S. Recognizing Virtual Property Rights, It's About Time (2010) // Law School Student Scholarship; Fairfield Joshua A. T. Virtual Property // Boston University Law Review. 2010. Vol. 85:1047. Pp. 1048–1102).

³ Гражданское право: учеб.: в 4 т. Т. 2. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е. А. Суханов. М.: Статут. 2019. С. 21–22.

гражданского оборота в цифровом пространстве, максимальную защиту от злоупотреблений, а значит – привлекательность цифровых объектов и содействие развитию цифровых технологий во всех областях экономики.

Природа абсолютного права

Основным аргументом против абсолютно-правовой концепции является несовместимость цифровых объектов с главным признаком абсолютного права – возможность его реализации без необходимости обращения к третьему лицу, только за счет активных действий самого обладателя права. В научной литературе отмечается, что «права по поводу виртуальных объектов невозможно осуществить без действий лица, обладающего исключительным правом на соответствующую компьютерную программу» [1]. Обладатель цифрового объекта всегда является пользователем определенной информационной системы, функционирование которой обеспечивается ее оператором. Последний предоставляет доступ обладателю к инфраструктуре, ведет учет прав на цифровые объекты, обеспечивает их хранение, неизменность и т. п. Тем самым обладатель права на цифровой объект неспособен удовлетворить свои интересы без соответствующей деятельности оператора информационной системы, в рамках которой цифровой объект предоставляется, учитывается и защищается.

Тем не менее наиболее распространенными в доктрине теориями являются модель обязательственных прав и модель результата интеллектуальной деятельности. Последняя является абсолютно-правовой и подвергается критике, в том числе в связи с указанным аспектом: «пользователь не обладает полным господством над результатом своего творческого труда, которое предоставляет исключительное право, поскольку может использовать свое имущество только в соответ-

ствии с ограничениями, накладываемыми правообладателем виртуального мира» [14, с. 33–39].

Однако в доктрине возможность «полного господства над результатами своего труда» вызывает сомнения в отношении не только тех результатов интеллектуальной деятельности, которые существуют в цифровом пространстве, но и классических. Так, С. А. Сеницын представил критику абсолютности исключительных прав, выявив несколько препятствий для отнесения их к абсолютным¹.

Вопрос об относимости тех или иных прав к числу абсолютных сам по себе является дискуссионным в науке гражданского права безотносительно проблемы цифровизации гражданского оборота. Так, В. К. Райхер считал, что «так называемые ограниченные вещные права», несмотря на свое традиционное наименование, по сути являются относительными, поскольку невозможны без отношений обладателя с собственником². С дореволюционных времен в юридической литературе дискутируется вопрос о природе права залога и ипотеки. Таким образом, нельзя сказать, что вопрос о понятии и составе абсолютных прав является закрытым.

По мнению Г. Ф. Шершеневича, свойство абсолютности права заключается в его действии без исключения на всех лиц, противостоящих управомоченному³. С одной стороны, обладателю цифрового объекта противопоставит оператор цифровой платформы, обязанный по пользовательскому соглашению совершать ряд активных действий – обязанностей. Но также ему противопоставят и все третьи лица, которые обязаны не нарушать право управомоченного лица. Поэтому Д. И. Мейер называл право

¹ Сеницын С. А. Общее учение об абсолютных и относительных правах: дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 2017. 604 с. EDN: VGIPTR

² Райхер В. К. Абсолютные и относительные права (к проблеме деления хозяйственных прав). В особенности применительно к советскому праву [Электронный ресурс]. URL: mgimo.ru/upload/2021/05/райхер.pdf (дата обращения: 12.12.2023).

³ Шершеневич Г. Ф. Избранное: в 6 т. Т. 3. М.: Статут. 2017. С. 21–22.

последнего безусловным, в отличие от относительного права¹. Вопрос состоит в том, состоят ли последние в абсолютных правоотношениях с субъектом права, отличных от относительных отношений с оператором платформы.

По словам О. С. Иоффе, основные отличия абсолютного и относительного права заключаются в сущности корреспондирующей обязанности: в абсолютном правоотношении у обязанных лиц нет активных обязанностей, только пассивные. Возложение пассивной функции на всех третьих лиц в абсолютном отношении порождает прямую обязанность (обязанного перед управомоченным лицом), в то время как пассивная функция в относительном правоотношении порождает лишь косвенную обязанность всех третьих лиц не препятствовать осуществлению прав и обязанностей по обязательству, они не становятся контрагентом [4, с. 150]. Пользователь не может приобретать и пользоваться цифровыми объектами без обращения к оператору цифровой платформы, в связи с чем возникают сомнения, не является ли пассивная обязанность «всех» по отношению к правообладателю косвенной.

А. В. Власова в структуре абсолютного субъективного права выделяет два правомочия: возможность совершать определенные действия в отношении объекта права и возможность требовать от обязанных лиц воздерживаться от действий, препятствующих управомоченному в осуществлении первой возможности. В отличие от относительного права в его структуру не входит право требования к обязанным лицам [2, с. 39]. Как представляется, право обладателя требовать от оператора информационной системы поддерживать функционирование последней не входит в состав правомочий управомоченного субъекта как обладателя и возникает из отдельного юридического факта.

¹ Мейер Д. И. Русское гражданское право. М.: Статут. 2000. С. 258.

Требование о поддержании инфраструктуры

Обладатель цифрового объекта может совершать определенные действия: заключать с ним не запрещенные законом сделки, накапливать их на своем счете без передачи другим лицам и т. п., т. е. в том числе может не обращаться к оператору цифровой платформы, если нет необходимости в изменении реестра. Законом не исключена возможность заключения сделок с цифровым объектом и вне информационной системы, за определенным изъятием¹. Таким образом, пользование цифровым объектом не всегда сопровождается обращением к оператору и не порождает права требования к кому бы то ни было. Наследник, получивший цифровой объект по наследству, может присоединиться к цифровой платформе, выполняя кредиторскую обязанность, без чего он не сможет реализовать свое абсолютное право на объект, но может и не присоединяться, право при этом не исчезнет. Обращение к оператору об изменении учетной записи имеет характер не столько требования выполнить обязанность, сколько уведомительный характер об изменении владельца, данных объекта или иных сведений. Его можно причислить к тем действиям, которые, по словам Д. И. Мейера, приходится совершать самому субъекту права для его осуществления².

В непосредственных отношениях с управомоченным субъектом находятся иные лица, чья пассивная обязанность может быть признана прямой. Он вправе требовать от любых иных пользователей информационной системы и иных третьих лиц вне ее не мешать обладанию и пользованию цифровыми объектами. Никаких прав требований к ним у обладателя цифровым объектом нет, но на-

¹ Например, ограничение о заключении договоров только в соответствующей информационной системе имеется в отношении цифровых финансовых активов и утилитарных цифровых прав, но иные сделки возможны и вне таковой (например, в случае правопреемства в результате наследования или реорганизации юридического лица).

² Мейер Д. И. Указ. соч.

личие у всех лиц обязанности не мешать обладанию и пользованию по своему усмотрению свидетельствует о наличии права. Именно такие правоотношения являются абсолютными и порождающими абсолютные права.

Таким образом, отношения пользователя с оператором информационной системы основаны на выполнении последним инфраструктурной функции. Ее целью является обеспечение инфраструктуры в рамках оказания соответствующих услуг по подключению и обеспечению доступа к такой инфраструктуре, позволяющей вести учет прав на цифровой объект, подтверждать наличие прав и т. п. Эти отношения по пользовательскому соглашению не пересекаются с абсолютными отношениями с иными лицами, которые противостоят управомоченному по поводу самого факта обладания цифровым объектом. Оператор цифровой платформы обязан вносить изменения в учетные записи не только по требованию обладателя цифрового актива, но и по решению суда, на основании свидетельства о наследстве и в иных случаях, т. е. в ситуации, когда правообладатель меняется вне информационной системы¹. Поэтому функция оператора информационной системы является не столько субъективной обязанностью, сколько инфраструктурной, технической, обслуживающей интересы не только сторон пользовательского соглашения, но всего общества. Его обязанность возникает не столько из договора с обладателем, сколько из установления закона.

Известны ситуации, когда управомоченный субъект вынужден действовать в условиях функционирования определенной инфраструктуры. Например, для реализации права собственности на недвижимое имущество необходимо обратиться к органам государственной

¹ Правда, пока в отношении не любых цифровых объектов, а только в случаях, прямо установленных законом (например, в соответствии с ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты», ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием цифровых платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты»).

регистрации недвижимого имущества и сделок с ним. Без их деятельности по ведению учетных записей невозможно ни подтвердить факт наличия права, ни передать право. Однако это не влияет на квалификацию отношений собственности как абсолютных. Оператор цифровой платформы выполняет аналогичные функции, хотя к ним требуется отдельное присоединение по договору.

Еще более очевидно влияние инфраструктурного элемента в отношениях, связанных с правами на наличные деньги, которые согласно ст. 128 ГК относятся к вещам. Право на наличные деньги традиционно считается абсолютным, хотя его реализация осуществляется вовсе не только исключительно действиями самого владельца, поскольку последний ограничен установлениями закона, создающими своеобразную инфраструктуру. Как оператор цифровой платформы определяет ее правила, так и государство устанавливает правила наличного обращения. Как оператор цифровой платформы может прекратить доступ пользователя к цифровой платформе, так и государство может отменить функционирование денежной наличности в той форме, которая имеется у ее обладателя. В научной литературе отмечается, что в случае прекращения доступа к цифровой платформе доступ к объекту может быть утерян навсегда [6]. Однако то же самое уже неоднократно происходило с наличными деньгами. В результате любой денежной реформы или смены государственного режима, правителя или т. п. устаревшие, признанные недействительными купюры и монеты лишались своей экономической ценности. Их обладатели превращались в собственников бумажек и медных или иных мелких предметов, которые более не имели ни платежной силы, ни рыночной стоимости, т. е. переставали быть объектом гражданских прав. Поэтому нельзя сказать, что обладатель наличных денег только собственными активными дей-

ствиями с наличностью удовлетворяет свой интерес в ней. Для такого удовлетворения необходимы функционирование определенной, невидимой, но от этого не менее реальной, инфраструктуры, а также действия государства по ее поддержанию и признанию наличных денег средством, имеющим законную платежную силу.

Относимость денег к вещам согласно ст. 128 ГК РФ и в целом вызывает сомнения, поскольку отсутствует не только обоснованность такого подхода, но и его целесообразность, так как правовая квалификация в качестве одного из известных законодательству объектов дается, как правило, с целью правовой экономии, для распространения на новый объект правового режима уже ранее известного. Однако с наличными деньгами этого не происходит, поскольку вещно-правовые способы защиты к ним не применяются в силу прямого указания закона. Распространение на наличные деньги, обладающие законной платежной силой, иных норм о вещах, также не имеет смысла, для них разработан самостоятельный правовой режим. Поэтому не ясна цель их легальной квалификации в качестве вещей. Примечательно, что в то же время к бездокументарным ценным бумагам, признаваемым по той же ст. 128 ГК РФ не вещами, а иным имуществом, применяются вещно-правовые способы защиты (иск об истребовании такого же количества таких же ценных бумаг). Аналогичный иск рекомендуется в модельном законе «О цифровых правах»¹ для цифровых активов.

Конечно, наличные деньги, как и денежные средства, и ценные бумаги являются не вполне традиционными объектами для гражданского права, которое до сих пор ощущает сильнейшее влияние древнеримского права, в котором не было места таким конструкциям, как фиатные деньги и ценные бумаги. Однако, как представляется,

¹ Принят на МПА СНГ 23 апреля 2023 г.

именно к ним наиболее близки те новые объекты, появившиеся в связи с цифровизацией экономики, которые принято называть цифровыми. К таким объектам неприменимы традиционные приемы квалификации, они требуют поиска своего места, поскольку последнее, как представляется, не найдено до сих пор. Для всех названных объектов характерны такие общие черты, как фикционная природа, поскольку фактически они не являются объектами гражданских прав, а представляют собой способы фиксации прав и необходимость функционирования особой инфраструктуры. Последнее свойство препятствует квалификации права на такие объекты в качестве абсолютного права, однако, как представляется, не исключает таковой.

Обособленность инфраструктурного элемента от правомочий управомоченного субъекта особенно очевидна, когда речь идет об относительных правах. Так, бездокументарные ценные бумаги, признаваемые обязательственными и иными правами (ст. 142 ГК), подразумевают наличие у их обладателя права требования к их должнику. Однако нельзя сказать, что удовлетворение интереса кредитора может быть осуществлено исключительно действиями такого должника, поскольку без деятельности профессиональных участников рынка ценных бумаг, прежде всего регистратора, ведущего учет прав на ценные бумаги, никакие права осуществлены быть не могут. Таким образом, несмотря на то что по общему правилу интерес управомоченного субъекта удовлетворяется действиями должника, в случае с бездокументарными ценными бумагами этого недостаточно, так как последние не могут существовать без определенной инфраструктуры. Поэтому фактически независимо от желания субъектов возникает отдельное правоотношение с субъектами такой инфраструктуры, не влияющее на основное правоотношение из ценной бумаги.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод об объединяющем значении инфраструктурного признака в отношении таких объектов, как деньги, ценные бумаги и цифровые объекты. Именно обозначенный признак препятствует квалификации права на указанные объекты в качестве абсолютного. В юридической литературе отмечается, что право собственности на виртуальное имущество неизбежно вырывает эти объекты из сферы господства изначального правообладателя, что может негативно сказаться на развитии самой виртуальной реальности [14]. Однако в чем состоит такое отрицательное влияние и насколько оно критично, не уточняется. При этом многочисленные злоупотребления и пренебрежения правовыми нормами обладателями программ и операторами цифровых платформ вызывают проблемы не только частного, но и публично-правового характера, а также влияют на степень доверия к цифровой среде в целом, меняют стереотипы поведения в обществе и вызывают разнообразные социальные, культурологические, психологические и иные проблемы, связанные с управлением, этикой, безопасностью, приемлемым поведением и признанием и обеспечением прав, принципиально меняя сам концепт правопорядка [3].

Гражданский оборот демонстрирует необходимость именно абсолютного права на цифровой объект, что позволит обеспечить независимость управомоченного лица от субъектов, обеспечивающих цифровую инфраструктуру. Так, сами управомоченные лица добросовестно заблуждаются относительно своих прав в цифровом пространстве, считая, что приобретают право собственности [13]. Недобросовестные владельцы и операторы цифровых платформ хорошо это понимают, обещая в рекламных и маркетинговых целях принадлежность всего контента пользователю, что приводит к большей заинтересованности [12, с. 93].

Актуальные в настоящее время проблемы определения места цифровых объектов в системе объектов гражданских прав и установления правовой природы прав на них невозможны без глубокого анализа, модернизации и, возможно, пересмотра, с учетом новейших достижений как правовой и экономической науки, так и технологий таких классических цивилистических категорий, как абсолютное право, вещное право, имущество, вещь и др. Требуется их адаптация с учетом реалий фактически сложившихся общественных отношений и потребностей современного хозяйственного оборота.

Список литературы

1. Аюшеева И. З. Гражданско-правовой режим объектов метавселенной, виртуальной и дополненной реальности // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – № 12. – С. 48–56. DOI: 10.17803/1994-1471.2024.169.12.048-056. EDN: CZLLVV
2. Власова А. В. Структура субъективного гражданского права. – Ярославль, 1998. – 116 с.
3. Залоило М. В. Метаморфозы юридического языка в виртуальном пространстве // Журнал российского права. – 2024. – № 12. – С. 30–48. DOI: 10.61205/S160565900029142-0. EDN: FNOFUB
4. Иоффе О. С. Избранные труды. Т. 1. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс. – 2003. – 574 с.
5. Королева А. Г. Субъекты интеллектуальных прав в области технологий виртуальной и дополненной реальности // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – № 6. – С. 133–142. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.115.6.133-142. EDN: CGQCHL
6. Косовская И. М., Писарев В. В. Формирование рынка интеллектуальной собственности в виртуальных мирах (на примере метавселенных: анализ основных проблем // Арбитражные споры. – 2024. – № 4. EDN: WBBKYD
7. Малеина М. Н. Правовой режим зданий и сооружений, не прикрепленных к поверхности земли // Журнал российского права. – 2023. – № 2. – С. 33–42. DOI: 10.12737/jrp.2023.015. EDN: DCJQE
8. Нигматзянова Д. А. NFT как основа экономики метавселенных // Право и бизнес. – 2022. – № 4. – С. 26–31. EDN: TXKWTF
9. Рожкова М. А. О новой (третьей) группе имущественных прав, носящих абсолютный характер // Журнал суда по интеллектуальным правам. – 2019. – № 26. – С. 20–24. EDN: BPIPLT
10. Рожкова М. А. NFT – что это такое? // What is NFT (Non Fungible Tokens)? // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2022. – № 4 (38). – С. 29–39. DOI: 10.58741/23134852_2022_4_29
11. Савельев А. И. Правовая природа виртуальных объектов, приобретаемых за реальные деньги в многопользовательских играх // Вестник гражданского права. – 2014. – № 1. – С. 127–150. EDN: SMTIXJ
12. Санникова Л. В., Харитоновна Ю. С. Цифровые активы: правовой анализ: монография. – М.: 4 Принт, 2020. – Т. 4. – 303 с. EDN: GHQBMS

13. Ситников М. С. К вопросу о проблеме использования лицензионного договора в рамках метавселенных // Цивилист. – 2023. – № 2. – С. 21–25. EDN: OEJBBQ

14. Четвергов Д. С. Правовой режим виртуального имущества // Право и бизнес. – 2021. – № 3. – С. 33–39. EDN: TXMQET

15. Фатхи В. И. Правовой статус виртуального игрового имущества в контексте гражданско-правового регулирования // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2022. – Т. 9. – № 4. – С. 113–121. DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-4-15. EDN: OBOWNY

References

1. Aiusheeva, I. Z. (2024) Grazhdansko-pravovoi rezhim obektov metavselennoi, virtual'noi i dopolnennoi real'nosti [Civil law regime of metaverse, virtual and augmented reality objects]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava – Topical problems of Russian law*. No. 12. Pp. 48–56. (In Russian). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.169.12.048-056. EDN: CZLLVV

2. Vlasova, A. V. (1998) *Struktura subektivnogo grazhdanskogo prava* [The structure of subjective civil law]. I.Aroslav!. (In Russian).

3. Zaloilo, M. V. (2024) Metamorfozy iuridicheskogo iazyka v virtual'nom prostranstve [Metamorphoses of the legal language in the virtual space]. *ZHurnal rossiiskogo prava – Journal of Russian Law*. No. 12. Pp. 30–48. (In Russian). DOI: 10.61205/S160565900029142-0. EDN: FNOFUB

4. Ioffe, O. S. (2003) *Izbrannye trudy. Tom 1*. [Selected works. Volume 1]. St. Petersburg: IUrIdicheskii tsentr Press. (In Russian).

5. Koroleva, A. G. (2020) Subekty intellektual'nykh prav v oblasti tekhnologii virtual'noi i dopolnennoi real'nosti [Subjects of intellectual property rights in the field of virtual and augmented reality technologies]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava – Topical problems of Russian law*. No. 6. Pp. 133–142. (In Russian). DOI: 10.17803/1994-1471.2020.115.6.133-142. EDN: CGQCHL

6. Kosovskaia, I. M., Pisarev, V. V. (2024) Formirovanie rynka intellektual'noi sobstvennosti v virtual'nykh mirakh (na primere metavselennykh: analiz osnovnykh problem [Formation of the intellectual property market in virtual worlds (using the example of metaverses: analysis of the main problems)]. *Arbitrazhnye spory – Arbitration disputes*. No. 4. (In Russian). EDN: WBBKYD

7. Maleina, M. N. (2023) Pravovoi rezhim zdani i sooruzhenii, ne prikreplennykh k poverkhnosti zemli [Legal regime of buildings and structures not attached to the earth's surface]. *ZHurnal rossiiskogo prava*. No. 2. Pp. 33–42. (In Russian). DOI: 10.12737/jrp.2023.015. EDN: DCJEQE

8. Nigmatzianova, D. A. (2022) NFT kak osnova ekonomiki metavselennykh [NFT as the basis of metaverse economics]. *Pravo i biznes – Law and business*. No. 4. Pp. 26–31. (In Russian). EDN: TXKWTF

9. Rozhkova, M. A. (2019) O novoi (tret'ei) gruppe imushchestvennykh prav, nosiashchikh absoliutnyi kharakter [About the new (third) group of property rights, which have an absolute character]. *ZHurnal Suda po intellektual'nym pravam – Journal of the Court of Intellectual Property Rights*. No. 26. Pp. 20–24. (In Russian). EDN: BPIPLT

10. Rozhkova, M. A. (2022) NFT – chto eto takoe? [What is NFT (Non Fungible Tokens)?]. *ZHurnal Suda po intellektual'nym pravam – Journal of the Court of Intellectual Property Rights*. No. 4 (38). Pp. 29–39. (In Russian). DOI: 10.58741/23134852_2022_4_29

11. Savel'ev, A. I. (2014) Pravovaia priroda virtual'nykh obektov, priobretaemykh za real'nye den'gi v mnogopol'zovatel'skikh igrakh [The legal nature of virtual objects

purchased for real money in multiplayer games]. *Vestnik grazhdanskogo prava – Civil Law Bulletin*. No. 1. Pp. 127–150. (In Russian). EDN: SMTIXJ

12. Sannikova, L. V., Kharitonova, I. U. S. (2020) *TSifrovye aktivy: pravovoi analiz* [Digital assets: legal analysis]. Monograph. Moscow: 4 Print. Vol. 4. (In Russian). EDN: GHQBMS

13. Sitnikov, M. S. (2023) K voprosu o probleme ispol'zovaniia litsenзионного договора v ramkakh metaverse [On the issue of using the license agreement in the framework of the metaverse]. *TSivilist – Civilist*. No. 2. Pp. 21–25. (In Russian). EDN: OEJBBQ

14. Chetvergov, D. S. (2021) Pravovoi rezhim virtual'nogo imushchestva [Legal regime of virtual property]. *Pravo i biznes – Law and business*. No. 3. Pp. 33–39. (In Russian). EDN: TXMQET

15. Fatkhi, V. I. (2022) Pravovoi status virtual'nogo igrovogo imushchestva v kontekste grazhdansko-pravovogo regulirovaniia [The legal status of virtual gaming property in the context of civil law regulation]. *Vestnik iuridicheskogo fakulteta Iuzhnogo federal'nogo universiteta – Bulletin of the Law Faculty of the Southern Federal University*. Vol. 9. No. 4. Pp. 113–121. (In Russian). DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-4-15. EDN: OBOWNY

Об авторе

Абрамова Елена Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет; Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0008-0698-4166, e-mail: abramova.e@unecon.ru

About the author

Elena N. Abramova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Saint-Petersburg State University of Economics; Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0009-0008-0698-4166; e-mail: abramova.e@unecon.ru

Поступила в редакцию: 29.03.2025
Принята к публикации: 02.04.2025
Опубликована: 30.06.2025

Received: 29 March 2025
Accepted: 02 April 2025
Published: 30 June 2025

Споры о праве на наследство: доказательства и способы доказывания

Э. Г. Дадашова

Ивангородский гуманитарно-технический институт (филиал)
Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения,
Ивангород, Российская Федерация

В статье исследуется вопрос о правилах предоставления и использования доказательств в гражданском процессе, а равно как и способах доказывания, в том числе способах доказывания законного права на наследство в рамках соответствующих судебных споров. Анализируется тема рассмотрения и принятия судом доказательств сторон в спорах, связанных с правом на наследство. Проводится анализ судебной практики, касательно использования способов доказывания законного права на наследство той или иной стороны по делу, а также принятия и учитывания судом доказательств сторон, предоставляемых ими в рамках судебного разбирательства по соответствующим делам, и как следствие, формирование позиции суда на основе предоставленных доказательств при вынесении решения по делу.

Ключевые слова: доказательства по делу, способы доказывания, право на наследство, наследодатель, наследники, наследство, наследственное имущество, судебный порядок, показания свидетелей, судебная практика.

Для цитирования: Дадашова Э. Г. Споры о праве на наследство: доказательства и способы доказывания // Ленинградский юридический журнал. – 2025. – № 2 (80). – С. 220–234. DOI: 10.35231/18136230_2025_2_220. EDN: EAPYTM

Disputes Over Inheritance Rights: Evidence and Methods of Proof

Estelita G. Dadashova

Ivangorod Humanitarian and Technical Institute (branch)
St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation,
Ivangorod, Russian Federation

The article examines the issue of rules for the provision and use of evidence in civil proceedings, as well as methods of proof, including ways to prove the legitimate right to inheritance in the framework of relevant court disputes. The issue of consideration and acceptance by the court of evidence of the parties in disputes related to the right to inheritance is being investigated. The analysis of judicial practice on the use of methods of proving the legitimate right to inheritance of a party in a case, as well as the acceptance and consideration by the court of the evidence provided by the parties in the framework of judicial proceedings in the relevant cases, and as a result, the formation of the court's position on the basis of the evidence provided when making a decision on the case.

Key words: evidence in the case, methods of proof, the right to inheritance, testator, heirs, inheritance, hereditary property, judicial examination, witness testimony, judicial practice.

For citation: Dadashova, E. G. (2025) Spory` o prave na nasledstvo: dokazatel'stva i sposoby` dokazyvaniya [Disputes Over Inheritance Rights: Evidence and Methods of Proof]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 2 (80). Pp. 220–234. DOI: 10.35231/18136230_2025_2_220. EDN: EAPYTM

Введение

Любое судопроизводство построено на принципах законности и правомерности доводов сторон в рамках того или иного спора по делу. Гражданское судопроизводство обусловлено процессом состязательности сторон в достижении истины и правоты выдвинутых доводов по делу. Вместе с тем главным механизмом подтверждения доводов сторон является предоставление суду необходимых доказательств. Учитывая положения ст. 55 ГПК РФ, следует, что: «доказательствами по делу являются полученные в предусмотренном законом порядке сведения о фактах, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела. Эти сведения могут быть получены из объяснений сторон и третьих лиц, показаний свидетелей, письменных и вещественных доказательств, аудио- и видеозаписей, заключений экспертов»¹. Однако, согласно положениям ст. 56 ГПК РФ, следует, что: «каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований и возражений, если иное не предусмотрено федеральным законом»².

Основываясь на позиции законодателя, резюмируется, что: «в гражданском процессуальном праве нормы, позволяющие лицам осуществлять права в своем интересе, носят диспозитивный характер, что возлагает на лиц ответственность за совершение определённых действий в материальном правоотношении. Для субъекта права предусмотрена определенная свобода в процессе осуществления действий, имеющих правовое значение в правоотношении, но,

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

² Там же.

при этом, само лицо должно предпринять меры по закреплению и сохранению доказательств, которые подтверждают его права, в противном случае, это лицо не сможет рассчитывать на защиту своих прав в полном объеме» [1, с. 3].

Переходя к вопросу предоставления доказательств по делам, связанным со спорами о праве на наследство, следует обратить внимание на основные способы доказывания, а именно:

- предоставление суду необходимых сведений, в том числе документов, подтверждающих родство с наследодателем (наследование по закону), или завещание наследодателя, а также сведений об открытии наследства, полученных от нотариуса [7];
- проведение судебной экспертизы, позволяющей установить полноправность и осознанность воли наследодателя, если речь идёт о праве на наследство посредством завещания;
- показания свидетелей, способных подтвердить действительность прав на наследство.

Учитывая наличие различных рычагов доказывания своего права на наследство, сторона, в действительности обладающая соответствующим правом, вполне может доказать суду фактическую составляющую своих доводов в конкретном споре по делу, и как следствие, запретить за собой право на наследство.

Способы доказывания права на наследство

При разрешении спора о праве на наследство в первую очередь суд оценивает фактические обстоятельства дела, которые и входят в предмет доказывания. Далее для вынесения правомерного решения суда главной целью является само наличие доказательной деятельности, обеспечивающей подтверждение ранее указанных обстоятельств по делу [2]. Иными словами, следует, что:

«суд, являясь гарантом соблюдения и признания субъективных прав участников общественных отношений и охраняемых законом интересов, для осуществления правосудия и выявления истины использует доказательства как основу всего судебного разбирательства» [12, с. 66].

Исходя из существа наследственных споров, следует определить и разграничить их специфику, как правило, влияющую на выбор способов доказывания по делу. Так, учитывая законодательно определённые категории наследственных дел, следует, что: «субъектами наследственного спора являются именно участники спорного наследственного правоотношения, в частности, наследники по завещанию и подназначенные ими лица; наследники по закону; наследники, наследующие по праву представления; наследники, наследующие в порядке наследственной трансмиссии; наследники, располагающие правом на обязательную долю; нетрудоспособные иждивенцы наследодателя; исполнитель завещания; и др.» [15, с. 102]. Иными словами, спор о праве на наследство – это, конечно же, конфликт заинтересованных в данном вопросе лиц, который обычно обусловлен нарушением наследственных прав, выражающемся в препятствовании получения законными наследниками своего имущества.

Для правового обеспечения и защиты своих прав на наследственное имущество в судебном порядке сторона вправе использовать различные способы доказывания. Естественно, в ситуациях наследования по закону особых проблем с подтверждением своего законного право на наследство не возникает, так как документальное подтверждение факта родства между наследником и наследодателем, а также своевременное обращение к нотариусу за открытием наследства обычно обеспечивает беспрепятственный переход права наследодателя на наследственное имущество к соответствующему

наследнику. Однако и в этой категории наследования возникают свои споры и разногласия.

В ситуациях наследования по завещанию возникает гораздо больше вопросов и, как следствие, связанных с этим судебных разбирательств. Зачастую люди не могут урегулировать данный вопрос в досудебном порядке. При таких обстоятельствах судебный порядок разрешения соответствующего спора выступает единственным вариантом. Учитывая, что само по себе завещание наследодателя выступает односторонней сделкой, при которой учитывается только воля наследодателя, при обстоятельствах спора о праве на наследство ключевым вопросом является подтверждение законности и наличия признаков разумности воли наследодателя. В противном случае завещание может быть признано недействительным. В этой категории споров о праве на наследство основными доказательствами действительности/недействительности завещания, помимо возможного наличия обязательной доли в наследстве, выступают заключение эксперта соответствующей категории экспертиз, связанных с вменяемостью наследодателя, и показания свидетелей.

Заключение эксперта содержит оценку действительности воли наследодателя при совершении завещания, что помогает суду при разрешении спора о праве на наследство установить истину и вынести правомерное решение по делу [5]. Как заявляют некоторые авторы, задающиеся вопросом влиянием экспертного заключения на ход дела о праве на наследство, главная задача судебного эксперта: «ознакомление с предметом исследования, целью диагностирования подлинных фактов и обеспечения беспристрастного составления правоприменительного акта для судебного органа или служителя закона. Судебная экспертиза может быть выполнена по инициативе любого участника судебной процедуры либо его защитника.

Профессионалы обращают внимание на большое число видов судебных экспертиз» [10, с. 308].

Отталкиваясь от приведённой позиции, следует отметить, что для подтверждения разумности воли наследодателя в рамках спора о праве на наследство, возникшего в результате оспаривания действительности завещания, может быть назначена посмертная комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза. Экспертами данной категории экспертиз проводится анализ сведений, полученных посредством исследования материалов гражданского дела об оспаривании завещания, исследовании медицинских документов умершего (наследодателя) и полученных показаний свидетелей (опрос родственников и близких наследодателя, его друзей и соседей, а также социальных работников). Необходимо отметить, что заключение эксперта данной категории споров о праве на наследство, при отсутствии иных препятствующих совершению завещания факторов (учитывание обязательной доли в наследстве), является весомым и основополагающим доказательством для признания действительности завещания в судебном порядке.

Вместе с тем, несмотря на то обстоятельство, что показания свидетелей входят в заключение эксперта при проведении экспертизы в рамках дела об оспаривании завещания, суд может усмотреть по инициативе одной из сторон по делу вызов свидетелей, показания которых также могут повлиять на дальнейший ход дела. Тем не менее, в отличие от заключения эксперта, показания свидетелей носят скептический характер, что также находит своё подтверждение в следующем суждении: «свидетельские показания – это исходящая от юридически незаинтересованного в исходе дела лица информация о фактах и обстоятельствах, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела. Однако следует отметить, что хоть свидетель

считается юридически незаинтересованным лицом, фактическая заинтересованность всё же присутствует, поэтому его статус не предполагает безусловной незаинтересованности в исходе дела» [3, с. 121]. Кроме того, соглашаясь с мнением некоторых авторов, следует отметить, что: «проблема достоверности свидетельских показаний имеет место в связи с возможностью свидетеля субъективно оценить обстоятельства, о которых он дает объяснения. Помимо этого, существует несколько факторов, которые могут оказать непосредственное влияние на достоверность показаний. К ним относят: обстоятельства, которые могут повлиять на правильное восприятие событий, имеющих значение для дела, способность свидетеля сохранить в памяти и правильно воспроизвести информацию» [3, с. 122].

Относительно использования показаний свидетелей в делах по спорам о праве на наследство следует отметить, что оценка и исследование данного вида доказывания должна проводиться судом исключительно в совокупности с иными доказательствами по делу. Использование показаний свидетелей в качестве единственного доказательства по делу не может являться достоверным методом подтверждения различных обстоятельств по делу, а равно имеющим существенное значение для правомерности судебного разбирательства [6].

Аспекты судебного порядка наследственных споров и влияние способов доказывания на ход дел о праве на наследство

Споры, возникающие из наследственных правоотношений, как было заявлено ранее, имеют несколько способов разрешения, среди которых переговоры возможных наследников, претендующих на наследственное имущество, или же судебный порядок разрешения соответствующего спора.

Учитывая практические тенденции разрешения споров о праве на наследство, судебный порядок разбирательств является более приоритетным способом. В действительности выбор разрешения споров о праве на наследство в судебном порядке обладает наибольшей эффективностью только в части удостоверения и подтверждения письменных доказательств по делу. Тем не менее трата времени и расходование возможностей, в том числе финансовых, загруженность судов и бумажные тяжбы выступают отрицательными факторами при выборе судебного порядка разбирательств [4].

Выбор лиц разрешать споры, связанные с наследственными правоотношениями посредством обращения в суд, обусловлен множеством факторов, к примеру: «в большинстве своем имущество умершего лица редко остаётся бесхозным. Как правило, в числе претендентов на его переход в собственность находятся близкие родственники, а порой и третьи лица, которые были связаны с лицом посредством брачных, обязательственных, корпоративных и иных отношений, что порождает некое столкновение интересов. Умирающий вправе самостоятельно определить своих правопреемников либо передать эту волю государству в соответствии с законодательством. В таком случае ожидание правопреемников может не совпасть с действительным раскладом обстоятельств, что в дальнейшем может породить наследственный спор» [4, с. 50].

Из практических ситуаций подобных споров стоит обратить внимание на одно судебное разбирательство, связанное с оспариванием завещания умершего лица. Итак, гражданин В. обратился в суд с исковым заявлением о признании завещания своей умершей сестры Н. недействительным. По закону гр. В. приходится для гражданки Н. наследником второй очереди. Наследников первой очереди (детей, родителей, мужа) у гр. Н. не имеется.

Согласно завещанию гр. Н. после её смерти права на всё нажитое ею при жизни имущество переходят гражданка К., являющейся сиделкой гр. Н. Между гр. Н. и гр. К. какие-либо родственные отношения отсутствуют, по сути, завещание было совершено абсолютно на постороннего человека. Суть спора в том, что, по мнению истца, – гр. В., наследодатель находилась в состоянии, когда была неспособна понимать значение своих действий и руководить ими, в связи с чем данное завещание должно быть признано судом недействительным.

В качестве доказательств по делу судом по ходатайству истца были назначены посмертная комплексная психолого-психиатрическая экспертиза и опрос свидетелей, имеющих взаимодействие с наследодателем при жизни. По результатам проведённой экспертизы судом было установлено, что в момент совершения завещания гр. Н. находилась в состоянии, способном понимать значение своих действий и руководить ими. Данное обстоятельство также было подтверждено двумя свидетелями по делу – соседями умершей по лестничной клетке, которые утверждали, что гр. Н. имела трудности с передвижением в силу возраста, однако трезво оценивала происходящее и отдавала отчёт своим действиям. Кроме того, по запросу суда было выяснено, что гр. Н. самостоятельно обратилась к нотариусу для составления завещания, который также подтвердил вменяемость гр. Н. Таким образом, учитывая отсутствие иных доказательств в рамках соответствующего судебного разбирательства, суд пришёл к выводу об отказе в удовлетворении исковых требований истца.

На примере указанного судебного спора показана значимость всех имеющихся в деле доказательств, так как при вынесении решения судом проанализировано влияние имеющихся в деле доказательств на действительность завещания. Для отказа в удовлетворении требований истца

судом также обращено внимание на отсутствие в деле каких-либо иных доказательств недействительности завещания, что позволило суду сделать вывод о его безусловной фактической действительности. В заключение хотелось бы подчеркнуть вышеизложенную позицию следующим выводом: «доказательства не имеют заранее установленной силы, а суд, фиксируя результаты оценки имеющихся доказательств в соответствующем решении, в том числе анализирует их во взаимосвязи между собой с точки зрения непротиворечивости и достоверности» [14, с. 213].

Заключение

В заключение хотелось бы отметить значимость и незаменимость института доказывания в целом, так как достижение истины в любом судебном процессе, в том числе связанном с наследственными правоотношениями, невозможно без применения доказательственного механизма судопроизводства [13]. Соглашаясь и основываясь на мнении некоторых авторов, следует, что «доказывание в структуре гражданского судопроизводства выступает как многогранная процессуальная деятельность субъектов реализуемых правоотношений по обоснованию своих требований или возражений. В ходе осуществляемых этапов доказывания происходит обоснование имманентного содержания представленных доказательств, что предполагает их изучение с точки зрения предмета и имеющихся элементов. В свою очередь в результате доказывания происходит формирование нового знания, принципиального с точки зрения рассмотрения и разрешения гражданского дела в суде» [9, с. 311].

Наследственные споры, основанные на противоречиях между лицами, претендующими на роль наследников в ходе того или иного судебного разбирательства, не могут получить своего разрешения без наличия твёрдых доказа-

тельств, будь то документальное подтверждение родства с наследодателем или результаты экспертизы в качестве подтверждения осознанности наследодателя при совершении завещания [8]. Неоспоримым является лишь то, что от законного и качественного подхода к представлению доказательств в рамках наследственного спора будет зависеть не только исход судебного разбирательства, но и дальнейшая практическая польза, предотвращающая злоупотребление правом участника судебного процесса [11].

Список литературы

1. Александров А. Ю., Кан С. В. Бремя доказывания в гражданском процессе // COLLOQUIUM-JOURNAL. – 2019. – № 26–10 (50). – С. 21–23. EDN: IPQCHZ
2. Алексеева А. С. Судебное доказывание в гражданском процессе // Перо науки. – 2020. – № 25. – С. 4–7. EDN: LNUBVU
3. Белоусова С. И., Ибрагимова Л. Д. Проблемы применения свидетельских показаний как средства доказывания в гражданском процессе // Вопросы судебной деятельности и правоприменения в современных условиях: сб. статей по результатам II Международной научно-практической конференции, посвященной празднованию 10-летней годовщины воссоединения Крыма с Российской Федерацией. – Симферополь: Ариал, 2024. – С. 119–124. EDN: KBPIFV
4. Болотская М. С. Наследственные споры в Российской Федерации и способы их разрешения // Ростовский научный вестник. – 2023. – № 12. – С. 53–55. EDN: LPDWBO
5. Завьялова Е. С., Герасимова Н. Н. Доказывание как способ установления объективной истины в гражданском процессе // Молодая наука – 2024: сб. материалов XV Национальной научно-практической конференции с международным участием молодых ученых, аспирантов и студентов: в 4-х ч. – Ярославль: Международная академия бизнеса и новых технологий, 2024. – С. 105–109. EDN: CUSHPI
6. Зайцева К. В. Некоторые проблемы свидетельских показаний в гражданском процессе // Вестник Международного юридического института. – 2016. – № 2 (57). – С. 10–16. EDN: WJKNQJ
7. Кукреш Я. О., Бармина М. В. Проблемы, возникающие в деятельности нотариусов, а также рассмотрении наследственных споров в судах // Вестник научной мысли. – 2022. – № 4. – С. 231–233. EDN: FHKCIL
8. Лавыгина П. Ю. Наследственные споры в Российской Федерации и способы их разрешения // Социально-экономические и гуманитарные исследования в современном мире: сб. статей международной научной конференции. – Санкт-Петербург: Гуманитарный национальный исследовательский институт «НАЦРАЗВИТИЕ», 2024. – С. 49–52. EDN: FNIJAO
9. Лазарева А. М. Сущность и особенности гражданско-процессуального доказывания // Трибуна учёного. – 2020. – № 11. – С. 309–312. EDN: QLJGWB
10. Соснин А. В. Эволюция развития правовых аспектов судебной экспертизы в гражданском судопроизводстве России // Российские регионы в фокусе пере-

мен: сб. докладов XV Международной конференции. – Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2021. – С. 307–317. EDN: MABAXH

11. Фадеев А. В., Турапина А. В. Обеспечение доказательств нотариусом в доказательственном праве России // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – № 5–4 (44). – С. 160–163. EDN: OIVCUH

12. Филиппов П. М., Садков А. Н. Доказывание в гражданском процессе как способ установления объективной истины // Актуальные вопросы гражданского, арбитражного, административного судопроизводства: теория, методология, практика: сб. научных трудов. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2023. – С. 61–66. EDN: ZDPIKY

13. Хрулев А. И., Горбулев И. В. Доказательства и доказывание в гражданском процессе // Аллея науки. – 2020. – № 12 (51). – С. 549–552. EDN: AMBBPX

14. Чудаева Д. Е., Руднева Ю. В., Пищулина Я. А. Сущность и способности гражданского процессуального доказывания // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – № 4–2 (43). – С. 212–215. EDN: QZNMVJ

15. Янева Р. Р. Понятия и виды наследственных споров // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. – 2021. – № 4 (50). – С. 100–105. EDN: ILTRCW

References

1. Aleksandrov, A. Yu., Kan, S. V. (2019) Bremya dokazy`vaniya v grazhdanskom processe [Burden of proof in civil proceedings]. *COLLOQUIUM-JOURNAL-COLLOQUIUM-MAGAZINE*. No. 26–10 (50). Pp. 21–23. (In Russian). EDN: IPQCHZ

2. Alekseeva, A. S. (2020) Sudebnoe dokazy`vanie v grazhdanskom processe [Judicial evidence in civil proceedings]. *Pero nauki – The Pen of Science*. No. 25. Pp. 4–7. (In Russian). EDN: LNUBVU

3. Belousova, S. I., Ibragimova, L. D. (2024) Problemy` primeneniya svideatel`skix pokazanij kak sredstva dokazy`vaniya v grazhdanskom processe [Problems of using witness testimony as a means of proof in civil proceedings]. *Voprosy` sudebnoj deyatel`nosti i pravoprimeneniya v sovremenny`x usloviyax* [Issues of judicial activity and law enforcement in modern conditions]. Collection of articles based on the results of the II International Scientific and Practical Conference dedicated to the celebration of the 10-year anniversary of the reunification of Crimea with the Russian Federation. Simferopol: Arial. Pp. 119–124. (In Russian). EDN: KBPIFV

4. Bolotskaya, M. S. (2023) *Nasledstvenny`e spory` v Rossijskoj Federacii i sposoby` ix razresheniya* [Inheritance disputes in the Russian Federation and ways to resolve them]. *Rostovskij nauchny`j vestnik – Rostov Scientific Bulletin*. No. 12. Pp. 53–55. (In Russian). EDN: LPDWBO

5. Zav`yalova, E. S., Gerasimova, N. N. (2024) Dokazy`vanie kak sposob ustanovleniya ob`ektivnoj istiny` v grazhdanskom processe [Proving as a way of establishing objective truth in civil proceedings]. *Molodaya nauka – 2024* [Young Science – 2024]. Proceedings of the XV National Scientific and Practical Conference with International Participation of Young Scientists, Postgraduates and Students: in 4 parts. Yaroslavl: International Academy of Business and New Technologies. Pp. 105–109. EDN: CUSHPI

6. Zajceva, K. V. (2016) Nekotory`e problemy` svideatel`skix pokazanij v grazhdanskom processe [Some problems of witness testimony in civil proceedings]. *Vestnik Mezhdunarodnogo yuridicheskogo instituta – Bulletin of the International Law Institute*. No. 2 (57). Pp. 10–16. (In Russian). EDN: WJKNQJ

7. Kukresh, Ya. O., Barmina, M. V. (2022) Problemy` , vznikayushhie v deyatel` nosti notariyov, a takzhe rassmotrenii nasledstvenny` x sporov v sudax [Problems arising in the activities of notaries, as well as the consideration of inheritance disputes in the courts]. *Vestnik nauchnoj my` sli – Bulletin of Scientific Thought*. No. 4. Pp. 231–233. (In Russian). EDN: FHKCIL

8. Lavy` gina, P. Yu. (2024) Nasledstvenny` e spory` v Rossijskoj Federacii i sposoby` ix razresheniya [Inheritance disputes in the Russian Federation and ways to resolve them]. *Social` no-e` konomichekije i gumanitarny` e issledovaniya v sovremennom mire* [Socio-economic and humanitarian research in the modern world]. Collection of articles of the international scientific conference. St. Petersburg: Humanitarian National Research Institute "NACRAZVITIE". Pp. 49–52. (In Russian). EDN: FNIJAO

9. Lazareva, A. M. (2020) Sushhnost` i osobennosti grazhdansko-processual` nogo dokazy`vaniya [The essence and features of civil procedure evidence]. *Tribuna uchynogo – Tribune of the Scientist*. No. 11. Pp. 309–312. (In Russian). EDN: QLJGWB

10. Sosnin, A. V. (2021) E` volyuciya razvitiya pravovy` x aspektov sudebnoj e` kspertizy` v grazhdanskom sudoproizvodstve Rossii [The evolution of the development of legal aspects of forensic examination in Russian civil proceedings]. *Rossijskie regiony` v fokuse peremen* [Russian regions in the focus of change]. Proceedings of the XV International Conference. Ekaterinburg: UMC UPI. Pp. 307–317. (In Russian). EDN: MABAXN

11. Fadeev, A. V., Turapina, A. V. (2020) Obespechenie dokazatel`stv notariusom v dokazatel`stvennom prave Rossii [The provision of evidence by a notary in the evidentiary law of Russia]. *Mezhdunarodny` j zhurnal gumanitarny` x i estestvenny` x nauk – International Journal of Humanities and Natural Sciences*. No. 5–4 (44). Pp. 160–163. (In Russian). EDN: OIVCUH

12. Filippov, P. M., Sadkov, A. N. (2023) Dokazy`vanie v grazhdanskom processe kak sposob ustanovleniya ob`ektivnoj istiny` [Proving in civil proceedings as a way of establishing the objective truth]. *Aktual`ny` e voprosy` grazhdanskogo, arbitrazhnogo, administrativnogo sudoproizvodstva: teoriya, metodologiya, praktika* [Current issues of civil, arbitration, and administrative proceedings: theory, methodology, and practice]. Collection of scientific papers. Krasnodar: Kuban State University. Pp. 61–66. (In Russian). EDN: ZDPIKY

13. Xrulev, A. I., Gorbulev, I. V. (2020) Dokazatel`stva i dokazy`vanie v grazhdanskom processe [Evidence and proof in civil proceedings]. *Alleya nauki – Alley of Science*. No. 12 (51). Pp. 549–552. (In Russian). EDN: AMBBPX

14. Chudaeva, D. E., Rudneva, Yu. V., Pishhulina, Ya. A. (2020) Sushhnost` i sposobnosti grazhdanskogo processual`nogo dokazy`vaniya [The essence and abilities of civil procedural evidence]. *Mezhdunarodny` j zhurnal gumanitarny` x i estestvenny` x nauk – International Journal of Humanities and Natural Sciences*. No. 4–2 (43). Pp. 212–215. (In Russian). EDN: QZNMVJ

15. Yaneva, R. R. (2021) Ponyatiya i vidy` nasledstvenny` x sporov [Concepts and types of inheritance disputes]. *Trudy` Orenburgskogo instituta (filiala) Moskovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii – Proceedings of the Orenburg Institute (branch) Moscow State Law Academy*. No. 4 (50). Pp. 100–105. (In Russian). EDN: ILTRCW

Об авторе

Дадашова Эстелита Гусунбековна, преподаватель, Ивангородский гуманитарно-технический институт (филиал) Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, Ивангород, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0002-0911-0356, e-mail: esti_94@mail.ru

About the author

Estelita G. Dadashova, Lecturer, Ivangorod Humanitarian and Technical Institute (branch) Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Ivangorod, Russian Federation, ORCID ID: 0009-0002-0911-0356, e-mail: esti_94@mail.ru

*Поступила в редакцию: 29.04.2025
Принята к публикации: 15.05.2025
Опубликована: 30.06.2025*

*Received: 29 April 2025
Accepted: 15 May 2025
Published: 30 June 2025*

Место цифрового рубля в системе объектов гражданского права

О. С. Лабабуева

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье на основании проведенного анализа законодательного и доктринального подходов относительно определения места цифрового рубля в системе объектов гражданского права доказывается ошибочность легальной квалификации ЦР. При сравнении с деньгами и имеющимися формами денег цифровой рубль следует отнести к деньгам. Предложено новое обобщающее наименование – неналичные деньги, которые включают в себя разновидности денег, таких как электронные, цифровые и безналичные, поскольку ЭДС и цифровые рубли имеют значительные особенности по сравнению с безналичными денежными средствами, к которым они относятся согласно действующему законодательству. Указанные результаты свидетельствуют о необходимости правового регулирования цифрового рубля, а также будут способствовать систематизации денег по их формам.

Ключевые слова: цифровой рубль, гражданское законодательство, цифровое имущество, объекты гражданского права.

Для цитирования: Лабабуева О. С. Место цифрового рубля в системе объектов гражданского права // Ленинградский юридический журнал. – 2025. – № 2 (80). – С. 235–251. DOI: 10.35231/18136230_2025_2_235. EDN: FXPPZN

The Place of the Digital Ruble in the System of Civil Law Objects

Olga S. Lababueva

St. Petersburg State University of Economics,
Saint Petersburg, Russian Federation

Based on the analysis of the legislative and doctrinal approaches to determining the place of the digital ruble in the system of civil law objects, the author proves the erroneousness of the legal qualification of the CR. When compared with money and existing forms of money, the digital ruble should be classified as money. The author proposed a new general name – non-cash money, which includes types of money, such as: electronic, digital and non-cash, since EDS and digital rubles have significant features compared to non-cash money, to which they belong according to the current legislation. The indicated results will allow to correctly select the legal regulation of the digital ruble, as well as systematize money by its forms.

Key words: digital ruble, civil legislation, digital property, objects of civil law.

For citation: Lababueva, O. S. (2025) Mesto tsifrovogo rublya v sisteme ob'ektov grazhdanskogo prava [The Place of the Digital Ruble in the System of Civil Law Objects]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 2 (80). Pp. 235–251. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2025_2_235. EDN: FXPPZN

Введение

В Российской Федерации внесением изменений в группу федеральных законов¹ дополнен перечень объектов гражданских прав в ст. 128 ГК РФ. Так, к категории «иное имущество» добавлен новый объект – цифровой рубль. В отношении цифрового рубля российским законодателем был применен системный подход, благодаря чему цифровой рубль квалифицируется аналогично с цифровыми правами, т. е. как иное имущество. При этом согласно ст. 140 ГК РФ цифровой рубль приравнен к национальным валютам и с ним разрешено осуществлять расчеты.

Появление указанного правового регулирования привело к проблеме определения места указанного объекта в системе объектов гражданского права, поскольку не все авторы поддерживают легальную позицию. Согласно мнению законодателя, цифровой рубль относится к иному имуществу. Законодатель пошел по известному ему пути и отнес цифровой рубль, как и остальные цифровые объекты, к указанной группе объектов. Данный подход представляется спорным, поскольку основан на подходе «отнести по подобию с иными цифровыми объектами». Для выявления правильности или ошибочности мнения законодателя представляется необходимым проведение анализа правовой природы и функций нового объекта ГП, его соотношения с иными смежными объектами.

Проводя анализ всех мнений по вопросу места цифрового рубля в системе объектов гражданского права, можно выделить несколько групп мнений ученых. Первая группа мнений – цифровой рубль как вещь. Например, такого мнения придерживается Т. В. Дерюгина, которая считает цифровой рубль индивидуально-

¹ О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации (о цифровом рубле): федер. закон от 24.07.2023 № 339-ФЗ.

определенной вещью [9, с. 274–288]. Вторая группа – цифровой рубль как иное имущество.

Так, Л. Ю. Василевская считает, что неправильно относить цифровой рубль к вещам. По ее мнению, к вещам в силу юридической природы можно отнести только наличный рубль. Ученый считает, что в связи с правовой природой цифрового рубля, тяготеющей к природе безналичных денежных средств, в случае нарушения прав обладателей цифрового рубля нельзя применять имеющиеся способы защиты прав обладателей [3]. Так, можно сказать, что Л. Ю. Василевская квалифицирует его как иное имущество.

По мнению Е. А. Суханова, цифровой рубль можно приравнять к безналичным денежным средствам в рамках новой формы или их разновидности, но нельзя считать цифровой рубль видом денег [23, с. 7–29]. Если относить их к безналичным денежным средствам, то согласно ст. 128 ГК РФ, они автоматически попадают в категорию иного имущества и не требуют особой оговорки об их относимости к последнему.

Согласно мнению А. В. Габова [5, с. 55–65], цифровые рубли по сущности сопоставимы с цифровыми правами, а именно можно отнести цифровой рубль к иному имуществу. Такого же мнения придерживается и И. Г. Морозова [15, с. 6–10].

Следующая группа мнений выражается в том, что цифровой рубль можно признать новым объектом гражданского права «цифровое имущество» или «цифровые вещи». Л. Г. Ефимова считает, что цифровой рубль, не существующий в реальности, следует относить к новому объекту гражданского права [11, с. 6–10]. Такого же мнения придерживается Н. А. Петраков [16, с. 64] А. В. Турбанов [18, с. 88].

Е. М. Андреева считает, что цифровой рубль следует относить к разработанной категории «цифровые вещи». По ее мнению, под категорией «цифровые вещи» следует пони-

мать созданные с использованием информационной системы индивидуально-определенные вещи, имеющие форму электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе [17, с. 80–90].

Таким образом, в юридической доктрине еще не выработано единого мнения о месте цифрового рубля в системе объектов гражданского права. Однако можно выявить общую характеристику цифрового рубля, выделяемого учеными, независимо от того, какой позиции о правовой природе они придерживаются. Единодушны исследователи в том, что он относится к имуществу, и такая квалификация представляется обоснованной. Однако возникает вопрос: к какому имуществу следует отнести цифровой рубль.

Результаты

А. В. Габов отмечает, что проблема цифрового рубля напрямую связана с проблемой денег в праве как объекта гражданских прав [5, с. 55–65]. Говоря о понятии цифрового рубля, следует отметить, что законодатель не дает определения цифровым рублям, только лишь отмечает, что он является одним из видов национальной валюты, которые до сих пор выступали либо в виде вещи (бумажного документа или металлической монеты), либо в виде электронной записи. В отличие от этого, цифровой рубль с технической точки зрения является токеном. С экономической точки зрения законодатель гарантирует, что формы рубля равнозначны, т. е. цифровые рубли эквивалентны наличным и безналичным, и существует возможность переводить рубли из одной формы в другую в пропорции один к одному¹. С юридической точки зрения цифровой рубль является таким же условным понятием,

¹ Цифровой рубль [Электронный ресурс]. URL: <https://cbr.ru/fintech/dr/> (дата обращения: 20.01.2025).

как и «безналичные деньги», так как они не существуют в физическом мире в виде вещи, а близки к правам требования, согласно которым возникают правоотношения между пользователем цифрового рубля и банком, в котором цифровой рубль числится на специальном счете. Е. А. Суханов вовсе придерживается мнения, что деньгами являются только наличные рубли [21].

В юридической литературе распространено такое толкование ст. 140 ГК РФ, при котором цифровой рубль рассматривается как вид денег. Однако данный вывод достаточно поверхностный, нельзя однозначно сказать, что рубль – деньги, так как в норме ГК РФ говорится только о законном средстве платежа, т. е. то, что признано законом допустимым средством при осуществлении расчетов по сделкам, а не о деньгах как экономической и правовой категории, которая не совпадает с категорией законного средства платежа. Нельзя также сказать, что деньги и средство платежа являются синонимами в силу того, что деньги являются физической категорией, а законное средство платежа – юридической. Чтобы принять решение об отнесении или неотнесении цифрового рубля к деньгам, следует рассмотреть, как соотносится цифровой рубль с функциями денег.

Первая функция денег – мера стоимости. Мера стоимости представляет собой такую единицу счета, на основе которой назначаются цены и ведутся счета. На российском рынке все цены и счета ведутся в рублях, и на данный момент они не исчисляются в цифровых рублях. Однако, как отмечают специалисты ЦБ РФ, после проведения тестовых мероприятий по внедрению цифрового рубля в систему, цены будут указаны с возможностью оплаты в цифровых рублях. С учетом того, что цифровой рубль и наличный рубль приравнены, первый обладает такой функцией, как мера стоимости.

Второй функцией выступает средство обмена. Деньги используются в сделках между продавцами и покупателями, облегчая обмен товарами и услугами. По планам ЦБ РФ и в рассматриваемой перспективе можно будет совершить обмен цифрового рубля на различные товары и услуги.

Третья функция – средство платежа. Деньги помогают разделять процесс покупки и оплаты во времени, например при приобретении товара в рассрочку. Согласно информации, представленной на официальном сайте ЦБ РФ¹, чтобы оплатить покупку цифровым рублем, потребуется считать QR-код, выбрать в качестве средства платежа цифровой рубль и подтвердить платеж.

Четвертая функция – средство сбережения и накопления. Деньги позволяют переносить потребление на будущее, создавать запасы, откладывать на крупную покупку. Достаточно часто можно встретить спорную информацию на различных сайтах и форумах о том, что при помощи цифрового рубля нельзя скопить денежные средства, так как цифровой рубль имеет ограничения по сроку хранения. Однако данные споры опровергает ЦБ РФ, уточнив информацию, что цифровой рубль не имеет ограничений по сроку хранения и может быть использован точно так же, как и рубль.

Председатель комитета Госдумы по вопросам собственности, земельным и имущественным отношениям С. Гаврилов считает, что цифровой рубль создает надежные условия для хранения накоплений². Тем самым цифровой рубль может выступать как средство сбережения и накопления.

¹ Официальный сайт Центрального Банка Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://cbr.ru/faq/dr/> (дата обращения 26.01.2025).

² Депутат Гаврилов назвал цифровой рубль инструментом для долгосрочного хранения [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/23056305?ysclid=m6rn9lkozl299245027> (дата обращения: 05.02.2025).

Наконец пятая функция – мировые деньги, т. е. деньги обеспечивают расчеты между всеми экономическими субъектами: государствами, физическими и юридическими лицами, находящимися в разных странах. Безусловно, к цифровому рублю сложно применить данную функцию денег. Однако, согласно мнению главы комитета Госдумы по финансовому рынку Анатолию Аксакову, цифровой рубль планируется использовать в международных расчетах¹.

Так, согласно проведенному исследованию, цифровой рубль, с учетом того, что он обладает всеми экономическими функциями денег, может быть отнесен к фиатным деньгам, т. е. к деньгам, выпущенными правительством страны, в данном случае Центральным банком Российской Федерации. Благодаря тому, что цифровой рубль выполняет функции денег, он может являться объектом гражданского права.

Однако, несмотря на имеющиеся функции денег, в законодательстве отсутствует определение денег как таковых. При этом термин «деньги» неоднократно встречается в ст. 128 ГК РФ, где законодатель относит категорию денег, хотя прямо и не указывает данную категорию в статье, к имуществу. При этом разные виды денег относит к разным видам объектов: наличные денежные средства к вещам, а безналичные денежные средства – к имущественным правам, а цифровые рубли законодатель относит также к имущественным правам, не поясняя, однако, какое именно имущественное право возникает при этом у его обладателя. Ответ на данный вопрос призвана дать доктрина.

Так, В. А. Лапач высказал мнение, существенно отличающееся от законодательного подхода, относительно места денег в системе объектов гражданского права. Он понимает категорию денег как самостоятельное имуще-

¹ Аксаков: цифровой рубль может быть использован в международных расчетах уже к 2025 году [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/18661797> (дата обращения 26.01.2025).

ственное благо, учетной единицей стоимости которой является рубль [13], признавая единство всех форм денег. Ученый придерживается мнения о том, что деньги – самостоятельный вид, не разновидность вещей или иного имущества, а именно нечто третье. Все формы денег – это не один и тот же объект, а каждая форма денег является самостоятельным объектом.

Законодатель в ст. 128 ГК РФ, указав «в том числе цифровые рубли» после безналичных денежных средств, установил, что цифровой рубль является видом безналичного денежного средства, что достаточно спорно. В доктрине встречаются различные позиции об указанных объектах. Безналичные деньги и цифровой рубль имеют как общие черты, так и различия. Например, общим могут являться те факты, что обе формы денег существуют в виртуальном пространстве, могут быть использованы для дистанционных платежей (онлайн-формат оплаты), а также выполняют функции денег.

Однако есть множество различий. Во-первых, безналичные денежные средства существуют в виде кода на банковском счете в различных банках, цифровой рубль в свою очередь – запись в реестре на специальной платформе, которая регулируется и принадлежит Центральному банку Российской Федерации (далее – ЦБ РФ). Во-вторых, эмитентом безналичных денег являются коммерческие банки, а цифрового рубля – ЦБ РФ. В-третьих, каждый цифровой рубль уникален, т. е. его код уникальный, а безналичные деньги все одинаковые. Получается, что цифровой рубль и безналичные деньги хоть и обладают близкими чертами, они разные и приравнять их нельзя.

Безналичные деньги являются правами (требованиями) по договору банковского счета, электронные деньги – например, по договору о выдаче и об использовании prepaid-карты, но нельзя сказать, что

цифровой рубль является правом требования. Учитывая, что цифровой рубль является средством расчетов¹, средством платежа и не может предоставлять право требования на какую-то вещь, а именно не может быть имущественным правом.

Так, С. Л. Будылин утверждает, что есть смысл в признании цифрового рубля законным платежным средством наравне с наличными денежными средствами [2, с. 127–155]. Действительно в признании цифрового рубля есть смысл, так как благодаря ему будут совершаться сделки по купле-продаже, а также обмен на другие формы денег.

Категория денег согласно ГК РФ не является единым имущественным благом, поскольку состоит из разных совокупности разных форм, одна из которых не признана имущественным благом. Однако из названия ст. 140 ГК РФ «Деньги (валюта)» следует, что в некотором роде слово «деньги» является обобщающим понятием, которое включает в себя разные формы денег.

В Российской Федерации в соответствии со ст. 140 ГК РФ, деньги (валюты) соотносятся с рублем. Безусловно принято, что рубль выступает единой денежной единицей на территории Российской Федерации. Платежи в свою очередь, согласно ст. 140 ГК РФ, осуществляются при помощи нескольких форм: наличной и безналичной. В настоящее время в данной статье отмечают и цифровые рубли, хотя законодатель квалифицирует их в другой норме (ст. 128): как составную часть категории «безналичные денежные средства», к которым относится также и электронные деньги. Поэтому возникает вопрос о соотношении следующих видов денег: безналичные, электронные и цифровые.

¹ Как пользоваться цифровым рублем и отражать в учете операции с ним // СПС Консультант Плюс.

Безналичным денежным средствам не дано определение в законодательстве. Законодатель установил в ст. 140 и 861 ГК РФ, что расчеты наличными деньгами могут производиться без ограничения сумм или в безналичном порядке. Согласно ст. 3 Федерального закона от 27.06.2011 № 161¹, электронные денежные средства – денежные средства, которые предварительно предоставлены одним лицом (лицом, предоставившим денежные средства) другому лицу. В ст. 5 указанного закона перевод таких денежных средств осуществляется при помощи форм безналичных расчетов.

Например, по вопросу безналичных денежных средств в доктрине встречаются две позиции: обязательственно-правовая и вещно-правовая теории. Согласно последователям первой теории, безналичные денежные средства являются разновидностью обязательственного права по договору [12, с. 156; 8, с. 19; 20, с. 16]. Сторонники вещно-правовой теории придерживаются позиции о том, что безналичные денежные средства являются вещью и объектом права собственности [8, с. 20].

Одни авторы считают, что электронные денежные средства – это безналичные денежные средства [11, с. 6–10; 9, с. 274–279], другие придерживаются мнения о том, что электронные денежные средства являются третьим видом безналичных денег [22, с. 7–29].

По нашему мнению, цифровой рубль не следует отождествлять с безналичными денежными средствами, хотя по сущности цифровой рубль стремится к безналичным денежным средствам [7]. Цифровой рубль и безналичные денежные средства не имеют материальной формы, так же, как и электронные денежные средства. Цифровой рубль учитывается на определенном персональном счете, который открыт на основании заключенного

¹ О национальной платежной системе: федер. закон от 27.06.2011 № 161 // Российская газета, № 139, 30.06.2011, Парламентская газета, № 32, 01–07.07.2011, СЗ РФ, 04.07.2011, № 27, ст. 3872.

специального договора. Аналогично и у безналичных денежных средств [6]. Все операции с цифровым рублем и безналичными денежными средствами, а именно платежи и переводы, осуществляются как онлайн, так и в офлайн-режиме. Однако указанные средства и рубли обладают рядом отличий. Так, Н. И. Гасников выявил следующие отличия: в количестве принимающих участие лиц в обороте цифрового рубля и наличии посредников при переводе цифровых рублей [6].

Также цифровой рубль обладает иной формой выражения, отличной от безналичных денежных средств. Цифровой рубль состоит из набора специальных символов на цифровой платформе, безналичные денежные средства – запись на банковском счете. Важное отличие между данными объектами эмитент. Так, цифровой рубль эмитируется только ЦБ РФ, безналичные денежные средства эмитируются человеком при внесении денег в коммерческий банк, т. е. получается, что эмиссия происходит при помощи коммерческих банков. Таким образом, цифровой рубль схож с безналичными денежными средствами в том, что оба объекта являются имущественным благом. Однако они отличаются по элементам правоотношений.

Встречаются мнения и о том, что цифровые и электронные деньги – совершенно разные объекты [1, с. 18–22; 19, с. 26–33], обладающие отличной формой. Электронные денежные средства и цифровые рубли, несмотря на отличие, близки к безналичным денежным средствам. О них так же, как и о безналичных денежных средствах, в физическом мире существует письменная запись. Запись представляет собой электронную форму, которая защищена различными способами (пароли, коды или двухфакторная аутентификация и иные).

На наш взгляд, можно выделить группу «неналичные деньги», которая состоит из нескольких видов: цифровые,

электронные и обычные безналичные, так как указанные формы являются разновидностями одного объекта гражданских прав, которые, во-первых, не обладают вещественной основой, как например, наличные рубли и во-вторых, являются в свою очередь формой денег.

Способ фиксации имущественного блага, который в результате применения юридико-технического приема фикции квалифицируется в качестве объекта гражданских прав [17, с. 85–90]. Такой способ фиксации в случае неналичных денег имеет вид записи в электронном документе, тогда как в случае наличных денег – овеществленный вид. Цифровой рубль занимает в данной группе неналичных денег место наравне с обычными безналичными и электронными деньгами.

Рассматривая цифровой рубль с юридической точки зрения, следует отметить, что цифровой рубль обладает ограничениями, связанными с передачей цифровой рубля в пользование, т. е. возможно совершать только расчеты. Нельзя передать цифровой рубль в займ, так как в законодательстве отсутствуют положения о такой возможности, или заключить кредитный договор [4, с. 33–35]¹.

Н. И. Гасников, несмотря на мнение ЦБ РФ, не видит прямого законодательного запрета на заключение договоров с цифровым рублем, справедливо отмечая, что в законодательстве отсутствуют положения запрещающие использовать цифровой рубль не только для расчетов, а также с учетом принципа свободы договора. Вместе с тем следует сказать о том, что допустимо заключать указанные договоры с цифровым рублем [4, с. 33–35].

¹ Цифровой рубль: что это такое и как им пользоваться [Электронный ресурс]. URL: <https://cbr.ru/faq/dlr/> (дата обращения: 27.01.2024).

Заключение

В заключение отметим, что цифровой рубль является деньгами, а также обладает функциями денег, относится к группе неналичных денег, включающей в себя некоторые разновидности и других денег, таких как электронные, цифровые и безналичные.

Список литературы

1. Абрамова Е. Н. К вопросу о соотношении электронных денег и криптовалюты // Конкурентное право. – 2019. – № 3. – С. 18–22.
2. Будылин С. Л. Деньги: экономическая функция и правовая природа // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2023. – № 7. – С. 121–164.
3. Василевская Л. Ю. Цифровой рубль: взгляд цивилиста на проблему // Lex Russica. – 2023. – № 1 (194). – С. 9–19.
4. Гасников Н. И. Передача цифрового рубля в пользование // Основные тенденции развития современного права: право стран БРИКС: материалы VIII Национальной научно-практической конференции (с международным участием), Казань, 09 февраля 2024 года. – Казань: Университет управления "ТИСБИ" (Татарский институт содействия бизнесу), 2024. – С. 32–35.
5. Габов А. В. Цифровой рубль центрального банка как объект гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16. – № 4. – С. 55–65.
6. Гасников Н. И. Цифровой рубль как объект гражданских прав // Академический юридический журнал. – 2024.
7. Грызыхин А. С. К вопросу о правовой природе цифрового рубля // Вестник ОмГУ. Серия. Право. – 2024. – № 2. – С. 41–48.
8. Демушкина Е. С. Безналичные ценные бумаги – фикция или реальность? // Рынок ценных бумаг. – 1996. – С. 18–20.
9. Дерюгина Т. В. Проблемы определения правовой природы цифровой валюты // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2024. – № 2. – С. 274–288.
10. Дерюгина Т. В. Цифровая валюта и цифровой рубль: к вопросу о правовой новации // Цивилист. 2022. – № 1. – С. 8–11.
11. Ефимова Л. Г. О правовой природе безналичных денег, цифровой валюты и цифрового рубля // Цивилист. – 2022. – № 4. – С. 6–15.
12. Крылов О. М. Деньги как безналичные денежные средства: вопросы правового регулирования в Российской Федерации // Правовое государство: теория и практика. – 2019. – № 4 (58). – С. 156.
13. Лапач В. А. Система объектов гражданских прав: Теория и судебная практика. – Санкт-Петербург: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002. – 544 с.
14. Морозова И. Г. Правовой режим цифрового рубля // Юрист. – 2023. – № 9. – С. 6–10.
15. Новоселова Л. А. Денежные расчеты в предпринимательской деятельности. // М.: Статут. – 2000. – С. 38.
16. Петраков Н. А. Концепция цифрового имущества как объекта гражданских прав // Цивилист. – 2024. – № 1. – С. 62–69.

17. Правовое регулирование цифровых денег: монография / Е. Н. Абрамова, Е. М. Андреева, А. Ю. Брагинец и др.; под ред. Е. Н. Абрамовой. – М.: Юстицинформ, 2022 – С. 80–90.
18. Турбанов А. В. Цифровой рубль как объект правоотношений // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – № 9. – С. 79–94.
19. Сарнакова А. В., Жижин Н. С. Вопросы соотношения безналичных денежных средств, электронных денежных средств и цифрового рубля // Юрист. – 2022. – № 5. – С. 26–33.
20. Суханов Е. А. Комментарий ГК РФ. Заем и кредит. Финансирование под уступку денежного требования. Банковский вклад. Банковский счет (гл. 42–45) // Хозяйство и право. 1996. – № 7. – С. 16.
21. Суханов Е. А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // Вестник гражданского права. – 2021. – № 6. – С. 7–29.
22. Хрусталева, А. В. Понятие электронных денежных средств // Экономика России в возрождающемся многополярном мире: материалы научной конференции аспирантов СПбГЭУ – 2016, Санкт-Петербург, 19 апреля 2016 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2016. – С. 63–66.

References

1. Abramova, E. N. (2019) K voprosu o sootnoshenii elektronnykh deneg i kriptovalyuty [On the relationship between electronic money and cryptocurrency]. *Konkurentnoye pravo – Competition law*. No. 3. Pp. 18–22. (In Russian).
2. Budylin, S. L. (2023) Dengi: ekonomicheskaya funktsiya i pravovaya priroda [Money: economic function and legal nature]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii – Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*. No. 7. Pp. 121–164. (In Russian).
3. Vasilevskaya, L. U. (2023) Tsifrovoy rubl: vzglyad tsivilista na problemu [Digital ruble: a civilian's view of the problem]. *Lex Russica – Lex Russica*. No. 1 (194). Pp. 9–19. (In Russian).
4. Gasnikov, N. I. (2024) Peredacha tsifrovogo rublya v polzovaniye [Transfer of the digital ruble for use]. *Osnovnyye tendentsii razvitiya sovremennogo prava: pravo stran BRIKS* [Main trends in the development of modern law: the law of the BRICS countries]. Materials of the VIII National Scientific and Practical Conference (with international participation), Kazan: University of Management "TISBI" (Tatar Institute for Assistance to Business). Pp. 32–35. (In Russian).
5. Gabov, A. V. (2021) Tsifrovoy rubl tsentralnogo banka kak obyekt grazhdanskikh prav [Digital ruble of the Central bank as an object of civil rights]. *Aktualnyye problemy rossiyskogo prava – Actual problems of Russian law*. Vol. 16. No. 4. Pp. 55–65. (In Russian).
6. Gasnikov, N. I. (2024) Tsifrovoy rubl kak obyekt grazhdanskikh prav [Digital ruble as an object of civil rights]. *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal – Academic law journal*. (In Russian).
7. Gryzikhin, A. S. (2024) K voprosu o pravovoy prirode tsifrovogo rublya [On the issue of the legal nature of the digital ruble]. *Vestnik OmG U. Seriya. Pravo – Bulletin of Omsk State University. Series. Law*. No. 2. Pp. 41–48. (In Russian).
8. Demushkina, E. S. (1996) Beznalichnyye tsennyye bumagi – fiktsiya ili realnost? [Non-cash securities – fiction or reality?]. *Rynok tsennykh bumag – Securities market*. Pp. 18–20. (In Russian).
9. Derugina, T. V. (2024) Problemy opredeleniya pravovoy prirody tsifrovoy valyuty [Problems of determining the legal nature of digital currency]. *Vestnik Permskogo*

universiteta. Yuridicheskiye nauki – Bulletin of Perm University. Legal sciences. No. 2. Pp. 274–288. (In Russian).

10. Derugina, T. V. (2022) Tsifrovaya valyuta i tsifrovoy rubl: k voprosu o pravovoy novatsii [Digital currency and digital ruble: on the issue of legal innovation]. *Tsivilist – Civilist.* No. 1. Pp. 8–11. (In Russian).

11. Efimova, L. G. (2022) O pravovoy prirode beznalichnykh deneg. tsifrovoy valyuty i tsifrovogo rublya [On the legal nature of non-cash money, digital currency and the digital ruble]. *Tsivilist – Civilist.* No. 4. Pp. 6–15. (In Russian).

12. Krylov, O. M. (2019) Dengi kak beznalichnyye denezhnyye sredstva: voprosy pravovogo regulirovaniya v Rossiyskoy Federatsii [Money as non-cash funds: issues of legal regulation in the Russian Federation]. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika – Legal state: theory and practice.* No. 4 (58). P. 156. (In Russian)

13. Lapach, V. A. (2002) *Sistema obyektov grazhdanskikh prav: Teoriya i sudebnaya praktika* [System of objects of civil rights: Theory and judicial practice]. St. Petersburg: Publishing house "Legal Center Press". (In Russian).

14. Morozova, I. G. (2023) Pravovoy rezhim tsifrovogo rublya [Legal regime of the digital ruble]. *Yurist – Jurist.* No. 9. Pp. 6–10. (In Russian).

15. Novoselova, L. A. (2000) *Denezhnyye raschety v predprinimatelskoy deyatel'nosti* [Monetary settlements in entrepreneurial activity]. Moscow: Statut. (In Russian).

16. Petrakov, N. A. (2024) Kontseptsiya tsifrovogo imushchestva kak obyektu grazhdanskikh prav [Concept of digital property as an object of civil rights]. *Tsivilist – Civilist.* No. 1. Pp. 62–69. (In Russian).

17. Abramova, E. N. (2022) (ed.) *Pravovoye regulirovaniye tsifrovyykh deneg* [Legal regulation of digital money]. Monograph. E. N. Abramova, E. M. Andreeva, A. U. Braginets and others. Moscow: Ustitsinform. Pp. 80–90. (In Russian)

18. Turbanov, A. V. (2023) Tsifrovoy rubl kak obyekt pravootnosheniy [Digital ruble as an object of legal relation]. *Aktualnye problemy rossiiskogo prava – Actual problems of Russian law.* No. 9. Pp. 79–94. (In Russian).

19. Sarnakova, A. V., Zhizhin, N. S. (2022) Voprosy sootnosheniya beznalichnykh denezhnykh sredstv. elektronnykh denezhnykh sredstv i tsifrovogo rublya [Issues of the relationship between non-cash money, electronic money and the digital ruble]. *Yurist – Jurist.* No. 5. Pp. 26–33. (In Russian).

20. Sukhanov, E. A. (1996) Kommentarii GK RF. Zaem i kredit. Finansirovaniye pod ustupku denezhnogo trebovaniya. Bankovskiy vklad. Bankovskiy schet (gl. 42–45) [Commentary of the Civil Code of the Russian Federation. Borrowing and credit. Financing under assignment of monetary claim. Bank deposit. Bank account (Ch. 42–45)]. *Khozyaystvo i pravo – Economy and Law.* No. 7. P. 16. (In Russian).

21. Sukhanov, E. A. (2021) O grazhdansko-pravovoy prirode «tsifrovogo imushchestva» [On the civil-legal nature of "digital property"]. *Vestnik grazhdanskogo prava – Bulletin of civil law.* No. 6. Pp. 7–29. (In Russian).

22. Khrustaleva, A. V. (2016) Ponyatiye elektronnykh denezhnykh sredstv [The concept of electronic money]. *Ekonomika Rossii v vozrozhdayushchemsya mnogopolyarnom mire* [Economy of Russia in the resurgent multipolar world]. Materials of the scientific conference of postgraduate students of Saint Petersburg State University of Economics. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Economics. Pp. 63–66. (In Russian).

Об авторе

Лабабуева Ольга Сергеевна, аспирант, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, ORCID ID: 0009-0007-9209-1059, e-mail: OL-0503@yandex.ru

About the author

Olga S. Lababueva, Postgraduate student, St. Petersburg State University of Economics, ORCID ID: 0009-0007-9209-1059, e-mail: OL-0503@yandex.ru

*Поступила в редакцию: 14.03.2025
Принята к публикации: 01.04.2025
Опубликована: 30.06.2025*

*Received: 14 March 2025
Accepted: 01 April 2025
Published: 30 June 2025*

Проблемы реализации норм о судебных актах в гражданском процессе: теоретико-прикладные аспекты

Е. А. Нахова

Северо-Западный филиал РГУП имени В. М. Лебедева,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье исследуются проблемы реализации норм о судебных актах в гражданском процессе. Автором выявлены следующие направления проблематики: теоретические проблемы реализации норм о судебных актах; проблемы правового регулирования реализации норм о судебных актах; проблемы правоприменительной практики реализации норм о судебных актах в гражданском процессе. В качестве теоретической проблемы реализации норм о судебных актах выделена и проанализирована правовая природа как пример приказного производства и как следствие судебного приказа. Проблематика обжалования пресекательных определений суда первой инстанции отдельно от судебного акта исследована автором как проблема правового регулирования реализации норм о судебных актах в гражданском процессе. В качестве проблемы правоприменительной практики реализации норм о судебных актах в гражданском процессе проанализирована проблема законности и обоснованности судебных актов.

Ключевые слова: гражданский процесс, судебные акты, реализация норм о судебных актах.

Для цитирования: Нахова Е. А. Проблемы реализации норм о судебных актах в гражданском процессе: теоретико-прикладные аспекты // Ленинградский юридический журнал. – 2025. – № 2 (80). – С. 252–265. DOI: 10.35231/18136230_2025_1_252. EDN: HEYDXT

Problems of the Implementation of the Norms on Judicial Acts in Civil Proceedings: Theoretical and Applied Aspects

Elena A. Nakhova

North-Western Branch of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev,
Saint Petersburg, Russian Federation

The article examines the problems of implementing the rules on judicial acts in civil proceedings. The author has identified the following areas of the problem: theoretical problems of implementing the rules on judicial acts; problems of legal regulation of implementing the rules on judicial acts; problems of law enforcement practice of implementing the rules on judicial acts in civil proceedings. As a theoretical problem of implementing the rules on judicial acts, the legal nature of the order procedure and, as a consequence, the court order are identified and analyzed as an example. The problem of appealing the preventive decisions of the court of first instance separately from the judicial act is studied by the author as a problem of legal regulation of implementing the rules on judicial acts in civil proceedings. As a problem of law enforcement practice of implementing the rules on judicial acts in civil proceedings, the problem of the legality and validity of judicial acts is analyzed.

Key words: civil procedure, judicial acts, implementation of norms on judicial acts.

For citation: Nakhova, E. A. (2025) Problemy` realizacii norm o sudebny`x aktax v grazhdanskom processe: teoretiko-prikladny`e aspekty` [Problems of the implementation of the norms on judicial acts in civil proceedings: theoretical and applied aspects]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 2 (80). Pp. 252–265. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2025_2_252. EDN: HEYDXT

Введение

В соответствии со ст. 118 Конституции РФ¹ судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства. В соответствии с принципом разделения властей судебная власть представляет собой независимую ветвь государственной власти, ее задачами выступают обеспечение соблюдения действующего законодательства и защита прав субъектов правоотношений. Во вне судебная власть реализуется судом в судебных актах. Теоретико-прикладные учения о судебных актах в гражданском процессе представляются достаточно разработанными. К фундаментальным работам по исследуемой проблематике следует отнести работы М. Г. Авдюкова [1], Н. Б. Зейдера [8], Н. А. Чечиной [15], М. А. Гурвича [5], С. К. Загайновой², Т. В. Соловьевой³ и др. Анализируя процессуальную доктрину, действующее процессуальное законодательство, судебную практику, можно сгруппировать имеющуюся проблематику по следующим направлениям. В первую очередь, выделить ряд теоретических проблем реализации норм о судебных актах в гражданском процессе. Также необходимо охарактеризовать проблемы правового регулирования реализации норм о судебных актах в гражданском процессе. Значимыми представляются и проблемы правоприменительной практики реализации норм о судебных актах в гражданском процессе.

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС КонсультантПлюс.

² Загайнова С. К. Судебные акты в гражданском и арбитражном процессе: теоретические и прикладные проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2008. 485 с.

³ Соловьева Т. В. реализация в гражданском судопроизводстве актов высших судебных органов: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2014. 450 с.

Теоретические проблемы реализации норм о судебных актах в гражданском процессе

По смыслу действующего законодательства суд первой инстанции выносит следующие виды судебных актов: судебное решение, определение суда, судебный приказ. Очевидной проблемой, влекущей за собой длительную дискуссию, выступает правовая природа приказного производства и как следствие судебного приказа. Как результат полемики сформировалось два ее направления. Первое сводится к тому, что в приказном производстве осуществляется правосудие в упрощенной форме [1, с. 40]. Аналогичной позиции придерживаются Н. А. Чечина, В. В. Ярков, И. В. Решетникова, С. К. Загайнова, О. Д. Шадловская и др. В соответствии с первой позицией судебный приказ относится к разновидности судебного постановления, природа судебного приказа раскрывается посредством сравнения с судебным решением и характеризуется как немотивированное судебное постановление.

Иная точка зрения свидетельствует о том, что приказное производство находится за рамками процессуальной формы [14, с. 13]. Отдельными исследователями приказное производство характеризуется как «допроцессуальная, альтернативная процедура, осуществляемая судьей (Н. А. Громошина) [4], другими – как «особая судебная процедура» (Т. В. Сахнова, Т. П. Шишмарева) [12, с. 53], при этом отмечая, что для приказного производства не характерны признаки процессуальной формы и правосудия, важнейшие принципы судопроизводства (диспозитивность, состязательность, устность. Кроме того, в литературе особо выделяется точка зрения о том, что в силу бесспорности требований, на основании которых выносится судебный приказ, их следует передать в компетенцию нотариата.

Следует отметить, что нами охарактеризована лишь одна из множества значимых теоретических проблем,

связанных с реализацией судебных актов, в числе которых требования предъявляемые к судебному решению; перечень свойств законной силы судебного решения, ее объективных и субъективных пределов; перечень определений суда первой инстанции, обжалуемых отдельно от судебного акта и т. д.

Проблемы правового регулирования реализации норм о судебных актах в гражданском процессе

Проблемы правового регулирования реализации норм о судебных актах в гражданском процессе выступают следствием доктринальной полемики. В качестве проблемы правового регулирования в настоящее время выступает, например, отсутствие возможности, закрепленной на законодательном уровне, обжалования определений об оставлении искового заявления без движения в гражданском и арбитражном судопроизводстве в отличие от административного судопроизводства. Как известно, с точки зрения доктрины и действующего законодательства отдельно от судебного акта подлежат обжалованию определения суда первой инстанции, на возможность обжалования которых указано в законе, а также определения, препятствующие движению дела. В доктрине такие определения называют пресекательными. При этом непонятна логика законодателя, который закрепил возможность обжалования пресекательных определений об оставлении искового заявления без движения в административном судопроизводстве, и при этом лишил такой возможности истца в гражданском и арбитражном судопроизводстве. Если не закреплена возможность обжалования подобного определения, такое обстоятельство не влияет на правовую природу данного определения, а определение не перестает быть пресекательным. Вместе с тем, правовые позиции Вер-

ховного суда Российской Федерации содержат разъяснения о том, что такое определение в гражданском и арбитражном судопроизводстве не подлежит обжалованию отдельно от судебного решения. В данном случае доктрина расходится с действующим законодательством и судебной практикой.

Думается, следует остановиться еще на одной проблеме – проблеме требований, предъявляемых к судебному решению. Состав требований, а также содержание, которое в них вкладывает доктрина, дискуссионен. Общепринятым считается выделение следующих требований: законность, обоснованность, мотивированность, полнота, безусловность, определенность (категоричность), при этом действующее законодательство закрепляет только требование законности и обоснованности, высший судебный орган разъясняет содержание законности и обоснованности в решении соответствующего Пленума. Иные требования на уровне закона и правовых позиций высших судебных органов не разъяснены, что нельзя признать положительным с точки зрения надлежащей реализации норм о судебных актах в гражданском процессе.

Проблемы правоприменительной практики реализации норм о судебных актах в гражданском процессе

Проблемы правоприменительной практики реализации норм о судебных актах связаны с законностью и обоснованностью судебного акта. Основания для отмены судебного акта дифференцируются на основания для отмены, связанные с незаконностью и необоснованностью судебного акта. При этом нами разграничиваются понятие «судебной ошибки» [2; 3; 6–10; 13, с. 1–46; 16] и «основания для отмены судебного акта», первые включают любые нарушения норм права.

Случаи незаконности включают в себя нарушения в применении норм материального и процессуального права. Процессуальные нарушения подразделяются на безусловные основания для отмены судебного акта и нарушения, которые повлекли или могли повлечь принятие неправильного судебного акта. Нарушения норм материального права сводятся к их неправильному применению и толкованию. Необоснованность охватывает случаи неправильного определения предмета доказывания, недоказанность его фактов и несоответствие выводов суда обстоятельствам дела.

По смыслу Постановления Пленума Верховного суда РФ «О судебном решении» решение является законным в том случае, когда оно принято при точном соблюдении норм процессуального права и в полном соответствии с нормами материального права, которые подлежат применению к данному правоотношению, или основано на применении в необходимых случаях аналогии закона или аналогии права¹. Если имеются противоречия между нормами процессуального или материального права, подлежащими применению при рассмотрении и разрешении данного дела, то решение является законным в случае применения судом в соответствии с ч. 2 ст. 120 Конституции РФ², ч. 3 ст. 5 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации»³ и ч. 2 ст. 11 ГПК РФ⁴ нормы, имеющей наибольшую юридическую силу. При установлении противоречий между нормами права, подлежащими применению при рассмотрении и разрешении дела, судам также необ-

¹ О судебном решении: постановление Пленума Верховного суда РФ от 19.12.2003 № 23 (ред. от 23.06.2015). П. 2 // СПС КонсультантПлюс.

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС КонсультантПлюс.

³ О судебной системе Российской Федерации: федер. конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 16.04.2022) // СПС КонсультантПлюс.

⁴ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 28.12.2024, с изм. от 16.01.2025) // СПС КонсультантПлюс.

ходимо учитывать разъяснения Пленума Верховного суда Российской Федерации, данные в Постановлениях от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия»¹ и от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации»².

Решение является обоснованным тогда, когда имеющие значение для дела факты подтверждены исследованными судом доказательствами, удовлетворяющими требованиям закона об их относимости и допустимости, или обстоятельствами, не нуждающимися в доказывании, а также тогда, когда оно содержит исчерпывающие выводы суда, вытекающие из установленных фактов³.

В литературе подчеркивается взаимосвязь и взаимообусловленность оснований для отмены судебных актов⁴. Например, неправильная квалификация спорного материального правоотношения, как и неправильное толкование нормы материального права может обуславливать неправильное определение юридически значимых обстоятельств. При включении процессуально-правовых фактов в предмет доказывания неполное определение юридически значимых обстоятельств может стать следствием нарушения норм процессуального права. Думається предложить следующую классификацию судебных ошибок: 1) в рамках общего и локального предмета доказывания (далее – ПД); 2) ошибки, влекущие неправильное

¹ О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия: постановление Пленума Верховного суда РФ от 31.10.1995 № 8 (ред. от 03.03.2015) // СПС КонсультантПлюс.

² О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации: постановление Пленума Верховного суда РФ от 10.10.2003 № 5 (ред. от 05.03.2013) // СПС КонсультантПлюс.

³ О судебном решении: постановление Пленума Верховного суда РФ от 19.12.2003 № 23 (ред. от 23.06.2015). П. 3 // СПС КонсультантПлюс.

⁴ Нахова Е. А. Концепция предмета доказывания в гражданском процессе: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2024. С. 370.

(неполное) установления фактов ПД; иные ошибки – основания для отмены судебных актов, следствием которых может быть неправильное установление фактов ПД.

Судебная практика выработала отдельные рекомендации по устранению судебных ошибок, например, при неправильном определении фактов ПД. В силу п. 16, 17 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 04.06.2024 № 12 «О подготовке дела к судебному разбирательству в арбитражном суде» при подготовке дела к судебному разбирательству судья определяет предмет доказывания, совершает действия, связанные с представлением и истребованием доказательств, при определении того, какие факты, указанные сторонами, имеют значение для дела и существует ли необходимость в истребовании доказательств или представлении дополнительных доказательств, судья должен руководствоваться нормами права, которые регулируют спорные правоотношения¹.

Например, в силу п. 5, 6 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 24.06.2008 № 11 (ред. от 09.02.2012) «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» под уточнением обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела, следует понимать действия судьи и лиц, участвующих в деле, по определению юридических фактов, лежащих в основании требований и возражений сторон, с учетом характера спорного правоотношения и норм материального права, подлежащего применению. В случае заблуждения сторон относительно фактов, имеющих юридическое значение, судья на основании норм материального права, подлежащих применению, разъясняет им, какие факты имеют значение для дела и на ком лежит обязанность их доказывания. При определении закона и иного

¹ О подготовке дела к судебному разбирательству в арбитражном суде: постановление Пленума Верховного суда РФ от 04.06.2024 № 12 // СПС КонсультантПлюс.

нормативного правового акта, которым следует руководствоваться при разрешении дела и установлении правоотношений сторон следует иметь в виду, что они должны определяться исходя из совокупности данных: предмета и основания иска, возражений ответчика относительно иска, иных обстоятельств, имеющих юридическое значение для правильного разрешения дела. Поскольку основанием иска являются фактические обстоятельства, то указание истцом конкретной правовой нормы в обоснование иска не является определяющим при решении судьёй вопроса о том, каким законом следует руководствоваться при разрешении дела¹.

Так, если судом первой инстанции неправильно определены обстоятельства, имеющие значение для дела, то суду апелляционной инстанции следует поставить на обсуждение вопрос о представлении лицами, участвующими в деле, дополнительных (новых) доказательств и при необходимости по их ходатайству оказать им содействие в собирании и истребовании таких доказательств. Суду апелляционной инстанции также следует предложить лицам, участвующим в деле, представить дополнительные (новые) доказательства, если в суде первой инстанции не установлены обстоятельства, имеющие значение для дела, в том числе по причине неправильно распределения обязанности доказывания².

Заключение

Нами выявлены следующие направления: теоретические проблемы реализации норм о судебных актах; проблемы правового регулирования реализации норм о су-

¹ О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству: постановление Пленума Верховного суда РФ от 24.06.2008 № 11 (ред. от 09.02.2012) // СПС КонсультантПлюс.

² О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции: постановление Пленума Верховного суда РФ от 22.06.2021 № 16. П. 43 // СПС КонсультантПлюс.

дебных актах; проблемы правоприменительной практики реализации норм о судебных актах в гражданском процессе. В качестве теоретической проблемы реализации норм о судебных актах выделена и проанализирована правовая природа приказного производства как пример и как следствие судебного приказа. Следует отметить, что охарактеризована лишь одна из множества значимых теоретических проблем, связанных с реализацией судебных актов, например, требования предъявляемых к судебному решению; перечень свойств законной силы судебного решения, ее объективных и субъективных пределов; перечень определений суда первой инстанции, обжалуемых отдельно от судебного акта и т. д.

Проблематика обжалования пресекательных определений суда первой инстанции отдельно от судебного акта исследована нами как проблема правового регулирования реализации норм о судебных актах в гражданском процессе. Кроме того, как одну из проблем следует отметить отсутствие закрепления на уровне закона и правовых позиций высших судебных органов иных требований, предъявляемых к судебному решению (кроме законности и обоснованности), что нельзя признать положительным с точки зрения надлежащей реализации норм о судебных актах в гражданском процессе.

В качестве проблемы правоприменительной практики реализации норм о судебных актах в гражданском процессе проанализирована проблема законности и обоснованности судебных актов.

По итогам исследования заключается, что теоретические проблемы реализации норм о судебных актах обусловлены полемичностью взглядов исследователей на проблематику реализации судебных актов. Проблемы правового регулирования реализации норм о судебных актах в гражданском процессе выступают следствием

доктринальной полемики. Проблемы правоприменительной практики реализации норм о судебных актах в гражданском процессе обусловлены их неправильным применением и толкованием.

Список литературы

1. Авдюков М. Г. Судебное решение. – М., 1959. – 192 с.
2. Борисова Е. А. Доказывание в апелляционном производстве в гражданском судопроизводстве // Вестник гражданского процесса. – 2019. – Т. 9. – № 1. – С. 140–156.
3. Вопленко Н. Н. Ошибки в правоприменении: понятие и виды // Советское государство и право. – 1981. – № 4. – С. 38–46.
4. Громошина, Н. А. Приказное производство как инструмент оптимизации гражданского процесса // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2017. – № 5. – С. 93–95.
5. Гурвич М. А. Судебное решение: теоретические проблемы. – М., 1976. – 175 с.
6. Жилин Г. А. Целевые установки гражданского судопроизводства и проблема судебной ошибки // Государство и право. – 2000. – № 3. – С. 51–58.
7. Зайцев И. М. Научное наследие. В 3-х т. Т. 2. Ч. 2. 1982–1990 / сост. А. И. Зайцев. – Саратов, 2009. – 311 с.
8. Зейдер Н. Б. Судебное решение по гражданскому делу. – М., 1966. – 190 с.
9. Лесницкая Л. Ф. Основания к отмене обжалованных судебных решений. – М., 1962. – 134 с.
10. Лесницкая Л. Ф. Пересмотр решения суда в кассационном порядке. – М., 1974. – 189 с.
11. Решетняк В. И., Черных И. И. Заочное производство и судебный приказ в гражданском процессе. – М.: Городец, 1997. – 86 с.
12. Сахнова Т. В., Шишмарева Т. П. О судебных процедурах в цивилистическом процессе, или к вопросу о дифференциации процессуальной формы // Теоретические и практические проблемы гражданского, арбитражного процесса и исполнительного производства: сб. науч. статей. – СПб.: Юридический центр «Пресс», 2005. – С. 53–55.
13. Терехова Л. А. Система пересмотра судебных актов в механизме судебной защиты. – М., 2007. – 320 с.
14. Туманов Д. А. Еще раз о том, является ли судебный приказ актом правосудия, или Размышления о сущности правосудия // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2016. – № 9. – С. 13–20.
15. Чечина Н. А. Норма права и судебное решение. – Л., 1961. – 78 с.
16. Шакирьянов Р. В. Теоретические и практические проблемы апелляционного производства в гражданском процессе. – М., 2024. – 466 с.

References

1. Avdyukov, M. G. (1959) *Sudebnoe reshenie* [Court decision]. Moscow. (In Russian).
2. Borisova, E. A. (2019) *Dokazyvanie v apellyacionnom proizvodstve v grazhdanskom sudoproizvodstve* [Evidence in appeal proceedings in civil proceedings]. *Vestnik grazhdanskogo processa – Bulletin of the Civil Procedure*. Vol. 9. No. 1. Pp. 140–156. (In Russian).

3. Voplenko, N. N. (1981) Oshibki v pravoprimerenii: ponyatie i vidy` [Errors in law enforcement: the concept and types]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo – The Soviet State and law*. No. 4. Pp. 38–46. (In Russian).
4. Gromoshina, N. A. (2017) Prikaznoe proizvodstvo kak instrument optimizatsii civilisticheskogo processa [Ordered production as a tool for optimizing the civil process]. *Zakony` Rossii: opy`t, analiz, praktika – The laws of Russia: experience, analysis, practice*. No. 5. Pp. 93–95. (In Russian).
5. Gurvich, M. A. (1976) *Sudebnoe reshenie: teoreticheskie problemy`* [Judicial decision: theoretical problems]. Moscow. (In Russian).
6. Zhilin, G. A. (2000) *Celevy`e ustanovki grazhdanskogo sudoproizvodstva i problema sudebnoj oshibki* [The objectives of civil proceedings and the problem of judicial error]. *Gosudarstvo i pravo – State and law*. No. 3. Pp. 51–58. (In Russian).
7. Zajcev, I. M. (2009) *Nauchnoe nasledie. V 3-x tomakh. Tom 2. Chast` 2. 1982–1990* [Scientific heritage. In 3 vols. Vol. 2. Part 2. 1982–1990]. Ed. A. I. Zajcev. Saratov. (In Russian).
8. Zejder, N. B. (1966) *Sudebnoe reshenie po grazhdanskomu delu* [A court decision in a civil case]. Moscow. (In Russian).
9. Lesniczkaya, L. F. (1962) *Osnovaniya k otmene obzhalovanny`x sudebny`x reshenij* [Grounds for annulment of appealed court decisions]. Moscow. (In Russian).
10. Lesniczkaya, L. F. (1974) *Peresmotr resheniya suda v kassacionnom poryadke* [Review of the court's decision in cassation]. Moscow. (In Russian).
11. Reshetnyak, V. I., Cherny`x, I. I. (1997) *Zaochnoe proizvodstvo i sudebny`j prikaz v grazhdanskom processe* [Correspondence proceedings and court order in civil proceedings]. Moscow: Gorodecz. (In Russian).
12. Saxnova, T. V., Shishmareva, T. P. (2005) *O sudebny`x procedurax v civilisticheskome processe, ili k voprosu o differenciacii processual`noj formy`* [On judicial procedures in the civil process, or on the issue of differentiation of the procedural form]. *Teoreticheskie i prakticheskie problemy` grazhdanskogo, arbitrazhnogo processa i ispolnitel`nogo proizvodstva* [Theoretical and practical problems of civil, arbitration and enforcement proceedings]. St. Petersburg: Yuridicheskij centr "Press". Pp. 53–55. (In Russian).
13. Terexova, L. A. (2007) *Sistema peresmotra sudebny`x aktov v mexanizme sudebnoj zashhity* [Judicial review system in the judicial protection mechanism]. Moscow. (In Russian).
14. Tumanov, D. A. (2016) *Eshhe raz o tom, yavlyaetsya li sudebny`j prikaz aktom pravosudiya, ili Razmy`shleniya o sushhnosti pravosudiya* [Once again, is a court order an act of justice, or Reflections on the essence of justice?]. *Zakony` Rossii: opy`t, analiz, praktika – The laws of Russia: experience, analysis, practice*. No. 9. Pp. 13–20. (In Russian).
15. Chechina, N. A. (1961) *Norma prava i sudebnoe reshenie* [Rule of law and judicial decision]. Leningrad. (In Russian).
16. Shakir`yanov, R. V. (2024) *Teoreticheskie i prakticheskie problemy` apellyacionnogo proizvodstva v grazhdanskom processe* [Theoretical and practical problems of appeal proceedings in civil proceedings]. Moscow. (In Russian).

Об авторе

Нахова Елена Александровна, доктор юридических наук, Северо-Западный филиал РГУП имени В. М. Лебедева, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0001-8463-6011, e-mail: nahova.elena@yandex.ru

About the author

Elena A. Nakhova, Dr. Sci. (Law), North-Western Branch of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedeva, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0001-8463-6011, e-mail: nahova.elena@yandex.ru

*Поступила в редакцию: 02.04.2025
Принята к публикации: 10.05.2025
Опубликована: 30.06.2025*

*Received: 02 April 2025
Accepted: 10 May 2025
Published: 30 June 2025*

К вопросу о направлениях совершенствования системы пересмотра судебных актов и оснований для их отмены, связанных с требованием обоснованности

Е. А. Нахова,^{1,2,3} Е. В. Силина^{1,2}

¹ Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

² Северо-Западный филиал РГУП имени В. М. Лебедева,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

³ Саратовская государственная юридическая академия,
г. Саратов, Российская Федерация

В статье исследуется совершенствование института пересмотра судебных актов, а также оснований для их отмены, связанных с требованием обоснованности. Построение судебной системы, в которой бы каждая из трех инстанций (первая, апелляционная и высшая кассационная) имели бы свои строго определенные (не пересекающиеся друг с другом) полномочия, позволило бы существенно повысить роль и значение судебных инстанций, обеспечить гарантии правосудия для лиц, участвующих в деле, существенно сэкономить их время и средства, а также государства как организатора судопроизводства. Оптимизация судебной системы повлекла бы за собой установление дифференцированных оснований для отмены судебного акта. В настоящее время основания для отмены судебного акта практически дублируются в апелляции и в сплошной кассации и отличаются по сути признаками существенности и фундаментальности при выборочной кассации и надзоре. Заключается, что законодательная конструкция оснований для отмены судебного акта сформулирована в процессуальных кодексах различно, в гражданском и административном судопроизводстве основаниями для отмены судебного акта в апелляционном порядке выступает неправильное определение юридических значимых обстоятельств, в арбитражном судопроизводстве – неполное определение обстоятельств предмета доказывания.

Ключевые слова: цивилистический процесс, пересмотр судебных актов, основания для отмены судебных актов, связанных с требованием обоснованности.

Для цитирования: Нахова Е. А., Силина Е. В. К вопросу о направлениях совершенствования системы пересмотра судебных актов и оснований для их отмены, связанных с требованием обоснованности // Ленинградский юридический журнал. – 2025. – № 2 (80). – С. 266–282. DOI: 10.35231/18136230_2025_2_266. EDN: НРQKRC

On the Issue of Ways to Improve the System of Reviewing Judicial Acts and the Grounds for Their Cancellation Related to the Requirement of Validity

Elena A. Nakhova,^{1,2,3} Elena V. Silina^{1,2}

¹ Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

² North-Western Branch of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev,
Saint Petersburg, Russian Federation

³ Saratov State Law Academy,
Saratov, Russian Federation

The study is devoted to improving the institution of review of judicial acts, as well as the grounds for their cancellation related to the requirement of validity. The authors come to the conclusion that the construction of a judicial system in which each of the three instances (first, appellate and highest cassation) would have its own strictly defined (non-intersecting) powers, would significantly increase the role and importance of judicial instances, provide guarantees of justice for persons participating in the case, significantly save their time and money, as well as the state as the organizer of legal proceedings. Optimization of the judicial system would entail the establishment of differentiated grounds for the cancellation of a judicial act. At present, the grounds for the cancellation of a judicial act are practically duplicated in appeal and in continuous cassation, and differ in essence in the signs of materiality and fundamentality in selective cassation and supervision. The results of the study show that the legislative structure of the grounds for the cancellation of a judicial act is formulated differently in procedural codes; in civil and administrative proceedings, the grounds for the cancellation of a judicial act in the appellate procedure are an incorrect definition of legally significant circumstances, and in arbitration proceedings, an incomplete definition of the circumstances of the subject of proof.

Key words: the civil process, the review of judicial acts, the grounds for the cancellation of judicial acts related to the requirement of validity.

For citation: Nakhova, E. A., Silina, E. V. [2025] K voprosu o napravleniyax sovershenstvovaniya sistemy` peresmotra sudebny`x aktov i osnovaniy dlya ix otmeny`, svyazanny`x s trebovaniem obosnovannosti [On the Issue of Ways to Improve the System of Reviewing Judicial Acts and the Grounds for Their Cancellation Related to the Requirement of Validity]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 2 (80). Pp. 266–282. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2025_2_266. EDN: HPOKRC

Введение

В статье представлено авторское видение направлений совершенствования института пересмотра судебных актов, а также оснований для их отмены, связанных с требованием обоснованности. Целью института пересмотра судебных актов является обеспечение целесообразности и необходимости повторного судебного разбирательства с учетом значимости дела.

Существующая многочисленность судебных инстанций представляет собой основное препятствие на пути к формированию рациональной системы правосудия. Структура судебных органов, включая арбитражные и суды общей юрисдикции, демонстрирует очевидную чрезмерность имеющихся инстанций.

Совершенствование структуры судебных органов и упорядочивание их иерархического устройства содействует эффективной организации механизма обжалования судебных решений. Невозможно эффективно реформировать систему обжалования судебных актов и оптимизировать судопроизводство, не касаясь фундаментальных аспектов судостроительства [21, с. 220].

Проверочные производства являются важным элементом механизма эффективного восстановления нарушенных прав, условием эффективной реализации права на исправление судебной ошибки, а также права на разбирательство дела судом с минимальными издержками [9, с. 229]. Проблематика судебных ошибок в гражданском процессе достаточно дискуссионна [3, с. 38–46; 5, с. 51–58; 22]. Правоведы в области гражданского процесса выявили и изучили основные признаки судебных ошибок. Судебная ошибка рассматривается Л. А. Тереховой как «результат судебной деятельности, не совпадающий с целями гражданского судопроизводства. Её необходимые признаки: 1) появляется при вынесении итогового су-

дебного акта; 2) предполагаемый характер; 3) констатация и устранение производятся специальным уполномоченным субъектом в специальном порядке; 4) её доказывание носит специфический характер; 5) не зависит от вины судьи, принявшего итоговый акт» [22]. Как считал И. М. Зайцев, термин «судебная ошибка» охватывает более широкий спектр явлений, чем «основания для отмены или изменения судебного решения», и подразумевает любые отклонения от правильного применения норм в гражданском процессе, включая ошибочные действия суда вне зависимости от возможности их корректировки. Все отступления от правовых норм вне зависимости от возникших последствий должны квалифицироваться как судебные ошибки [6, с. 90]. Дифференциация судебных ошибок сводится к ошибкам при рассмотрении и разрешении гражданских дел [6, с. 90–106], в судебных постановлениях, актах исполнения [6, с. 106].

Вышеизложенное дает возможность утверждать, что концепция судебной ошибки имеет более широкое значение, чем перечень оснований для отмены судебного акта, поскольку не все судебные ошибки служат основанием для отмены судебных актов. В свою очередь, основания для отмены судебных актов классифицируются на связанные с их незаконностью и необоснованностью. Основания для отмены судебных актов не могут быть изменены без совершенствования всей системы пересмотра судебных актов.

Оптимизация института пересмотра судебных актов

По нашему мнению, действующая инстанционность при пересмотре судебных актов как в гражданском, так и в арбитражном судопроизводстве России не соответствует стандартам и дает возможность недобросовестным участникам процесса затягивать рассмотрение дела

и способствует длительному поддержанию нестабильности в гражданском обороте¹.

В структуре судебных органов, включая суды общей юрисдикции и арбитражные суды, функционируют три уровня проверки судебных актов: апелляционный, кассационный и надзорный. При этом содержание и формы проверки в кассационном и надзорном звеньях демонстрируют значительное сходство.

В научных источниках справедливо подчеркивается, что надзорная инстанция представляет собой особую форму кассационного производства, вследствие чего параллельное функционирование этих двух институтов в единой судебной системе порождает функциональное дублирование полномочий [14, с. 34]

Многоуровневая структура судебных органов в иностранных государствах представляет собой трехзвенную систему. В отличие от постсоветского пространства и современной России с их системой надзорного производства, процессуальное право западных государств не предусматривает подобного судебного звена. Процедура пересмотра судебных актов должна удовлетворять определенным стандартам. Основопологающим правилом считается, что все обстоятельства судебного спора подлежат первичной квалификации в первой инстанции, куда следует направлять весь объем требований, доказательственного материала, фактических данных. В РФ функционируют два вида апелляции, полная и неполная, однако имеет место смешение признаков видов апелляции, что свидетельствует об отсутствии в российском гражданском процессуальном законодательстве того или иного вида апелляции в чистом виде².

¹ См. подробнее: Слепченко (Силина) Е. В. Гражданское судопроизводство: проблемы единства и дифференциации: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2012. С. 216–268.

² Шакирьянов Р. В. Теоретические и практические проблемы апелляционного производства в гражданском процессе: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2024. С. 24.

Предлагается оптимизировать апелляционное производство путем исключения из апелляционного рассмотрения дел с минимальным размером исковых требований; внедрения системы судебного санкционирования на предъявление апелляционных жалоб; установления конкретных предельных сроков для реализации права на апелляционное обжалование; отсрочки обжалования некоторых промежуточных определений до подачи основной апелляционной жалобы.

Кассационная инстанция должна выступать завершающим и высшим звеном в судебной иерархии, являясь третьей инстанцией. В целях оптимизации работы кассационной инстанции предлагается внедрить следующие механизмы: направить кассационное производство на рассмотрение дел, обладающих существенной правовой значимостью и требующих третьего уровня пересмотра, в частности, дел, способствующих развитию права или обеспечивающих единообразное применение законодательства; ограничить круг кассационных обращений делами, затрагивающими вопросы права, имеющие общественный интерес; установить специальные процедуры для прямой передачи дел в кассационную инстанцию, по которым прогнозируемо обращение в высшую судебную инстанцию; разработать правила, определяющие количественные ограничения на рассмотрение дел в третьей судебной инстанции, основываясь на процессуальных критериях, закрепленных в законодательстве.

Процессуальные реформы в сфере гражданского судопроизводства, направленные на оптимизацию процедуры проверки судебных актов, хотя и демонстрируют позитивную динамику, но пока не достигают необходимого уровня защиты субъективных прав граждан.

Российское законодательство о пересмотре судебных актов¹ сохраняет приверженность классическим подходам к организации апелляционного и кассационного производства. Особый характер правовой системы проявляется в существовании института надзорного производства, не имеющего аналогов в зарубежных юрисдикциях. Параллельно с этим, процедура пересмотра судебных актов по основаниям, связанным с наличием вновь открывшихся или новых обстоятельств, характеризуется определенной степенью несовершенства и нуждается в существенной оптимизации [20, с. 14].

В целях совершенствования судебной системы рекомендуется: внедрить общий для судебного округа апелляционный судебный орган, компетентный в проверке судебных актов до их вступления в законную силу; организовать единую кассационную инстанцию при Верховном суде РФ; устранить надзорное производство как отдельную стадию судебного процесса.

Реализация предложенных мер потребует трансформации российской системы организации судебной власти, поскольку общеизвестно, гражданский процесс и структура судебной системы неразрывно взаимосвязаны между собой. Еще Е. В. Васьковский обосновывал² эффективность трехзвенной судебной системы, подчеркивая, что судебные органы не застрахованы от ошибок полностью, а возможность повторного рассмотрения дела служит важным инструментом их предотвращения. При этом он указывал на ограниченность такой системы, поскольку расхождения в толковании и применении законодательства между апелляционными судами разных округов могут порождать противоречивую правоприменительную

¹ Было бы правильнее использовать термин «проверка судебных актов», а не термин «пересмотр судебных актов», поскольку количество изменяемых или отменяемых судебных актов в общем числе проверяемых актов не велико.

² Васьковский Е. В. Учебник гражданского процесса / под ред. В. А. Томсинова. М., 2003. С. 34.

практику. Для устранения противоречий в правоприменительной практике необходим специализированный высший судебный орган, наделенный полномочиями по обеспечению единства судебной практики.

В рамках модели неполной апелляции основная процессуальная нагрузка по всестороннему и объективному рассмотрению дела, выявлению существенных для разрешения спора фактов, а также по формированию и исследованию доказательственной базы должна быть сконцентрирована в суде первой инстанции. В апелляционной инстанции должен осуществляться контроль законности и обоснованности судебных постановлений, основываясь при этом на материалах дела, которые уже получили оценку в суде первой инстанции.

Формирование оптимальной системы пересмотра судебных актов, вступивших законную силу, предполагает наличие единственной кассационной инстанции – Верховного суда РФ, который должен быть организационно независим от апелляционных судов.

Процесс формирования единой кассационной инстанции сталкивается с серьезными препятствиями: структурное разделение судебной системы на самостоятельные ветви, каждая из которых имеет свои процессуальные особенности и порядок рассмотрения дел; наличие уникальной для российской судебной системы надзорной инстанции, которая не имеет аналогов в зарубежных судебных системах, выполняет функции, схожие с кассационным пересмотром, создает дублирование полномочий в судебной системе.

Судебный контроль в надзорном и кассационном порядке имеет идентичную направленность: в обоих случаях происходит проверка правильности применения материально-правовых и процессуально-правовых норм и их толкования. Учитывая сущностное совпадение

этих форм контроля, надзорная проверка судебных актов является функционально избыточной и подлежит исключению из судебной системы [16, с. 9,31; 23, с. 71]¹.

Текущая законодательная база демонстрирует явную избыточность правовых механизмов, позволяющих пересматривать судебные акты.

Принцип правовой определенности требует минимизировать случаи пересмотра вступивших в законную силу судебных актов. Полномочий Верховного суда РФ в качестве кассационной инстанции вполне достаточно для исправления судебных ошибок, поддержания единообразной правоприменительной практики, обеспечения справедливого правосудия.

Предлагаемые изменения в судебной системе направлены на комплексное решение проблем судопроизводства, связанных с совершенствованием системы распределения дел, упрощением доступа к правосудию, обеспечением независимости судей, повышением эффективности судебной деятельности, обеспечением единообразия судебной практики, ростом доверия к судебной системе, укреплении авторитета судебной власти.

Создание трехуровневой судебной системы с непересекающимися полномочиями каждой инстанции способствовало бы повышению эффективности правосудия, обеспечению надежных гарантий защиты прав участников процесса, рациональному использованию сил и средств всех участников процесса.

Оптимизация судебной системы повлекла бы за собой установление дифференцированных оснований для отмены судебного акта. В настоящее время основания для отмены судебного акта практически дублируются в апелляции и в сплошной кассации, они отличаются по сути

¹ Сковрцов О. Ю. Институт кассации в российском арбитражном процессуальном праве (проблемы судостроительства и судопроизводства): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2000. С. 7.

признаками существенности и фундаментальности при выборочной кассации и надзоре.

Общая характеристика оснований для отмены судебного акта, связанных с нарушением требований обоснованности судебного акта

Классификация оснований для отмены судебного акта определяется тремя ключевыми стадиями работы суда первой инстанции: исследование фактической стороны дела; правовая квалификация и анализ норм; вынесение итогового решения [15, с. 29–45].

На первом этапе суд допускает ошибку при определении существенных фактов дела. Во время второго этапа происходит отступление от законов логического доказывания, что мешает правильному сбору и анализу доказательств. На последнем этапе фиксируется нарушение логических принципов при формировании выводов суда¹.

Вопросам изучения оснований, при которых возможен пересмотр судебных актов, посвящено множество научных работ в области гражданского процессуального права [1, с. 140–156; 22; 4; 10; 12]², в том числе оснований, связанных с необоснованностью судебного акта³.

По смыслу п. 2 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 19 декабря 2003 года № 23 «О судебном решении» решение суда является законным в том случае, когда оно принято при точном соблюдении норм про-

¹ Трофимова Л. В. Основания к отмене судебных решений, не вступивших в законную силу: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. С. 49.

² Трофимова Л. В. Основания к отмене судебных решений, не вступивших в законную силу: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999; Орлов М. А. Пересмотр решений, не вступивших в законную силу, в российском арбитражном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002; Подгрудкова О. В. Обжалование и пересмотр решений арбитражных судов, не вступивших в законную силу: судебно-исследовательский и судопроизводственный аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011; Шакирьянов Р. В. Производство по пересмотру постановлений мировых судей по гражданским делам в апелляционном порядке: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006; Сметаников А. Е. Процессуальный режим деятельности апелляционной инстанции в арбитражном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2005; Ткачев Н. И. Законность и обоснованность судебных постановлений в гражданском процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1984.

³ Нахова Е. А. Концепция предмета доказывания в гражданском процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2024. С. 321–377.

цессуального права и в полном соответствии с нормами материального права, которые подлежат применению к данному правоотношению, или основано на применении в необходимых случаях аналогии закона или аналогии права. На основании п. 3 названного постановления обоснованным решение следует признавать тогда, когда имеющие значение для дела факты, подтверждены исследованными судом доказательствами, удостоверяющими требования закона об их относимости и допустимости, или обстоятельствами, не нуждающимися в доказывании (ст. 55, 59–61, 67 ГПК РФ), а также тогда, когда оно содержит исчерпывающие выводы суда, вытекающие из установленных фактов¹.

Одним из оснований для отмены судебного акта в связи с его необоснованностью выступает недоказанность установленных судом первой инстанции обстоятельств, имеющих значение для дела (недоказанность имеющих значение для дела обстоятельств, которые суд считал установленными). Недостаточность доказательств или их полное отсутствие, их недостоверность и (или) противоречивость²; неправильное использование косвенных доказательств; отсутствие мотивировки о том, почему одни доказательства приняты, а другие нет [22]; нарушение правил оценки доказательств в их совокупности, либо с точки зрения полноты, доброкачественности, достоверности, допустимости³, отсутствие в деле необходимых доказательств, использование неполных, недостоверных, недоброкачественных и недопустимых доказательств [24,

¹ Указанные требования также подробно проанализированы в специальной литературе, см.: Шакирьянов Р. В. Производство по пересмотру постановлений мировых судей по гражданским делам в апелляционном порядке: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. С. 189.

² Трофимова Л. В. Указ. соч. С. 75; Сметанников А. Е. Указ. соч. С. 143–144.

³ Трофимова Л. В. Указ. соч. С. 46; Шакирьянов Р. В. Производство по пересмотру постановлений мировых судей по гражданским делам в апелляционном порядке: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов. С. 191–192; Михайлов С. М. Оценка доказательств судом второй инстанции в гражданском судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 93.

с. 52]; одностороннее исследование доказательств¹; ненадлежащая подготовка и необоснованный отказ суда сторонам в собирании доказательств чаще всего выступают причиной недоказанности установленных судом первой инстанции обстоятельств, имеющих значение для дела [8, с. 179; 12, с. 175–176; 7, с. 43–44]².

Несоответствие выводов суда первой инстанции, изложенных в решении, обстоятельствам дела (несоответствие выводов, изложенных в решении, обстоятельствам дела) выступает следующим основанием для отмены судебного акта. При указанном основании для отмены судебного акта, как считает часть исследователей-процессуалистов, обстоятельства предмета доказывания определены верно, полно, что нельзя сказать о выводах суда первой инстанции. Иная точка зрения сводится к тому, что и выводы, и обстоятельства предмета доказывания определены ошибочно [22]. Неправильный вывод суда о взаимоотношениях сторон либо о наличии или отсутствии искомого юридического факта по мнению Л. В. Трофимовой свидетельствует об анализируемом нарушении³.

Правовая природа и содержание данного основания полемичны. Можно выделить следующие типичные ситуации нарушений: когда правовая норма определяет спорные правовые отношения, устанавливая условия наступления юридических последствий в абстрактной форме (особенно часто такое встречается в семейных спорах, где правовые нормы носят общий характер); при использовании в процессе косвенных доказательств [18, с. 32–33; 24, с. 53–54]⁴.

¹ Трофимова Л. В. Указ. соч. С. 71, 72, 75.

² Трофимова Л. В. Указ. соч. С. 75; Шакирьянов Р. В. Производство по пересмотру постановлений мировых судей по гражданским делам в апелляционном порядке: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов. С. 189.

³ Трофимова Л. В. Указ. соч. С. 77.

⁴ Курс советского гражданского процессуального права. М., 1981. С. 261–262; Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу РСФСР. М., 1996. С. 426.

Наличие в нормах материального права неконкретизированных, оценочных категорий представляет собой существенный фактор риска формирования судебных ошибок. При применении таких норм правоприменитель обязан осуществлять самостоятельную, творческую оценку установленных по делу обстоятельств, основываясь на комплексе факторов, таких как профессиональные знания, личный опыт и сложившаяся судебная практика.

В силу п. 1 ч. 1 ст. 330 ГПК РФ основаниями для отмены или изменения решения суда в апелляционном порядке выступает неправильное определение обстоятельств, имеющих значение для дела [13, с. 34–36]. Аналогичное основание для отмены судебного акта в апелляционном порядке предусмотрено п. 1 ч. 2 ст. 310 КАС РФ. Рассматриваемое основание относится к нарушению требования обоснованности судебного акта¹.

Указанное основание выступает следствием ненадлежащего исполнения сторонами своих доказательственных обязанностей [19]²; неправильного определения предмета доказывания, отсутствия установления фактических обстоятельств в судебном определении о подготовке дела к судебному разбирательству [2, с. 9; 22]; неверной квалификации правоотношений между сторонами [22]; ошибочного установления круга доказательственных фактов³.

Заключение

Создание судебной системы с четким разграничением функций между всеми тремя звеньями судебной власти способствовало бы значительному усилению ее эффективности, обеспечению защиты прав всех участников

¹ Комментарий к Кодексу административного судопроизводства Российской Федерации (постатейный, научно-практический) / под ред. В. В. Яркова. М., 2016. 1295 с. (автор главы – Н. А. Панкратова).

² Решетникова И. В. Основные причины отмены и изменения судебных актов по процессуальным основаниям / Настольная книга судьи арбитражного суда первой инстанции / под ред. И. В. Решетниковой. М., 2011.

³ Трофимова Л. В. Указ. соч. С. 33.

процесса, сокращению временных и финансовых затрат как для сторон разбирательства, так и для государственных структур, обеспечивающих функционирование правосудия. Оптимизация судебной системы требует введения дифференцированных оснований для отмены судебных актов. Представленные доводы подтверждают лишь актуальность и своевременность исследования поименованной в научной статье проблематики.

Список литературы

1. Борисова Е. А. Доказывание в апелляционном производстве в гражданском судопроизводстве // Вестник гражданского процесса. – 2019. – Т. 9. – № 1. – С. 140–156.
2. Вахитов Ш., Калмацкий В. Проверка судом второй инстанции законности применения норм права по гражданским делам // Советская юстиция. – 1977. – № 10. – С. 5–9.
3. Вопленко Н. Н. Ошибки в правоприменении: понятие и виды // Советское государство и право. – 1981. – № 4. – С. 38–46
4. Гурвич М. А. Судебное решение. Теоретические проблемы. – М., 1976. – 175 с.
5. Жилин Г. А. Целевые установки гражданского судопроизводства и проблема судебной ошибки // Государство и право. – 2000. – № 3. – С. 51–58.
6. Зайцев И. М. Научное наследие. В 3-х томах. Том 2. Монографии. Часть 2. 1982–1990 / сост. А. И. Зайцев. – Саратов, 2009. – 311 с.
7. Зайцев И. М., Медякова С. В. Основания к отмене судебных постановлений // Российская юстиция. – 1996. – № 5. – С. 43–44.
8. Кац. С. Ю. Судебный надзор в гражданском судопроизводстве. – М., 1980. – 208 с.
9. Курочкин С. А. Эффективность гражданского и арбитражного судопроизводства: монография. – М.: Городец, 2024. – 480 с.
10. Лесницкая Л. Ф. Основания к отмене обжалованных судебных решений. – М., 1962. – 132 с.
11. Лесницкая Л. Ф. Отмена судебного решения вследствие его необоснованности // Ученые записки ВИАУН. – Вып. 10. – М., 1959.
12. Лесницкая Л. Ф. Пересмотр решения суда в кассационном порядке. – М., 1974. – 189 с.
13. Нахова Е. А. Предмет доказывания в цивилистическом процессе и административном судопроизводстве. – СПб., 2018. – 421 с.
14. Оптимизация гражданского правосудия России / [Дегтярев С. Л. и др.]; предисл. В. Ф. Яковлева; под ред. В. В. Яркова. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – 177 с.
15. Осипов Ю. К. Элементы и стадии применения норм советского гражданского процессуального права // Проблемы применения норм гражданского процессуального права. – Свердловск. 1978. – 120 с.
16. Подвальный И. О. О нецелесообразности сохранения надзорного производства в арбитражном процессе Российской Федерации. – СПб. – 2000. – 30 с.

17. Проверка судебных постановлений в гражданском процессе стран ЕС и СНГ / под ред. Е. А. Борисовой. – М., 2007. – 768 с.
18. Пучинский В. К. Кассационное производство в гражданском процессе. – М., 1973. – 35 с.
19. Решетникова И. В. Размышляя о судопроизводстве: Избранное. – М., 2019. – 510 с.
20. Силина Е. В. Пересмотр судебных актов по гражданским и административным делам: проблемы нормативного регулирования, официального толкования и правоприменения: сб. научных статей по материалам Международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», 17 июня 2021 г.) / сост. и ред. Л. В. Войтович. – СПб.: Астерион, 2021. – С. 8–18.
21. Слепченко Е. В. Гражданское судопроизводство: проблемы единства и дифференциации. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2011. – 499 с.
22. Терехова Л. А. Система пересмотра судебных актов в механизме судебной защиты. – М., 2007. – 320 с.
23. Терехова Л. А. О концепции надзорного производства в новом ГПК // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. – № 2. – 2002–2003 / под ред. В. В. Яркова. – 2004. – С. 70–74.
24. Ткачев Н. И. Законность и обоснованность судебных постановлений по гражданским делам. – Саратов, 1987. – 108 с.
25. Фокина М. А. Система целей доказывания в гражданском и арбитражном процессе. Цели доказывания в суде первой инстанции // Арбитражный и гражданский процесс. – 2006. – № 5. – С. 20–26.

References

1. Borisova, E. A. (2019) *Dokazy`vanie v apellyacionnom proizvodstve v grazhdanskom sudoproizvodstve* [Evidence in appeal proceedings in civil proceedings]. *Vestnik grazhdanskogo processa – Bulletin of the Civil Procedure*. Vol. 9. No. 1. Pp. 140–156. (In Russian).
2. Vaxitov, Sh., Kalmaczki, V. (1977) *Proverka sudom vtoroj instancii zakonnosti primeneniya norm prava po grazhdanskim delam* [Verification by the court of second instance of the legality of the application of the law in civil cases]. *Sovetskaya yusticiya – Soviet justice*. No. 10. Pp. 5–9. (In Russian).
3. Vopenko, N. N. (1981) *Oshibki v pravoprimeneni: ponyatie i vidy`* [Errors in law enforcement: the concept and types]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo – The Soviet State and law*. No. 4. Pp. 38–46. (In Russian).
4. Gurvich, M. A. (1976) *Sudebnoe reshenie. Teoreticheskie problemy`* [A court decision. Theoretical problems]. Moscow. (In Russian).
5. Zhilin, G. A. (2000) *Celivy`e ustanovki grazhdanskogo sudoproizvodstva i problema sudebnoj oshibki* [The objectives of civil proceedings and the problem of judicial error]. *Gosudarstvo i pravo – State and law*. No. 3. Pp. 51–58. (In Russian).
6. Zajcev, I. M. (2009) *Nauchnoe nasledie* [Scientific heritage]. In 3 volumes. Vol. 2. Part 2. 1982–1990. Ed. A. I. Zajcev. Saratov. (In Russian).
7. Zajcev, I. M., Medyakova, S. V. (1996) *Osnovaniya k otmene sudebny`x postanovlenij* [Grounds for revocation of court rulings]. *Rossiiskaya yusticiya – Russian justice*. No. 5. Pp. 43–44. (In Russian).
8. Kacz, S. Yu. (1980) *Sudebny`j nadzor v grazhdanskom sudoproizvodstve* [Judicial supervision in civil proceedings]. Moscow. (In Russian).

9. Kurochkin, S. A. (2024) *E`ffektivnost` grazhdanskogo i arbitrazhnogo sudoproizvodstva* [Effectiveness of civil and arbitration proceedings]. Moscow: Gorodecz. (In Russian).
10. Lesniczkaya, L. F. (1962) *Osnovaniya k otmene obzhalovanny`x sudebny`x resh-enij* [Grounds for annulment of appealed court decisions]. Moscow. (In Russian)
11. Lesniczkaya, L. F. (1959) *Otmena sudebnogo resheniya vsledstvie ego neobos-novannosti* [Cancellation of a court decision due to its unreasonableness]. *Ucheny`e zapiski VIYuN – Scientific notes of VIYUN*. Vol. 10. Moscow. (In Russian).
12. Lesniczkaya, L. F. (1974) *Peresmotr resheniya suda v kassacionnom poryadke* [Review of the court's decision in cassation]. Moscow. (In Russian).
13. Nahova, E. A. (2018) *Predmet dokazy`vaniya v civilisticheskom processe i administrativnom sudoproizvodstve* [The subject of evidence in civil procedure and administrative proceedings]. St. Petersburg. (In Russian).
14. Yarkov, V. V. (2007) (ed.) *Optimizaciya grazhdanskogo pravosudiya Rossii* [Optimization of Russian civil justice]. Moscow: Volters Kluver. (In Russian).
15. Osipov, Yu. K. (1978) *E`lementy` i stadii primeneniya norm sovetskogo grazhdanskogo processual`nogo prava* [Elements and stages of application of the norms of Soviet civil procedure law]. *Problemy` primeneniya norm grazhdanskogo processual`nogo prava* [Problems of application of the norms of civil procedure law]. Sverdlovsk. (In Russian).
16. Podval`ny`j, I. O. (2000) *O necelesoobraznosti soxraneniya nadzornogo proizvodstva v arbitrazhnom processe Rossijskoj Federacii* [On the inexpediency of maintaining supervisory proceedings in the arbitration process of the Russian Federation]. St. Petersburg. (In Russian).
17. Borisova, E. A. (2007) (ed.) *Proverka sudebny`x postanovlenij v grazhdanskom processe stran ES i SNG* [Verification of court rulings in civil proceedings in the EU and CIS countries]. Moscow. (In Russian).
18. Puchinskij, V. K. (1973) *Kassacionnoe proizvodstvo v grazhdanskom processe* [Cassation proceedings in civil proceedings]. Moscow. (In Russian).
19. Reshetnikova, I. V. (2019) *Razmy`shlyaya o sudoproizvodstve: Izbrannoe* [Reflecting on legal proceedings: Favorites]. Moscow. (In Russian).
20. Silina, E. V. (2021) *Peresmotr sudebny`x aktov po grazhdanskim i administrativny`m delam: problemy` normativnogo regulirovaniya, oficial`nogo tolkovaniya i pravoprimeneniya* [Revision of judicial acts in civil and administrative cases: problems of regulatory regulation, official interpretation and law enforcement]. Collection of scientific articles on the materials of the International Scientific and Practical Conference (St. Petersburg, North-West Branch of the Russian State University of Justice, June 17, 2021) / co-edited by L. V. Voytovich. St. Petersburg: Asterion, Pp. 8–18. (In Russian).
21. Slepchenko, E. V. (2011) *Grazhdanskoe sudoproizvodstvo: problemy` edinstva i differenciacii* [Civil proceedings: problems of unity and differentiation]. St. Petersburg: Yuridicheskij centr Press. (In Russian).
22. Terexova, L. A. (2007) *Sistema peresmotra sudebny`x aktov v mexanizme sudebnoj zashchity`* [The judicial review system in the judicial protection mechanism]. Moscow. (In Russian).
23. Terexova, L. A. (2004) *O koncepcii nadzornogo proizvodstva v novom GPK* [On the concept of supervisory proceedings in the new CPC]. *Rossijskij ezhegodnik grazhdanskogo i arbitrazhnogo processa – Russian Yearbook of Civil and Arbitration Procedure*. No. 2. Ed. V. V. Yarkov. St. Petersburg. Pp. 70–74. (In Russian).
24. Tkachev, N. I. (1987) *Zakonnost` i obosnovannost` sudebny`x postanovlenij po grazhdanskim delam* [Legality and validity of court rulings in civil cases]. Saratov. (In Russian).

25. Fokina, M. A. (2006) Sistema celej dokazyvaniya v grazhdanskom i arbitrazh-nom processe. Celi dokazyvaniya v sude pervoj instancii [The system of evidentiary purposes in civil and arbitration proceedings. Purposes of evidence in the court of first instance]. *Arbitrazhnyj i grazhdanskij process – Arbitration and civil procedure*. No. 5. Pp. 20–26. (In Russian).

Личный вклад соавторов

Personal co-authors contribution
50/50 %

Об авторах

Нахова Елена Александровна, доктор юридических наук, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, Санкт-Петербург, Российская Федерация; Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0001-8463-6011, e-mail: nahova.elena@yandex.ru

Силина Елена Владимировна, доктор юридических наук, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0001-6098-8813, e-mail: slepchenko.1974@mail.ru

About the authors

Elena A. Nakhova, Dr. Sci. (Law), Pushkin Leningrad State University, North-Western Branch of the Russian State University of Justice, Saint Petersburg, Russian Federation; Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0001-8463-6011, e-mail: nahova.elena@yandex.ru

Elena V. Silina, Dr. Sci. (Law), Pushkin Leningrad State University, North-Western Branch of the Russian State University of Justice, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0001-6098-8813, e-mail: slepchenko.1974@mail.ru

Поступила в редакцию: 02.04.2025
Принята к публикации: 13.05.2025
Опубликована: 30.06.2025

Received: 02 April 2025
Accepted: 13 May 2025
Published: 30 June 2025

Проблемы установления объективных признаков незаконного предпринимательства

В. Г. Павлов, Д. В. Аксенов, Р. А. Ромашов

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Актуальность проблематики, предопределившей название статьи, обусловлена как теоретической дискуSSIONностью научных подходов, касающихся понимания объективных признаков преступных деяний в сфере незаконного предпринимательства, так и практической значимостью проблемных аспектов, связанных с юридической квалификацией данной группы преступных деяний. Рассматриваются наиболее сложные вопросы установления объективных признаков незаконного предпринимательства, с акцентированием внимания на соотношении объекта данного преступного посягательства и его объективной стороны. Делается общий вывод о том, что только четко сформулированное законодателем понятие крупного ущерба станет эффективным средством противодействия со стороны государственных органов на нарушения уголовного законодательства в сфере предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: незаконное предпринимательство, уголовная ответственность, преступление, объективные признак, лицензирование, аккредитация.

Для цитирования: Павлов В. Г., Аксенов Д. В., Ромашов Р. А. Проблемы установления объективных признаков незаконного предпринимательства // Ленинградский юридический журнал. – 2025. – № 2 (80). – С. 283–303. DOI: 10.35231/18136230_2025_2_283. EDN: HVTRMC

The Problems of Establishing Objective Signs of Illegal Entrepreneurship

Vladimir G. Pavlov, Dmitry V. Aksenov, Roman A. Romashov

Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

The relevance of the problems that determined the title of the article is due to both the theoretical controversy of scientific approaches concerning the understanding of objective signs of criminal acts in the field of illegal entrepreneurship, and the practical significance of problematic aspects related to the legal qualification of this group of criminal acts. The authors consider the most difficult issues of establishing objective signs of illegal entrepreneurship, with an emphasis on the relationship between the object of this criminal encroachment and its objective side. Based on the results of the study, a general conclusion is drawn that the conclusion that only a clearly formulated concept of major damage by the legislator will become an effective means of countering violations of criminal legislation in the field of entrepreneurial activity by government agencies.

Key words: illegal entrepreneurship, criminal liability, crime, objective signs, licensing, accreditation.

For citation: Pavlov, V. G., Aksenov, D. V., Romashov, R. A. (2025) Problemy ustanovleniya ob'ektivnykh priznakov nezakonnogo predprinimatel'stva [Problems of Establishing Objective Signs of Illegal Entrepreneurship]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 2 (80). Pp. 283–303. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2025_2_283. EDN: HVTRMC

Введение

Экономические преступления в настоящее время являются глобальной проблемой не только для Российской Федерации, но и для всей мировой экономики в целом. Социально-экономический анализ данных преступлений является определяющим состоянием экономики. Это имеет особое значение при разработке и реализации социальной, финансовой и правовой политики Российского государства. Существующие кризисные явления в экономике при проведении реформ часто сопровождается совершением преступлений данной категории.

Экономическая преступность характеризуется высоким уровнем латентности. Данное обстоятельство свидетельствует об ее организованности и обусловливается возможностью влияния на развитие социальной инфраструктуры. Согласно ч. 1 ст. 34 Конституции РФ, «каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности»¹.

В наши дни система государственного регулирования предпринимательства и предпринимательской деятельности призвана стать эффективным средством обеспечения экономических интересов для малого и среднего бизнеса, поскольку именно эти сферы деятельности являются основополагающими в становлении современного среднего класса в России, что во многом способствует обеспечению экономической безопасности современного Российского государства.

Необходимость развития и совершенствования уголовно-правовых норм, направленных на профилактику и противодействие преступности в предпринимательской деятельности, обуславливает настоятельную потребность в организации действенного механизма

¹ Конституция Российской Федерации. М.: АСТ, 2024. С. 11.

охранительной деятельности в экономической сфере. Действующее уголовное законодательство закрепляет материальные нормы как специализированного (нормы дефиниции, цели, принципы, институты), так и поведенческого характера. Посредством последних выражаются уголовно-правовые запреты, а также определяются виды и объем уголовно-правовых наказаний за их совершение.

К вопросу о понимании объекта преступного посягательства

В соответствии со ст. 8 УК РФ основанием уголовной ответственности является совершение общественно опасного деяния, содержащего все признаки состава преступления. Речь идет о совокупности элементов: объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона преступления. Объект преступления представляет собой общественные отношения, охраняемые уголовным законодательством, признаваемые в качестве блага, которому причиняется вред совершаемым преступлением. Совокупность благ, охраняемых уголовным законодательством от преступных посягательств, признается общим объектом преступления, который, в свою очередь, подразделяется на родовые объекты, включающие видовой объект преступления.

Необходимо отметить, что благодаря указанному разграничению такого элемента состава преступления, как объект, возникает возможность для более детального изучения общественных отношений, которым в ходе преступного посягательства причинён вред, что способствует правильному применению норм уголовного законодательства со стороны правоохранительных органов.

Родовой объект рассматриваемого состава преступления Н. А. Лопашенко определяет как разновидность общественных отношений, возникающих в рамках

осуществления производства жизненных благ (товаров и услуг), базирующихся на реализации принципов законности в процессе функциональной деятельности хозяйствующих субъектов, направленной на извлечение прибыли [5, с. 10]. С данным определением родового объекта в целом следует согласиться. Вместе с тем полагаем, что в качестве родового объекта рассматриваемого состава преступления будут выступать общественные отношения, сопряженные с деятельностью хозяйствующих субъектов, основным направлением которых является получение прибыли. При этом основным их мотивом выступает реализация принципов законности экономической и иной деятельности последних, направленных на обеспечение нормального функционирования в экономической сфере государства.

Видовой объект рассматриваемого состава преступления В. Ф. Лапшиным определяется как общественные отношения в сфере экономической деятельности [4, с. 10]. По мнению А. А. Витвицкого видовой объект выражается в общественных отношениях, регулирующих осуществление предпринимательской и иной деятельности хозяйствующих субъектов¹. Мы предлагаем в качестве видového объекта незаконной предпринимательской деятельности рассматривать совокупность общественных отношений, охраняемых государством, которые возникают в сфере деятельности хозяйствующих субъектов, направленной на совершенствование рыночной экономики.

Также следует отметить, что законодатель в гл. 22 УК РФ четко определил конкретные преступления, а именно в сфере экономики и осуществления экономической деятельности. Они помогают определить основной объект преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ, как обще-

¹ Витвицкий А. А., Витвицкая С. С., Шайков В. Т. Уголовное право: особенная часть. Ростов-на-Дону, 2018. С. 113.

ственные отношения в сфере экономики. Вместе с тем в теории отечественного уголовного права до настоящего времени не сложилось однозначного понимания о непосредственном объекте преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ. При этом некоторые ученые вообще его не определяют в связи со сложностью его установления.

Так, например Б. В. Волженкин определял объект рассматриваемого состава преступления как совокупность производственных (экономических) отношений по поводу производства, обмена, распределения и потребления материальных благ [1, с. 52]. А. Ю. Захаров рассматривает объект как установленный порядок осуществления и лицензирования предпринимательской деятельности¹. Однако, согласиться с данной точкой зрения можно не в полной мере ввиду того, что фактически общественные отношения невозможно определить в качестве регулятора сферы предпринимательской деятельности, так как они представляют объект правового регулирования.

Объектом незаконного предпринимательства, по мнению Н. А. Лопашенко, выступает принцип законности экономической деятельности [6, с. 53]. На наш взгляд, с данным определением, можно согласиться. Вместе с тем Т. В. Пинкевич формулирует его как общественные отношения, складывающиеся в сфере осуществления законной предпринимательской деятельности. [8, с. 16]. Вряд ли правомочно данное определение, которое расширяет перечень действий, являющихся нарушением действующего законодательства РФ. Эти действия могут быть рассмотрены в качестве объективных признаков преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ. Получается, что фактически под действие данной уголовно-правовой нормы будут подпадать не только противоправные дея-

¹ Захаров А. Ю. Комментарий к ст. 171, 171.1, 172, 173.1, 180, 181 УК РФ // Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. / под. ред. А. В. Бриллиантова. М., 2015. С. 174.

ния, выраженные в нарушении правовых норм о регистрации и лицензировании или аккредитации, но и иные деяния, связанные с нарушением правил субъектами, осуществляющими предпринимательскую деятельность.

В качестве основного непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ, как нам представляется, являются общественные отношения, охраняемые законом, связанные с деятельностью хозяйствующих субъектов, основным направлением которой является получение прибыли, при нарушении правил и отсутствии государственной регистрации, лицензирования, а также аккредитации, которые являются обязательными.

Рассматривая проблемы установления объекта незаконного предпринимательства, необходимо обратить внимание на другой объективный признак – предмет преступления. Законодателем установлено, что посягательство на объект происходит путем осуществления предпринимательской деятельности без регистрации или без лицензии либо без аккредитации в национальной системе аккредитации или аккредитации в сфере технического осмотра транспортных средств в случаях, когда такие действия обязательны. Вместе с тем, по нашему мнению, вряд ли в качестве предмета преступного посягательства можно рассматривать данные документы, так как посягательства на них не существует. Только их отсутствие и образует посягательство на установленный законом порядок осуществления предпринимательской деятельностью, т. е. объект преступления.

Проблемные аспекты объективной стороны преступлений в сфере незаконного предпринимательства

Анализируя элементы состава преступления, а именно его объективную сторону, следует обратить внимание

на то, что данный элемент получает свое выражение в детерминируемой причинно-следственной взаимосвязи между фактом преступного деяния и его вредоносными последствиями. Необходимо особо отметить, что объективная сторона состава преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ, определяется с учетом особенностей его непосредственного объекта, представленного общественными отношениями в области урегулированных и охраняемых уголовным законом экономических интересов как государства в целом, так и институциональных формирований гражданского общества, выступающих в качестве субъектов предпринимательской деятельности.

В связи со сказанным возникает потребность в осуществлении структурно-содержательного анализа определений «предпринимательство» и «предпринимательская деятельность». В наиболее общем представлении данные феномены используются для обозначения самостоятельного вида поведенческой активности, связанной с извлечением прибыли.

В качестве характерных признаков предпринимательской деятельности представляется целесообразным выделить следующих факторов:

- 1) осуществление экономической деятельности на свой «риск», т. е. посредством ответственности, накладываемой на имущество субъекта;
- 2) наличие направленности со стороны субъекта хозяйственного ведения на извлечение прибыли в рамках возникающих экономических отношений;
- 3) существование факта регистрации либо самого субъекта, осуществляющего предпринимательскую деятельность, либо организации, от имени которой она осуществляется.

Очевидно, что привлечение субъектов предпринимательской деятельности к уголовной ответственности по ст. 171 УК РФ становится возможным при условии

осуществления незаконного, а точнее, противозаконного предпринимательства. При этом определение предпринимательства в качестве преступного становится возможным как по предмету (задействие в предпринимательской деятельности предметов, выведенных за рамки гражданского оборота), так и по процедуре (существенное нарушение процессуальных условий предпринимательской деятельности). При этом законодатель исключает уголовную ответственность по рассматриваемой норме за занятие запрещенными видами деятельности, которые в принципе не могут быть зарегистрированы, пролициезированы или на них может быть получена аккредитация. Причиной расширительного толкования данной уголовно-правовой нормы и ошибок в правоприминительной практике послужил законодательный термин «незаконное предпринимательство».

Большинство отечественных ученых-юристов (Н. А. Лопашенко, Т. В. Пинкевич и др.) указывают на то, что общественно опасное деяние, представляющее объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ, может быть выражено исключительно в виде противоправных действий, что следует из самой сущности предпринимательской деятельности как самостоятельного вида поведенческой активности правосубъектных лиц, имеющих своей целью извлечение прибыли и действующих в данном направлении.

Однако в научной литературе существует и иная точка зрения, согласно которой незаконная предпринимательская деятельность может являться общественно опасным деянием, которое также может иметь место в форме бездействия. Так, по мнению А. Э. Жалинского, данное противоправное деяние может быть выражено в форме бездействия, когда субъект не выполняет требования, связанного с обязанностью обращения в на-

деленные соответствующими компетенциями государственные органы в целях регистрации либо получения специального разрешения (лицензии), а также для их возобновления или изменения¹. Этой же позиции придерживается и Р. В. Галин [2, с. 6].

По нашему мнению, с подобной точкой зрения полностью согласиться не представляется возможным, поскольку в самом определении предпринимательской деятельности содержится четкое ее понимание как комплекса совершаемых действий. И если лицо уклоняется от лицензирования или регистрации, что соответствует уголовно-правовой характеристике бездействия, то представление в орган, осуществляющий регистрацию документов, содержащих заведомо ложные сведения, возможно только в форме активных действий.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ, выражается в совершении следующих противоправных деяний при осуществлении предпринимательской деятельности:

- 1) отсутствие регистрации в установленном законом порядке;
- 2) нарушение правил о регистрации, установленных законом;
- 3) предоставление в регистрирующий орган документов, содержащих заведомо ложные сведения;
- 4) отсутствие лицензии, когда она обязательна;
- 5) нарушение правил о лицензировании, установленных законом;
- 6) отсутствие аккредитации в национальной системе аккредитации, когда она обязательна;
- 7) отсутствие аккредитации в сфере технического осмотра транспортных средств, когда она обязательна.

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. Ю. И. Скуратова, В. М. Лебедева. М.: ИНФРА-М-НОРМА, 1996. С. 168.

Также следует подчеркнуть, что объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ, требует дальнейшего изучения и более глубокого анализа общественно опасных деяний, которые образуют основной состав противоправных деяний в сфере незаконного предпринимательства.

Далее необходимо отметить, что фактически толкование рассматриваемого состава преступления обусловлено вышеуказанными формальными признаками. Вместе с тем в научном пространстве все же имеют место позиции о наличии признаков рассматриваемого состава в случаях утраты силы записи о государственной регистрации юридического лица и (или) физического лица, ранее зарегистрированного в статусе индивидуального предпринимателя, но при дальнейшем осуществлении со стороны последних предпринимательской деятельности. Однако, учитывая положения норм действующего законодательства, а также их практическую реализацию, сама государственная регистрация утрачивает силу ранее, нежели вносится об этом запись в Единый государственный реестр. Исходя из этого, на наш взгляд, осуществление предпринимательской деятельности без регистрации не может иметь выражение исключительно в отсутствии записи в конкретном государственном реестре.

В теории уголовного права существует точка зрения относительно невозможности привлечения лица к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ, в случаях когда лицом осуществляется предпринимательская деятельность, при отсутствии записи о регистрации в соответствующем государственном реестре по причине невнесения ее со стороны уполномоченного органа до окончания сроков, ввиду определенных обстоятельств, не имеющих отношения к лицу, осуществляющему предприниматель-

скую деятельность. Как нам представляется, в данной ситуации отсутствует формальный признак государственной регистрации, который является связующим звеном по возникновению права на осуществление предпринимательской деятельности.

К разновидностям общественно опасных деяний, составляющих объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ, относится осуществление предпринимательской деятельности при отсутствии лицензии, когда она обязательна, либо же с нарушением лицензионных требований и условий.

Определение лицензии законодательно закреплено в ст. 3 Федерального закона от 04.05.2011 г. № 99-ФЗ, согласно которому последняя представляет собой специальное разрешение, выданное лицензирующими органами в адрес юридического или физического лица, зарегистрированного в статусе индивидуального предпринимателя, на осуществление конкретного вида деятельности, которое имеет подтверждение, выраженное в записи, внесенной в реестр лицензий¹. Таким образом лицензию следует рассматривать в качестве одного из важнейших условия специальной дееспособности субъектов предпринимательской деятельности. Соответственно осуществление предпринимательства субъектом, не имеющим требуемой лицензии, либо обладание лицензией, полученной с нарушением установленных требований, представляет собой видовую форму противоправной (в ряде случаев – преступной) деятельности, с исходящими из этого юридически значимыми последствиями в виде юридической ответственности виновных субъектов.

Осуществление предпринимательской деятельности с нарушением правил лицензирования представляет со-

¹ О лицензировании отдельных видов деятельности: федер. закон от 04.05.2011. № 99-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // СПС КонсультантПлюс

бой самостоятельный состав преступления, выражающийся в совершении следующих противоправных действий:

- 1) субъект предпринимательской деятельности осуществляет лицензируемый вид деятельности, не обращаясь в государственный орган, осуществляющий лицензирование;
- 2) субъект предпринимательской деятельности осуществляет лицензируемый вид деятельности после подачи обращения в государственный орган для получения специального разрешения, но фактически до момента получения последнего, либо же после получения отказа в предоставлении лицензии;
- 3) субъект предпринимательской деятельности осуществляет лицензируемый вид деятельности после приостановления действия лицензии со стороны государственного органа, либо ее аннулирования.

Среди ученых имеют место разные подходы относительно необходимого разделения незаконного предпринимательства на те или иные самостоятельные составы, объективная сторона которых будет закреплена в разновидностях допущенных нарушений. Иными словами, в том случае, когда речь идет о правилах регистрации, лицензирования и аккредитации. Как нам представляется, данная точка зрения является не совсем верной. Федеральным законом от 04.05.2011 года № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» установлено, что лицензия может быть выдана исключительно в адрес юридического или физического лица, зарегистрированного в статусе индивидуального предпринимателя, что напрямую подразумевает факт осуществления регистрации и соответствующую запись об этом в государственном реестре. Однако в вынесенных судами решениях зачастую имеется указание на совокупность вышеуказанных форм незаконного предпринимательства.

К следующим разновидностям общественно опасных деяний, составляющих объективную сторону состава преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ, относится:

1) осуществление предпринимательской деятельности в условиях отсутствия аккредитации в национальной системе аккредитации, когда она обязательна; 2) осуществление предпринимательской деятельности в условиях отсутствия аккредитации в сфере технического осмотра транспортных средств, когда она обязательна.

По нашему мнению, говорить о наличии состава преступления следует только в том случае, если лицо не исполнило обязанность получения аккредитации в соответствии с ч. 1 ст. 1 и ст. 2 Федерального закона от 28.12.2013 г. № 412-ФЗ «Об аккредитации в национальной системе аккредитации». Что касается отсутствия у лица аккредитации в сфере технического осмотра транспортных средств, то в качестве специальных субъектов в данной области следует рассматривать операторов технических осмотров, деятельность которых урегулирована Федеральным законом от 01.07.2011 № 170-ФЗ «О техническом осмотре транспортных средств и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ».

Также следует акцентировать внимание на направлении реформирования законодательства в области лицензирования, выраженного в учреждении саморегулируемых организаций, членство в которых является обязательным в определённых случаях, в частности это касается арбитражных управляющих, осуществлении аудиторской, строительной и иной деятельности. Применительно к выделенным отраслям констатируется фактическое изменение перечня лицензируемых видов деятельности посредством включения части из них в перечень видов, в рамках осуществления которых не требуется специальное разрешение, но является обязательным член-

ство в саморегулируемых организациях. В этом случае представляется возможным рассмотреть вышеуказанное членство в качестве аналога специального разрешения, которым является лицензия. По нашему мнению, следует осуществить уточнение редакции изложения диспозиции рассматриваемого состава преступления, включив в ее содержание, в том числе и деяние, связанное с отсутствием членства в саморегулируемых организациях, в случаях когда это предусмотрено законодательством.

Состав преступления, предусмотренный ст. 171 УК РФ, по конструкции является материальным. Преступление признается оконченным после причинения крупного ущерба, являющегося следствием незаконной предпринимательской деятельности. Наличие такого признака объективной стороны, как общественно опасное последствие, обязывает правоприменителя устанавливать и причинную связь между ним и фактом совершенного вредоносного деяния. На наш взгляд, возможность установления такой связи между всеми формами незаконного предпринимательства и последствием установленным законодателем вызывает определенные сомнения. Так, если лицо осуществляет предпринимательскую деятельность без лицензии либо с нарушением лицензионных требований и условий, например при производстве лекарственных средств или в сфере образования, возможность наступления общественно опасных последствий максимально возможна. С другой стороны, причинение ущерба при осуществлении деятельности без регистрации само по себе не является необходимым условием его наступления. Также при установлении причинной связи необходимо учитывать не только объективную сторону, но и субъективные признаки, ущерб может быть причинен вследствие непрофессионализма лица или халатного отношения к исполнению своих обязательств.

При этом следует отметить, что на законодательном уровне и в материалах судебной практики не определены характеристики ущерба от незаконного предпринимательства. В науке уголовного права существуют различные точки зрения определения ущерба. Законодательная неопределенность данного оценочного критерия дает авторам возможность понимать его и как материальный ущерб, и как упущенную выгоду.

Отсутствие конкретизации применительно к общественно опасным последствиям в виде крупного ущерба позволило В. И. Тюнину утверждать, что «конструкции уголовно-правовых норм, содержащих оценочные понятия вреда, причиненного преступлением, вызывают сложности при их применении» [10, с. 172]. Особую значимость данное обстоятельство приобретает на второй стадии правоприменительного процесса, а именно при осуществлении юридической квалификации фактического состава совершенного преступного деяния. Для того чтобы минимизировать влияние на объективное рассмотрение уголовного дела возникающих сложностей, связанных с определением критерия крупного ущерба, по мнению ученого, «следует изменить редакцию некоторых статей раздела VIII УК РФ. Акцент при конструировании уголовно-правовых норм должен быть сделан на иных криминально значимых признаках деяния» [10, с. 172]. Такого же мнения придерживается М. Г. Жилкин, считающий необходимым исключение признака причинения крупного ущерба из числа составообразующих в ряде преступлений, предусмотренных гл. 22 УК РФ¹. В частности, на существующие проблемы установления причинной связи между незаконной предпринимательской деятельностью и последствиями в виде крупного

¹ Жилкин М. Г. Дифференциация уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской деятельности: проблемы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. С. 357.

ущерб, нами ранее уже обращалось внимание. Также на желательность содержательной корректировки ряда статей, содержащихся в гл. 22 УК РФ, указывали и другие авторы, такие как Н. А. Лопашенко [7, с. 28], Д. А. Кругликова [9, с. 359], Л. Л. Кругликов, В. Ф. Лапшин [3, с. 77] и др.

Анализ статистических данных Судебного департамента при Верховном суде России позволяет выявить определенные тенденции в динамике судопроизводства по рассматриваемой видовой группе уголовных дел. В 2021 г. количество лиц, в отношении которых был вынесен обвинительный приговор по ст. 171 УК РФ, составило 166 чел., в 2022 г. – 144, а в 2023 – 146 человек. При этом такой важный признак, как причинение крупного ущерба гражданам, организациям или государству, в судебных решениях учитывался в единичных случаях.

Изменения, внесенные Федеральным законом 06.04.2024 № 79-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», привели к частичной декриминализации некоторых уголовно-правовых норм гл. 22 УК РФ путем повышения крупного размера, ущерба, дохода либо задолженности до 3,5 млн р., а особо крупного – до 13,5 млн р., указанного в примечании к ст. 170.2 УК РФ. Данные изменения, по мнению законодателя, должны улучшить деловой климат, учитывая всевозрастающее количество вводимых против РФ санкций, и в перспективе исключить возможность необоснованного привлечения к уголовной ответственности представителей бизнеса. Но приведенная выше аналитическая статистика, вкупе с непрерывно возрастающим размером «серой» экономики, свидетельствуют как раз о недостаточной степени эффективности правоприменительной деятельности правоохранительных органов в сфере профилактики и противодействия

преступлениям, связанным с осуществлением предпринимательской деятельности. Также вызывает недоумение ничем не обоснованное и не учитывающее сложившуюся судебную практику решение законодателя об исключении из содержания ст. 171 УК РФ такого значимого криминообразующего признака, как извлечение дохода в крупном (особо крупном) размере.

Вместе с тем, несмотря на неоднозначность толкования вышеназванного признака в научной литературе и значительные сложности, связанные с его вменением и доказыванием, отказ от его применения на практике может привести к фактической декриминализации рассматриваемого вида преступной деятельности и, как следствие, обусловит невозможность привлечения к уголовной ответственности целого ряда лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность с нарушением законодательных требований. Данное обстоятельство может стать одним из факторов, обуславливающих распространение теневого сектора экономики и представляющих реальную угрозу экономической безопасности государства и общества.

Заключение

Подводя итог и обобщая вышесказанное, следует сделать вывод о том, что только четко сформулированное законодателем понятие крупного ущерба станет эффективным средством противодействия со стороны государственных органов на нарушения уголовного законодательства в сфере предпринимательской деятельности. Проведенное уголовно-правовое исследование по установлению и аналитической характеристике эффективных признаков незаконного предпринимательства свидетельствует о том, что рассматриваемые проблемы требуют дальнейшего комплексного изучения с пози-

ций настоящего времени как в теории, так и на практике в современных условиях формирования эффективного механизма профилактики и противодействия преступности в сфере экономики.

Список литературы

1. Волженкин Б. В. Экономические преступления: монография. – СПб.: Юридический центр Пресс, 1999. – 299 с.
2. Галин Р. В., Корецкий В. П. К вопросу о специфике уголовной ответственности за незаконное предпринимательство // Постулат. – 2018. – № 3 (29). – Ст. 6.
3. Кругликов Л. Л., Лапшин В. Ф. Экономические и финансовые преступления: необходимость дифференцированного подхода к определению сущности // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники). – 2021. – № 10. – С. 76–83.
4. Лапшин В. Ф. Финансовые преступления в структуре экономических уголовно наказуемых посягательств // Вестник института. Научно-практический журнал Вологодского института права и экономики ФСИН. Преступление. Наказание. Исправление. – 2011. – № 4. – С. 9–13.
5. Лопашенко Н. А. Вопросы квалификации преступлений в сфере экономической деятельности. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1997. – 183с.
6. Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономической деятельности. – Ростов н/Д: Феникс, 1999. – 382 с.
7. Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономической деятельности: о руинах уголовного закона // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2018. – № 2. – С. 27–35.
8. Пинкевич Т. В. Уголовная ответственность за преступления в сфере экономической деятельности. – Ставрополь, 1999. – 262 с.
9. Подройкина И. А., Кругликова Д. А. Вопросы целесообразности введения новых составов в российское уголовное законодательство // Бизнес. Образование. Право. – 2019. – № 1 (46). – С. 358–362.
10. Тюнин В. И. К вопросу о материальных последствиях преступлений в сфере экономики // Правоведение. – 1996. – № 1. – С. 172.

References

1. Volzhenkin, B. V. (1999) *Ekonomicheskie prestupleniya* [Economic crimes]. Saint Petersburg: YUridicheskij centr Press. (In Russian).
2. Galin, R. V., Koreckij, V. P. (2018) K voprosu o specifike ugovnoj otvetstvennosti za nezakonnoe predprinimatel'stvo [On the issue of the specifics of criminal liability for illegal entrepreneurship]. *Postulat – The postulate*. No. 3 (29). P. 6. (In Russian).
3. Kruglikov, L. L., Lapshin, V. F. (2021) *Ekonomicheskie i finansovyie prestupleniya: neobkhodimost' differencirovannogo podhoda k opredeleniyu sushchnosti* [Economic and financial crimes: the need for a differentiated approach to the definition of the essence]. *Aktual'nye problemy ugovnogo prava na sovremennom etape (voprosy differenciacii otvetstvennosti i zakonodatel'noj tekhniki)* – Current problems of criminal law at the present stage (issues of differentiation of responsibility and legislative technique). No. 10. Pp. 76–83. (In Russian).

4. Lapshin, V. F. (2011) Finansovye prestupleniya v strukture ekonomicheskikh ugovorno nakazuemykh posyagatel'stv [Financial crimes in the structure of economic criminal offenses]. *Vestnik instituta. Nauchno-prakticheskij zhurnal Vologodskogo instituta prava i ekonomiki FSIN. Prestuplenie. Nakazanie. Ispravlenie – Scientific and Practical Journal of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service. Crime. Punishment. Correction*. No. 4. Pp. 9–13. (In Russian).
5. Lopashenko, N. A. (1997) *Voprosy kvalifikacii prestuplenij v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti* [Issues of qualification of crimes in the sphere of economic activity]. Saratov: Saratov University Press. (In Russian).
6. Lopashenko, N. A. (1999) *Prestupleniya v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti* [Crimes in the sphere of economic activity] Rostov-on-Don: Phoenix. (In Russian).
7. Lopashenko, N. A. (2018) Prestupleniya v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti: o ruinah ugovornogo zakona [Crimes in the sphere of economic activity: about the ruins of the criminal law]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika – The laws of Russia: experience, analysis, practice*. No. 2. Pp. 27–35. (In Russian).
8. Pinkevich, T. V. (1999) *Ugolovnaya otvetstvennost' za prestupleniya v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti* [Criminal liability for crimes in the field of economic activity]. Stavropol. (In Russian).
9. Podrojkina, I. A., Kruglikova, D. A. (2019) Voprosy celesoobraznosti vvedeniya novyh sostavov v rossijskoe ugovolnoe zakonodatel'stvo [Questions of the expediency of introducing new compounds into Russian criminal legislation]. *Biznes. Obrazovanie. Pravo – Business. Education. Right*. No. 1 (46). Pp. 358–362. (In Russian).
10. Tyunin, V. I. (1996) K voprosu o material'nykh posledstviyah prestuplenij v sfere ekonomiki [On the issue of the material consequences of economic crimes]. *Pravovedenie – Legal studies*. No. 1. P. 172. (In Russian).

Личный вклад соавторов

Personal co-authors contribution
30/40/30 %

Об авторах

Павлов Владимир Григорьевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0003-1282-1850, e-mail: pavlovvladimir45@mail.ru

Аксенов Дмитрий Васильевич, кандидат юридических наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0001-5397-3170; e-mail: dima6022738@gmail.com

Ромашов Роман Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0001-9777-8625, e-mail: romashov_tgp@mail.ru

About the authors

Vladimir G. Pavlov, Dr. Sci. (Law), Full Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0009-0003-1282-1850, e-mail: pavlovvladimir45@mail.ru

Dmitry V. Aksenov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation; ORCID ID: 0000-0001-5397-3170, e-mail: dima6022738@gmail.com

Roman A. Romashov, Dr. Sci. (Law), Full Professor, Honored Scientist Russian Federation, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0001-9777-8625, e-mail: romashov_tgp@mail.ru

*Поступила в редакцию: 16.05.2025
Принята к публикации: 02.06.2025
Опубликована: 30.06.2025*

*Received: 16 May 2025
Accepted: 02 June 2025
Published: 30 June 2025*

Договор займа между физическими лицами: проблемы теории и практики

М. В. Рыбкина

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В настоящей статье рассматривается договор займа между физическими лицами сквозь призму теории и практики. Анализируются ключевые правовые институты и выявляются основные проблемы, стоящие перед участниками таких отношений. Раскрывается понятие договора займа, исследуются его признаки и каузальные особенности, в том числе с учетом доктринальных подходов к толкованию гражданско-правовых норм. Оцениваются сложности доказательства существования займа, спорные вопросы применения процентов и рисков фиктивности, а также особенности судебной практики и налоговых последствий. Формулируются рекомендации по минимизации рисков и совершенствованию правоприменительных механизмов.

Ключевые слова: договор займа, форма договора и порог письменности, каузальный элемент в конструкции договора, форма договора, судебная практика.

Для цитирования: Рыбкина М. В. Договор займа между физическими лицами: проблемы теории и практики // Ленинградский юридический журнал. – 2025. – № 2 (80). – С. 304–329. DOI: 10.35231/18136230_2025_2_304. EDN: JDJFXI

Loan Agreement Between Individuals: Problems of Theory and Practice

Marina V. Rybkina

Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

This article examines loan agreements between individuals from a theoretical and practical perspective. It analyses key legal institutions and identifies the main problems faced by parties to such relationships. It explains the concept of a loan agreement, examines its characteristics and causal features, including doctrinal approaches to the interpretation of civil law norms. The difficulties of proving the existence of a loan, controversial issues of interest application and risks of fictitiousness, as well as the peculiarities of judicial practice and tax consequences are assessed. Recommendations are formulated to minimise risks and improve law enforcement mechanisms.

Key words: loan agreement, form of the agreement, threshold for written form, causal element in the structure of the agreement, judicial practice.

For citation: Rybkina, M. V. (2025) Dogovor zayma mezhdru fizicheskimi litsami: problemy teorii i praktiki [Loan Agreement Between Individuals: Problems of Theory and Practice]. *Leningradskij yuridicheskiy zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 2 (80). Pp. 304–329. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2025_2_304. EDN: JDJFXI

Введение

Начиная анализ договора займа между физическими лицами, важно прежде всего определить его правовую природу и ключевые характеристики. Согласно ст. 807 ГК РФ договор займа – это реальное соглашение, в силу которого займодавец передаёт или обязуется передать в собственность заемщику деньги, вещи, определённые родовыми признаками, или ценные бумаги, а заемщик обязуется вернуть займодавцу такую же сумму денег или равное количество вещей того же рода и качества. Как известно, в отличие от консенсуальных договоров, его заключение и вступление в силу зависят не от достижения соглашения о всех условиях, а от фактической передачи предмета займа.

Особенностью договора займа является его каузальная природа: передача имущества должна исходить из реальной воли сторон и иметь экономическое или социальное основание. Отсутствие действительной «каузы» может свидетельствовать о мнимости или притворности сделки и привести к её признанию недействительной. Такая связь между основанием и обязательством возврата обеспечивает прозрачность правоотношений и снижает риск злоупотреблений со стороны участников.

Предмет займа – это только родовые, а значит, заменимые вещи и ценные бумаги. Заемщик обязан вернуть не идентичные, но эквивалентные предметы, что отличает займ от безвозмездного дарения или договора купли-продажи с передачей конкретно определённых вещей. Форма договора играет не менее важную роль, письменная форма обязательна при сумме займа свыше 10 тыс. р., что помогает упростить доказывание факта и условий сделки в судебных спорах.

Реальный характер договора займа обеспечивает устойчивость обязательств, но требует от сторон чёткого

документального оформления при крупных суммах. Как подчёркивает Е. А. Суханов, кауза является необходимым элементом всякого обязательства, исходящего из договора, особенно в случае займа, где проверка мотивов и целей позволяет отграничить притворную сделку от действительной [13, с. 143]. Во-вторых, причинная связь («кауза») выступает не формальным, а содержательным элементом, гарантирующим добросовестность сделки. Рекомендовано при оформлении займа между физическими лицами чётко прописывать цель, сроки и механизм возврата, а также фиксировать все существенные условия письменно, во избежание споров и рисков признания сделки недействительной.

В договоре займа между физическими лицами каузальный элемент выступает связующим звеном между экономической мотивацией сторон и правовой природой обязательства. Он обозначает реальную причину, ради которой осуществляется передача денежных средств или родовых вещей, и именно через призму каузы суды и доктрина оценивают добросовестность и действительность сделки. Эти и иные аспекты договора займа будут предметом дальнейшего исследования в настоящей работе.

1. Теоретические основы договора займа между физическими лицами

1.1. Определение каузы и её роль в договоре займа

В российском гражданском праве кауза понимается как юридическое основание обязательства, выражающее экономическую или социальную цель, ради которой стороны вступают в договорные отношения. Сторонники каузального подхода подчёркивают, что отсутствие реальной причины передачи имущества может указывать на мнимость или притворность договора

займа, что ведёт к его недействительности. В отличие от абстрактных сделок (например, векселей), договор займа – типичный пример каузального обязательства, где основание является неотъемлемым элементом наряду со сторонами и предметом договора. Так, М. Ю. Тихомиров справедливо указывает, что анализ каузы позволяет суду не просто оценить юридическую форму, но вскрыть подлинную природу правоотношения [14, с. 94], что особенно важно при рассмотрении споров, связанных с оспариванием договоров займа.

1.2. Судебная поддержка и методы толкования

В судебной практике российские суды нередко прибегают к системному и телеологическому методам толкования, чтобы установить наличие реальной каузы договора займа и исключить фиктивные передачи. Так, из практики судов вышестоящих инстанций мы можем видеть, что они зачастую обращают внимание на совокупность доказательств – переписку, свидетельские показания, банковские выписки, что является основанием для подтверждения экономической мотивации сторон.

Таким образом, наличие чётко зафиксированной и подтверждённой каузы существенно снижает риск оспаривания обязательств и признания сделки фиктивной. Как отмечает О. С. Иоффе, юридическое основание договора – это фильтр правомерности его заключения и реализации, и именно кауза позволяет соотнести частные интересы сторон с правопорядком [7, с. 109]. Особенно в условиях цифровизации финансовых отношений значение каузального элемента возрастает: использование электронных сообщений, смарт-контрактов и платформенной идентификации сторон требует дополнительного документального подтверждения правового основания передачи средств.

С. В. Курылев подчёркивает, что в новых реалиях кауза приобретает не только юридическую, но и цифровую репрезентацию – она должна быть зафиксирована в формализованных форматах, пригодных для проверки и хранения в информационной системе [10, с. 157].

В условиях активного внедрения цифровых технологий и автоматизированных систем заключения договоров сохранение принципа каузальности приобретает особое значение, поскольку позволяет предотвратить подмену экономического содержания формально оформленными, но лишёнными реального основания сделками.

2. Проблемы теории

2.1. Спорные вопросы определения предмета

Современная практика выявляет несколько ключевых направлений споров при определении предмета договора займа между физическими лицами: неопределённость в понятии «деньги» и их эквивалентов, неоднозначность квалификации родовых вещей, вопросы включения в предмет займа ценных бумаг и безналичных активов, а также противоречивость правоприменения при цифровизации финансовых отношений. Как подчеркивает Т. Е. Абова, «предметом договора займа могут быть как денежные средства, так и иные вещи, определённые родовыми признаками, однако в условиях развития цифровых технологий и оборота безналичных активов на практике возникают затруднения при отнесении тех или иных объектов к законодательно допустимому предмету займа [2, с. 198]. Это требует от правоприменителя внимательного анализа как правовой природы передаваемого объекта, так и экономического содержания сделки.

В законодательстве под «деньгами» понимаются наличные денежные знаки и безналичные средства, однако современное развитие электронных платёжных систем

и криптовалют создаёт зону правовой тени: понятие «деньги» не охватывает явно электронные валюты или токены, что порождает споры о допустимости передачи их в рамках договора займа. Суды неоднократно сталкиваются с тем, что заемщик заявляет о передаче ему «электронных» средств, представленных, например, в виде электронного кошелька, но без чёткого регламента в ГК РФ такие требования часто остаются без удовлетворения.

В качестве обоснованного вывода представляется необходимым отметить, что для устранения правовой неопределённости и недопущения двойственного толкования предмета договора займа законодателю следует рассмотреть возможность расширения легальной дефиниции «денежные средства», закреплённой в ст. 807 ГК РФ. Уточнение данной нормы посредством включения в её содержание электронных эквивалентов денежных средств, а также цифровых финансовых активов, позволило бы адаптировать правовое регулирование к современным условиям цифровой экономики и обеспечить единообразие правоприменительной практики.

Согласно действующему гражданскому законодательству, предметом договора займа могут выступать исключительно вещи, определённые родовыми признаками, т. е. обладающие свойствами заменимости по количеству, качеству и иным общим характеристикам. Однако в правоприменительной практике, особенно в арбитражных и гражданских спорах, регулярно возникают затруднения при квалификации договора в случаях передачи не денежных средств, а товарных запасов, сырья или материалов. В таких ситуациях суды нередко расходятся во мнениях относительно правовой природы сделки. С учётом указанных разночтений представляется целесообразным в тексте договора чётко и недвусмысленно обозначать родовые признаки передаваемой вещи (включая мас-

су, объём, сорт, стандарт и иные характеристики), а факт передачи оформлять приёмными актами, содержащими подробную спецификацию.

Несмотря на то что гражданское законодательство допускает возможность передачи в заём ценных бумаг, на практике возникают сложности с определением их родовых признаков. В частности, возникает вопрос, можно ли рассматривать акции одной эмиссии или облигации с разными сроками обращения как однородные и взаимозаменяемые объекты. Ещё более сложным является вопрос безналичных денежных средств, которые с правовой точки зрения являются обязательственными правами требования к банку, а не вещами в смысле ст. 128 ГК РФ, что затрудняет их восприятие как родовых объектов займа без дополнительной юридической квалификации [6, с. 72].

В условиях активного распространения безналичных и цифровых форм расчётов представляется необходимым разработать разъяснения со стороны Центрального банка РФ и Минфина России, регламентирующие порядок документального оформления безналичных займов. Такие рекомендации должны включать, в частности, обязательное указание банковских реквизитов, даты и суммы списания и зачисления средств, а также условия возврата, что позволит обеспечить правовую определённость и защиту сторон в таких сделках.

Как подчёркивают А. Ф. Каримов и Н. В. Фирсова, в условиях правовой неопределённости «одним из ключевых факторов стабильности договорных обязательств выступает формализованное и недвусмысленное определение предмета займа, включая его количественные и качественные характеристики» [8, с. 151]. Отсутствие чёткой фиксации условий и предмета сделки, по мнению авторов, напрямую увеличивает риск признания дого-

вора незаключённым или фиктивным. В целях минимизации правовых рисков и снижения вероятности возникновения трактовочных разногласий представляется обоснованным сопровождать заключение и исполнение договора займа надлежащими документальными подтверждениями, фиксирующими волю сторон и условия передачи имущества.

2.2. Форма договора и порог письменности

В российской правовой системе договор займа, заключаемый между физическими лицами, подлежит обязательному соблюдению письменной формы, в случае если сумма займа превышает 10 тыс. р. Оно носит императивный характер и применяется независимо от усмотрения сторон, преследуя цель усиления доказательственной стабильности и правовой определённости при совершении сделок на значительные суммы. Такой подход формирует чёткие ориентиры для участников гражданского оборота, одновременно ограничивая возможности для злоупотреблений и спорной переоценки условий сделки в последующем судебном разбирательстве.

Несоблюдение установленной законом простой письменной формы договора займа не влечёт автоматической недействительности сделки, однако лишает стороны возможности использовать свидетельские показания для подтверждения факта договора и его условий (п. 1 ст. 808 ГК РФ; ст. 162 ГК РФ). Допускаются иные доказательства, такие как расписка, банковские выписки, электронная переписка, которые сохраняют юридическую силу и учитываются судом. Данное регулирование призвано сбалансировать интересы сторон: с одной стороны, оно стимулирует оформлять заем надлежащим образом; с другой – предотвращает злоупотребления, при которых отсутствие письменного договора могло бы позволить

недобросовестной стороне уклоняться от исполнения обязательств. Вместе с тем, как указывает Т. В. Богданова, действующее гражданское законодательство не содержит четкого и полного определения расписки и не раскрывает в полной мере её правовую природу. Этот пробел снижает определённую в вопросе о доказательственной силе расписки и свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования норм о форме займа. Тем не менее на практике наличие правильно оформленной расписки, подписанной заемщиком, обычно признаётся достаточным основанием для подтверждения заключённости договора и его исполнения [3, с. 135].

Анализ судебной практики показывает, что при рассмотрении споров о займах между физическими лицами суды придают повышенное значение соблюдению письменной формы договора, особенно при превышении законодательно установленного порога в 10 тыс. р. В случае отсутствия письменного соглашения суд, руководствуясь положениями ст. 162 и п. 1 ст. 808 ГК РФ, вправе отказать в приёме свидетельских показаний в качестве доказательства факта заключения договора и его условий. Это подчёркивает значимость документального подтверждения сделки даже при наличии иных доказательств. Как отмечает А. В. Поминов, судебная практика исходит из приоритета письменных доказательств и склонна рассматривать показания свидетелей как вспомогательный, а не самостоятельный источник, особенно при наличии сомнений в достоверности сделки [11, с. 34].

Вместе с тем наличие иных письменных доказательств, прежде всего расписки, подписанной заёмщиком, а также банковских документов или переписки, в большинстве случаев признаётся достаточным основанием для квалификации договора как заключённого и подлежащего исполнению. Практика показывает, что даже

единичная расписка, содержащая подписи сторон и указание на сумму займа, существенно облегчает процесс доказывания как факта заключения договора, так и возникновения обязательств по возврату суммы займа и уплате процентов. Как подчёркивает Е. Д. Соколов, расписка, содержащая реквизиты сторон, сумму займа и подпись заёмщика, приобретает статус самостоятельного доказательства существования обязательства [12, с. 57], что делает её ключевым элементом в механизме судебной защиты прав займодавца.

На практике рекомендуется включать в текст договора займа не только обязательные элементы, такие как сумма и сроки возврата, но и дополнительные условия, касающиеся письменного оформления всех действий, связанных с передачей средств. В частности, следует предусматривать указание порядка выдачи займа, даты передачи, способа перечисления (наличными или безналичными средствами), а также других значимых деталей сделки. Такой подход не только повышает юридическую определённость, но и позволяет в случае возникновения спора использовать широкий спектр документальных доказательств, помимо расписки. Это могут быть банковские выписки, платёжные поручения, акты приёма-передачи и иные документы, подтверждающие фактическую передачу займа. Включение этих условий в договор способствует укреплению доказательной базы и минимизации рисков, связанных с оспариванием условий сделки в судебном порядке.

2.3. Толкование гражданско-правовых норм

Толкование гражданско-правовых норм является важнейшим элементом в процессе применения законодательства, особенно при разрешении споров, касающихся договоров займа. В российской юридической доктрине

принято выделять пять основных методов толкования норм права: грамматический, логический, системный, исторический и телеологический. Кроме того, существует более широкое понимание процесса толкования, включающее сравнительно-правовой и специально-юридический подходы. Каждый из этих методов играет ключевую роль в уточнении содержания правовых норм и их адаптации к конкретным жизненным ситуациям, обеспечивая точность и справедливость правоприменительной практики. Как подчёркивает М. К. Абдуллаев, глубокое и последовательное применение различных методов толкования позволяет не только устранить правовую неопределённость, но и выработать устойчивые механизмы регулирования частноправовых отношений, включая займы между гражданами [1, с. 112].

Грамматический (или буквальный) метод основывается на анализе текста нормы: суд стремится выявить общепотребительное значение слов и выражений с учётом контекста договора, что позволяет минимизировать субъективность при толковании. Логический метод дополняет грамматический, устанавливая смысл нормы через соотношение положений гражданского кодекса, принципов права и общей системы правовых норм, что даёт возможность устранить противоречия в правовой регламентации.

Системный подход требует учитывать место и роль нормы в структуре гражданского законодательства в целом: при возникновении коллизий суд проверяет, как правило толкуемой нормы согласуется с другими нормами того же уровня и закреплёнными принципами гражданского права. Исторический метод предполагает обращение к законодательной истории – мотивировочным материалам и протоколам обсуждения законопроекта, что помогает понять замысел законодателя и устранить неясности в применении нормы.

Телеологическое (целевое) толкование ориентировано на установление целей и задач, которые преследовал законодатель, и часто применяется для адаптации устаревших норм к современным реалиям, например при рассмотрении споров о цифровых займах. Сравнительно-правовой метод, хотя и менее распространён, позволяет обогатить понимание национального права путём анализа аналогичных институтов в зарубежных законодательствах, что особенно важно при отсутствии чётких норм о новом предмете займа, например криптоактивах.

Судебная практика свидетельствует о том, что комплексное применение методов снижает риск признания договора фиктивным и повышает предсказуемость решений, поскольку позволяет учитывать как формальные, так и содержательные элементы сделки. Как справедливо отмечает М. И. Брагинский, разнообразие методов толкования способствует не только более полному раскрытию смысла нормы, но и её адаптации к конкретной ситуации, включая отношения, возникающие из договоров займа [4, с. 295].

На основе вышеизложенного можно сформулировать несколько ключевых выводов. Во-первых, эффективное толкование гражданско-правовых норм требует сбалансированного применения всех методов толкования, а не выделения одного из них в качестве приоритетного. Во-вторых, при анализе договоров займа особую роль играет телеологический подход, который позволяет соотнести экономические реалии и практику с буквой закона, тем самым обеспечивая правовую гибкость и соответствие современных экономических отношений юридическим нормам. Как отмечает А. И. Хабилов, практическое применение телеологического подхода к толкованию норм гражданского права способствует выработке более точных правовых позиций, что крайне

важно для обеспечения стабильности правоприменения [15, с. 135]. В-третьих, с целью унификации правоприменительной практики представляется целесообразным разработать методические рекомендации по применению различных методов толкования в сфере потребительских и частных займов.

3. Проблемы практики

3.1. Доказательство факта заключения и передачи

Одним из ключевых элементов успешного взыскания по договору займа между физическими лицами является доказательство факта заключения соглашения и передачи средств. В соответствии с ГК РФ, займ считается заключённым с момента фактической передачи денег или вещей. Однако на практике именно установление точного момента передачи средств или имущества является одной из наиболее спорных тем. Разногласия могут возникать по поводу как самого факта передачи, так и условий, при которых она была осуществлена. Как отмечает Я. Л. Галин, важность документального оформления факта и условий передачи средств для предотвращения спорных ситуаций трудно переоценить, поскольку именно эта информация является ключом к решению большинства споров в судебной практике [5, с. 368].

Во-первых, подлинность договора займа чаще всего подтверждается письменным документом, таким как расписка или сам текст договора. В случае с распиской важно, чтобы в ней содержались чёткие данные о сумме займа, дате передачи средств и условиях их возврата. Отсутствие расписки не лишает заимодавца возможности доказать факт заключения сделки, но значительно усложняет этот процесс. Суды, как правило, не принимают свидетельские показания в качестве подтверждения устных договорённостей, если сумма займа превышает 10 тыс.

р., что также подчёркивает важность письменной формы. Однако стоит отметить, что даже в отсутствии письменного договора и расписки, суд может признать сделку действительной при наличии так называемых «долговых документов» – это могут быть письменно оформленные сообщения, переписка в мессенджерах или банковские выписки, фиксирующие факт перевода средств.

Во-вторых, доказательственная база в делах по займам всегда строится на совокупности различных документов и фактических обстоятельств. Наибольшее значение имеют банковские поручения и квитанции, так как они объективно подтверждают факт списания и зачисления денежных средств на счёт заемщика или демонстрируют наличие наличных средств у займодавца в момент передачи. В случае передачи наличных денежных средств важно, чтобы стороны документально зафиксировали факт передачи, а также чтобы процесс сопровождался свидетельскими показаниями.

Третьим ключевым аспектом является необходимость подтверждения финансовой возможности займодавца передать указанную в договоре сумму. Отсутствие надлежащих доказательств финансовых возможностей займодавца может привести к сомнениям в подлинности факта передачи денег и, как следствие, к признанию договора незаключённым. Важно отметить, что для подтверждения финансовой состоятельности сторон суд может запросить различные документы, такие как банковские выписки, налоговые декларации или другие финансовые отчёты, которые могут подтвердить наличие средств для выполнения обязательств по договору займа.

Наконец, цифровизация финансовых отношений предъявляет новые требования к доказательствам в делах по договорам займа. В современных реалиях электронные переписки, скриншоты переводов и логи

мессенджеров становятся важными дополнительными «долговыми документами», которые могут служить подтверждением факта передачи средств и условий займа. В связи с этим при использовании электронных доказательств суды могут запросить техническую экспертизу для оценки их подлинности, что обеспечит правовую определённость и исключит риск использования фальсифицированных данных в процессе рассмотрения дела.

3.2. Процентные ставки и защита от злоупотреблений

В ст. 809 ГК РФ закреплено, что договор займа по умолчанию считается беспроцентным, если иное прямо не оговорено, а для займов между гражданами на сумму до 100 тыс. р. стороны вправе не указывать процентную ставку. При этом закон прямо предусматривает право займодавца на получение процентов, если они согласованы, и одновременно ограничивает «ростовщические» ставки – те, что вдвое и более превышают обычно взимаемые в подобных случаях, могут быть снижены судом до разумного уровня. Таким образом, абстрактная свобода договора уравнивается механизмом судебной корректировки, призванным предотвращать неосновательное обогащение и эксплуатацию заемщика.

Суды внимательно оценивают сочетаемость установленной ставки с принципами добросовестности и деловых обычаев. Так, по гражданскому делу Нагатинского районного суда Москвы требование взыскать 832 % годовых было полностью отклонено: суд признал процент явно обременительным, нарушающим баланс прав и обязанностей и противоречащим ст. 10, 421 и 423 ГК РФ. Верховный суд РФ подтвердил, что свобода договора не освобождает суд от обязанности проверять разумность условий: «Условия договора займа не должны быть явно обременительными для заемщика».

Нормы о процентах тесно связаны с правилами о неосновательном обогащении (ст. 395 и 1107 ГК РФ): если условие о процентах отсутствует, к сумме займа применяются проценты по ставке рефинансирования ЦБ РФ, но при завышении размера проценты также подлежат снижению до разумного уровня. Такая связка норм гарантирует отсутствие «двойного» обременения заемщика и позволяет суду, рассматривая споры, сопоставлять фактические условия договора с объективными рыночными ставками.

3.3. Риски фиктивности и налоговые последствия

Риски фиктивности договоров займа между физическими лицами непосредственно сопряжены с возможностью признания такой сделки мнимой или притворной, что влечёт за собой значительные налоговые последствия. В случае если налоговые органы или суд установят, что договор займа был заключён исключительно формально – с целью прикрытия иных гражданско-правовых операций, сокрытия реальных источников дохода либо ухода от налогообложения, это может привести к серьёзным санкциям. В частности, налогоплательщику может быть отказано в праве на учёт соответствующих расходов или налоговых вычетов, а также произведено доначисление налога на доходы физических лиц (НДФЛ) и иных обязательных платежей. Как отмечает В. А. Кондратьев, при заключении договора необходимо учитывать не только волю сторон, но и последствия правового оформления, поскольку формальное соблюдение внешних признаков сделки не всегда подтверждает её реальное содержание [9, с. 20].

В первую очередь при проверке реальности займа налоговые органы опираются на совокупность доказательств: банковские выписки, акты приёма-передачи,

переписку сторон и свидетельские показания. Отсутствие объективных подтверждений передачи средств уже само по себе повышает риск квалификации сделки как фиктивной, что приводит к доначислению НДСФЛ по ставке 13 % на всю «переданную» сумму.

Налоговая практика также обращает внимание на беспроцентные займы, когда отсутствие процентов используется как способ ухода от налогообложения: налоговики могут признать материальную выгоду, полученную заемщиком, доходом и обложить её НДСФЛ по повышенной ставке – до 35 % при формальном несоблюдении условий льготного займа. Аналогичным образом фиктивные возвраты займа векселями третьих лиц или через цепочку взаимосвязанных операций приводят к доначислению НДСФЛ и страховых взносов, поскольку такие схемы расцениваются как намеренное искажение учёта.

В целях минимизации рисков признания договора займа фиктивным, а также снижения вероятности применения налоговых санкций, представляется обоснованным соблюдение ряда превентивных мер, направленных на обеспечение прозрачности и документальной достоверности сделки. Прежде всего договор займа между физическими лицами, особенно при значительных суммах, должен сопровождаться надлежащим оформлением, включающим как сам договор, так и дополнительные документы: расписку, акт приёма-передачи, иные подтверждения, позволяющие установить не только сумму, но и условия, сроки возврата, а также форму исполнения обязательств.

3.4. Судебная практика: ключевые выводы

Анализ судебной практики, складывающейся по спорам, исходящим из договоров займа между физическими лицами, позволяет констатировать устойчивую

тенденцию к приоритетной оценке судами фактической передачи денежных средств и достаточности доказательственной базы, подтверждающей как сам факт заключения договора, так и его исполнение. Эта направленность прослеживается как в решениях судов первой и апелляционной инстанций, так и в правовых позициях, сформулированных Верховным судом Российской Федерации. Подобный подход способствует укреплению единообразия правоприменения, а также снижает уровень правовой неопределённости, особенно в ситуациях, когда договор не оформлен в едином документе, а стороны опираются на совокупность косвенных доказательств, таких как расписки, банковские переводы, электронная переписка или иные долговые документы. В условиях возросшего числа потребительских и неформальных займов между гражданами такое направление судебной практики можно считать важным элементом защиты добросовестных участников оборота и стабилизации правовых отношений в частной сфере.

Нижестоящие суды многократно подчёркивали, что доказательствами заключения договора и передачи денег являются не только расписки и текстовые документы, но и банковские выписки, переписка в мессенджерах и свидетельские показания. Причем отказ в принятии тех или иных доказательств обычно оправдан строгим соблюдением формальных требований (расписка, подпись). Практика кассационных судов указывает, что отсутствие у займодавца необходимых средств на момент заключения не влияет на само заключение договора, если иные документы подтверждают факт передачи.

Апелляционные инстанции, рассматривая споры по договорам займа между физическими лицами, акцентируют внимание не только на формальных признаках сделки, но и на её содержательной стороне,

в частности на каузальном элементе. При возникновении споров о цели и характере передачи средств суды прибегают к анализу мотивации сторон, их поведения до и после заключения договора, а также к оценке условий самой сделки в совокупности с фактическими обстоятельствами. Так, в деле № 5-КП 8-189, рассматривавшемся Симоновским районным судом Москвы, особое внимание было уделено именно выяснению причин передачи средств, что позволило судам апелляционной и кассационной инстанций подчеркнуть необходимость всестороннего анализа доказательств, включая изучение переписки, сведений о финансовом положении сторон и характера их взаимоотношений.

Наряду с этим экономические коллегии Верховного суда Российской Федерации неоднократно указывали, что соблюдение письменной формы договора займа, а тем более его нотариальное удостоверение, формирует презумпцию действительности сделки. Однако такая презумпция не является абсолютной, она может быть опровергнута лишь при наличии противоречий в представленных доказательствах или при установлении неполноты сведений, касающихся ключевых условий займа. Таким образом, подход высших судебных инстанций демонстрирует стремление к балансу между формальной определённой и фактической добросовестностью, обеспечивая необходимую гибкость при разрешении споров и снижая риски признания действительных сделок мнимыми или притворными исключительно по процессуальным основаниям.

В обзоре судебной практики Верховного суда Российской Федерации № 1 за 2024 г. (в ред. от 27.11.2024), а также в ранее принятом обзоре № 3 за 2015 г. (в ред. от 28.03.2018) последовательно подтверждается правовая позиция, согласно которой обязанность доказы-

вания факта передачи денежных средств по договору займа лежит на займодавце лишь в том случае, если заемщик прямо оспаривает получение соответствующей суммы. При этом, как подчеркивается Верховным судом РФ, в отсутствие «долговых документов» – расписок, актов приёма-передачи, банковских подтверждений – именно заемщик несёт бремя опровержения утверждений займодавца о передаче денег.

Особое внимание суд уделяет анализу фактических обстоятельств сделки. Если заемщик заявляет о том, что денежные средства не получал, суд не ограничивается лишь формальной стороной договора. Он обязан сопоставить содержание документа с поведением сторон, в том числе изучить переписку, банковские выписки, обстоятельства подписания и исполнения условий займа. Такая позиция направлена на обеспечение объективности и исключение формального подхода, при котором отказ заемщика от получения суммы автоматически влечёт признание сделки незаключённой. Верховный суд, напротив, требует всестороннего анализа доказательств и разумной оценки добросовестности обеих сторон, что укрепляет судебную практику в части защиты подлинных экономических отношений и препятствует злоупотреблению формальными доводами.

Таким образом, анализ актуальной судебной практики позволяет сформулировать ряд устойчивых правовых позиций, которые в совокупности формируют предсказуемый и единообразный подход к рассмотрению споров, касающихся договоров займа между физическими лицами. Прежде всего признание договора заключённым требует не только соблюдения формальных требований, таких как письменная форма при сумме займа свыше 10 тыс. р. и наличие расписки, но и подтверждения факта передачи средств или вещей посредством

объективных доказательств, включая банковские выписки, электронную переписку, акты приёма-передачи и иные документы. Это отражает общий вектор судебной практики на комплексную оценку как правовой, так и фактической составляющей сделки.

В то же время отсутствие достаточных средств у займодавца на момент заключения договора не может само по себе служить основанием для признания договора незаключённым, если иные доказательства подтверждают передачу займа. Подобный подход направлен на баланс интересов сторон и недопущение формального отрицания обязательства в случае выполнения его экономического содержания.

Отдельное значение придаётся детальному документированию цели и условий возврата займа: судебные органы рассматривают такие уточнения как признак добросовестности сторон и как средство защиты от произвольной переквалификации сделки. Подобные позиции прямо поддерживаются Верховным судом Российской Федерации, который в своих разъяснениях неоднократно указывал на необходимость учитывать весь комплекс обстоятельств при квалификации договоров займа, отвергая практику механического отказа в защите прав на основании технических недочётов. Всё это способствует повышению юридической определённости, укреплению доверия к гражданским правоотношениям и устойчивому развитию института частного займа в российском правовом порядке.

Заключение

Современное развитие гражданско-правового оборота свидетельствует о том, что договор займа между физическими лицами продолжает эволюционировать, отражая тенденции цифровизации, усиления правового контроля

и потребности в единообразии судебной практики. Под влиянием быстроменяющейся финансовой среды и усложняющихся схем взаимодействия между сторонами, данная форма обязательства приобретает всё более комплексный характер, требующий как надлежащего документирования, так и нормативной адаптации.

Уже сегодня наблюдается активное обсуждение законодательных инициатив, направленных на усиление правовых гарантий при заключении и исполнении договоров займа. Так, предлагаемые изменения, связанные с расширением возможности использовать ипотечный залог недвижимости для обеспечения обязательств по частным займам, направлены на повышение финансовой дисциплины заёмщиков и снижение рисков непогашения долгов. Такая практика может стать особенно востребованной в условиях распространения крупных займов между физическими лицами, выходящих за рамки бытовых и потребительских нужд.

Одновременно растёт значимость электронных доказательств: скан-копии расписок, логи платёжных приложений, переписка в мессенджерах, подтверждающая согласование условий займа, и даже аудиозаписи переговоров всё чаще становятся допустимыми и достаточными доказательствами в судебных разбирательствах. Судебная практика движется в сторону признания этих материалов как равнозначных традиционным письменным документам, что, в свою очередь, создаёт предпосылки для систематизации и внедрения цифровых форм договоров через электронные платформы, юридически значимые шаблоны и автоматизированные реестры частных займов.

В целом можно утверждать, что в ближайшей перспективе институт займа между физическими лицами будет не только сохранять свою актуальность, но и рас-

ширяться с учётом цифровой трансформации правовой среды. Это потребует от законодателя и правоприменителя повышенного внимания к новым формам фиксации воли сторон, баланса между формальностью и реальностью сделки, а также адекватных механизмов защиты интересов как займодавцев, так и заёмщиков в условиях цифровой экономики.

Список литературы

1. Абдуллаев М. К. Договор займа в гражданском праве России: теория и практика правового регулирования. – М., 2015. – 112 с.
2. Абова Т. Е. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй (постатейный). – М.: Юрайт, 2023. – 198 с.
3. Богданова Т. В. Правовое регулирование договора займа // Проблемы экономики и юридической практики. – 2020. – № 3. – С. 134–138.
4. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право: Договоры о займе, банковском кредите и факторинге. Договоры, направленные на создание коллективных образований. – М.: Статут, 2011. – 295 с.
5. Галин Я. Л. Договоры займа и кредита: монография. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2012. – 368 с.
6. Грицай Н. В. Добровольные и вынужденные заемные обязательства и их правовая природа // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. – 2007. – № 1. – С. 69–77.
7. Иоффе О. С. Проблемы современного гражданского права. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 109 с.
8. Каримов А. Ф., Фирсова Н. В. Договор займа: некоторые проблемы правового регулирования // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – № 3–2 (42). – С. 149–152.
9. Кондратьев В. А. Заключение договора // Российское правосудие. – 2016. – № 1(117). – С. 18–25.
10. Курылев С. В. Доказывание и его место в процессе судебного познания (в аспекте гражданско-процессуального права) // Труды. Серия юридическая / Иркутский государственный университет. – Иркутск, 1955. – Т. 13. – С. 37–67.
11. Поминов А. В. Договор займа: правила предоставления займа и судебная защита займодавца. – М., 2018. – 34 с.
12. Соколов Е. Д. Договор займа: заключение, исполнение, взыскание долга. – М., 2021. – 57 с.
13. Суханов Е. А. Гражданское право: в 4 т. Т. 3: Обязательственное право. – М.: Статут, 2016. – 143 с.
14. Тихомиров М. Ю. Правовое регулирование: теория и практика. – М.: Проспект, 2012. – 94 с.
15. Хабиров А. И. История и современное правовое регулирование договора займа в Российской Федерации: монография. – М.: Проспект, 2020. – 135 с.

References

1. Abdullaev, M. K. (2015) *Dogovor zaima v grazhdanskom prave Rossii: teoriya i praktika pravovogo regulirovaniya* [Loan Agreement in the Civil Law of Russia: Theory and Practice of Legal Regulation]. Moscow. (In Russian).
2. Abova, T. E. (2023) *Kommentariy k Grazhdanskomu kodeksu RF, chasti vtoroy (postateynnyy)* [Commentary on the Civil Code of the Russian Federation, Part Two (Article-by-Article)]. Moscow: Yurayt. (In Russian).
3. Bogdanova, T. V. (2020) *Pravovoe regulirovanie dogovora zaima* [Legal Regulation of the Loan Agreement]. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki – Problems of economics and legal practice*. No. 3. Pp. 134–138. (In Russian).
4. Braginskiy, M. I., Vitryanskiy, V. V. (2011) *Dogovornoe pravo: Dogovory o zaime, bankovskom kredite i faktoringe. Dogovory, napravlenkiye na sozdanie kolektivnykh obrazovaniy* [Contract Law: Loan, Bank Credit and Factoring Contracts. Contracts Aimed at Creating Collective Entities]. Moscow: Statut. (In Russian).
5. Galin, Ya. L. (2012) *Dogovory zaima i kredita: monografiya* [Loan and Credit Agreements: Monograph]. St. Petersburg: Yuridicheskiy Tsentr Press. (In Russian).
6. Gritsay, N. V. (2007) *Dobrovolnye i vynyuzhdennye zaemnye obyazatel'stva i ikh pravovaya priroda* [Voluntary and Forced Loan Obligations and Their Legal Nature]. *Vestnik Samarskoy Gumanitarnoy Akademii. Seriya: Pravo – Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series: Law*. No. 1. Pp. 69–77. (In Russian).
7. Ioffe, O. S. (2004) *Problemy sovremennogo grazhdanskogo prava* [Problems of Modern Civil Law]. St. Petersburg: Yuridicheskiy Tsentr Press. (In Russian).
8. Karimov, A. F., Firsova, N. V. (2020) *Dogovor zaima: nekotorye problemy pravovogo regulirovaniya* [Loan Agreement: Some Problems of Legal Regulation]. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk – International Journal of Humanities and Natural Sciences*. No. 3–2 (42). Pp. 149–152. (In Russian).
9. Kondratyev, V. A. (2016) *Zaklyuchenie dogovora* [Contract Conclusion]. *Rossiyskoye pravosudiye – Russian Justice*. No. 1 (117). Pp. 18–25. (In Russian).
10. Kurylev, S. V. (1955) *Dokazyvanie i ego mesto v protsesse sudebnogo poznaniya (v aspekte grazhdansko-protsessual'nogo prava)* [Evidence and Its Place in the Process of Judicial Cognition (in the Aspect of Civil Procedural Law)]. *Trudy. Seriya yuridicheskaya / Irkutsk State University – Proceedings. Law Series / Irkutsk State University*. Vol. 13. Irkutsk. Pp. 37–67. (In Russian).
11. Pominov, A. V. (2018) *Dogovor zaima: pravila predostavleniya zaima i sudebnaya zashchita zaimodavtsa* [Loan Agreement: Rules for Granting a Loan and Judicial Protection of the Lender]. Moscow. (In Russian).
12. Sokolov, E. D. (2021) *Dogovor zaima: zaklyuchenie, ispolnenie, vzyiskanie dolga* [Loan Agreement: Conclusion, Performance, Debt Collection]. Moscow. (In Russian).
13. Sukhanov, E. A. (2016) *Grazhdanskoye pravo: v 4 t. T. 3: Obyazatel'svennoye pravo* [Civil Law: in 4 vols. Vol. 3: Law of Obligations]. Moscow: Statut. (In Russian).
14. Tikhomirov, M. Yu. (2012) *Pravovoye regulirovaniye: teoriya i praktika* [Legal Regulation: Theory and Practice]. Moscow: Prospekt. (In Russian).
15. Khabirov, A. I. (2020) *Istoriya i sovremennoye pravovoye regulirovaniye dogovora zaima v Rossiyskoy Federatsii: monografiya* [History and Modern Legal Regulation of the Loan Agreement in the Russian Federation: Monograph]. Moscow: Prospekt. (In Russian).

Об авторе

Рыбкина Марина Владимировна, доктор юридических наук, профессор, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0006-0566-1467, e-mail: marina-rybkina@mail.ru

About the author

Marina V. Rybkina, Dr. Sci. (Law), Full Professor, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0009-0006-0566-1467, e-mail: marina-rybkina@mail.ru

*Поступила в редакцию: 29.04.2025
Принята к публикации: 22.05.2025
Опубликована: 30.06.2025*

*Received: 29 April 2025
Accepted: 22 May 2025
Published: 30 June 2025*

Предупреждение насильственной преступности на современном этапе

М. Ю. Павлик¹, Е. М. Павлик²

¹ Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

² Санкт-Петербургский университет МВД России,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье рассматриваются криминологические особенности насильственной преступности; выявлены актуальные факторы насильственной преступности; разграничены общие и специальные меры предупреждения насильственной преступности; определены наиболее эффективные меры предупреждения рассматриваемой преступности в условиях современного российского общества. Рассмотрены факторы насильственной преступности, проанализированы свойства насильственной преступности. Определено, что на законодательном уровне вопросы предупреждения и противодействия должны обеспечиваться актуальными данными науки и практики, строиться посредством аналитики статистических данных и показателей действительности за прошедший период времени. Подчеркивается необходимость расширения спектра использования сил и средств правоохранительной направленности, с учетом уязвимости определенных категорий гражданского населения.

Ключевые слова: насильственная преступность, предупреждение, общие меры профилактики, специальные меры профилактики, детерминанты, факторы.

Для цитирования: Павлик М. Ю., Павлик Е. М. Предупреждение насильственной преступности на современном этапе // Ленинградский юридический журнал. – 2025. – № 2 (80). – С. 330–347. DOI: 10.35231/18136230_2025_2_330. EDN: AUWLDJ

Original article
UDC 343.2/7
EDN: AUWLDJ
DOI: 10.35231/18136230_2025_2_330

Prevention of Violent Crime at the Present Stage

Mikhail Yu. Pavlik,¹ Elizaveta M. Pavlik²

¹ Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

² St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Saint Petersburg, Russian Federation

The article examines the criminological features of violent crime; identifies the current factors of violent crime; distinguishes between general and special measures to prevent violent crime; determines the most effective measures to prevent the crime in question in the context of modern Russian society. Materials and methods: the research materials were: the legislative framework, in terms of qualification and prevention of violent crime, statistical indicators of registered violent crimes. The factors of violent crime were considered, the properties of violent crime were analyzed. It was determined that at the legislative level, issues of prevention and counteraction should be provided by current scientific and practical data, built through the analysis of statistical data and indicators of reality for the past period of time. Discussion and conclusion: the author points out the need to expand the range of use of law enforcement forces and means, taking into account the vulnerability of certain categories of the civilian population.

Key words: violent crime, prevention, general preventive measures, special preventive measures, determinants, factors.

For citation: Pavlik, M. Yu., Pavlik, E. M. (2025) Preduprezhdenie nasil'stvennoi prestupnosti na sovremennom etape [Prevention of Violent Crime at the Present Stage]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 2 (80). Pp. 330–347. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2025_2_330. EDN: AUWLDJ

Введение

Насильственная преступность всегда была одним из самых опасных видов преступности. Под насильственной преступностью следует понимать совокупность таких преступлений, как убийство (ст. 105 УК РФ), умышленное причинение вреда здоровью различной степени тяжести (ст. 111, 112, 115 УК РФ), преступления против половой неприкосновенности (ст. 131–133 УК РФ). Чаще всего, данные преступления совершаются на бытовой почве. Несмотря на общую тенденцию снижения количества зарегистрированных преступлений насильственной направленности (в 2024 г. число противоправных деяний против личности сократилось на 7,7 %, в том числе убийств и покушений на убийств – на 9,8 %, фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью – на 8,1 %, изнасилований и покушений на изнасилование – на 14,5 %) ¹, имеется необходимость совершенствования мер профилактики рассматриваемой преступности. Также, усугубляет ситуацию высокая латентность отдельных видов насильственных преступлений (преступления против половой неприкосновенности, причинение легкого вреда здоровью). Проблему предупреждения насильственной преступности затрагивали в своих работах такие ученые как: Ю. В. Васильева, В. М. Курочкина [2, с. 82] Ю. В. Калинин [4, с. 87], Н. С. Козюлькова [5, с. 73], С. И. Кузина, Н. С. Диденко [6, с. 86], С. Р. Фурсова, И. Д. Анненков [14, с. 143] и др. Тем самым проблема предупреждения насильственной преступности является актуальной и требует своевременного и продуктивного реагирования на современные вызовы.

¹ Состояние преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2024 г. Статистика // Официальный сайт МВД России [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328/>. (дата обращения: 20.04.2025).

Общие вопросы предупреждения насильственной преступности

Предупреждение насильственной преступности – это целый комплекс мер различного характера (экономического, социального, правового и т. д.), который направлен на нейтрализацию и ослабление причин и условий, способствующих существованию и росту насильственной преступности. Данные меры должны применяться не только на стадии выявления насильственных преступлений и преступников, также и на стадии расследования уголовного дела и в последующем – при назначении и непосредственно реализации уголовного наказания. Следовательно, перечень субъектов профилактики насильственных преступлений достаточно велик: это государственные органы власти, правоохранительные органы различных ведомств (МВД России, СК РФ, прокуратура РФ, судебные органы, ФСИН и др.), общественные организации и объединения, а также сами граждане.

В криминологической теории предупреждения преступлений можно встретить несколько подходов к классификации уровней и видов предупреждения преступлений. Это такие примеры классификаций как:

1. Общесоциальный, специально-криминологические и индивидуальный уровень предупреждения преступности.
2. Общий и индивидуальный уровни.
3. Международный, государственный, региональный, ведомственный, индивидуальный уровни.
4. Иная классификация.

В нашей статье мы будем придерживаться первой «классической» классификации уровней предупреждения преступлений. Особое внимание будет уделено общесоциальным и специально-криминологическим мерам предупреждения преступлений.

Общесоциальное (иногда именуется как общее) предупреждение преступности – это такая деятельность, чаще всего государственных органов, которая направлена на устранения существующих противоречий в обществе, способных усилить действие причин и условий преступности. Нередко, данные противоречия как раз и являются теми причинами и условиями преступности. В основном данные конфликты имеют место быть в социальной, экономической, политической сферах. Государством предпринимаются меры по повышению юридической грамотности граждан, снижению резкого социального расслоения граждан в обществе, совершенствуется законодательная база и др.

Специально-криминологическое (специальное) предупреждение преступности представляет собой деятельность, которая уже более точно направлена на снижение криминализации отдельных групп, отдельные сферы деятельности или отдельные виды преступлений. Например, к таким мерам предупреждения преступности можно отнести создание новых подразделений в силовом ведомстве по борьбе с определенным видом преступления, принятие программ как государственного так и регионального уровня по противодействию преступности несовершеннолетних и молодежи, ужесточение уголовного наказания по определенной норме уголовного законодательства (например, в сфере безопасности дорожного движения) и т. д. Ответственными за реализацию некоторых специальных мер могут быть не только государственные органы, но и общественные организации, физические лица.

Переходя к предупреждению насильственных преступлений, следует отметить, что данная категория преступности тесно связана с негативными социальными явлениями и процессами как алкоголизация, наркотиза-

ция населения, высокий уровень агрессии и милитаризации граждан.

К основным признакам насилия следует отнести:

- общественную опасность;
- противоправность;
- виновность деяния;
- наличие активного акта действия;
- принудительный характер действий;
- имеющееся принуждение психического, физического или сексуального характера [3, с. 29–33].

В рамках криминологического анализа правоприменительной практики можно выделить основные криминологические характеристики насильственных преступлений:

- стремление субъекта преступления оказать болевое воздействие на жертву, вплоть до лишения жизни;
- указание на причинение физического вреда здоровью потерпевшего;
- совершение конкретных актов насилия собственноручно;
- наличие иных корыстно-личностных умыслов, направленных на половую свободу или неприкосновенность, жизнь и здоровье гражданина.

Предупреждение насильственной преступности в большинстве своем обеспечивается социально-экономическими и политическими государственными преобразованиями, связанными с общечеловеческими и морально-нравственными ценностями, гуманизацией общественной жизни, реализацией принципов социальной справедливости, целью которых является предупреждение и профилактическое воздействие на насильственные формы поведенческого проявления [10, с. 301]. В рамках разрешения данных задач вытекает необходимость формирования теоретически обусловленных основ криминологического характера для

системного и комплексного влияния на данную категорию преступных дел.

При этом, вопросы предупреждения насильственной преступности подлежат рассмотрению относительно исторически сложившихся и развивающихся социальных условий формирования общества, связанных с объективными и субъективными предпосылками насильственных форм проявления. Таким образом, насильственная преступность, как объект предупредительной и профилактической деятельности государства, представляет собой социально-правовой процесс, обусловленный особо опасными формами поведения, связанных с посягательством на человеческое здоровье и жизнь, или половую свободу и неприкосновенность.

Эффективный уровень предупреждения насильственной преступности включает в себя несколько ключевых позиций на этот счет:

- содействие повышению уровня общего благосостояния гражданского населения, поддержка на высоком и максимально возможном уровне;
- организация мероприятий по улучшению жилищно-бытовых условий основных категорий семейно-бытового насилия;
- внедрение и активное участие государства в правовой и психологической поддержке граждан;
- систематический мониторинг и выявление наиболее уязвимых категорий граждан или наиболее распространенных преступных деяний в данной сфере.

Вопросы предупреждения насильственных форм преступности выступает в качестве основы изучения теоретических и практических основ криминологического исследования. Стоит говорить о выработке наиболее эффективной криминологической концепции предупреждения насильственной преступности, обе-

спечивающей высокий предупредительный уровень противодействия данной категории. Разработка методологических основ противодействия насильственной преступности должна строиться исходя из непосредственного практического выхода полученных данных и сведений, позволяющих успешно применять полученную информацию на практике.

Насильственные формы преступности имеют достаточно широкий спектр. Тем не менее, в рамках криминологического исследования, стоит акцентировать внимания на основной объем данной категории дел, затрагивающих непосредственно жизнь и здоровье граждан, как наиболее опасных форм преступной деятельности [13, с. 87].

Общесоциальные и специально-криминологические меры предупреждения насильственной преступности

К общесоциальным мерам предупреждения насильственной преступности следует отнести:

- воспитание детей и подростков с принципами совестливости, направленными на развитие культурных и нравственных качеств личности, уважения человеческого достоинства, недопустимости грубости, агрессии актов насильственного поведения и цинизма;
- восстановление и совершенствование, с учетом сегодняшнего дня, таких традиций, как милосердие, взаимопомощь, сострадание;
- обучение подрастающего поколения вопросам полового воспитания, с учетом их подготовленности к семейной жизни, грамотным взглядам на семейно-бытовые ценности.

Необходимо отметить, что применение общесоциальных мер является достаточно трудоемким процессом,

определяющим совокупность общественных, институциональных и личностных интересов. При этом, должно быть достигнуто социальное равновесие во всех сферах нашего общества [15, с. 134].

Как нам видится, достижение уровня таких отношений в первую очередь зависит от эффективности законотворческой и правоприменительной практики действующего законодательства. Применение же уголовно-правовых мер является только предупреждением насильственной преступности, предопределяя границы минимизации общественного вреда и недопустимости распространения в рамках процентного соотношения количеству населения. Важным правовым аспектом является детализация действующего российского законодательства, с учетом индивидуально-личностных особенностей конкретной (насильственной) категории преступников, в рамках которой действуют специально-криминологические меры предупреждения. К таковым относятся:

- постепенное и настойчивое противодействие алкогольной, наркотической и психотропной зависимости, в особенности среди лиц молодого и трудоспособного населения, наиболее склонных к пагубным привычкам, а также ведущим маргинальный образ жизни;
- обеспечение должного внимания противодействию правонарушениям и преступлениям, связанным с семейно-бытовым насилием и личностными конфликтами среди близкого круга граждан, в том числе с вовлечением несовершеннолетних, растущих в подобных условиях;
- усиление контрольно-надзорной деятельности за появлением расовых, межнациональных или иных подобных конфликтных проявлений, недопустимость разрастания дискриминации, насилия или разжигания розни;
- обеспечение высокого уровня надзорной и контрольной деятельности со стороны подразделений

по делам несовершеннолетних, в целях недопустимости вовлечения детей и подростков в противоправную деятельность (сюда же следует отнести обеспечение грамотного и комплексного подхода к общеобразовательному процессу и дополнительному внешкольному образованию, направленному на создание благоприятных условий досуга подрастающего поколения);

- усиление правоохранительных и правопредупредительных мер по контролю за незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ (своевременное пресечение, недопустимость распространения и употребления склонными к таким действиям лицами);

- выделение дополнительных сил и средств на противодействие организованным преступным группам, экстремистским формированиям, бандам, направленным на занятие преступной деятельностью;

- увеличение количества штатной численности сотрудников и работников служб и подразделений, занятых для обеспечения контрольно-надзорной деятельности среди семейно-бытовых споров, детского насилия и т. д.;

- обеспечение должного уровня внимания и контроля за ресурсами на просторах сети Интернет, с увеличением превентивных и запрещающих мер правового воздействия, направленных на ограничение свободного доступа к ресурсам, недопустимость морально-психологического влияния на граждан, а также использование сайтов в преступных целях.

В рамках специального противодействия насильственной преступности следует выделить организационные, функциональные, правовые, групповые и индивидуальные меры противодействия. Организационные меры основаны на разработке мероприятий по предупредительной деятельности. Организационные меры общего характера включают в себя:

- исследование состояния и динамики насильственной преступности на определенной территории за определенный период времени;

- анализ основных тенденций насилия с учетом латентности, криминогенности и антикриминогенности;

- прогнозирование развитие или снижение насильственной преступности с учетом статистических данных, результатов теории и практики;

- исследование результатов применения правоохранительными органами сегодня комплекса мер предупреждения.

Функциональные меры предупреждения насильственной преступности в рамках профилактического противодействия включают в себя:

- систематический контроль за вероятными местами совершения преступлений против жизни и здоровья, половой свободы и половой неприкосновенности;

- соблюдение дислокации сил общественной безопасности и общественного порядка в рамках анализа возможных для совершения подобного преступления мест;

- обеспечение необходимого объема мероприятий в рамках профилактических рейдов, проверок, сверок и т. д.;

- проведение тактико-технических мероприятий по обследованию информационных каналов связи, средств телекоммуникации и сети Интернет, использование достижений науки и техники, увеличение количества специалистов в данной области.

Переходя к правовым мерам противодействия насильственной преступности, следует отметить одну из многочисленных подгрупп насильственной преступности как семейно-бытовые насильственные преступления. Данный вид преступности обладает такими криминологическими особенностями как:

- высокая латентность;
- широкая распространенность среди различных слоев населения (не только в маргинальной среде);
- наиболее уязвимые категории лиц: женщины, несовершеннолетние и лица пожилого возраста.

На протяжении долгого времени, в нашей стране обсуждается законопроект «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации». Данный законопроект подвергся как одобрению, так и критике со стороны государственных, религиозных, общественных организаций. Имеются ряд причин, почему законопроект так и не вступил в законную силу, и одна из них процитирована Патриархом Кириллом: «что в борьбе с употреблением силы в разрешении семейных конфликтов нельзя «допускать вторжения в семейное пространство чужих людей»¹. Иными словами проблема лежит в противостоянии частной, личной жизни граждан и государственных интересов. Более того, усложняет процесс принятия закона многонациональность и многоконфессиональность нашей страны. Необходимо, чтобы законом учитывались и не ущемлялись права представителей различных национальностей и религий.

В июне 2024 г. в Казахстане вступил в силу Закон «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам обеспечения прав женщин и безопасности детей». После принятия данного закона были внесены изменения в уголовное, семейное, трудовое законодательство Республики Казахстан. Кроме того, в 2025 г. в системе МВД Республике Казахстан было образовано новое подразделение – спецподразделение полиции по борьбе с домашним насилием. В новом подразделении преи-

¹ Кто и почему выступает против закона о домашнем насилии // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20191208/1562071651.html>. (дата обращения: 20.04.2025).

мужественно работают женщины. Это объясняется тем, что жертвами домашнего насилия в основной массе становятся женщины, а женщина женщине чаще и легче будет доверять и всегда пойдет на контакт.

Представленный выше зарубежный опыт противодействия домашнему насилию, можно было бы частично применить и в нашей стране. Несмотря на то, что в 2015–2017 гг. в России был опыт криминализации домашнего насилия, путем внесения изменений в ст. 116 УК РФ, однако 7 февраля 2017 г. ст. 116 УК РФ вновь была декриминализована. Криминализация домашнего насилия не была успешной ввиду не совершенства правовой нормы. Также имелись проблемы и в правоприменительной практике, так как с юридической точки зрения сложно идентифицировать и правильно оценить такое понятие как «сожители».

На наш взгляд, на сегодняшний день, было бы целесообразным внесение изменений в уголовное законодательство о криминализации домашнего насилия с учетом российского и зарубежного опыта. Так как безнаказанность усиливает латентность рассматриваемых преступлений. Если лица, совершающие общественно-опасные деяния в данной сфере будут привлекаться к ответственности, то будет иметься возможность снизить уровень латентности семейно-бытовых преступлений, а также в целом снизить количество данных насильственных преступлений.

Заключение

В рамках противодействия насильственной преступности органам внутренних дел следует уделять большее внимание морально-психологической помощи нуждающимся или пострадавшим от любого вида насилия, с поддержкой специализированных подразделений

и специалистов в области психологической поддержки [12, с. 113]. Дополнительное внимание должно уделяться недопустимости насилия в бытовой и семейно-бытовой среде, профилактика которой может распространяться посредством привлечения работников социальной сферы, раздачи листовок или флаеров о социально-психологической помощи, а также помощи страдающим от любых видов зависимости. Использование информационных технологий так же должно стать обязательным атрибутом противодействия насильственной преступности, где будет пропагандироваться здоровый образ жизни, благополучная семейная среда, внедрение правильных привычек и уважение к обществу и миру [11, с. 116]. Дополнительное внимание должно уделяться поднятию имиджа органов внутренних дел и построению доверительных отношений с гражданами для своевременного предотвращения и оперативного реагирования на насильственные проявления и формы преступности. Необходима проработка правовых мер, направленных на противодействие семейно-бытовому насилию, так и в целом на насильственную преступность.

Таким образом, противодействие насильственной преступности – это сложный и трудоемкий процесс обеспечения безопасного уровня преступной деятельности, позволяющей сдерживать криминогенные показатели на максимально низком допустимом уровне, безопасном для ежедневного пребывания граждан в рамках их повседневной деятельности. Профилактическое воздействие в криминологическом уровне строится на совокупности детерминантных, взаимообусловленных и провоцирующих факторов, определяющих конкретное направление предупредительной деятельности в определенных сложившихся условиях. На законодательном уровне вопросы предупреждения и противодействия

должны обеспечиваться актуальными данными науки и практики, строиться посредством аналитики статистических данных и показателей действительности за прошедший период времени. Расширенный спектр использования сил и средств правоохранительной направленности должен учитывать уязвимость определенных категорий гражданского населения, маргинальности и криминогенность конкретных обслуживаемых территорий, а также допустимый уровень безопасности проживания граждан в рассматриваемый промежуток времени.

Вышеперечисленные мероприятия организационного, правового, информационного, идеологического технического характера должны быть отражены в программах по противодействию насильственной преступности в субъектах Российской Федерации. Комплексное применение указанных мер субъектами профилактики позволит, на наш взгляд, добиться снижения уровня насильственной преступности в нашей стране.

Список литературы

1. Брюхнов А. А., Напханенко И. П., Сергеев С. М. Некоторые особенности современной насильственной преступности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2023. – № 3 (106). – С. 79–89.
2. Васильева Ю. В., Курочкина В. М. Детерминанты рецидивной насильственной женской преступности // Тенденции развития науки и образования. – 2023. – № 104–8. – С. 82–84.
3. Егорова Т. И. Особенности насильственной преступности в местах лишения свободы. // Юридический вестник Самарского университета. – 2022. – Т. 8 (1). – С. 29–33.
4. Калинин Ю. В. Проблемы противодействия насильственной преступности // Национальный вестник Республики Крым. – 2022. – № 3. – С. 87–97.
5. Козюлькова Н. С. Предупреждение насильственной преступности в семейно-бытовой сфере: основные направления, актуальные проблемы и рекомендации по совершенствованию // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. – 2020. – Т. 5. – № 4. – С. 73–76.
6. Кузина С. И., Диденко Н. С. Насильственная преступность в бытовой сфере и проблемные аспекты ее предупреждения // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2022. – № 6 (145). – С. 86–90.

7. Куковский А. В., Наумова Т. Ю., Шляпникова О. В. Специфика мотивации насильственной преступности и роль конкретной жизненной ситуации в совершении насильственной преступности // Интернаука. – 2023. – № 17–4 (287). – С. 66–68.
8. Куликов Е. А., Кулаевский А. В. Аспекты криминологической характеристики насильственной преступности несовершеннолетних и некоторые проблемы её предупреждения // Society and Security Insights. – 2019. – Т. 2. – № 2. – С. 115–127.
9. Мироненко Н. С. Физическое насилие как вид уголовно наказуемого насилия // Право и образование. – 2023. – № 6. – С. 111–120.
10. Ооржак, Б. А. Насильственные преступления: понятие, признаки // Молодой ученый. – 2021. – № 50 (392). – С. 300–304.
11. Павлик Е. М., Пасынков В. В., Павлов Д. В. Профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних как одно из приоритетных направлений предупреждения преступности // Ленинградский юридический журнал. – 2022. – № 4 (70). – С. 136–147.
12. Павлик Е. М., Харламов В. С. Диагностика и профилактика криминальной виктимности детей в семье и вне семьи // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2019. – № 4 (84). – С. 113–117.
13. Уваров И. А. Преступления против личности в структуре пенитенциарного насилия (проблемы современного понимания) // Криминалист. – 2019. – № 1 (26). – С. 87–91.
14. Фурсова С. Р., Анненков И. Д. Проблема нормативно-правового регулирования бытового насилия на примере проекта Федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия» // Академия права. – 2024. – № 1 (4). – С. 143–147.
15. Якоб Е. И. Насильственная преступность в России: криминологическая характеристика, детерминанты, тенденции и предупреждение // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. – 2020. – № 3 (104). – С. 133–140.

References

1. Bryukhnov, A. A., Napkhanenko, I. P., Sergeev, S. M. (2023) Nekotorye osobennosti sovremennoi nasil'stvtynnoi prestupnosti [Some Features of Modern Violent Crime]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD – Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. No. 3 (106). Pp. 79–89. (In Russian).
2. Vasilyeva, Yu. V., Kurochkina, V. M. (2023) Determinanti residivnoi nasil'stvtynnoi zhenskoi prestupnosti [Determinants of Recidivist Violent Female Crime]. *Tendensii razvitiia nauki – Trends in the Development of Science and Education*. No. 104–8. Pp. 82–84. (In Russian).
3. Egorova, T. I. (2022) Osobennosti nasi'l'stvtynnoi prestupnosti v mestah lishenia svobody [Features of Violent Crime in Places of Deprivation of Liberty]. *Uridicheskii vestnik Samarskogo universiteta – Legal Bulletin of Samara University*. Vol. 8 (1). Pp. 29–33. (In Russian).
4. Kalinin, Yu. V. (2022) Problemi protivodeistvia nasil'stvtynnoi prestupnosti [Problems of Combating Violent Crime]. *Natsionalnii vestnik Respubliki Krim – National Bulletin of the Republic of Crimea*. No. 3. Pp. 87–97. (In Russian).
5. Kozyulkova, N. S. (2020) Preduprezhdenie nasil'stvtynnoi prestupnosti v semeino-bitovoi sfere: osnovnie napravleniia, aktualnie problemi i rekomendatsii po sovershenstvovaniu [Prevention of violent crime in the family and everyday sphere: main directions, current problems and recommendations for improvement]. *Vestnik*

Chelyabinskogo gosudarstvennogo universita – Bulletin of the Chelyabinsk State University. Series: Law. Vol. 5. No. 4. Pp. 73–76. (In Russian).

6. Kuzina, S. I., Didenko, N. S. (2022) Nasil'stvttnaya prestupnost' v bitovoi sfere I problemnie aspekti ee preduprezhdeniya [Violent crime in the everyday sphere and problematic aspects of its prevention]. *Nauka I obrazovanie: hozyaistvo I ekonomika; predprinematelstvo; pravo I upravlenie – Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management*. No. 6 (145). Pp. 86–90. (In Russian).

7. Kukovsky, A. V., Naumova, T. Yu., Shlyapnikova, O. V. (2023) Spesifika motivasii nasil'stvttnoi prestupnosti I rol' konkretnoi zhiznennoi situasii v sovershenii nasil'stvttnoi prestupnosti [Specifics of motivation for violent crime and the role of a specific life situation in the commission of violent crime]. *Internauka – Internauka*. No. 17–4 (287). Pp. 66–68. (In Russian).

8. Kulikov, E. A., Kulaevsky, A. V. (2019) Aspekti kriminologicheskoi karakteristiki nasil'stvttnoi prestupnosti nesovershennoletnih I nekotorie problemi ee preduprezhdenia [Aspects of the criminological characteristics of violent juvenile delinquency and some problems of its prevention]. *Society and Security Insights*. Vol. 2. No. 2. Pp. 115–127. (In Russian).

9. Mironenko, N. S. (2023) Fizicheskoe nasilie kak vid ugovolno-nakazuemogo nasiliya [Physical violence as a type of criminal violence]. *Pravo I obrazovanie – Law and education*. No. 6. Pp. 111–120. (In Russian).

10. Oorzhak, B. A. (2021) Nasilstvttnnie prestupleniya: ponyatie, priznaki [Violent crimes: concept, signs]. *Molodoi uchenii – Young scientist*. No. 50 (392). Pp. 300–304. (In Russian).

11. Pavlik, E. M., Pasyukov, V. V., Pavlov, D. V. (2022) Profilaktika beznadzornosti I pravonarushenii nesovershennoletnih kak odno iz prioretetnih napravlenii preduprezhdeniya prestupnosti [Prevention of Juvenile Neglect and Delinquency as One of the Priority Areas of Crime Prevention]. *Leningradskii uridicheskii zhurnal – Leningrad Law Journal*. No. 4 (70). Pp. 136–147. (In Russian).

12. Pavlik, E. M., Kharlamov, V. S. (2019) Diagnostika I profilaktika kriminal'noi viktimnosti detei v sem'e I vne sem'i [Diagnostics and Prevention of Criminal Victimization of Children in the Family and Outside the Family]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii – Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. No. 4 (84). Pp. 113–117. (In Russian).

13. Uvarov, I. A. (2019) Prestupleniya protiv lichnosti v structure penitentsiarnogo nasiliya [Crimes against the Person in the Structure of Penitentiary Violence (Problems of Modern Understanding)]. *Kriminalist – Criminalist*. No. 1 (26). Pp. 87–91. (In Russian).

14. Fursova, S. R., Annenkov, I. D. (2024) Problema normativno-pravovogo regulirovaniya butovogo nasiliya na primere Federalnogo zakona " O profilaktike semeino-butovogo nasiliya" [The problem of legal regulation of domestic violence on the example of the draft Federal Law "On the Prevention of Domestic Violence"]. *Akademiya prava – Academy of Law*. No. 1 (4). Pp. 143–147. (In Russian).

15. Yakob, E. I. (2020) Nasil'stvennaya prestupnost' v Rossii: kriminologicheskaya karakteristika, determinanti, tendencii I preduprezhdenie [Violent crime in Russia: criminological characteristics, determinants, trends and prevention]. *Vestnik Habarovskogo gosudarstvtnnogo universiteta ekonomiki I prava – Bulletin of the Khabarovsk State University of Economics and Law*. No. 3 (104). Pp. 133–140. (In Russian).

Личный вклад соавторов

Personal co-authors contribution
50/50 %

Об авторах

Павлик Михаил Юрьевич, доктор юридических наук, профессор, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-0856-2126, e-mail: pavlik-mu@mail.ru

Павлик Елизавета Михайловна, кандидат юридических наук, доцент, Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0003-2000-2380, e-mail: Lisa1990-07@mail.ru

About the authors

Mikhail Yu. Pavlik, Dr. Sci. (Law), Full Professor, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0002-0856-2126, e-mail: pavlik-mu@mail.ru

Elizaveta M. Pavlik, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0003-2000-2380, e-mail: Lisa1990-07@mail.ru

Поступила в редакцию: 30.04.2025

Принята к публикации: 15.05.2025

Опубликована: 30.06.2025

Received: 30 April 2025

Accepted: 15 May 2025

Published: 30 June 2025

Предъявление для опознания: вопросы совершенствования уголовно-процессуальной регламентации

С. А. Роганов

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье рассматриваются отдельные проблемы применения уголовно-процессуальных норм, связанных с производством предъявления для опознания. Уточняется определение и содержательная часть опознания. Предлагается дополнить ч. 2, 4 ст. 193 УПК РФ, а также изменить редакцию ч. 5 ст. 179 УПК РФ. Высказано мнение по такому дискуссионному вопросу, как отнесение всех «синтетических» следственных действий в одну главу уголовно-процессуального закона. Сформулированные в ходе исследования выводы и предложения могут иметь значение для уголовно-процессуальной теории и следственной практики.

Ключевые слова: следственные действия, предъявление для опознания, опознающий, доказательства, следователь, уголовно-процессуальное законодательство, процессуальные действия, идентификация, протокол следственного действия.

Для цитирования: Роганов С. А. Предъявление для опознания: вопросы совершенствования уголовно-процессуальной регламентации // Ленинградский юридический журнал. – 2025. – № 2 (80). – С. 348–361. DOI: 10.35231/18136230_2025_2_348. EDN: BNTYWE

Presentation for Identification: Issues of Improving Criminal Procedure Regulation

Sergey A. Roganov

Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

The article examines individual issues of application of criminal procedure rules related to identification parade. The definition and substantive part of identification are clarified. It is proposed to supplement Part 2, 4 of Article 193 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, as well as to change the wording of Part 5 of Article 179 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. An opinion is expressed on such a controversial issue as the inclusion of all "synthetic" investigative actions in one chapter of the criminal procedure law. The conclusions and proposals formulated in the course of the study may be important for criminal procedure theory and investigative practice.

Key words: investigative actions, presentation for identification, identifying person, evidence, investigator, criminal procedure legislation, procedural actions, identification, investigative action protocol.

For citation: Roganov, S. A. (2025) Pred'yavlenie dlya opoznaniya: voprosy sovershenstvovaniya ugolovno-protsessual'noy regulimentatsii [Presentation for Identification: Issues of Improving Criminal Procedure Regulation]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 2 (80). Pp. 348–361. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2025_2_348. EDN: BNTYWE

Введение

Одна из насущных проблем, которая стоит перед законодателем, это обеспечение правоприменителя доступной для реализации правовыми нормами, которые бы соответствовали не только Конституции РФ и международным актам, но и реалиям в сфере экономики, политики, этики, а также современным достижениям науки. Все сказанное имеет отношение и к правоохранительной деятельности. Особенно это касается должностных лиц органов предварительного расследования, которые ставят вопросы перед учеными о необходимости своими разработками побудить законодателя совершенствовать кодифицированный закон, способный обеспечить полноту, всесторонность, объективность и эффективность раскрытия и расследования преступлений.

Анализ ведомственной статистики, касающийся состояния преступности в Российской Федерации, позволяет гражданам и юридическим лицам быть оптимистами и доверять защиту своих прав силовым структурам государства. Например, несмотря на такую утешительную статистику МВД РФ, которая «впечатляет» своей правоохранительной деятельностью, органам внутренних дел предстоит решать задачи более сложного характера. Особенно это относится к сфере противодействия преступлениям, совершенным с использованием информационных технологий, где за январь-февраль 2025 г. зарегистрировано таких противоправных деяний на 1,3 % больше по сравнению с аналогичным периодом 2024 г..¹

Особое место в процессе доказывания по уголовным делам отводится такому способу собирания доказательств, как производство следственных действий [8, с. 360; 9, с. 18], среди которых выделяется предъявление

¹ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-февраль 2025 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://мвд.рф/reports/item/62890844/ru> (дата обращения: 06.04.2025).

для опознания. Казалось бы, все процессуальные вопросы исчерпаны в отношении этого процессуального действия, и правоприменители должны единообразно реализовывать положения ст. 193 УПК РФ. Однако такого мнения придерживается законодатель, который «оторван» от практики следственной деятельности и не всегда способен с пониманием относиться к рекомендациям исследователей в области уголовного процесса и криминалистики, представляющие свои научные разработки. В результате недостаточной регламентации уголовно-процессуальных отношений, возникающих в процессе предъявления для опознания, протокол этого следственного действия теряет такое важное свойство, как допустимость. Это приводит к признанию доказательства, собранного с нарушением закона, недопустимым, что в конечном итоге негативно влияет на выполнение задач уголовного процесса.

Проблемные вопросы предъявления для опознания

Не производя анализ учебных и некоторых научных вопросов ст. 193 УПК РФ [13, с. 30; 10, с. 101; 2, с. 175; 12, с. 139; 1, с. 561; 7, с. 149; 15, с. 169], выскажем свое мнение по некоторым дискуссионным воззрениям, касающимся предъявления для опознания, которые в определенных ситуациях, нуждаются в корректировке на законодательном уровне:

1. Понятие и цель предъявления для опознания. В законе отсутствует понятие рассматриваемого следственного действия, в результате чего мы встречаем противоречивые мнения авторов по данному вопросу. Так, С. Б. Россинский полагает, что суть следственного действия заключается в идентификации определенного объекта, который запечатлен в сознании опознающего, т. е. такое отождествление происходит по мысленному образу [11, с. 233]. С таким определением можно согласиться. Однако

сознание и память человека не являются равнозначными понятиями. Сознание опознающего всегда связано с фиксацией информации и способностью дифференцировать ее на определенные группы, и именно через эту категорию происходит запоминание сведений об объектах материального мира. Осознавать можно и не прибегая к памяти. Напротив, память ассоциируется с бункером, в котором происходит накопление информации и представляет собой сведения об объекте запоминания. Следовательно, информация об объекте находится не в сознании, а в памяти опознающего лица.

Сущность этого следственного действия мы видим в предъявлении опознающему должностным лицом органа предварительного расследования объекта «для того, чтобы установить, узнает ли он этот объект как наблюдаемый ранее в связи с расследуемым событием или нет» [11, с. 233]. Данное понимание ученого требует корректировки по двум аспектам: во-первых, термин «наблюдение» предполагает задействование только органов зрения, а мысленный образ может быть запечатлен и посредством других органов чувств, поэтому более правильно использовать понятие «восприятие»¹; во-вторых, термин «узнавание» вообще не должен быть использован, так как он имеет не процессуальный характер и может быть применен при осуществлении розыска (оперативно-розыскного мероприятия), а для предъявления для опознания, как и для любого следственного действия, характерна своя уголовно-процессуальная форма, т. е. закон предусматривает строгую технологию его проведения. А. А. Эксархопуло и И. Ю. Панькина верно отмечают факт того, что в основу опознания может быть положено только субъективное восприятие опознающего [14, с. 23]. Законодателю необходимо изменить

¹ Полагаем, что законодатель не совсем корректен, используя термин «видели» в ч. 2 ст. 193 УПК РФ.

редакцию ч. 2 ст. 193 УПК РФ, где вместо термина «видели» использовать «воспринимали».

Цель предъявления для опознания – возможность идентифицировать объект по его внешним (статическим или динамическим) признакам.

2. Протокол предъявления для опознания как вид доказательства. Рассматриваемое следственное действие сочетает в себе признаки осмотра и допроса опознающего¹, т. е. мы видим комплекс следственных действий, который заложил законодатель в основу его производства. Следовательно, в результате проведенного предъявления для опознания следователь получает на выходе не только протокол этого следственного действия, но и показания участника процесса, которые должны признаваться доказательством по делу. Причем, ч. 5 ст. 164 УПК предписывает правоприменителю предупреждать отдельных участников процесса об уголовной ответственности за отказ и дачу заведомо ложных показаний, что характерно и в рамках рассматриваемого нами следственного действия. Однако это противоречит закону (ст. 76–79 УПК РФ), который обозначает, что показания участника – это результат только допроса. Здесь мы видим коллизию процессуальных норм, так как кодифицированный закон предписывает следователю выполнять положения ч. 5 ст. 164 УПК РФ в процессе производства предъявления для опознания.

Возникает вопрос: допустимо ли понимать под показаниями информацию (сведения), которую следователь получает от опознающего (например, потерпевшего) на рабочем этапе предъявления для опознания? По закону, такие действия недопустимы². Какой выход

¹ В данном случае мы не имеем в виду ч. 2 ст. 193 УПК РФ, как обязательное условие перед производством этого следственного действия.

² Здесь мы должны ориентироваться, например, на ст. 78 УПК РФ, которая четко определяет, что показания потерпевшего является результатом только допроса.

из данной ситуации? Полагаем, что здесь необходим альтернативный вариант: а) дополнить ст. 76–79 УПК РФ нормой, которая бы предусматривала показания как результат не только допроса, но и другого невербально-го следственного действия и возможность фиксировать эти показания в протокол проводимого процессуального действия; б) дополнить Особенную часть УК РФ статьей, которая бы предусматривала уголовную ответственность за заведомо ложную информацию¹ или необоснованный отказ от участия в производстве следственного действия потерпевшего или свидетеля (принимая во внимание ст. 51 Конституции РФ). Второй вариант действий следователя осуществляется в рамках закона и применялся бы им перед фактическим предъявлением для опознания.

3. Размещение ст. 193 УПК РФ, регламентирующей порядок предъявления для опознания, в гл. 26 кодифицированного закона наряду с допросом и очной ставкой. Чем руководствовался законодатель таким «соседством» с вербальными следственными действиями? Да, бесспорно, опознание имеет признаки допроса (очной ставки), но невербальная коммуникация также присуща для опознавательных действий, и имеются все основания для размещения предъявления для опознания в другой главе, вместе с невербальными следственными действиями (осмотром и освидетельствованием). В УПК РФ мы встречаем «синтетические» следственные действия. Например, для проверки показаний на месте характерны признаки допроса, осмотра, следственного эксперимента. Такую же картину мы наблюдаем и с предъявлением для опознания, которая изобилует сочетанием расспроса и наблюдения. Видится, что всю «синтетику» следственных действий законодателю следовало бы объединить в одну главу уголовно-процессуального

¹ Сведения, полученные вне рамок допроса.

закона, что позволило бы правоприменителю вдумчиво не только реализовывать уголовно-процессуальные нормы, но и совершенствовать тактические приемы их производства, тактические операции и тактические комбинации. Такая дифференциация позволяет позитивно влиять и на юридическую технику в правотворчестве, следственную и судебную практику.

4. Требования к статистам. Закон определяет, что статисты по своим внешним признакам, по *возможности*, (выделено нами – С. Р.) должны быть схожи с лицом, которое предъявляется для этого идентификационного следственного действия. Возможность – это условие, которое позволяет реализовать что-либо¹. Выходит, что если возможности такой нет, то допускается предъявлять статистов и без признаков сходства с опознаваемым лицом (предметом), т. е. законодатель допускает отступление от предписаний правовой нормы. Полагаем, что термин «по возможности» должен быть исключен из процессуальных правил ч. 4 ст. 193 УПК РФ, так как он вводит в заблуждение правоприменителя. В итоге достоверность результата рассматриваемого следственного действия будет поставлена судом под сомнение, что в конечном итоге приведет к признанию протокола недопустимым доказательством.

6. Предварительный допрос опознающих. Допрос – это вербальное действие, которое служит одной цели – определить целесообразность опознания [4, с. 29]. К сожалению, законодатель и по этому вопросу не совсем конкретен. Термин «предварительный» не всегда однородно толкуется следователем. Возникает вопрос по этому условию опознания. За сколько часов (суток, месяцев), до предъявления для опознания, обязан допрашивать опознающего следователь? Допустим ли допрос, кото-

¹ Викисловарь [Электронный ресурс]. URL: <http://wiktionary.org/wik.ru> (дата обращения: 06.04.2025).

рый был произведен за 12 месяцев до предъявления для опознания? Можно согласиться с А. А. Думчевым, который утверждает, что человек после запоминания теряет: в первый час – 60 % информации; в течение 10 ч – 65 % данных; через 6 ч – 80 % воспринятой информации [3, с. 63].

Речь идет о процессуальных сроках, исчисляемых в уголовном процессе часами, сутками, месяцами, годами [5, с. 139]. Причем, ч. 2 ст. 193 УПК РФ определяет данный период времени путем указания на процессуальное действие – допрос, который должен быть обязательно проведен, перед тем как осуществить предъявление для опознания. Такая неопределенность срока оказывает влияние на оценку хода и результатов проведенного следственного действия. Полагаем, что по данному вопросу требуется уточнение. С целью справедливости и объективности производства предъявления для опознания возникает необходимость дополнить вышеназванную норму права положением о целесообразности предварительного допроса в срок не позднее 3 ч до начала производства этого следственного действия. Да, внесенное нами предложение увеличит и без того большой объем работы следователя, но на «выходе» мы получим беспристрастность хода и результатов деятельности должностного лица и выполнение в полном объеме задач уголовного процесса.

7. Формы предъявления для опознания. Опознание живых лиц может происходить в двух формах: «вживую» и по фотографии. Полагаем, что УПК РФ в рассматриваемой нами части был «скопирован» из ст. 165 УПК РСФСР. Однако развитие технического прогресса накладывает свой отпечаток на необходимость детальной регламентации таких форм опознания. Речь идет не только о видеозаписи, которая способна более тщательно воспроизвести статические и дина-

мические признаки элементов внешности человека, но и об электронных носителях информации, копии фотографий (ксерокопии). Мы видим, что практика идет впереди закона. Устранить такие пробелы УПК РФ применением аналогии права вполне возможно, на что обращал внимание Конституционный суд РФ. Однако данный факт показывает, что уголовно-процессуальный закон имеет пробелы в регулировании тех или иных отношений. Необходимо учитывать правоприменителю, что уголовно-процессуальное право относится к публичному праву, где действует принцип «разрешено все то, что прямо указано в законе». В результате чего мы предлагаем расширить формы предъявления для опознания живых лиц, а именно: по изображению на видеозаписи, цифровом носителе, копии фотографий, сканированной фотографии. Ю. А. Ковалева и Ю. М. Гусев предлагают проводить опознание в формате видеоконференцсвязи [6, с. 432]. Полагаем, что внедрение искусственного интеллекта в уголовный процесс позитивно повлияет на дальнейшее развитие процессуальных форм предъявления для опознания, что, в свою очередь, благоприятно отразится на оперативности и объективности производства не только рассматриваемого нами следственного действия, но и других процессуальных действий.

Заключение

Таким образом, предъявление для опознания, проведенное в рамках УПК РФ, представляет собой самостоятельное следственное действие, которое заключается в идентификации объекта опознающим по тем признакам, которые сохранились в его памяти при восприятии этого объекта и облеченное в уголовно-процессуальную форму. Уголовно-процессуальное опознание не является

узнаванием в связи со строгой процедурой, установленной уголовно-процессуальным законом и направлено на получение такого доказательства, как протокол рассматриваемого следственного действия.

Отдельные вышесказанные суждения и предложения относятся к дискуссионным вопросам, не претендуют на видение процессуальных и аспектов предъявления для опознания единственно верным. Однако полагаем, что высказанные мнения будут способствовать развитию науки и следственной (судебной) практики.

Список литературы

1. Артамонова Е. А. Предъявление для опознания и опознание: терминологическая несостыковка статей 189.1 и 193 УПК РФ // Теория и практика расследования преступлений: материалы X Международной научно-практической конференции / Э. С. Данильян, И. Г. Башинская, М. Ю. Лакомская [и др.]. – Краснодар, 2022. – С. 561–568. EDN: VNUAUL
2. Вологина Е. В. Проблема соотношения понятий «опознание» и предъявление для опознания // Форум. – 2024. – № 1 (31). – С. 175–178. EDN: PACJCZ
3. Думчев А. А. Помнить все. Практическое руководство по развитию памяти. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. – 172 с. EDN: XBEPZL
4. Иванова Л. Ф. Тактико-психологические приемы предварительного допроса опознающего // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2015. – № 1. – С. 29–32. EDN: TMKZBR
5. Калиновский К. Б. Процессуальные сроки в уголовном судопроизводстве и их регламентация по Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации // Ленинградский юридический журнал. – 2005. – № 2 (3). – С. 139–145. EDN: MTVYVW
6. Ковалева Ю. А. и Гусев Ю. М. Опознание как следственное в уголовном процессе: проблемы проведения в формате видео-конференц-связи // Наука молодых – будущее России: сб. научных статей 9-й Международной научной конференции перспективных разработок молодых ученых. В 5-ти т. – Курск, 2024. – С. 432–437. EDN: MZMYNE
7. Моляров Е. А. О соотношении оперативно-розыскного мероприятия «отождествление личности» и следственного действия «предъявление для опознания» // Актуальные проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности: материалы VII Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня образования службы уголовного розыска. – 2019. – С. 149–156. EDN: AINQKM
8. Роганов С. А., Роганова Т. Л. Уголовно-процессуальные аспекты следственного осмотра // Ленинградский юридический журнал. – 2025. – № 1 (67). – С. 360–373. EDN: VRZKRL
9. Роганов С. А., Роганова Т. Л. К вопросу о понятии места происшествия // Теория и практика современной юридической науки: материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. – 2019. – С. 18–23. EDN: GGZIRT

10. Роганова Т.Л., Роганов С. А. Исторические аспекты судебной реформы в Российской Федерации // Проблемы защиты прав: история и современность: материалы XIII международной научно-практической конференции / науч. ред. И. С. Кокорин; ответ. ред. Е. Б. Гоголевская. – 2019. – С. 101–105. EDN: GGZIRT
11. Россинский С. Б. Следственные действия: монография. – М.: Норма: ИН-ФРА-М, 2025. – 240 с. EDN: KNSWNP
12. Сасько А. А. Проблема отождествления понятий «опознание» и «предъявление для опознания» // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – № 12. – С. 139–141. EDN: GLVXWV
13. Степанов В. В., Михайлова Ю. Н. Научные и правовые основы тактики предъявления для опознания при расследовании преступлений. – Саратов, 2003. – 115 с. EDN: QWAMXL
14. Эксархопуло А. А., Панькина И. Ю. Процессуальное и криминалистическое обеспечение достоверности результатов опознания // Вестник Байкальского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2023. – № 4. – С. 22–31. EDN: YSQAMM
15. Ямбушев Д. Ф. Эволюция предъявления для опознания в отечественной теории следственных действий // Актуальные проблемы уголовного права и процесса, уголовно – исполнительного права и криминалистики: материалы II научно-практической конференции. – 2016. – С. 196–201. EDN: VWJQGF

References

1. Artamonova, E. A. (2022) *Predyavlenie dlya opoznaniya i opoznanie: terminologicheskaya nesostykovka statey 189.1 i 193 UPK RF* [Presentation for identification and identification: terminological inconsistency of Articles 189.1 and 193 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. *Teoriya i praktika rassledovaniya prestupleniy* [Theory and practice of crime investigation]. Proceedings of the X International scientific and practical conference. Eds.: E. S. Danilyan, I. G. Bashinskaya, M. Yu. Lakomskaya [et al.]. Krasnodar. Pp. 561–568. (In Russian). EDN: VNUAUL
2. Vologina, E. V. (2024) *Problema sootnosheniya ponyatiy «opoznanie» i predyavlenie dlya opoznaniya* [The problem of the relationship between the concepts of "identification" and presentation for identification]. *Forum – Forum*. No. 1 (31). Pp. 175–178. (In Russian). EDN: PAGJCZ
3. Dumchev, A. A. (2013) *Pomnit vse. Prakticheskoe rukovodstvo po razvitiyu pamyati* [Remember everything. A practical guide to developing memory]. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber. (In Russian). EDN: XBEPZL
4. Ivanova, L. F. (2015) *Taktiko-psikhologicheskie priemy predvaritelnogo doprosa opoznayushchego* [Tactical and psychological techniques of preliminary interrogation of the identifying person]. *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo – Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*. No. 1. Pp. 29–32. (In Russian). EDN: TMKZBR
5. Kalinovsky, K. B. (2005) *Protsessualnye sroki v ugolovnom sudoproizvodstve i ikh reglamentatsiya po Ugolovno-protsessualnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii* [Procedural terms in criminal proceedings and their regulation under the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal – Leningrad Law Journal*. No. 2 (3). Pp. 139–145. (In Russian). EDN: MTVYVW
6. Kovaleva, Yu. A., Gusev, Yu. M. (2024) *Opoznanie kak sledstvennoe v ugolovnom protsesse: problemy provedeniya v formate video-konferents-svyazi* [Identification as an investigative in criminal proceedings: problems of conducting in the format of videoconferencing]. *Nauka molodykh – budushchee Rossii* [Science of the young – the future of Russia]. Collection of scientific articles of the 9th International Scientific

Conference of promising developments of young scientists. In 5 volumes. Kursk. Pp. 432–437. (In Russian). EDN: MZMYNE

7. Molyarov, E. A. (2019) O sootnoshenii operativno-rozysknogo meropriyatiya «otozhdestvlenie lichnosti» i sledstvennogo deystviya «predyavlenie dlya opoznaniya» [On the relationship between the operational-search measure "identification of a person" and the investigative action "presentation for identification"]. *Aktualnye problemy teorii i praktiki operativno-rozysknoy deyatel'nosti* [Actual problems of the theory and practice of operational-search activities]. Proceedings of the VII All-Russian scientific and practical conference dedicated to the 100th anniversary of the formation of the criminal investigation service. Pp. 149–156. (In Russian). EDN: AIHQKM

8. Roganov, S. A., Roganova, T. L. (2025) Ugolovno-protsessualnye aspekty sledstvennogo osmotra [Criminal procedural aspects of investigative inspection]. *Leningradskiy yuridicheskii zhurnal – Leningrad Law Journal*. No. 1 (67). Pp. 360–373. (In Russian). EDN: VRZKRL

9. Roganov, S. A., Roganova, T. L. (2019) K voprosu o ponyatii mesta proisshestviya [On the concept of the scene of the crime]. *Teoriya i praktika sovremennoy yuridicheskoy nauki* [Theory and practice of modern legal science]. Proceedings of the VI All-Russian scientific and practical conference. Pp. 18–23. (In Russian). EDN: GGZIRT

10. Roganova, T. L., Roganov, S. A. (2019) Istoricheskie aspekty sudebnoy reformy v Rossiyskoy Federatsii [Historical aspects of judicial reform in the Russian Federation]. *Problemy zashchity prav: istoriya i sovremennost* [Problems of protection of rights: history and modernity]. Materials of the XIII international scientific and practical conference. Scientific editor I. S. Kokorin. Editor-in-chief E. B. Gogolevskaya. Pp. 101–105. (In Russian). EDN: GGZIRT

11. Rossinsky, S. B. (2025) *Sledstvennye deystviya: monografiya* [Investigative actions: monograph]. Moscow: Norma: INFRA-M. (In Russian). EDN: KNSWNP

12. Sas'ko, A. A. (2020) Problema otozhdestvleniya ponyatiy «opoznanie» i «predyavlenie dlya opoznaniya» [The problem of identifying the concepts of "identification" and "presentation for identification"]. *Gumanitarnye, sotsialno-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki – Humanities, socio-economic and social sciences*. No. 12. Pp. 139–141. (In Russian). EDN: GLVXWV

13. Stepanov, V. V., Mikhailova, Yu. N. (2003) *Nauchnye i pravovye osnovy taktiki predyavleniya dlya opoznaniya pri rassledovanii prestupleniy* [Scientific and legal foundations of the tactics of presentation for identification during the investigation of crimes]. Saratov. (In Russian). EDN: QWAMXL

14. Eksarkhopulo, A. A., Pankina, I. Yu. (2023) Protssessualnoe i kriminalisticheskoe obespechenie dostovernosti rezultatov opoznaniya [Procedural and forensic support for the reliability of identification results]. *Vestnik Baykalskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki – Bulletin of the Baikal Federal University named after I. Kant. Series: Humanities and Social Sciences*. No. 4. Pp. 22–31. (In Russian). EDN: YSQAMM

15. Yambushev, D. F. (2016) Evolyutsiya predyavleniya dlya opoznaniya v otechestvennoy teorii sledstvennykh deystviy [Evolution of presentation for identification in the domestic theory of investigative actions]. *Aktual'nye problemy ugovnogo prava i processa, ugovno–ispolnitel'nogo prava i kriminalistiki* [Actual problems of criminal law and procedure, criminal-executive law and forensics]. Materials of the II scientific and practical conference. Pp. 196–201. (In Russian). EDN: VWJQGF

Об авторе

Роганов Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0001-5507-4697, e-mail: Roganovs@mail.ru

About the author

Sergey A. Roganov, Dr. Sci. (Law), Full Professor, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0001-5507-4697, e-mail: Roganovs@mail.ru

*Поступила в редакцию: 27.04.2025
Принята к публикации: 16.05.2025
Опубликована: 30.06.2025*

*Received: 27 April 2025
Accepted: 16 May 2025
Published: 30 June 2025*

Проблемы совершенствования уголовного законодательства в сфере сильнодействующих веществ, применяемых в спорте

Г. Ю. Сокольский

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье рассмотрены вопросы совершенствования уголовного законодательства в области ответственности за незаконный оборот сильнодействующих веществ, применяемых в спорте. Проанализированы существующие проблемы предмета преступления, предусмотренного ст. 234 УК РФ. Выделены особенности квалификации других общественно опасных деяний в отношении сильнодействующих веществ, применяемых в спорте. Предложены пути совершенствования уголовного законодательства для противодействия незаконному обороту, а также других преступлений, предметом которых являются сильнодействующие вещества, применяемые в спорте. В заключение обоснована необходимость совершенствования уголовного законодательства в сфере противодействия незаконному обороту, а также других преступлений, предметом которых являются сильнодействующие вещества, применяемые в спорте.

Ключевые слова: сильнодействующие вещества, уголовная ответственность, спорт, допинг.

Для цитирования: Сокольский Г. Ю. Проблемы совершенствования уголовного законодательства в сфере сильнодействующих веществ, применяемых в спорте // Ленинградский юридический журнал. – 2025. – № 2 (80). – С. 362–376. DOI: 10.35231/18136230_2025_2_362. EDN: BPYEDS

Problems of Improving Criminal Legislation in the Field of Potent Substances Used in Sports

George Yu. Sokolsky

Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

The article discusses the issues of improving criminal legislation in the field of responsibility for the illicit trafficking of potent substances used in sports. The existing problems of the subject of the crime under Article 234 of the Criminal Code of the Russian Federation are analyzed. The peculiarities of the qualification of other socially dangerous acts in relation to potent substances used in sports are highlighted. Ways of improving criminal legislation to counteract illicit trafficking, as well as other crimes involving potent substances used in sports, are proposed. In conclusion, the need to improve criminal legislation in the field of countering illicit trafficking, as well as other crimes involving highly potent substances used in sports, is substantiated.

Key words: potent substances, criminal liability, sport, doping.

For citation: Sokolsky, G. Yu. (2025) Problemy sovershenstvovaniya ugovolnogo zakonodatel'stva v sfere sil'no deystvuyushchikh veshchestv, primenyaemykh v sporte [Problems of Improving Criminal Legislation in the Field of Potent Substances Used in Sports]. *Leningradskiy yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 2 (80). Pp. 362–376. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2025_2_362. EDN: BPYEDS

Введение

На сегодняшний день спорт играет большую роль в жизни современного общества. Однако, как и любое явление в обществе, сфера спорта имеет ряд проблем, одна из которых – это применение допинга. Допинг – это обобщенное название препаратов, используемых для улучшения спортивных результатов. Следует заметить, что в Российской Федерации антидопинговое законодательство постепенно ужесточается [3, с. 50]. Список запрещенных для использования в спорте препаратов ежегодно утверждается российским антидопинговым агентством. В этом списке содержатся препараты, оборот которых запрещен на территории Российской Федерации.

Ответственность за незаконные изготовление, переработку, приобретение, хранение, перевозку или пересылку в целях сбыта, а равно незаконный сбыт некоторых таких препаратов, оборудования для их изготовления или переработки наступает по ст. 234 УК РФ. Данная статья, в свою очередь, претерпев серьезное изменение с момента принятия УК РФ, в частности с момента введения уголовной ответственности за незаконный оборот таких препаратов в июне 2001 г. [9, с. 248], требует законодательного совершенствования из-за специфики предмета.

Так, тему совершенствования уголовного законодательства в сфере сильнодействующих веществ, применяемых в спорте, в разное время изучали Балаев И. И. [8], Байдин А. Н. [1], Брусникина О. А. [2], Ермаков М. Г. [4], Кухарук В. В. [6], Сулейманова С. Т. [11], Сомов Д. В. [11], Федоров А. В. [12; 13], Чистова Л. Е. [14], Юркина Т. П. [15] и др.

Проблемы предмета преступления, предусмотренного ст. 234 УК РФ

Если обратиться к ст. 234 УК РФ, то можно обнаружить, что предметом данной статьи будут вещества, указанные

в списке сильнодействующих и ядовитых веществ для целей ст. 234 УК РФ¹. Отмечается, что в 2025 г. из 117 сильнодействующих веществ, около 80 % применяются в спорте (в основном – анаболические андрогенные стероиды).

Безусловно, они продолжают оставаться сильнодействующими веществами, которые напрямую запрещены российским антидопинговым агентством. Однако количество и характер данных препаратов свидетельствует о наличии проблемы в области незаконного оборота сильнодействующих веществ [10, с. 139–141].

Следует отметить необходимость выделения отдельной нормы, которая бы осуществляла уголовно-правовую охрану сферы спорта от незаконного оборота сильнодействующих веществ. Между тем такой норме следует создать отдельный список сильнодействующих веществ по категориям, которые определены российским антидопинговым агентством. Однако следует заметить, что некоторые запрещенные вещества будут являться наркотическими средствами или психотропными веществами. Включение их в этот список не требуется, так как их незаконный оборот преследуется по соответствующим статьям гл. 25 УК РФ. Кроме того, их применение несет куда большую общественную опасность, чем незаконный оборот сильнодействующих веществ.

В 2016 г. были введены две новые нормы, обеспечивающие охрану сферы спорта – это ст. 230¹ и 230² УК РФ, устанавливающие уголовную ответственность за склонение спортсмена к использованию и использование в отношении него субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте. К данной норме был принят перечень субстанций и (или) методов, запрещенных для

¹ Об утверждении списков сильнодействующих и ядовитых веществ для целей статьи 234 и других статей Уголовного кодекса Российской Федерации, а также крупного размера сильнодействующих веществ для целей статьи 234 Уголовного кодекса Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2007 г. № 964 // СЗ РФ. 2008. № 2. Ст. 89.

использования в спорте, для целей ст. 230¹ и 230² УК РФ¹. Несмотря на множество внесенных изменений, данный перечень отличается от списка запрещённых препаратов, издаваемого ежегодно Российским антидопинговым агентством. Кроме того, имеются существенные отличия от списка сильнодействующих веществ.

В целом, говоря о комплексной уголовно-правовой охране спорта, следовало бы выделить единый предмет данных преступлений. Основанием такого предмета должен быть только Запрещённый список Российского антидопингового агентства (РУСАДА). Данное утверждение касается только препаратов, отнесенных к сильнодействующим веществам, если речь идет об их незаконном обороте. В случае же склонения спортсмена и использования в отношении него субстанции и (или) методов (куда включены все сильнодействующие вещества, применяемые в спорте), запрещенных для использования в спорте, должно преследоваться по отдельной норме, но с отсылкой на отдельное постановление. Такое постановление должно охватывать как предмет незаконного оборота сильнодействующих веществ, так и случаи склонения спортсмена и использования в отношении него субстанции и (или) методов, запрещенных для использования в спорте.

Проблема уголовной ответственности по ст. 230¹ и 230² УК РФ

Далее следует выделить проблему квалификации по ст. 230¹ и 230² УК РФ. Федеральный закон от 22 ноября 2016 г. № 392-ФЗ² в части усиления ответственности

¹ Об утверждении перечня субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, для целей статей 230.1 и 230.2 Уголовного кодекса Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 28 марта 2017 г. № 339 // СЗ РФ. 2017. № 14. Ст. 2074.

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части усиления ответственности за нарушение антидопинговых правил): федер. закон от 22 ноября 2016 года № 392-ФЗ // СЗ РФ. 2016. № 48. Ст. 6732.

за нарушение антидопинговых правил дополнил УК РФ двумя новыми нормами.

Первая норма устанавливает ответственность за склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте. Диспозиция данной нормы более конкретизирована: склонение спортсмена тренером, специалистом по спортивной медицине либо иным специалистом в области физической культуры и спорта к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, за исключением случаев, предусмотренных ст. 230 УК РФ.

Тем самым ст. 230 УК РФ устанавливает ответственность за склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. В данном случае потерпевший и субъект не конкретизированы в законе. В изучаемой же норме прямо усматривается наличие специального потерпевшего и специального субъекта. Объект данного преступления можно определить, как общественные отношения, обеспечивающие охрану здоровья потерпевших, которыми выступают спортсмены.

В ч. 3 рассматриваемой нормы дополнительным объектом могут выступать общественные отношения, обеспечивающие охрану жизни личности. Дополнительный объект данной нормы следовало бы определить как общественные отношения, обеспечивающие охрану права спортсменов и зрителей на честные соревнования [5, с. 82]. Это обоснованно как раз зрелищностью отдельных видов спорта, а также высокими гонорарами спортсменов и количеством зрителей. Говоря об этом, нельзя не вспомнить ст. 184 УК РФ, устанавливающую уголовную ответственность за оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования. Между тем общественные отношения, обеспечиваю-

щие охрану права спортсменов и зрителей на честные соревнования, свойственны и незаконному обороту сильнодействующих препаратов, что было указано при раскрытии проблемы предмета преступления, предусмотренного ст. 234 УК РФ.

Вопрос о предмете преступления не так однозначен, как в ст. 234 УК РФ. Определяя предмет ст. 230¹ УК РФ, следует опираться на Перечень, утвержденный постановлением Правительства РФ от 28 марта 2017 г. № 339¹, исходя из примечания 2 к ст. 230¹ УК РФ.

В ст. 234 УК РФ предметом являются препараты, находящиеся в Списке. Все они носят материальный характер в объективном мире. Такое же можно утверждать и о субстанциях из Перечня. Не так однозначен ответ, если же речь идет о запрещенных методах из Перечня. Признать их предметом преступления – значит встать на позиции теории о нематериальном предмете преступления. Исходя из этого предметом ст. 230¹ УК РФ следует признавать, помимо запрещенных субстанций, также оборудование и препараты для проведения запрещенных методов.

Такой важный признак состава преступления, как потерпевший, будет специальный. В данной уголовно-правовой норме им выступает спортсмен, которого склоняют к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте. Между тем следует отметить, что в п. «б» ч. 2 ст. 230¹ УК РФ в качестве потерпевшего выступает заведомо несовершеннолетний спортсмен либо два или более спортсменов. Состав по конструкции объективной стороны в ч. 1–2 ст. 230¹ УК РФ формальный, а в ч. 3 ст. 230¹ УК РФ материальный, так как он предполагает последствия.

¹ Об утверждении перечня субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, для целей статей 230.1 и 230.2 Уголовного кодекса Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 28 марта 2017 г. № 339 // СЗ РФ. 2017. № 14. Ст. 2074.

Примечание 1 к ст. 230¹ УК РФ толкует склонение следующим образом: «под склонением спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, в настоящей статье понимаются любые умышленные действия, способствующие использованию спортсменом запрещенной субстанции и (или) запрещенного метода, в том числе совершенные путем обмана, уговоров, советов, указаний, предложений, предоставления информации либо запрещенных субстанций, средств применения запрещенных методов, устранения препятствий к использованию запрещенных субстанций и (или) запрещенных методов»¹.

Способ совершения данного преступления будет специальный в п. «а» и «в» ч. 2 ст. 230¹ УК РФ, а именно группой лиц по предварительному сговору и с применением шантажа, насилия или с угрозой его применения. Субъект в данном преступлении будет специальный [7, с 153], а именно тренер, специалист по спортивной медицине либо иной специалист в области физической культуры и спорта.

Субъективная сторона – прямой умысел. Вторая норма устанавливает ответственность за использование в отношении спортсмена субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте.

Законодатель ввел данные нормы одновременно, и основанием криминализации послужили одни и те же причины, а именно создание уголовно-правового противодействия допингу. При этом нормы носят больше «охранительный» характер, чем «правоприменительный». В пользу этого говорит скудная судебная практика по данным двум уголовно-правовым нормам. Говоря об объекте этого преступления, следует отметить, что признак «общественные отношения» в нем полностью

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации. М.: Проспект, 2025.

совпадает с первой нормой. Предмет и потерпевший такие же, как и в ст. 230¹ УК РФ. Объективная сторона заключается в использовании в отношении спортсмена субъектом предмета независимо от его согласия. Субъект и субъективная сторона такие же, как и в ст. 230¹ УК РФ

Так, можно увидеть сходство объектов уголовно-правовой охраны этих двух уголовно-правовых норм. Обе нормы ссылаются на одно и то же постановление, что означает один и тот же предмет обоих общественно опасных деяний. Различие заключается лишь в объективной стороне изучаемых преступлений. В первом случае это склонение спортсмена субъектом к использованию предмета, а во втором – это использование спортсмена независимо от его согласия субъектом предмета.

В целом состав преступления сконструирован без замечаний, однако сложность при квалификации вызывает как раз предмет преступления. Несмотря на его обновление, невозможно угнаться за новыми, вновь появляющимися субстанциями и методами. Поэтому следует тот же вывод, как и в предыдущей проблеме: говоря о комплексной уголовно-правовой охране спорта, следует выделить единый предмет данных преступлений, основанием которого должен стать только Запрещенный список РУСАДА.

Так, изменения в Перечень с 2016 г. вносились только три раза: в 2018, 2019 и 2021 гг., тогда как запрещенный список РУСАДА обновляется ежегодно. Этим и обусловлена скудная статистика по данным преступлениям. Кроме того, особенности субъекта и потерпевшего в данных нормах напрямую влияют на раскрытие таких преступлений.

Совершенствование уголовного законодательства

Обозначенные проблемы действующего уголовного законодательства возникали постепенно, с 2001 г. Имен-

но тогда, как указывалось выше, была введена уголовная ответственность за оборот спортивной фармакологии. Однако и сама сфера физической культуры и спорта с течением времени становится все популярнее, и финансовый оборот в этой области достиг огромных масштабов. Регулировать сферу спорта только гражданским и трудовым законодательством становится недостаточно. Изучаемая нами проблема стоит особенно остро в современных условиях развития общества. К этому следует добавить огромный рывок в фармакологической отрасли за последние пятьдесят лет.

Огромный вред здоровью населению наносит неконтролируемый прием, например, анаболических стероидов, которые составляют большую часть Списка. Лицо, занимающееся спортом, пробует прибегнуть к таким субстанциям для улучшения спортивных результатов, но, как правило, не останавливается на однократном приеме. Употребление спортивной фармакологии становится систематическим, спортсмен чувствует себя хорошо, однако не видит тех пагубных процессов, к которым ведет сверхтерапевтический прием, например тех же анаболических стероидов. В этом и состоит общественная опасность для здоровья населения изучаемого состава преступления.

Нельзя не упомянуть о общественных отношениях, которые обеспечивают охрану общественной нравственности. Как известно, спорт занимает центральное место в жизни современного общества. Миллионы зрителей по всему миру, в том числе и в Российской Федерации, внимательно следят за спортивными соревнованиями. Правилами этих же соревнований четко установлен запрет на использование запрещенных веществ (однако есть и исключения по видам спорта, например бодибилдинг, силовой экстрим и т. д.). Исходя из этого, следует выделять дополнительный факультативный (так как не все

виды спорта содержат в правилах запрет) объект. Именно нарушение права спортсменов и зрителей на честные соревнования может составлять еще один вид общественной опасности таких деяний.

Нами предложено систематизировать уголовное законодательство в сфере изучаемых сильнодействующих препаратов, которые могут и применяются в спорте для улучшения результатов. Их следует расположить по степени общественной опасности под ст. 239¹–239³ УК РФ. Так, например, применение запрещенных субстанций и методов в отношении спортсмена наиболее общественно опасно. Склонение его к такому применению менее общественно опасно, равно как и незаконный оборот предмета этих статей УК РФ.

Особое внимание следует уделить расположению данных законодательных новелл в гл. 25 УК РФ. Так, применение в отношении спортсмена субстанций и методов нарушает общественные отношения, обеспечивающие охрану здоровья населения, в частности отдельной ее части – спортсменов. Следует подчеркнуть, что именно спортсменов, во множественном числе, так как речь идет о здоровье населения (спорт имеет публичный характер), а не отдельно взятого спортсмена.

Это утверждение справедливо и для второй, и третьей нормы. Равно как и дополнительный объект этих законодательных новелл, которым выступают общественные отношения, обеспечивающие охрану права спортсменов и зрителей на честный спорт. В связи с этим данные общественно опасные деяния следует расположить на границе преступлений против здоровья населения и преступлений против общественной нравственности. Именно такое расположение позволит соответствовать как основному непосредственному объекту уголовно-правовой охраны, так и дополнительному. Для данных

законодательных новелл следует принять «Перечень субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, для целей статей 239¹–239³ УК РФ». Кроме этого, данный перечень необходимо ежегодно обновлять в соответствии с запрещенным списком РУСАДА, а для предотвращения конкуренции норм исключить из Списка сильнодействующих веществ все сильнодействующие вещества, применяемые в спорте, для достижения целей ст. 234 УК РФ, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2007 г. № 964.

Заключение

Введение комплексной уголовно-правовой охраны спорта позволит бороться с таким негативным явлением, как допинг на уголовно-правовом уровне. Сложившаяся проблема в области предмета преступления, предусмотренного ст. 234 УК РФ, а также почти полное отсутствие судебной практики по введенным в 2016 г. ст. 230¹ и 230² УК РФ, наиболее выгодно решается именно путем систематизации и определения единого нормативного правового акта как для достижения целей статей, устанавливающих уголовную ответственность за незаконный оборот сильнодействующих веществ, применяемых в спорте, так и за склонение спортсмена и использование в отношении него субстанции и (или) методов), запрещенных для использования в спорте.

Кроме того, следует отметить, что общественная опасность применения в отношении спортсмена запрещенных субстанций и (или) методов более высока, чем склонение спортсмена к их использованию. Между тем по степени общественной опасности незаконный оборот таких субстанций уступает обозначенным общественно опасным деяниям, поэтому их расположение именно

в таком порядке соответствует технике уголовного законодательства и отвечает реалиям современного мира.

Список литературы

1. Байдин А. Н. История развития российского уголовного законодательства о борьбе с незаконным оборотом сильнодействующих и ядовитых веществ // Общество и право. – 2010. – № 2. – С. 125–129.
2. Брусникина О. А., Песков А. Н. Практика применения допинга в профессиональном спорте и последствия для здоровья спортсменов // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2014. – № 31. – С. 41–54.
3. Гребеньков А. А., Серенко Р. С. Проблемы уголовно-правового противодействия применению допинга в спорте // Вестник БелгИИ МВД России. – 2023. – № 2. – С. 45–51.
4. Ермаков М. Г. Свойства сильнодействующих и ядовитых веществ (ст. 234 УК РФ) // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2012. – № 3. – С. 62–66.
5. Коржанский Н. И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны: монография. – М.: Издательство Академии МВД СССР, 1980. – 248 с.
6. Кухарук В. В. Субстанции и (или) методы, запрещенные для использования в спорте, в уголовном законе // Право и политика. – 2018. – № 5. – С. 42–51.
7. Павлов В. Г. Квалификация преступлений со специальным субъектом: монография. – СПб.: Юридический центр-Пресс, 2011. – 374 с.
8. Сафин А. Х., Балаев И. И. Уголовная ответственность за склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте: проблемы и перспективы // Скиф. – 2021. – № 9 (61). – С. 162–166.
9. Сокольский Г. Ю., Сафонов В. Н. Возникновение и развитие уголовной ответственности за незаконный оборот сильнодействующих веществ, применяемых в спорте // Ленинградский юридический журнал. – 2021. – № 3 (65). – С. 247–258.
10. Сокольский Г. Ю. Современное состояние предмета преступления, предусмотренного ст. 234 УК РФ, как основание для совершенствования уголовного законодательства // Ленинградский юридический журнал. – 2021. – № 4 (66). – С. 138–151.
11. Сулейманова С. Т., Сомов Д. В. Уголовная ответственность за склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». – 2017. № 3 (19). – URL: https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/suleymanova_st_somov_dv_17_3_11.pdf (дата обращения: 05.03.2025).
12. Федоров А. В. Уголовная ответственность за незаконный оборот сильнодействующих или ядовитых веществ (ст. 234 УК РФ) // Наркоконтроль. – 2007. – № 1. – С. 11–22.
13. Федоров А. В. Сильнодействующие и ядовитые вещества как предмет преступления: история и современность (1917–2008 гг.) // Наркоконтроль. – 2008. – № 2. – С. 8–27.
14. Чистова Л. Е. Незаконный сбыт сильнодействующих и ядовитых веществ // Вестник Московского университета МВД России. – 2013. – № 4. – С. 135–140.
15. Юркина Т. П. Уголовно-правовая оценка незаконного оборота допинга // Вестник ОмГУ. Серия Право. – 2013. – № 1 (34). – С. 222–224.

References

1. Baidin, A. N. (2010) Istoriya razvitiya rossijskogo ugovalnogo zakonodatel'stva o bor'be s nezakonnyim oborotom sil'nodejstvuyushchih i yadovityh veshchestv [The history of the development of Russian criminal legislation on combating illicit trafficking in potent and poisonous substances]. *Obshchestvo i pravo – Society and Law*. No. 2. Pp. 125–129. (In Russian).
2. Brusnikina, O. A., Peskov, A. N. (2014) Praktika primeneniya dopinga v professional'nom sporte i posledstviya dlya zdorov'ya sportsmenov [The practice of doping in professional sports and the consequences for the health of athletes]. *Nacional'nye interesy: priority i bezopasnost' – National interests: priorities and security*. No. 31. Pp. 41–54. (In Russian).
3. Grebenkov, A. A., Serenko, R. S. (2023) Problemy ugovolno-pravovogo protivodejstviya primeneniyu dopinga v sporte [Problems of criminal law counteraction to the use of doping in sports]. *Vestnik BelYUI MVD Rossii – Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. No. 2. Pp. 45–51. (In Russian).
4. Ermakov, M. G. (2012) Svoystva sil'nodejstvuyushchih i yadovityh veshchestv (st. 234 UK RF) [Properties of potent and poisonous substances (art. 234 of the Criminal Code of the Russian Federation)]. *Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii – Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. No. 3. Pp. 62–66. (In Russian).
5. Korzhansky, N. I. (1980) *Ob'ekt i predmet ugovolno-pravovoj ohrany* [Object and subject of criminal law protection]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii MVD SSSR. (In Russian).
6. Kukharuk, V. V. (2018) Substancii i (ili) metody, zapreshchennye dlya ispol'zovaniya v sporte, v ugovolnom zakone [Substances and (or) methods prohibited for use in sports, in criminal law]. *Pravo i politika – Law and Politics*. No. 5. Pp. 42–51. (In Russian).
7. Pavlov, V. G. (2011) *Kvalifikaciya prestuplenij so special'nym sub'ektom* [Qualification of crimes with a special subject]. St. Petersburg: YUridicheskij centr-Press. (In Russian).
8. Safin, A. Kh., Balaev, I. I. (2021) Ugolovnaya otvetstvennost' za sklonenie sportsmena k ispol'zovaniyu substancij i (ili) metodov, zapreshchennyh dlya ispol'zovaniya v sporte: problemy i perspektivy [Criminal liability for inducing an athlete to use substances and (or) methods prohibited for use in sports: problems and prospects]. *Skif – Skiff*. No. 9 (61). Pp. 162–166. (In Russian).
9. Sokolsky, G. Yu., Safonov, V. N. (2021) Vozniknovenie i razvitie ugovolnoj otvetstvennosti za nezakonnyj oborot sil'nodejstvuyushchih veshchestv, primenyaemyh v sporte [The emergence and development of criminal liability for the illegal trafficking of potent substances used in sports]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 3 (65). Pp. 247–258. (In Russian).
10. Sokolsky, G. Y. (2021) Sovremennoe sostoyanie predmeta prestupleniya, predusmotrennogo st. 234 UK RF, kak osnovanie dlya sovershenstvovaniya ugovalnogo zakonodatel'stva [The current state of the subject of the crime under Article 234 of the Criminal Code of the Russian Federation as a basis for improving criminal legislation]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 4 (66). Pp. 138–151. (In Russian).
11. Suleymanova, S. T., Somov, D. V. (2017) Ugolovnaya otvetstvennost' za sklonenie sportsmena k ispol'zovaniyu substancij i (ili) metodov, zapreshchennyh dlya ispol'zovaniya v sporte [Criminal liability for inducing an athlete to use substances and (or) methods prohibited for use in sports]. *Elektronnyj nauchnyj zhurnal «Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo» – Electronic scientific journal "Science. Society. State"*.

No. 3 (19). Available at: https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/suleymanova_st_somov_dv_17_3_11.pdf (accessed 5 March 2025).

12. Fedorov, A. V. (2007) Ugolovnaya otvetstvennost' za nezakonnyj oborot sil'nodejstvuyushchih ili yadovityh veshchestv (st. 234 UK RF) [Criminal liability for trafficking in highly potent or poisonous substances (art. 234 of the Criminal Code of the Russian Federation)]. *Narkokontrol' – Narkokontrol*. No. 1. Pp. 11–22. (In Russian).

13. Fedorov, A. V. (2008) Sil'nodejstvuyushchie i yadovitye veshchestva kak predmet prestupleniya: istoriya i sovremennost' (1917–2008 gg.) [Potent and poisonous substances as the subject of a crime: history and modernity (1917–2008)]. *Narkokontrol' – Narkokontrol*. No. 2. Pp. 8–27. (In Russian).

14. Chistova, L. E. (2013) Nezakonnyj sbyt sil'nodejstvuyushchih i yadovityh veshchestv [Illegal sale of potent and poisonous substances]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii – Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. No. 4. Pp. 135–140. (In Russian).

15. Yurkina, T. P. (2013) Uголовно-правовая оценка незаконного оборота допинга [Criminal and legal assessment of illegal trafficking of doping]. *Vestnik OmGU. Seriya Pravo – Herald of Omsk University Series "Law"*. No. 1 (34). Pp. 222–224. (In Russian).

Об авторе

Сокольский Георгий Юрьевич, старший преподаватель, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-0109-2424, e-mail: 9964998@gmail.com

About the author

George Yu. Sokolsky, Senior Lecturer, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0002-0109-2424, e-mail: 9964998@gmail.com

Поступила в редакцию: 28.04.2025
Принята к публикации: 21.05.2025
Опубликована: 30.06.2025

Received: 28 April 2025
Accepted: 21 May 2025
Published: 30 June 2025

Роль личности виновного в ДТП при назначении наказания. Проблемы объективности и справедливости

Н. А. Шухалов

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье исследуется влияние виновной в дорожно-транспортном происшествии личности, на процесс назначения в отношении нее уголовного наказания. Анализируются факторы, относящиеся к личности правонарушителя, которые могут оказывать как благоприятное для справедливости судебного процесса воздействие, так и обладающие противоположным эффектом. Особое внимание уделяется проблемам объективности и справедливости при учете судом этих факторов. Предлагаются пути совершенствования правоприменительной практики в данной сфере.

Ключевые слова: ДТП, наказание, личность виновного, справедливость, объективность, индивидуализация, смягчающие обстоятельства,отягчающие обстоятельства, предвзятость.

Для цитирования: Шухалов Н. А. Роль личности виновного в ДТП при назначении наказания. Проблемы объективности и справедливости // Ленинградский юридический журнал. – 2025. – № 2 (80). – С. 377–393. DOI: 10.35231/18136230_2025_2_377. EDN: CHNQGH

The Significance of Offender Characteristics in Road Traffic Accident Sentencing: Exploring Objectivity and Justice Concerns

Nikita A. Shukhalov

Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

This article is devoted to the study of the influence of the person guilty of a traffic accident on the process of assigning a criminal penalty to him. The article analyzes factors related to the personality of the offender, which can have both a favorable effect on the fairness of the trial and have the opposite effect. Particular attention is paid to the problems of objectivity and fairness in taking these factors into account by the court, and ways to improve law enforcement practice in this area are proposed.

Key words: road traffic accident, sentence, offender characteristics, justice, objectivity, individualization, mitigating circumstances, aggravating circumstances, prejudice.

For citation: Shukhalov, N. A. (2025) Rol' lichnosti vinovnogo v DTP pri naznachenii nakazaniya. Problemy ob'ektivnosti i spravedlivosti [The Significance of Offender Characteristics in Road Traffic Accident Sentencing: Exploring Objectivity and Justice Concerns]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 2 (80). Pp. 377–393. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2025_2_377. EDN: CHNQGH

Введение

Назначение наказания за преступления, связанные с дорожно-транспортными происшествиями (ДТП), – крайне сложный и специфичный процесс, в котором необходимо учитывать как тяжесть самого деяния, так и саму личность виновного в происшествии. И именно последнее ставит наибольшие вопросы с точки зрения объективности и справедливости.

В большинстве случаев проблемы возникают с объективностью оценки личностных характеристик и особенностей виновного. К примеру, два разных судьи, имеющих отличный друг от друга жизненный опыт, или различное мировоззрение могут по-разному оценить положение подсудимого в обществе, или текст его характеристики. Кроме того, судьи хоть и должны профессионально подходить к своей работе, но они не лишены эмоций, которые, особенно в случаях рассмотрения уголовных дел о ДТП с тяжкими последствиями, могут проявиться и повлиять на объективность оценки [1, с. 117–125]. Информация о личности виновного, например в форме характеристики с места работы или учёбы, может быть неполной, недостоверной или вообще ложной и проверить же ее бывает довольно сложно.

Положение усугубляется тем, что законодательство в принципе не содержит чётких критериев оценки влияния личностных факторов на размер наказания, что предоставляет судьям широкую свободу для трактовки норм. Более того, из-за недостатка конкретики в законодательстве трудно определить саму значимость личностных качеств. Как определить, что более важно: явка с повинной или наличие малолетних детей? Или же каким образом сопоставить различные смягчающие и отягчающие обстоятельства?

К вышеназванным проблемам можно отнести и вмешательство средств массовой информации (СМИ), которые часто освещают дела о ДТП критично и однобоко,

формируя исключительно негативное общественное мнение о виновнике, либо напротив, рассказывают о нём как о жертве стечения обстоятельств. Подобное освещение происшествий может оказывать давление на суд и сильно влиять на его решение.

Также в подобных ситуациях виновное в ДТП лицо может подвергаться довольно жесткому общественному осуждению и порицанию как с участие СМИ, так и без него. Суд же может поддаться такому давлению и назначить более суровое наказание, когда было бы справедливо назначить меньшее. Разумеется, возможна и противоположная реакция общества, в результате которой суд может назначить лицу минимально возможное наказание, или даже освободить лицо от такого, хотя «по справедливости» оно такой исход не заслуживает [3, с. 302–304].

В настоящей статье рассматривается роль личности виновного в ДТП, при назначении ей уголовного наказания, определяются ключевые проблемы в данной сфере, и предлагаются пути совершенствования правоприменительной практики, направленной на обеспечение равного и справедливого судопроизводства.

Теоретические основы учёта личности при назначении наказания

Уголовное законодательство Российской Федерации – УК РФ предусматривает учет личности виновного как неотъемлемый элемент процесса назначения наказания. Это связано с необходимостью индивидуализировать наказание, а это возможно лишь принимая во внимание все обстоятельства дела и особенности личности преступника. К факторам, характеризующим личность, относятся:

1) смягчающие обстоятельства: совершение впервые преступления небольшой или средней тяжести вследствие случайного стечения обстоятельств, явка с повинной и т. д.;

2) отягчающие обстоятельства: рецидив преступления, наступление тяжких последствий в результате совершения преступления, особо активная роль в совершении преступления и т. д.;

3) социальный статус и характеристики личности: Семейное положение, характеристики с места работы/учёбы, наличие государственных наград;

4) состояние здоровья и психическое состояние: наличие заболеваний, расстройств личности, аффективных состояний (в момент совершения ДТП) [4, с. 34–40].

Учет данных факторов позволяет суду более точно оценить личность преступника и степень общественной опасности совершенного им преступления, вследствие чего выбрать меру наказания, способствующую исполнению целей уголовного наказания, т. е, восстановлению социальной справедливости, исправлению виновного, и предупреждению совершения новых преступлений. Рассмотрим их более подробно.

Смягчающие вину обстоятельства: в российском уголовном праве таковые играют важную роль при назначении наказания, так как при их наличии суду позволено назначить менее строгое наказание для виновного, т. е. более мягкое, чем предусмотрено санкцией статьи УК РФ.

Перечень смягчающих обстоятельств закреплён в ст. 61 УК РФ. И важно отметить, что он не является исчерпывающим, т. е., суд может признать смягчающим и другое обстоятельство, не указанное в законе, при условии, что оно будет объективно признано судом, подходящим под норму ст. 61 УК РФ. Окончательное же решение о признании конкретного обстоятельства смягчающим и его влиянии на наказание принимается судом с учетом всех других обстоятельств дела.

Кроме того, если смягчающее обстоятельство уже предусмотрено как признак преступления статьёй Особенной части УК РФ, вменённой подсудимому, то такое обстоя-

тельство само по себе не может повторно учитываться при назначении наказания [6, с. 724–734].

Наиболее сложным и противоречивым обстоятельством является деятельное раскаяние, благодаря которому лицо может быть даже освобождено от уголовной ответственности [2, с. 132–136]. Однако, чтобы рассчитывать на подобное, лицо, совершившее впервые преступление небольшой или средней тяжести, должно в соответствии с ч. 1 ст. 75 УК РФ после совершения преступления добровольно явиться с повинной, способствовать раскрытию и расследованию совершённого им преступления, а также возместить ущерб или иным образом загладить причинённый вред.

Именно в возмещении и кроется главная проблема этой статьи. Ведь если ущербом является жизнь человека, то каким образом её возможно возместить? С одной стороны, ст. 2 Конституции РФ провозглашает жизнь человека как высшую ценность, но с другой – нередки случаи, когда родственники лица, которому виновный в ДТП причинил смерть происходят их маргинальных слоёв обществ и вполне способны принять небольшую денежную сумму в качестве возмещения, что позволит виновнику в ДТП остаться на свободе как раз благодаря норме ст. 75 УК РФ. Ведь ч. 3 ст. 264 УК РФ, т. е. нарушение лицом, управляющим механическим транспортным средством повлекшее по неосторожности смерть человека, является преступлением средней тяжести и подходит под вышеозвученную норму уголовного кодекса.

Отягчающие же обстоятельства в российском уголовном праве – это факторы, которые усугубляют вину и общественную опасность преступления, позволяя суду назначить более строгое наказание. Перечень отягчающих обстоятельств содержится в ст. 63 Уголовного кодекса Российской Федерации и в отличие от перечня смягчающих обстоятельств является исчерпывающим. Иными

словами, суд не может признать отягчающим такое обстоятельство, которое не указано в ст. 63 УК РФ [15, с. 59–66].

Отягчающие обстоятельства необходимо отличать от квалифицирующих признаков преступления, которые являются элементами состава самого преступления и влияют на квалификацию содеянного (т. е. на выбор части статьи УК РФ), а отягчающие обстоятельства учитываются при назначении наказания в пределах санкции уже определённой статьи [5, с. 99–104].

Кроме того, обстоятельство, являющееся квалифицирующим признаком состава преступления, не может одновременно учитываться как отягчающее обстоятельство. Например, п. а ч. 2 ст. 264 УК РФ предусмотрена ответственность за нарушение ПДД при управлении механическим транспортным средством и повлёкшим причинение по неосторожности тяжкого вреда здоровью человека лицом, находящимся в состоянии алкогольного опьянения. В таком случае состояние опьянения не может повторно учитываться как отягчающее обстоятельство.

Социальный статус и характеристики личности – это комплекс факторов, которые характеризуют положение и роль человека в обществе, его образ жизни, а также внутренние качества и особенности поведения. Учет этих факторов важен при рассмотрении уголовных дел, поскольку они позволяют сформировать более полное представление о личности и его мотивах, что необходимо для справедливого назначения наказания.

Социальный статус – это положение индивида в социальной структуре общества, определяемое различными критериями. К основным элементам социального статуса относятся: семейное и материальное положение, социальные связи, профессия/род занятий и т. д.

Характеристики личности – это совокупность устойчивых черт, свойств и качеств человека, которые определяют

его поведение и взаимодействие с окружающим миром. К критериям, позволяющим оценить личность относятся:

1. Положительные факторы – положительные отзывы с места работы/учебы, характеристики от соседей, участие в общественной жизни, волонтерская деятельность, наличие наград, почетных званий и т. д.

2. Отрицательные факторы – наличие административных правонарушений (например, нарушение ПДД), злоупотребление алкоголем или наркотиками, асоциальное поведение, конфликты с окружающими.

3. Биографические данные – возраст, пол, национальность, перенесенные травмы, статус семьи, участие в боевых действиях, служба в армии.

4. Психологические особенности – тип темперамента, характер, эмоциональная устойчивость, наличие психических расстройств (при условии, что они не исключают вменяемость), склонность к агрессии, импульсивность.

Наглядным примером влияния социального статуса личности на квалификацию преступления, хоть и со стороны потерпевшего является ст. 319 УК РФ – Оскорбление представителя власти. Кроме того, личностные характеристики, в особенности здоровье и семейный статус, могут учитываться при избрании меры пресечения (например, при решении вопроса о заключении под стражу). Также при рассмотрении вопроса об условно-досрочном освобождении учитывается поведение осужденного в период отбывания наказания, а также его отношение к труду, наличие семьи и другие факторы [7, с. 57–64].

Наконец, *состояние здоровья и психическое состояние* лица также являются немаловажными факторами, которые учитываются в уголовном процессе, поскольку они могут существенно влиять на способность лица осознавать свои действия, руководить ими, и кроме того, на степень его вины и возможность исправления. Учет

таких факторов требует особой внимательности, а для их выявления – ещё и привлечения специалистов.

Состояние здоровья подразумевает физическое здоровье личности, т. е. наличие заболеваний, травм, физических недостатков, которые могут влиять на способность виновного совершать определенные действия. Например, состояние здоровья необходимо учитывать, если ДТП произошло из-за внезапного приступа болезни водителя). Также к физическому здоровью можно отнести хронические заболевания личности, временное ухудшение здоровья и инвалидность.

Физическое состояние здоровья может быть учтено судом как смягчающее обстоятельство (например, тяжелая болезнь), влиять на выбор меры пресечения (например, невозможность содержания под стражей) и на условия отбывания наказания (например, предоставление медицинской помощи) [9, с. 216–221].

Психическое состояние личности является ключевым фактором, определяющим его вменяемость, то есть способность осознавать свои действия и руководить ими. Оценка психического состояния проводится посредством судебно-психиатрической экспертизы.

Всего можно выделить три психических состояния личности:

- **вменяемое:** лицо, которое в момент совершения преступления осознавало фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) и руководило ими. Вменяемое лицо подлежит уголовной ответственности;

- **невменяемое:** лицо, которое во время совершения преступления не могло осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими вследствие хронического психического расстройства, временного психического расстройства, слабоумия либо иного болезненного состояния психики. Невменяемое лицо не подлежит уголовной ответственности

согласно ст. 21 УК РФ. Однако к нему будут применены принудительные меры медицинского характера [8, с. 145–149];

■ ограниченная вменяемость: лицо, которое во время совершения преступления хотя и не было лишено возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, но в силу психического расстройства не в полной мере могло осознавать указанные обстоятельства и руководить своими действиями ст. 22 УК РФ. В этом случае суд может назначить в отношении лица осуществление принудительных мер медицинского характера. Кроме того, ограниченная вменяемость может служить как смягчающее обстоятельство.

Проблемы объективности при оценке личности виновного и способы их решений

Проблемы объективности при оценке личности виновного в уголовном процессе, и особенно в делах о ДТП, являются серьезной проблемой, которая может привести к несправедливым решениям.

Объективность подразумевает беспристрастную, лишенную предубеждений оценку обстоятельств дела. Однако на практике достижение полной объективности является сложной задачей как раз по причине необходимости оценки личности, виновной в ДТП [10, с. 138–142].

Субъективное восприятие суда – личное мнение и жизненный опыт судьи могут влиять на оценку тех или иных обстоятельств, которые характеризуют личность виновного. Например, судья, негативно относящийся к лицам, управляющим автомобилем в состоянии алкогольного опьянения, может назначить более строгое наказание, чем судья, более снисходительно относящийся к данному факту.

Нечеткость формулировок законодательства – уголовное законодательство не содержит четких критериев

оценки влияния личности виновного на выбор наказания, что создает возможность для разнообразного толкования и применения норм права. Недостаточная квалификация экспертов – как отмечалось ранее, для оценки психического состояния виновного требуется проведение экспертизы. Однако недостаточная квалификация эксперта может привести к ошибочным выводам и, как следствие, к несправедливому решению суда.

Предвзятость и стереотипы – судьи могут подвергаться влиянию предвзятости или стереотипов, связанных с полом, возрастом, национальностью, социальным статусом и другими характеристиками подсудимого. Так, например, лица, относящиеся к маргинальным группам населения, могут подвергаться более строгому наказанию, чем лица, имеющие высокий социальный статус [14, с. 59–64].

Пути решения названных проблем достаточно разнообразны. Прежде всего следует уделить внимание разработке чётких критериев, основанных на научных исследованиях, учитывающих все перечисленные в нормах УК РФ характеристик личности.

Кроме того, следует повышать вовлеченность современных технологий в уголовном судопроизводстве, например, таких как автоматизированный анализ судебных решений, который мог бы помочь выявить случаи предвзятости и несправедливости.

Необходимо регулярно проводить повышение квалификаций судей и экспертов в области психологии, социологии, криминологии и других дисциплин с целью повышения их навыков. Вместе с тем важно тщательно контролировать деятельность названных лиц. Тем самым проблемы объективности при оценке личности виновного представляют постоянные вызовы для системы правосудия, для преодоления которых необходим полный комплексный подход.

Проблемы справедливости при учете личности виновного, способы их решения

Проблемы справедливости при учете личности виновного в уголовном процессе, особенно в контексте дел о ДТП, возникают из-за того, что стремление к индивидуализации наказания может вступать в противоречие с принципом равенства всех перед законом [6, с. 169–180]. Справедливость в данном контексте предполагает, что за аналогичные преступления должно назначаться относительно равное наказание. Однако учет личности виновного может привести к результату, когда одни лица получают мягкое наказание, а другие – суровое, даже если преступления были схожими, а смягчающие или отягчающие обстоятельства не столь существенны.

Первой проблемой следует выделить нарушение принципа равенства перед законом: Данная проблема может проявляться в различных формах. Например, лица с высоким социальным статусом (богатые, известные) могут получать более мягкие наказания, чем лица с низким социальным статусом (бедные, безработные). Это может быть связано с наличием связей, возможностью нанять хорошего адвоката или с предвзятым отношением судьи. Иногда бывает и обратная ситуация, когда известное лицо совершает тяжкое преступление, отягчённое, например, состоянием алкогольного опьянения, и благодаря общественному резонансу получает наиболее строгое наказание [11, с. 148–169].

Кроме того, существуют различные виды дискриминации. Например, лица, принадлежащие к определенным расовым, этническим или религиозным группам, могут подвергаться более строгому наказанию из-за предрассудков и стереотипов. Также имеют место случаи, когда женщины могут получать более мягкие наказания, чем мужчины даже если обстоятельства преступления были идентичны.

Следующей проблемой можно назвать несоответствие наказания тяжести преступления. Так, в некоторых случаях несправедливый учет положительных характеристик виновного может привести к назначению слишком мягкого наказания, которое не соответствует тяжести совершенного преступления и не отвечает требованиям справедливости. В других случаях крайне строгий учет отрицательных характеристик виновного может привести к назначению слишком сурового наказания, и вместе с тем не учитывать объективные смягчающие обстоятельства, тем самым не оставляя виновному шанса на справедливое решение суда.

Кроме того, на справедливость решения могут повлиять и непричастные к уголовному процессу представители общества и СМИ. Суд может поддаться давлению общественного мнения и назначить более суровое наказание, чем следовало бы, чтобы удовлетворить требования общественности. А СМИ могут формировать негативное общественное мнение о виновном, что также может повлиять на решение суда [2, с. 10–112].

Следует обратить внимание и на то, что нарушение справедливости также возможно и в отношении потерпевших. Они могут испытывать чувство несправедливости, если виновный вследствие учёта его личностных характеристик получает слишком мягкое наказание, особенно если они понесли серьезный ущерб или потеряли близких людей.

Решить названные проблемы можно с помощью улучшения системы компенсации, чтобы обеспечить потерпевшим в кратчайшие сроки должное возмещение ущерба, причиненного преступлением, а также развитием системы апелляции и кассации, чтобы обеспечить возможность пересмотра несправедливых судебных решений одновременно с повышением гласности судебного процесса и доступности информации о судебных решениях для общественности [12, с. 74–76].

Подводя итоги рассмотрению проблем, можно смело утверждать, что обеспечение справедливости решения суда при учете личности виновного – это сложная задача, требующая постоянного внимания и совершенствования.

Заключение

Таким образом, роль личности виновного в ДТП при назначении наказания является сложной и противоречивой проблемой. С одной стороны, учет личностных факторов позволяет индивидуализировать наказание и сделать его соразмерным содеянному, а значит и более справедливым. Но с другой стороны, возникает опасность нарушения объективности и равенства перед законом, так как решение суда может в большей части зависеть не от тяжести преступления, а от социального статуса, внешности или личного впечатления о подсудимом.

Можно сказать, что главная задача, стоящая перед судьями, заключается в том, чтобы найти разумный баланс между необходимостью индивидуализации наказания и обеспечением равного и справедливого правосудия. Для выполнения такой задачи в каждом отдельном случае необходимо разработать четкие критерии оценки личностных факторов, усилить контроль за деятельностью судов и повысить квалификацию судей.

Важно помнить, что целью наказания является не только восстановление социальной справедливости, но и исправление виновного, а также предупреждение совершения новых преступлений.

Список литературы

1. Агильдин В. В. Некоторые моменты уголовно-правовой политики борьбы с дорожно-транспортными преступлениями (на примере статьи 264.1 УК РФ) // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2016. – № 1. – С. 117–125.
2. Анощенко С. В. Основа справедливого наказания // Журнал российского права. – 2017. – № 4 (244). – С. 106–112.

3. Аюпова Г. Ш. Юридические последствия вынесения постановления о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) применительно к ст. 264.1 УК РФ // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 1 (98). – С. 132–136.
4. Бобыкин А. С. Отдельные проблемы применения статьи 264 УК РФ // Научно-образовательный журнал для студентов и преподавателей «Stud-Net». – 2020. – № 4. – С. 302–304.
5. Веселов А. В. К вопросу о квалификации преступлений, совершаемых в сфере безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2019. – № 4. – С. 34–40.
6. Воронин В. Н. Разграничение принципов справедливости и индивидуализации при назначении наказания и их влияние на качество уголовного закона // Вестник Пермского университета. – 2014. – № 3 (25). – С. 169–180.
7. Городнова О. Н. Соотношение принципов справедливости, равенства граждан перед законом и принципов дифференциации ответственности и индивидуализации наказания // Вестник ЧГУ. – 2011. – № 2. – С. 99–104.
8. Дядюн К. В. Принципы гуманизма и справедливости в свете назначения наказания за рецидив преступлений // Всероссийский криминологический журнал. – 2015. – № 4. – С. 724–734.
9. Дядюн К. В. Учет принципов справедливости и гуманизма при назначении наказания за рецидив преступлений // Журнал российского права. – 2011. – № 7 (175). – С. 57–64.
10. Жуков А. М. Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному взысканию (ст. 264.1 УК РФ) уголовно-правовой анализ и проблемы применения // Вестник Московского университета МВД России. – 2017. – № 2. – С. 145–149.
11. Жуков А. М. Проблемные вопросы назначения наказания при рассмотрении уголовных дел о преступлениях, предусмотренных статьёй 264.1 УК РФ // Вестник экономической безопасности. – 2017. – № 2. – С. 216–221.
12. Ильин И. В., Шевченко О. А. Проблемы квалификации и расследования преступлений, ответственность за которые предусмотрена ст. 264.1 УК РФ «Нарушений правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию» (административно-правовые и уголовно-правовые аспекты) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2016. – № 3. – С. 138–142.
13. Мамедова Ф. Ф. Справедливость в уголовном праве: современное состояние вопроса // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – № 1. – С. 148–169.
14. Рябко Н. В. К вопросу о понятии, целях и принципах назначения наказания // Юристъ-Правоведъ. – 2017. – № 2 (81). – С. 59–64.
15. Сабитов Т. Р. Принципы назначения уголовного наказания // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2017. – № 2 (40). – С. 59–66.
16. Семенов Е. Ю., Кобзина П. В. Предотвращение уклонения от уголовной ответственности за повторное управление транспортным средством в состоянии опьянения лицом, скрывшимся с места ДТП. По статье 264.1 УК РФ // Закон и права. – 2019. – № 10. – С. 74–76.

References

1. Agildin, V. V. (2016) Nekotoryye momenty ugolovno-pravovoy politiki bor'by s dorozhno-transportnymi prestupleniyami (na primere stat'i 264.1 UK RF) [Some aspects of criminal-legal policy of combating road traffic crimes (on the example of Article 264.1 of the Criminal Code of the Russian Federation)]. *Kriminologicheskij*

zhurnal Baykal'skogo gosudarsvennogo universiteta ekonomiki i prava – Criminological journal of the Baikal State University of Economics and Law. No. 1 Pp. 117–125. (In Russian).

2. Anoshchenkova, S. V. (2017) Osnova spravedlivogo nakazaniya [The basis of fair punishment]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law.* No. 4 (244). Pp. 106–112. (In Russian).

3. Ayupova, G. S. (2019) Yuridicheskiye posledstviya vyneseniya postanovleniya o prekrashchenii ugovnogo dela (ugolovnoye presledovaniye) primeritel'no k st. 264.1 UK RF [Legal consequences of the decision to terminate a criminal case (criminal prosecution) in relation to Article 264.1 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava – Actual problems of Russian law.* No. 1. Pp. 132–136 (In Russian).

4. Bobykin, A. S. (2020) Otdel'nyye problemy primeneniya stat'i 264 UK RF [Certain problems of application of Article 264 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal dlya studentov i prepodavateley «StudNet» – Scientific and educational journal for students and teachers "StudNet".* No. 4. Pp. 302–304. (In Russian).

5. Veselov, A. V. (2019) K voprosu o kvalifikatsii prestupleniy, sovershayemykh v sfere bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya i ekspluatatsii transportnykh sredstv [On the issue of qualification of crimes committed in the field of road safety and operation of vehicles]. *Problemy pravookhranitel'noy deyatel'nosti – Problems of law enforcement activities.* No. 4. Pp. 34–40. (In Russian).

6. Voronin, V. N. (2014) Razgranicheniye printsipov spravedlivosti i individualizatsii pri naznachenii nakazaniya i ikh vliyaniye na kachestvo ugovnogo zakona [Distinction between the principles of justice and individualization in sentencing and their impact on the quality of criminal law]. *Vestnik Permskogo universiteta – Bulletin of Perm University.* No. 3 (25). Pp. 169–180. (In Russian).

7. Gorodnova, O. N. (2011) Sootnosheniye printsipov spravedlivosti, ravenstva grazhdan pered zakonom i printsipov differentsiatsii otvetstvennosti i individualizatsii nakazaniya [The Correlation of the Principles of Justice, Equality of Citizens before the Law and the Principles of Differentiation of Responsibility and Individualization of Punishment]. *Vestnik CHGU – Bulletin of ChSU.* No. 2. Pp. 99–104. (In Russian).

8. Dyadyun, K. V. (2015) Printsipy gumanizma i spravedlivosti v svete naznacheniya nakazaniya za retsidiv prestupleniy [Principles of Humanism and Justice in Light of Punishment for Recidivism]. *Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal – All-Russian Criminological Journal.* No. 4. Pp. 724–734. (In Russian).

9. Dyadyun, K. V. (2011) Uchet printsipov spravedlivosti i gumanizma pri naznachenii nakazaniya za retsidiv prestupleniy [Taking into account the principles of justice and humanism when sentencing for recidivism]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law.* No. 7 (175). Pp. 57–64. (In Russian).

10. Zhukov, A. M. (2017) Narusheniye pravil dorozhnogo dvizheniya litsom, podvergnutym administrativnomu vzyskaniyu (st. 264.1 UK RF) ugovno-pravovoy analiz i problemy primeneniya [Violation of traffic rules by a person subject to administrative punishment (Article 264.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) criminal-legal analysis and problems of application]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii – Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.* No. 2. Pp. 145–149. (In Russian).

11. Zhukov, A. M. (2017) Problemnyye voprosy naznacheniya nakazaniya pri rassmotrenii ugovnykh del o prestupleniyakh, predusmotrennykh stat'ey 264.1 UK RF [Problematic issues of sentencing when considering criminal cases on crimes under Article 264.1 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti – Bulletin of Economic Security.* No. 2. Pp. 216–221. (In Russian).

12. Ilyin, I. V., Shevchenko, O. A. (2016) Problemy kvalifikatsii i rassledovaniya prestupleniy, otvetstvennost' za kotoryye predusmotrena st. 264.1 UK RF «Narusheniy pravil dorozhnogo dvizheniya litsom, podvergnutym administrativnomu nakazaniyu» (administrativno-pravovyye i ugovolno-pravovyye aspekty) [Problems of qualification and investigation of crimes, liability for which is provided for by Article 264.1 of the Criminal Code of the Russian Federation "Violations of traffic rules by a person subject to administrative punishment" (administrative-legal and criminal-legal aspects)]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo – Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky*. No. 3. Pp. 138–142. (In Russian).

13. Mamedova, F. F. (2020) Spravedlivost' v ugovolnom prave: sovremennoye sostoyaniye voprosa [Justice in criminal law: the current state of the issue]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki – Law. Journal of the Higher School of Economics*. No. 1. Pp. 148–169. (In Russian).

14. Ryabko, N. V. (2017) K voprosu o ponyatii, tselyakh i printsipakh naznacheniya nakazaniya [On the issue of the concept, goals and principles of sentencing]. *Yurist"-Pravoved" – Jurist-Pravoved*. No. 2 (81). Pp. 59–64. (In Russian).

15. Sabitov, T. R. (2017) Printsipy naznacheniya ugovolnogo nakazaniya [Principles of assigning criminal punishment]. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika – Legal science and law enforcement practice*. No. 2 (40). Pp. 59–66. (In Russian).

16. Semenov, E. Y. Kobzina, P. V. (2019) Predotvrashcheniye ukloneniya ot ugovolnoy otvetstvennosti za povtornoye upravleniye transportnym sredstvom v sostoyanii op'yaneniya litsom, skryvshimsya s mesta DTP. Po stat'ye 264.1 UK RF [Prevention of evasion of criminal liability for repeated driving of a vehicle while intoxicated by a person who fled the scene of an accident. Under Article 264.1 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Zakon i prava – Law and Rights*. No. 10. Pp. 74–76. (In Russian).

Об авторе

Шухалов Никита Андреевич, аспирант, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0003-1487-7217, e-mail: shuhalov.miki@gmail.com

About the author

Nikita A. Shukhalov, Postgraduate student, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0009-0003-1487-7217, e-mail: shuhalov.miki@gmail.com

Поступила в редакцию: 15.04.2025
Принята к публикации: 17.05.2025
Опубликована: 30.06.2025

Received: 15 April 2025
Accepted: 17 May 2025
Published: 30 June 2025

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Все аббревиатуры и сокращения, за исключением заведомо общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.

В журнале приняты следующие сокращения:

ГК РФ – Гражданский кодекс Российской Федерации.

АПК РФ – Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации.

БК РФ – Бюджетный кодекс Российской Федерации.

ГПК РФ – Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации.

ГрК РФ – Градостроительный кодекс Российской Федерации.

ЖК РФ – Жилищный кодекс Российской Федерации.

ЗК РФ – Земельный кодекс Российской Федерации.

КАС РФ – Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации.

КоАП РФ – Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях.

НК РФ – Налоговый кодекс Российской Федерации.

СК РФ – Семейный кодекс Российской Федерации.

ТК РФ – Трудовой кодекс Российской Федерации.

УИК РФ – Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации.

УК РФ – Уголовный кодекс Российской Федерации.

УПК РФ – Уголовный процессуальный кодекс Российской Федерации.

СЗ РФ – Собрание законодательства Российской Федерации.

Государственные органы

ВС РФ – Верховный Суд Российской Федерации

КС РФ – Конституционный Суд Российской Федерации

МВД России – Министерство внутренних дел Российской Федерации

ФНС России – Федеральная налоговая служба

ДЛЯ ЗАМЕТОК

научный журнал

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 2 (80)
2025

Редактор **Т. Г. Захарова**
Технический редактор **Е. И. Ягин**
Оригинал-макет и обложка **Е. И. Ягин**

Подписано в печать 30.06.2025. Формат 60х84 1/16.
Гарнитуры Oswald, Montserrat. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 24,75. Тираж 500 экз (первый завод 50 экз.).
Заказ № 2042

Адрес редакции

196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 470-56-74 <http://lengu.ru/>
e-mail: lenjurmag@lengu.ru

Адрес учредителя, издателя

196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 466-65-58 <http://lengu.ru/>
e-mail: pushkin@lengu.ru